ВОЙНА И МЫ

Александр Дюков

За что сражались советские люди

ВОЙНА и МЫ
ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Александр Дюков

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2007

ББК63.3(0)62
Д95

Оформление художника *П. Волкова*

Дюков А.Р.
Д95 За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». - М.: Яуза, Эксмо, 2007. - 576 с. - (Война и мы).

ISBN 978-5-699-22722-8

«Русский должен умереть!» - пол этим лозунгом фотографировались вторгнувшиеся на советскую землю нацисты...

Они не собирались разбираться в подвидах населявших Советский Союз «недочеловеков»: русский и еврей, белорус и украинец равно были обречены на смерть.

Они пришли убить десятки миллионов, а немногих оставшихся превратить в рабов.

Они не щадили ни грудных детей, ни женщин, ни стариков и добились больших успехов. Освобождаемые Красной Армией города и села оказывались обезлюдевшими: дома сожжены вместе с жителями, колодцы набиты трупами, и повсюду - бесконечные рвы с телами убитых.

Перед вами книга-напоминание, основанная на документах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, материалах Нюрнбергского процесса, многочисленных свидетельствах очевидцев с обеих сторон.

Первая за долгие десятилетия!
Книга, которую должен прочитать каждый!

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-22722-8

И Эрнст рассказал мне. Он рассказал мне все, что узнал от Плоха. Я неподвижно сидела в кресле, а Эрнст тихим ровным голосом рассказывал об ужасах, недоступных человеческому пониманию. О людях, которых убивают как скот - систематически и хладнокровно - только потому, что они не той национальности. Об оврагах, которые используют в качестве могил; о целых местностях, превратившихся в огромные кладбища; о массовых убийствах, когда смерть отдельного человека теряет значение. О бульдозерах, которые снова и снова разравнивают землю, уминая груды разлагающихся тел. Он сказал, что эту работу выполняют не только люди Гиммлера, но также военнослужащие строевых частей. Плох ясно дал понять, сказал он, что это не какое-то чудовищное отклонение от плана. Это и есть план.

Анита Мейсон. Ангел Рейха

ВВЕДЕНИЕ

> Все, что писали о немцах Алексей Толстой, Шолохов и Эренбург, звучало мягко по сравнению с тем, что советский боец услышал собственными ушами, увидел собственными глазами, обонял собственным носом. Ибо где бы ни проходили немцы, они везде оставляли после себя зловоние разлагающихся трупов.
>
> *Александр Верт. Россия в войне*

...Мы забыли о чем-то очень важном.

Разбираясь в справедливости оперативных и тактических решений командования вермахта и РККА, подсчитывая соотношение сил, выстраивая схемы управленческих структур, восхищаясь изысканностью многоходовых разведывательных операций - увлекшись всем этим, мы забыли о том, ***что*** это была за война, стали относиться к ней как к обычной, одной из многих в истории нашей Родины.

Эта потеря - самая важная, самая катастрофическая, сравнимая с ужасом поражений лета и осени сорок первого.

Самая опасная для нас.

Потому что Великая война, завершившаяся шестьдесят лет назад, не была обычной войной.

Это была война на уничтожение нашего народа.

Германское руководство рассчитывало к осени сорок первого оккупировать европейскую часть Советского Союза и приступить к ее освоению; методы этого освоения с истинно немецкой педантичностью планировались столь же детально, как и военные операции.

И хотя фашистам не удалось выполнить план «блицкрига», они сумели, хоть и частично, претворить в жизнь заблаговременно спланированные мероприятия по *очистке* оккупированной территории. Жестокость оккупационного режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся под оккупацией семидесяти миллионов советских граждан не дожил до Победы[1].

Страшные вещи творились на оккупированной территории.

Смерть для коммунистов, евреев и партизан; систематическое насилие, непосильный труд, хронический голод и отсутствие элементарной медицинской помощи для «лояльных», сотни тысяч умерших в лагерях военнопленных, тысячи деревень, сожженных вместе с жителями. Практически вся оккупированная территория была превращена в гигантский лагерь смерти; когда Красная Армия освобождала оккупированные области, они оказывались буквально обезлюдевшими.

Об этом трудно говорить; трудно найти подходящие слова воплощенному на нашей земле кошмару. Слово помощнику Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Льву Николаевичу Смирнову.

«На всем протяжении громадного фронта, от Баренцева до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого

---

1 Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под. общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. - М.: Олма-пресс, 2001. - С. 230-235. См. также: Великая Отечественная война, 1941-1945. - М.: Наука, 1999. - Т. 4. - С. 268.

солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики...

Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов превращенными гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни».

У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний...»[1]

Но может, советский обвинитель преувеличивает масштаб постигшей его народ трагедии? Послушаем американского представителя обвинения Тэйлора:

«Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями Третьего Рейха на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, анализ покажет, что это были не просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему»[2].

Есть вещи, о которых нельзя забывать; сегодня, к сожалению, слишком часто находятся люди, умалчивающие о преступлениях фашистов, о том, что ждало нашу страну и всех нас в случае, если бы враг победил.

Книги и статьи, оправдывающие оккупантов и очерняющие сопротивлявшихся им людей, появляются все чаще и чаще. В 2002 году вышла книга Бориса Соколова «Оккупация: Правда и мифы», в которой он делает упор на мифических «советских преступлениях» и, тем самым, косвенно оправдывает нацистских преступников. В 2004-м журнал «Посев» - печатный орган сотрудничавшего с гитлеровскими спецслужбами и Власовым НТС - опубликовал целый сборник статей «Под оккупацией», где нет почти ничего о преступлениях нацистов, но зато многословно оправдываются пошедшие на службу к врагу коллаборационисты и возводится неприкрытая клевета на советских партизан.

Общеупотребительными стали рассказы о том, что оккупационный фашистский режим был с радостью встречен населением, что при оккупации жилось лучше, чем при советской власти, что сотрудничество с нацистами было предпочтительнее поддержки Сталина.

Более того - сам факт проведения нацистами истребительной политики против народов СССР уже ставится под сомнение![3].

Такие измышления по-настоящему оскорбительны для всех, кто пережил ту войну; кроме того, они не соответствуют действительности.

Это явная и злонамеренная ложь, с которой следует разобраться.

---

1 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов (далее - МНП. Вар. 1). - М.: Юридическая литература, 1991. - Т. 5. - С. 80-81; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов (далее - МНП. Вар. 2). - М.: Госюрлитиздат, 1958. - Т. 3. - С. 200-201; Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса / Предисл. Л.Н. Смирнова; послесл. М.Ю. Рагинского. - М.: Юридическая литература, 1983. - С. 8, 333.

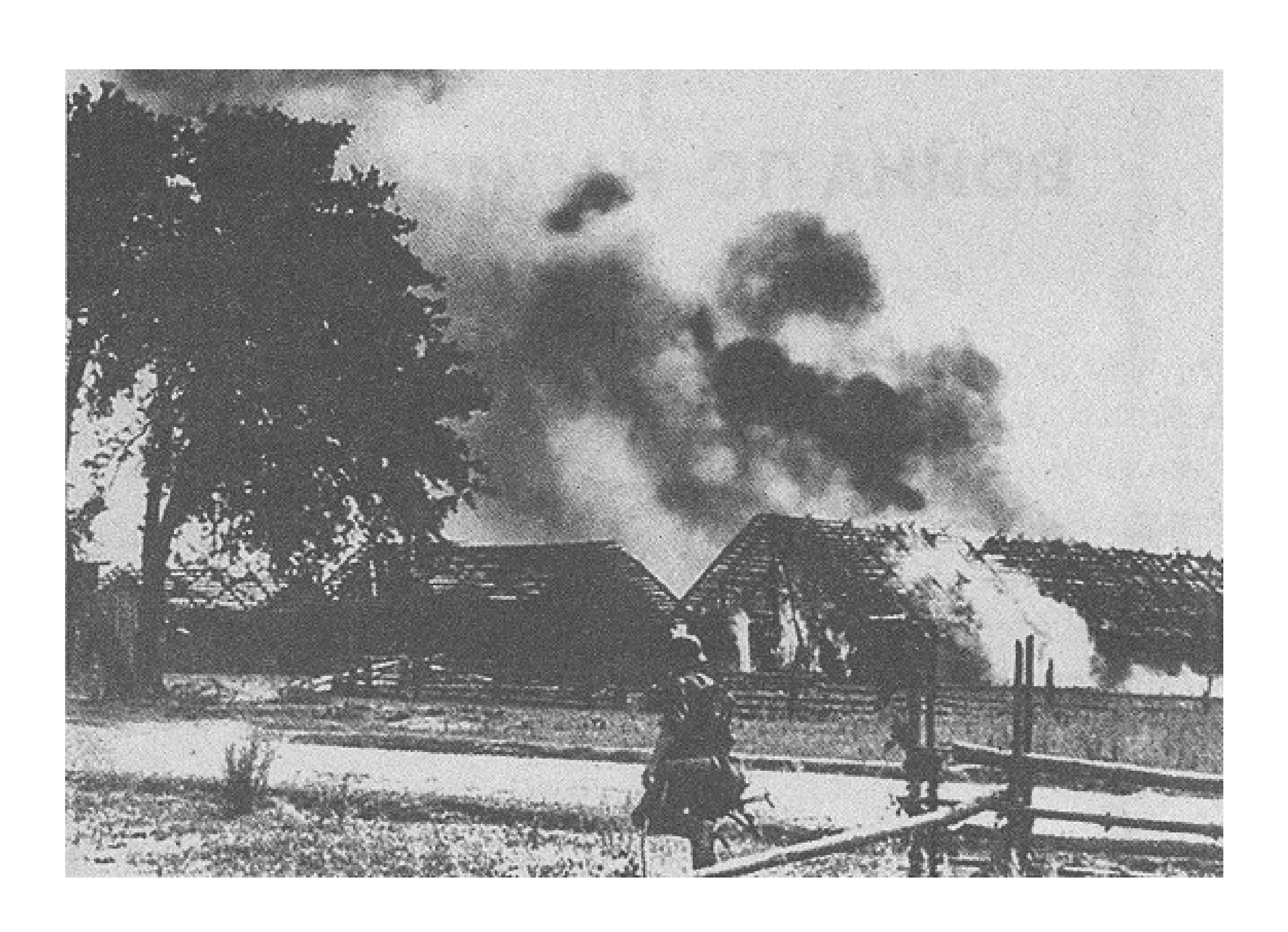
2 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 662.

3 Например, известный социолог Лев Гудков пишет, что Третий Рейх, «как считалось и официально утверждалось, вел войну на национальное и этническое уничтожение народов СССР». *Как официально утверждалось! Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. - №2-3. - С. 54.

Как горькое, но целительное лекарство, нам сегодняшним необходима правда о нацистском геноциде советского народа.

Нам - тем, кто не видел ту войну, не помнит ее, но хочет и будет жить на родной земле, как жили, работали и умирали на ней бесчисленные поколения наших предков.

I
ВОЙНА ПО-НАЦИСТСКИ

В своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей.

И. Сталин, 6 ноября 1941 г.

В ночь на 22 июня 1941 года на западных границах Советского Союза замерли подготовившиеся к вторжению германские войска. Офицеры и генералы вермахта на наблюдательных пунктах смотрели на восток, угадывая в ночной тьме рощицы, поля, далекие города и села - все дальше, дальше и дальше... «Пространства казались бесконечными, и линия горизонта вырисовывалась неясно, - вспоминал один из немецких генералов. - Нас угнетала монотонность ландшафта, бесконечность пространств, занятых лесами, болотами, равнинами»[1].

До вторжения оставались считанные часы; вскоре ночную тишину должны были разорвать гул бомбардировщиков и артиллерийская канонада. Вскоре пехота и танки, форсировав приграничные реки, устремятся вглубь советской территории, опрокидывая заслоны войск прикрытия, разрывая линии обороны русских танковыми клиньями, окружая и захватывая в плен сотни тысяч вражеских солдат.

22 июня - удачный для империи день; ровно год назад был смыт позор поражения в Великой войне. Тогда в Компьене французы подписали капитуляцию; не избежать поражения и русским. Сомнений быть не могло: вермахт в короткие сроки справился с польскими и французскими войсками, оккупировал Данию и Норвегию, поверг Грецию и Югославию. Советский Союз должен дополнить этот список германских побед; конечно, размеры раскинувшейся к востоку страны впечатляют, но и только. «Фюрер считает, что акция продлится примерно четыре месяца, я считаю, что меньше. Большевизм рухнет как карточный домик. Мы стоим перед беспримерным победоносным походом. Нам надо действовать», - записал в дневнике министр пропаганды Рейха Йозеф Геббельс[2].

56-й танковый корпус 4-й танковой группы замер в лесах под Мемелем. В ночь перед наступлением командующий корпусом генерал Эрих фон Манштейн думал не о предстоящей победе. За спиной генерала расстилались просторы Восточной Пруссии; там, в нескольких десятках километров от советско-германской границы, в славившемся по всей стране своим конным заводом поместье Ленкен, фон Манштейн прожил несколько последних предвоенных дней.

«Когда мы туда прибыли, то увидели выгон, на котором паслись чистокровные лошади, - записывал он в дневнике. - Это был уголок, полный красоты и гармонии. Его вид показался нам хорошим предзнаменованием. Как прекрасен был этот далекий уголок нашей родины, наше последнее пристанище на немецкой земле! Когда мы проезжали мимо типичного для Восточной Пруссии низкого простого господского дома, то увидели прелестную молодую девушку, которая усердно убирала веранду. Пестрый платок обрамлял красивое, свежее лицо. «О!.. - воскликнул один из моих спутников, - все здесь так мило!» Он спросил молодую

---

1 *Лиддел-Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. В. Борисова, П. Видуэцкого, Е. Цылева; сопр. ст., коммент. С. Переслегина, Р. Исмаилова, В. Гончарова, А. Силантьева. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. - С. 183.

2 Война Германии против Советского Союза, 1941-1945: Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа; пер. с нем. Т. Переверзевой. Берлин: Blank & Reschke, 1994. - С. 48; Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем., предисл., коммент. Г.Я. Рудого. - Смоленск: Русич, 2000. - С. 307.

девушку о хозяйке дома. На лице его появилось недоумение, когда ему с улыбкой приветливо ответили: «Я. Добро пожаловать!» Общий веселый смех. Молодая хозяйка имения недавно родила сына, и я стал его крестным отцом»[1].

Вспоминая о Ленкене, Эрих фон Манштейн думал обо всей прекрасной германской земле; от нежности у него перехватывало горло. Долг перед родиной требовал покинуть ее; генералу и его солдатам предстояло уйти воевать в дикие восточные земли, населенные многочисленными ордами недочеловеков. Только так можно было защитить германскую нацию и весь фатерланд.

Генерал фон Манштейн вспоминал о своей прекрасной родине. В это время в дивизиях его 56-го танкового корпуса офицерам зачитывался приказ командования об обязательном истреблении всех политработников, евреев и советской интеллигенции.

Несколькими сотнями километров к югу рядовой саперного полка Отто Тышлер всматривался в берега Буга. В нужный час притаившиеся в прибрежных рощицах пехотинцы быстрым рывком форсируют реку и захватят плацдарм на том берегу. После этого в дело вступят саперы; они наведут понтонные мосты, по которым вперед пройдут машины второй танковой группы генерала Гудериана. Военное искусство первого танкиста Германии уже вошло в легенды; русские не смогут оказать сопротивления несокрушимым танковым войскам Рейха. Тем более - Отто Тышлер знал это точно - никто с этими большевиками церемониться не будет.

Об этом солдатам рассказали несколько часов назад. Перед построенной поротно шеренгой саперного полка командиры зачитали приказ фюрера и верховного командования вермахта. В быстро сгущавшихся сумерках читать было сложно, и гауптман посвечивал на бумагу фонариком; неровный свет придавал его лицу смутно-зловещее выражение.

«Военное судопроизводство вермахта служит в первую очередь сохранению дисциплины.

Широкая протяженность зоны боевых операций на Востоке, форма ведения боевых действий и особенности противника ставят перед военными судами задачи, которые во время военных действий вплоть до закрепления на оккупированных областях могут быть решены при их малочисленном личном составе только в том случае, если судопроизводство ограничится главной задачей.

Это, однако, будет возможно только в том случае, если войска сами беспощадно будут себя ограждать от всякого рода угроз со стороны гражданского населения.

Соответственно этому для района «Барбаросса» (район военных действий, тыл армий и район политического управления) устанавливаются следующие правила...»

Солдаты знали: в это же самое время эти же слова произносятся на всем протяжении Восточного фронта. Приказ фюрера читают в соседних пехотных дивизиях, в изготовившихся к удару танковых частях генералов Гёппнера, Гота, Гудериана, Клейста, в воздушных армиях, развернутых на временных аэродромах у границ Рейха.

«Первое. За действия против вражеских гражданских лиц, совершенных военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком.

Второе. При рассмотрении таких действий следует принять во внимание, что поражение 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализма с бесчисленными кровавыми жертвами движения в значительной степени объясняются большевистским влиянием, и ни один немец не забыл этого.

Третье. Судья решает, следует ли в таких случаях наложить дисциплинарное взыскание или необходимо судебное разбирательство. Судья предписывает преследование деяний против местных

1 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы / Пер. с нем.; коммент. Б. Переслегина; сопр. ст. В. Гончарова, Р. Исмаилова, С. Переслегина, С. Платова. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. - С. 188.

жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск. Это относится, например, к тяжким проступкам на почве сексуальной распущенности, предрасположенности к преступлению или к признакам, свидетельствующим об одичании войск. Строгому осуждению подлежат уголовные действия, в результате которых были бессмысленно уничтожены места расположения, а также запасы или другие военные трофеи в ущерб своим войскам...»[1]

Гауптман аккуратно свернул листок бумаги.

Посмотрев на смутно различимый в сумерках строй, он продолжил:

- Этот приказ означает следующее. Если вы, парни, пристрелите какого-нибудь большевика, то не попадете в руки военного трибунала. Слишком много чести - судить немецкого солдата за убийство какой-то свиньи. Чем их меньше останется, тем лучше для нас. Наш командующий генерал Гудериан это понимает. Поэтому он издал приказ: «Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать». С ранеными русскими нечего возиться - их надо просто приканчивать на месте.

Рядовой Отто Тышлер вспоминал эти слова, вглядываясь в восточный берег Буга. На всем огромном фронте от Балтийского до Черного моря миллионы таких же немецких солдат смотрели на восток.

Там, за пограничными столбами расстилалась богатая, щедрая, плодородная земля. По прихоти истории эту прекрасную землю населяли тупые и грязные русские, перемешавшиеся с бесчисленными азиатскими дикарями, утратившие чувство крови и чести. Этими выродками-славянами командовала засевшая в их далекой и дикой Москве жидобольшевистская нелюдь: крючковатые носы, гнилые желтые зубы, алчность и жестокость, жажда крови и грабежа.

Каждый из замерших в ожидании солдат вермахта знал: германской нации нужна эта земля - но не населяющие ее недочеловеки.

Славянско-азиатские орды должны исчезнуть, уступить место германской расе, германской культуре, германской чести.

Разве это будет не справедливо?

* * *

Барановичи горели. Танкисты Гудериана вошли в город уже на четвертый день войны; улицы заполнились солдатами в чужеземной форме, лязгом танков с кургузыми крестами на башнях и отрывистой непонятной речью. Передовые части спешили к Минску: там, у белорусской столицы они встретились с танкистами Гота, замыкая первый в этой войне котел. Танкисты прошли через Барановичи, и город замер в недобром предчувствии: следом шла немецкая пехота.

Один из солдат вермахта так вспоминал о настроениях первых дней войны: «Все мы в те дни ощущали себя составными частями грандиозной военной машины, которая безостановочно катилась на восток, на большевиков»[2].

«Там не шла речь о пощаде, - рассказывал другой. - Для нас это были коммунисты. Мы тогда говорили «большевистские орды»... Русские - только для уничтожения. Не только по-

---

1 Война Германии против Советского Союза. С. 45; МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 288-290; Т. 7. С. 300-301; Преступные цели - преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941-1944 гг. / Предисл. Г.Ф. Заставенко. - М.: Политиздат, 1968. - С. 32-33.

2 *Пленков О.Ю. III* Рейх. Война: Вермахт, война и немецкое общество. - СПб.: Нева, 2005. - Кн. 1. - С. 169.

бедить их, но уничтожить»[1].

Пехотинцы рассыпались по Барановичам как саранча. Они врывались в дома - поживиться трофеями. Там, где двери были открыты, они убивали за косой взгляд; там, где дома были заперты изнутри, они убивали всех[2].

На Востоке нацисты вели особую войну, войну на уничтожение. За спиной наступавших подразделений вермахта оставались пылающие деревни.

Первых попадавшихся в руки немцев советских военнопленных ждала злая судьба. На Пионерской улице солдаты вермахта привязали к столбам четырех захваченных в плен красноармейцев, подложили им под ноги сено, облили горючим и заживо сожгли[3].

Подразделения 29-й моторизованной пехотной дивизии второй танковой группы генерала Гудериана прокатились по Барановичам и в тот же день ушли дальше; вечером на привале рядовой Эмиль Гольц записывал в дневнике:

«28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцев мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны,

1 *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза: Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 365; Война Германии против Советского Союза. С. 7.

2 *Бычков Л.Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Краткий очерк. - М.: Мысль, 1965. - С. 26-27.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 169.

кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы»[1].

А через Барановичи к Минску шли все новые части германского вермахта.

Остановившись на отдых в одной из деревушек возле Борисова, немцы с интересом рассматривали населявших ее унтерменшей. Интерес был не столько этнографическим, сколько практическим: фронт ушел на восток, и завоевателям хотелось развлекаться. Солдаты ловили не догадавшихся спрятаться женщин и уводили в лес - для себя и для господ офицеров. По приказу лейтенанта Гуммера солдаты утащили в лес шестнадцатилетнюю Любу Мельчукову; после того как офицер удовлетворил свое желание, он отдал девушку солдатам. Спустя некоторое время на поляну притащили новых женщин; перед ними предстало страшное зрелище. К стоявшим кучно деревьям были прислонены доски, бог весть откуда добытые немцами. На них висела обнаженная истерзанная девушка; прибитая к доскам штыками, она умирала. На глазах у испуганных женщин солдаты отрезали ей груди.

Над лесом стоял жуткий, неумолчный крик убиваемой девушки.

Всего в этой небольшой деревеньке немцы убили тридцать шесть женщин.

Изнасилованных было больше[2].

* * *

Пока танкисты Гудериана и Гота рвались к Минску, пехотные части 9-й армии генерала Адольфа Штрауса и 4-й армии фельдмаршала Гюнтера фон Клюге сомкнули кольцо вокруг Белостока. Это была классическая операция на окружение, какие впору изучать в военных академиях. Войска русских, попавшие в кольцо, пытались пробиться на восток; но там, под Минском, уже смыкались клинья немецких танковых групп.

А в брошенный Белосток меж тем вступали немецкие войска.

Немецкие войска вступают в захваченную деревню. С ужасом смотрят на них крестьянки...

309-й полицейский батальон, вошедший в город вслед за частями вермахта, сразу занялся его умиротворением. Для начала солдаты батальона разграбили попавшиеся им на пути винные магазины; особенно в этом отличилась 2-я рота, одним из взводов которой командовал Пипо Шнейдер. Когда магазины со спиртным были опустошены, от командира батальона майора Эрнста Вайса поступил приказ собрать проживавших в городе евреев.

Взвод Шнейдера отправился на поиски; развлечения ради командир взвода застрелил пятерых схваченных евреев. Его подчиненные постарались не отставать. «То, что началось погромом, закончилось повальными расстрелами евреев Белостока. В городском парке евреев расстреливали группами. Стрельба на улицах города не утихала до поздней ночи. Оставшихся в живых загоняли прикладами карабинов в центральную синагогу Белостока до

1 Там же.
2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95-96; Вар. 2. Т. 3. С. 219-220; Ни давности, ни забвения... С. 28.

тех пор, пока она не оказалась, наконец, битком набита беззащитными горожанами. Запуганные евреи стали петь и молиться... В синагоге находилось более 700 мужчин-евреев. С помощью бензина здание синагоги мгновенно запылало как факел, со всех сторон, а в окна полетели гранаты»[1]. Выбегавших расстреливали.

Офицеры находившихся в городе частей вермахта с непривычки были возмущены случившейся бойней и, в надежде ее остановить, принялись искать командира полицейского батальона. Майора Вайса нашли лишь к утру; как и большинство его подчиненных, он был мертвецки пьян.

Излишне говорить, что наказания не последовало.

В конце концов, полицейские выполняли свои прямые обязанности.

Несколько дней спустя младший воентехник Сергей Дашичев, выбираясь из окружения, наткнулся под Белостоком на поистине ужасную картину. «Я видел, - вспоминал он, - на окраине одной деревни близ Белостока пять заостренных колов, на них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Го ловы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей. Это были жены и дети наших командиров»[2].

* * *

Прибалтийские республики на севере были потеряны практически сразу; на третий день войны генерал Гельдер довольно писал в дневнике: «Середина дня. Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейданы. Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня»[3].

56-й танковый корпус генерала фон Манштейна, сломав сопротивление приграничных частей Красной Армии, за четыре дня прошел 300 километров и захватил стратегически важные мосты через Западную Двину. Захватив Даугавпилс, фон Манштейн остановился, дожидаясь, пока с севера его подопрет 41-й танковый корпус генерала Георга Рейнгардта.

...Полторы недели назад, 16 июня, в штабе под Истенбургом командующий 4-й танковой группой генерал Эрих Гёппнер отдавал последние указания. Синие стрелки наступающих танковых частей на карте рвались к Западной Двине; от того, удастся ли захватить мосты через реку, зависело многое.

- Я надеюсь, что это послужит вам стимулом для дружеского соревнования, - улыбался Гёппнер командирам своих танковых корпусов.

Фон Манштейн рассчитывал выиграть: по данным разведки, в полосе наступления его подразделений было гораздо меньше русских частей, чем в полосе 41-го корпуса. Генерал Рейнгардт, впрочем, тоже не оставлял надежд на успех: он вытребовал у командования две танковые дивизии вместо одной и не сомневался, что русские не смогут противостоять его удару. Обмениваясь дружескими замечаниями, оба генерала знали, что от успеха их действий зависит нечто гораздо большее, чем исход шуточного поединка.

От их победы зависит существование германской нации.

---

1 *Кнопп* Г. СС: Черная инквизиция / Пер. с нем. А. Чикишева. - М.: Олма-пресс, 2005. - С. 168; Документы обвиняют: Холокост... С. 6.

2 *Толстой А.Н.* Лицо гитлеровской армии // Собрание сочинений. - М.: Художественная литература, 1961. - Т. 10. - С. 487. Упоминания об этом преступлении встречаются в материалах судебного процесса над гауляйтером Украины Эрихом Кохом, состоявшегося в Варшаве в октябре 1958 - марте 1959 г. См.: *Орловский С., Острович Р.* Эрих Кох перед польским судом / Пер. с польск. Д.Г. Томашевского; предисл. А.И. Полторака. - М.: Издательство Института международных отношений, 1961. - С. 105.

3 *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. И. Глаголева. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. - Т. 3. - С. 24.

В приказе генерала Гёппнера, который зачитают в ночь перед наступлением, об этом говорится ясно:

«Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это - давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...»[1]

И Манштейн, и Рейнгардт были согласны со своим командующим...

Сломав ожесточенное сопротивление русских, 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта вышел к Западной Двине 2 июля; одновременно к частям фон Манштейна у Даугавпилса прибыло новое механизированное соединение - дивизия СС «Мертвая голова». Дивизию сформировали в ноябре 1939 года из подразделений СС, зани мавшихся охраной концлагерей; ее солдаты выделялись среди прочих немецких войск не только стойкостью, но и крайне жестоким отношением к военнопленным. Во время французской кампании эсэсовцы из «Мертвой головы» перебили несколько сотен попавших в плен под Дюнкерком солдат британского Норфолкского полка[2]. После такого блестящего военного подвига германское командование очень высоко ценило «Мертвую голову»; как впоследствии напишет в мемуарах генерал фон Манштейн, «это была лучшая из всех дивизий СС, которые мне приходилось иметь»[3].

На Востоке жестокость солдат «Мертвой головы» была распространена не только на военнопленных, но и на всех населявших здешние края недочеловеков. 29 июня рядовой дивизии Вальтер Траве писал в письме домой:

«Наступил час расплаты, которой мы давно ждали. Большевики будут скоро разбиты, а евреи - уничтожены. Мы их расстреливаем везде, где только обнаружим, несмотря на пол и возраст. Фюрер призвал нас к этому. Знаю, что специальные команды в тылу уничтожают евреев полностью, так как мы движемся вперед и многих упускаем.

Германцы на Востоке должны быть подлинными викингами, и все низшие расы должны быть уничтожены. Мы не имеем права на мягкость и малодушие»[4].

В населенных пунктах, через которые прошли выдвигавшиеся к фронту подразделения дивизии «Мертвая голова», оставались трупы расстрелянных большевиков, убитых евреев и изнасилованных женщин.

Впрочем, в этом отношении подразделения СС мало чем отличались от частей вермахта.

* * *

На южной оконечности Восточного фронта успех немецких войск не был столь сокрушительным, как в Белоруссии и Прибалтике; советскому командованию удалось серьезно

---

1 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов (далее - ОГБ). - М.: Русь, 2000. - Т. 1. - Кн. 2. - С. 338-339; Война Германии против Советского Союза. С. 51; Преступные цели... С. 62; Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944: Доклады / Под ред. Г. Горцка, К. Штанга. - М.: АИРО-XXI, 2005. - С. 21; Ветте *В.* Образ врага: Расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 105.

2 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера: Военная карьера оберстштурмбаннфюрера СС Зеппа Дитриха / Пер. с англ. И. Шмелева. - М.: Эксмо; Изографус, 2004. - С. 137; *Пэдфилд П.* Рейхсфюрер СС / Пер. с англ. С. Минкина, С. Самуйлова. - Смоленск: Русич, 2002. - С. 289.

3 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. С. 197.

4 Документы обвиняют: Холокост... С. 3.

замедлить темпы наступления группы армий «Юг». Только 30 июня германские войска взяли Львов. Первым в город вошел разведывательно-диверсионный батальон «Нахтигаль», состоявший из украинских националистов. Руководил ими обер-лейтенант Роман Шухевич, будущий главнокомандующий Украинской повстанческой армией. Сотрудники абвера, подготовившие этот батальон, не имели оснований жаловаться на профессиональную выучку украинских националистов и их ненависть к советскому строю; однако то, что случилось во Львове, смутило даже многоопытных абверовцев.

Подчиненные Шухевича устроили в городе резню. «Они взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастерок, держа оружие наизготовку. Их вид был омерзителен, - вспоминал немецкий офицер Вальтер Бродорф. - Словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с выпученными глазами, неслись они по улицам Львова. Каждый, кто попал им в руки, был жестоко казнен»[1]. Националисты вытаскивали из домов не сумевших эвакуироваться «москалей» и тут же убивали их. Женщин и детей били прикладами. Одна из горожанок, полька Ярослава Волочанска, с ужасом рассказывала: «Это был ужасный погром. Они появились на рассвете и стали вытаскивать евреев из домов. Самое страшное было то, что они убивали и детей. Все было невыносимо ужасно. Во всем городе стоял запах смерти и разложения»[2].

За евреями, жившими в городе, была устроена настоящая охота; в этом занятии деятельное участие приняли вошедшие в город чуть позже подразделения СС. Действия украинских националистов, впрочем, поразили и эсэсовцев. Гауптштурмфюрер СС Феликс Ландау записал в дневнике: «Сотни евреев с залитыми кровью лицами, проломами в черепах, с переломанными руками и выбитыми глазами бегут по улицам. Некоторые окровавленные евреи несут на руках других, полностью сокрушенных»[3].

Всего в первые дни после взятия Львова было убито более четырех тысяч человек. Их тела, собранные в одном месте, могли видеть все горожане. «У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей «выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок»[4].

Столица Западной Украины лишь недавно вошла в состав СССР; многие в ней по тем или иным причинам не любили советской власти и симпатизировали националистам из ОУН. Однако произошедшая в городе резня заставила жителей Львова содрогнуться. В городе шептались: «Гитлеровцы на завтрак едят евреев, на обед - поляков, на ужин - украинцев»[5].

Все только начиналось; 25 июля в городе прошел еврейский погром под названием «Дни Петлюры». Тех, кто бежал из города, уничтожали. Рядовой разведывательной роты «Нахтигаля» записал в дневнике слова, напоминающие бред маньяка:

> В двух селах мы постреляли всех встречных евреев...
> Мы постреляли всех встретившихся там евреев[6].

---

1 *Brockdorf W.* Geheimkommandos des Zweiten Weltkrieges. München, 1967. S. 126-127. Цит. по: Без права на реабилитацию: сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. - Киев: Киевское историческое общество; Организация ветеранов Украины, 2005. - Кн. 1. - С. 108-109. См. также: *Круглов А.* Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність (Киев). - 2003. - №5. - С. 12-14; *Heer H.* Blutige Ouvertüre: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachttruppen beginnt der Judenmord // Der Zeit. - 2001. - №26.

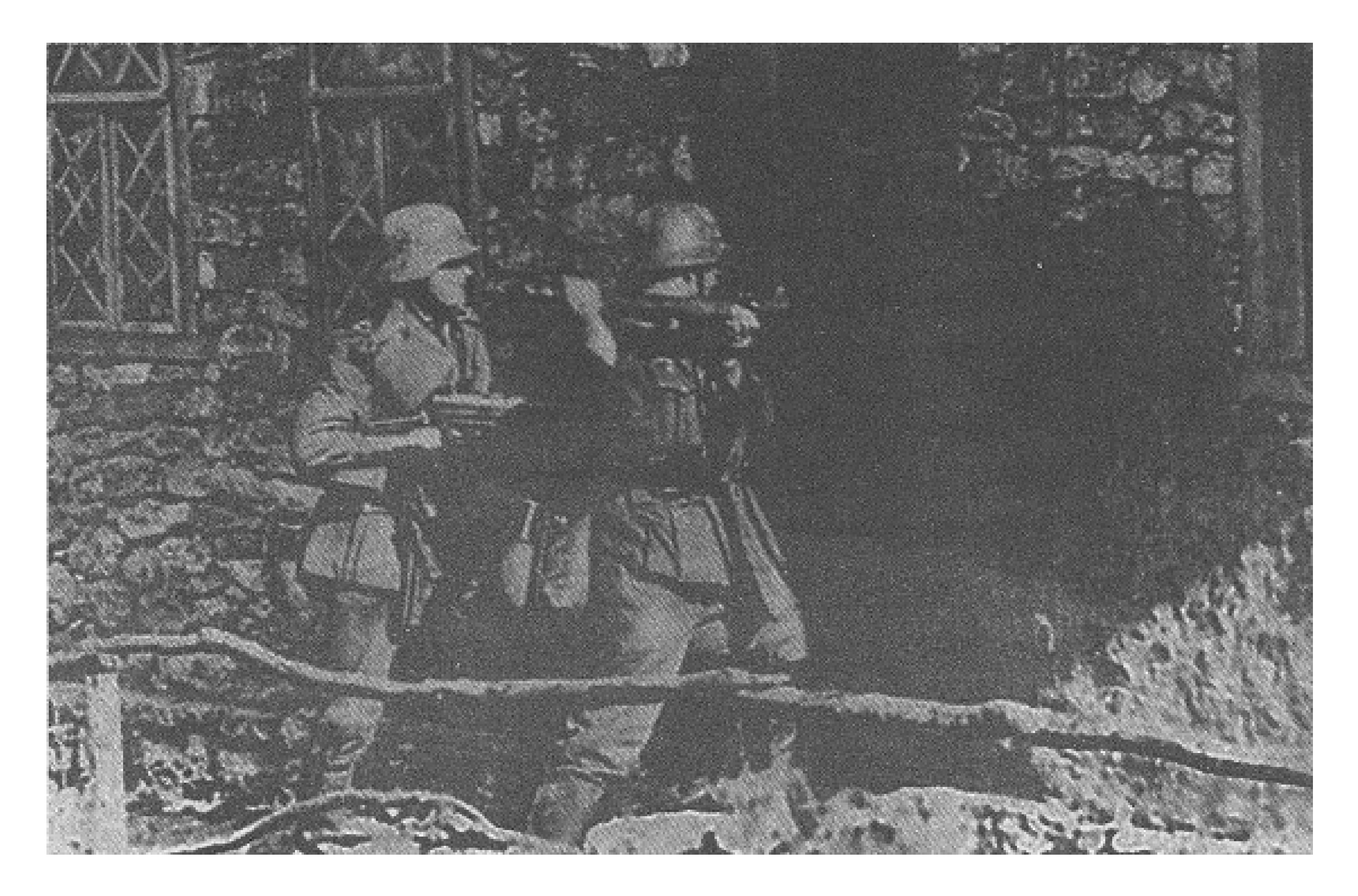
2 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 132.

3 Там же. С. 132-133.

4 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 93; Ни давности, ни забвения... С. 26.

5 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти: Тайны СС и гестапо. - М.: Вече, 2005. - С. 392.

6 *Патриляк І.К.* Легіони Українських Націоналістів, 1941-1942: Історія виникнення та діяльності. - Київ, 1999. - С. 26.

Солдаты вермахта врывались в дома. Там, где было заперто, - убивали всех.

В винницком селе Турбов националисты вырезали всех мужчин-евреев; когда они собрались сжечь заживо оставшихся женщин и детей, не выдержали даже немецкие солдаты, силой оружия прекратившие расправу[1].

Жестокие убийства происходили по всей Западной Украине: убивали за то, что еврей, убивали за то, что поляк, убивали за то, что «москаль» или коммунист.

Солдаты вермахта не отставали от своих украинских «союзников». Правда, им было недосуг разбираться в различных подвидах недочеловеков, как то: русских, евреев и украинцев. Какая разница: ведь, в конечном счете, ликвидации подлежали все. Ворвавшись в общежитие львовской швейной фабрики, немцы изнасиловали и убили тридцать две молодых женщины.

Пьяные немецкие солдаты ловили львовских девушек, затаскивали их в парк Костюшко и насиловали. Там, где еще недавно гуляли горожане, играли дети и целовались влюбленные, теперь царило дикое и необузданное насилие. Священник одной из львовских церквей В.Л. Помазнев с крестом в руках пытался предотвратить насилие над девушками. Призывы к совести и угрозы божьего суда оказались бессильными; немецкие солдаты избили старика, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком[2].

* * *

Дивизия личной охраны фюрера - лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» - входила в состав 1-й танковой группы генерала фон Клейста. Задачей этой отборной части, беззаветно пре-

---

1 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 223.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95-96; Вар. 2. Т. 3. С. 219; Ни давности, ни забвения... С. 28.

данной фюреру и Рейху, было в составе танкового корпуса прорваться к Киеву. В ночь перед вторжением в СССР эсэсовцам объяснили, как следует действовать в войне с русскими. Одно имя лейбштандарта должно было внушать ужас. Командиры рот бесстрастно зачитывали заповеди истребительной войны.

«Проломи русскому череп, и ты обезопасишь себя от них навек!
Ты безграничный властелин в этой стране! Жизнь и смерть населения в твоих руках!
Нам нужны русские пространства без русских!»[1]

В одном из поселков под Ровно эсэсовцы натолкнулись на сильное сопротивление советских войск; населенный пункт удалось взять, лишь задействовав все танки и всю артиллерию дивизии. Обозленные потерями, немцы согнали на площадь несколько десятков женщин, детей и стариков и расстреляли их. Поселок был выжжен дотла.

Еще через неделю командир лейбштандарта Зепп Дитрих издал приказ: пленных не брать, расстреливать на месте. «Во всех районах были созданы специальные команды, - рассказывал позже один из подчиненных Дитриха. - Команды с особой задачей, - в захваченных селениях планомерно сжигать дом за домом, а жителей, прятавшихся в подвалах и убежищах, выкуривать гранатами». На пути эсэсовцев должна была оставаться лишь выжженная земля - чтобы фюрер, увидев ее, мог с гордостью сказать: «Здесь проходил мой лейбштандарт».

Впрочем, эсэсовцы лейбштандарта не особо выделялись на общем фоне. В состав танковой группы Клейста входила 44-я пехотная дивизия. Через полтора года она будет уничтожена под Сталинградом; в своих показаниях пленные немецкие солдаты вспомнят и о победоносном лете сорок первого:

«В 15-20 км от города Дергачи, в населенном пункте, названия которого не помню, по приказу полковника Бойе все население было согнано в синагогу, последняя была заминирована и взорвана вместе с находившимися в ней людьми.

...13 июля в населенном пункте Несолонь, 30 км восточнее Новоград-Волынского, полковник Бойе приказал взорвать церковь.

...Приблизительно в первой половине августа 1941 года по дороге Круполи-Березань был сожжен совхоз и расстреляно более 300 военнопленных Красной Армии, среди которых большинство было женщины. Полковник Бойе еще кричал: «Что означает женщина с оружием - это наш враг...»

...В первой половине августа около города Киева полковник Бойе разъезжал по полю на своей машине и стрелял по военнопленным из винтовки, т.е. охотился на них. Убил там десять человек»[2].

Как видим, особой разницы между солдатами вермахта и эсэсовцами не наблюдалось; и те и другие рвались вперед, оставляя за собой трупы мирных жителей и военнопленных, сожженные дома и взорванные церкви. Ожесточенное сопротивление советских войск не могло помешать победоносному продвижению танкистов Клейста; выиграв встречное танковое сражение в районе Луцк-Дубно-Броды, части первой танковой группы устремились к Днепру. Вскоре все правобережье Днепра от упорно защищаемого советскими войсками Киева до устья оказалось в руках немцев. Под Днепропетровском жители города рыли про-

1 Неизвестный Гитлер: Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948-1949 гг. / Предисл. М. Уля, Х. Эберле; В. Хаустова; Х. Мёллера; пер. с нем. примечаний А. Чикишева, Е. Кулькова. - М.: Олма-пресс, 2005. - С. 118.

2 *Лузан Н.* Дневник полковника Бойе: Как «СМЕРШ» доказал преступления командира 134-го полка вермахта // Военно-промышленный курьер. - 2005. - №40. - С. 11.

Подобные «фото на память» впоследствии в изобилии находили в карманах погибших немецких солдат.

тивотанковые рвы, когда появились немецкие мотоциклисты. Немцы устроили настоящую охоту на разбегавшихся по полю людей. Многие, как студентка днепропетровского театрального училища Фрума Ицкович, не успели убежать. «Нас, двух девчонок, окружили несколько мотоциклистов, - вспоминала она. - Стали хватать, мы отбивались, а они избивали прикладами автоматов, били по груди, сильно разбили мне голову и лицо. Потом стали забавляться. Мы бежали, а они догоняли нас и со скоростью наезжали на нас сзади, сбивали с ног. У меня были длинные волосы, схватили за косы и поехали. Пришлось бежать рядом. Быстро бежать я не могла и падала, меня тащили, и опять били...»[1].

Девушка очнулась к вечеру: избитая, в крови, порванной одежде. Рядом в крови лежала ее однокурсница по театральному училищу. Немцы изнасиловали ее, а затем пристрелили.

Фрума долго плакала, смотря на убитую подругу; потом поднялась и пошла к городу.

Бывшая будущая актриса шатаясь шла по изорванному колесами мотоциклов полю; силы оставляли ее, и она, оступаясь, падала. То и дело натыкаясь на истерзанные тела подружек, с которыми еще утром шутила и смеялась, она, плача, полушла, полупозла по казавшемуся бесконечным полю.

Город встретил ее вымершими ночными улицами.

На месте родного дома зияла воронка.

Фрума пошла к дому своей тети - но было уже поздно.

Немцы повесили тетю Розу прямо во дворе на белой акации, посаженной ею когда-то, и пристрелили ее дочерей-двойняшек.

Девушка похоронила родных в том же дворе; к утру она поседела.

...Двадцать пять лет спустя генерал фон Макензен, чьи войска захватили Днепропетровск, напишет в воспоминаниях: «Гражданское население города было вполне спокойно, даже обрадовано освобождением от большевизма»[2]. Эту ординарную генеральскую ложь цитируют до сих пор.

* * *

3 июля начальник оперативного отдела генштаба ОКХ полковник Адольф Хойзенгер записал в дневнике: «Немецкие войска на Востоке ведут себя как полчища Чингисхана»[3].

В тот момент, когда Хойзенгер записывал эти строки, его непосредственный начальник генерал Франц Гальдер склонился над картой. На середину дня 3 июля картина на Восточ-

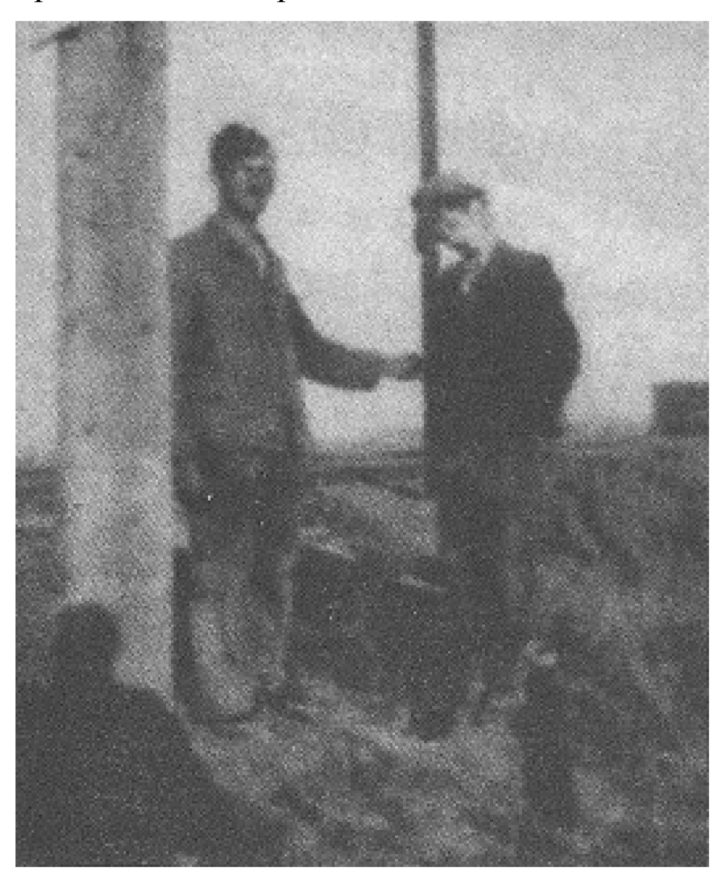
---

1 Последние свидетели / Предисл. Б. Хаита; Е. Гологорского. - М.: Ковчег; Совершенно секретно, 2002. - С. 237.

2 От Буга до Кавказа: *Гейер* Г. IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года; *Макензен Э. фон.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941-1942 годов / Пер. с нем. К. Степанчикова; Е. Первушиной; сопр. ст. А. Исаева; коммент. В. Гончарова, А. Исаева, К. Степанчикова. - М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. - С. 256.

3 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 330.

ном фронте вырисовывалась крайне вдохновляющая. На севере танковая группа Гёппнера находилась на середине пути от Западной Двины к Пскову; за ней в превосходном порядке двигались 16-я армия Буша и 18-я армия фон Кюхлера. Группа армий «Центр» также добилась великолепных успехов. В первой половине дня танковая группа Гудериана форсировала Березину, а танковая группа Гота левым флангом вышла к Западной Двине северо-западнее Полоцка. 2-я армия барона фон Вейхса и 9-я армия Штрауса окончательно затянули «мешок» под Новогрудком; судя по всему, в окружение попали основные силы Западного фронта русских. На юге успехи были скромнее, однако и там немецкие части планомерно продвигались вперед.

Немецкий солдат позирует рядом с повешенным. Он горд своей причастностью к великому делу избавления мира от низших рас

Гальдер долго прикидывал, что могут предпринять русские. Наконец он улыбнулся и раскрыл дневник. Перо стремительно заскользило по бумаге. «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена, - писал начальник генерального штаба ОКХ. - Я считаю правильным высказывание одного пленного командира корпуса о том, что восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить лишь сопротивление отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению немецких войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что компания против России выиграна в течение 14 дней»[1].

Это был один из самых счастливых дней в жизни генерала.

Гальдер был прекрасно осведомлен о том, как ведут себя немецкие войска на захваченной территории. Однако в отличие от полковника Хойзенгера генерал совершенным преступлениям не ужасался.

Он знал, что это - только начало.

Настоящая работа по *обезлюживанию* восточных земель начнется после победы.

* * *

Оккупация прибалтийских республик произошла столь стремительно, что эвакуироваться успели немногие. Вдень, когда немецкие войска вошли в Каунас, множество людей еще находились на автобусной станции, надеясь уехать из города. Большинство из них были евреями. Местные националисты ворвались на станцию, заполненную народом, и устроили бойню. Пытавшихся уехать женщин, детей, стариков избивали, железными прутьями раскапывали головы, вытаскивали на улицу и сбрасывали в канализационные люки. Автобусная станция была залита кровью, убитые валялись среди тюков с пожитками; те, кто видел

1 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 77.

это, никогда не сможет забыть. Когда спустя некоторое время немцы стали загонять евреев в гетто и объявили, что в гетто хотят спасти евреев от «справедливого гнева» литовцев, им поверили. «99 процентов еврейского населения со своим скарбом, детьми кто на чем туда отправились, - рассказывал много лет спустя Кама Гинкас. - Колючая проволока воспринималась как спасение»[1].

Местные националисты точно так же, как оуновцы на Западной Украине, соревновались в жестокости с эсэсовцами; за несколько дней в Каунасе было убито более четырех тысяч человек; тут и там виднелись сожженные дома и синагоги[2].

К 11 июля согласно отчетам СД в Каунасе было уничтожено «в общей сложности» 7800 евреев. Возглавлявший айнзатцкоманду А-3 штандартенфюрер СС Карл Ягер удовлетворенно докладывал в Берлин:

«Они были уничтожены частично во время погромов, частично во время расстрелов литовскими командами... Содействие населения выражается в первую очередь в обнаружении и передаче немецким властям литовских коммунистов, красноармейцев и евреев»[3].

В Риге сразу после оккупации начались массовые аресты всех лояльных к советской власти. Арестовывали рабочих, в сороковом году приветствовавших присоединение к Советскому Союзу, не успевших скрыться представителей советских и партийных властей, приехавших из других союзных республик простых людей.

«В соответствии с распоряжением командира охранной полиции Латвии подлежат аресту все российские подданные, приехавшие в Латвию после 17 июня 1940 г. Они должны быть доставлены в соответствующие учреждения немецкой полиции безопасности для интернирования»[4].

Людей арестовывали на фабриках, на местах работы, по домам - каждого, кто казался подозрительным. Две недели шли непрерывные аресты. Арестованных доставляли в ближайший полицейский участок, из участков - грузовиками в центральную тюрьму. Со многих крупнейших фабрик рабочих отправляли в тюрьму целыми сменами[5].

«Обыкновенно забирали с собой мужчин и женщин в тюрьму или префектуру, - вспоминал один из чудом выживших очевидцев. - Там их избивали до полусмерти; издевались самым рафинированным образом, заставляли мужчин и женщин раздеваться догола и совокупляться и после этого убивали, так что из тюрьмы, а чаще всего и из префектуры никто живым не возвращался; их увозили в Бикернский лес и убивали. Таким образом, в течение 2-3 недель было уничтожено около 12 000 евреев и примерно столько же главным образом русских»[6].

На окраинах прибалтийских городов как на дрожжах росли концлагеря. Один из них был организован оккупантами в форте № 9 неподалеку от Каунаса. Очень скоро это место приобрело страшную славу.

«Форт № 9 жители Каунаса называли «фортом смерти». Форт расположен в шести километрах

1 Последние свидетели... С. 120-121.

2 *Чернов В.Е., Шляхтунов А.Г.* Прибалтийские Waffen-SS: Герои или палачи?.. - М.: Лин-Интер, 2004. - С. 73-74.

3 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 607.

4 Мы обвиняем: Документы и материалы. - Рига: Лиесма, 1967. - С. 69-70.

5 Там же. С. 117-119; Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. // *Тепцов Н.В.* «Зеленая папка» Геринга: Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России. - М.: Проект «Лубянка», 2005. - С. 45.

6 Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. - М.: Европа, 2006. - С. 44.

северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт №9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью более пяти гектаров, у западной стены форта. В течение июля - августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около трех метров, длиной свыше 200 метров и глубиной более двух метров»[1].

Так с немецкой педантичностью оккупанты подготовили места захоронения своих будущих жертв.

Вскоре в прибалтийские лагеря смерти людей стали привозить издалека.

В начале июля 1941 года на разъезде 214-й километр под латвийским городом Даугавпилсом остановился эшелон. Его вагоны были закрыты наглухо; охрана не подпускала никого близко. Однако местным жителям недолго пришлось гадать, что же привезли немцы. Вагоны открыли; из них стали вылезать измученные красноармейцы. «Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выходя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы расстреливали тут же, у будки обходчика. Из каждого эшелона выбрасывали по 400-500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 6-8 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды», - рассказывал впоследствии обходчик[2].

Это были первые советские военнопленные, привезенные в Прибалтику.

Их привезли туда, чтобы уничтожить.

* * *

Термин «айнзатцгруппы» с первых же дней войны наполнился жутким смыслом для населения оккупированных областей СССР.

Специальные карательные подразделения, они двигались за продвигавшимися на восток германскими войсками. Отвечая за безопасность армейского тыла, айнзатцгруппы уничтожали «нежелательных элементов»: коммунистов, большевиков, евреев и всех, кого заблагорассудится. Каждой группе армий было придано по айнзатцгруппе, а в полосе группы армий «Юг» их действовало целых две.

Взаимопонимание между армейским командованием и карателями было самым нежным. Об этом с удовольствием вспоминал впоследствии командир айнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС Франц Штальэккер. «Айнзатцгруппа «А» после подготовки ее к операциям направилась в район, где она должна была сосредоточиться, как приказано, 23 июня 1941 г. - на второй день кампании на Востоке. Группа армий «Север», состоящая из 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы, вышла перед этим днем, - писал в докладе Штальэккер. - Нашей задачей было немедленно установить личный контакт с командующими указанных армий и командующим тыла. Следует подчеркнуть с самого начала, что сотрудничество с вооруженными силами обычно было очень положительным; в некоторых случаях, например с 4-й танковой группой, которой командовал генерал-полковник Гёппнер, это сотрудничество было очень тесным. Некоторое взаимное непонимание, которое существовало в первые дни с некоторыми деятелями, потом совершенно рассеялось в результате личных собеседований»[3].

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 164-165; Ни давности, ни забвения... С. 87-88.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 181.

3 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 307-308, 727. См. также: *Хаупт В.* Группа армий «Север»: Бои за Ленинград, 1941-

Коллективная фотография военнослужащих вермахта. На вытащенной из школьного класса доске - квинтэссенция нацистской философии: «Русский должен умереть, чтобы мы жили»

Не менее тесным было взаимопонимание между командованием группы армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта и приданной ей айнзатцгруппой «С» бригаденфюрера Отто Раша[1]. Благодаря этому на Украине расстрелы мирных жителей происходили с регулярностью хорошо отлаженных часов.

Командир переброшенного с Запада 528-го пехотного полка майор Рёйснер услышал характерные винтовочные залпы уже в день прибытия в Житомир. Заинтригованный, вместе с двумя адъютантами он отправился выяснять, в чем дело. «Вскоре, - вспоминал майор, - мы почувствовали, что здесь происходит что-то ужасное». Офицеры убыстрили шаги; выстрелы раздавались из-за железнодорожной насыпи.

Когда майор взобрался на насыпь, то увидел, как рассказывал впоследствии, «отврати-

1944 / Пер. с англ. Е.Н. Захарова. - М.: Центрполиграф, 2005. - С. 337.

1 *Штрайт К.* Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Сокр. пер. с нем. - М.: Прогресс, 1979. - С. 50.

тельную по своей жестокости картину, потрясавшую и ужасавшую неподготовленного человека». За насыпью была вырыта яма около 7-8 метров длиной и примерно 4 метра шириной, на одном краю которой лежала куча вынутой из нее земли. Холм и прилегающая к нему стенка ямы были залиты потоками крови, а сама яма - завалена множеством трупов мужчин и женщин. Сколько людей лежало в яме, понять было невозможно. Подойдя вплотную к яме, майор увидел лежавшего среди других расстрелянных старика с седой окладистой бородой. Он был еще жив и тяжело дышал. «Я ему уже вогнал семь пуль в живот, теперь он сам должен подохнуть», - с улыбкой объяснил майору один из полицейских.

Рёйснер подал командованию возмущенный протест. «Я участвовал в Первой мировой войне, во французской и русской кампаниях этой войны и отнюдь не страдаю преувеличенной чувствительностью, - писал майор. - Мне пришлось быть свидетелем многих более чем неприятных вещей как участнику добровольческих формирований в 1919 г., но никогда я не видел сцен, подобных описанной. ...Припоминаю также, что, по рассказам солдат, которые часто видели эти казни, таким способом ежедневно расстреливалось много сотен людей»[1].

Доклад оставили без внимания; только что прибывшему с Запада майору было простительно не знать, что здесь, в России, ведется особая война, война на уничтожение, в которой сантименты недопустимы. На привалах пропагандисты доводили до солдат победоносного вермахта новые указания командования:

«Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей Восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех прежних фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакие проявления мягкотелости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимы... Всемерно следует поощрять и развивать инициативу каждого солдата, вызывающего своими действиями страх перед германской расой»[2].

В это время в Киеве немецкий солдат приказал старому дворнику взять лопату и идти вслед за ним. Испуганного старика привели в Парк культуры; там еще один солдат сторожил девушку-еврейку. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: девушку только что изнасиловали.

Старику велели копать яму.

«Когда она была готова, девушку спихнули в нее, но она стала кричать и карабкаться, тогда солдат стал бить ее лопатой по голове и засыпать землей. Но она поднималась и сидела, и он снова бил ее по голове. Наконец засыпали и утоптали землю...»[3]

...Когда ефрейтор второй роты 675-го саперного батальона Траклер, наблюдавший за расстрелами евреев в районе Ровно и Дубно, заметил, что это ужасное зрелище, унтер-офицер Граф ответил: «Евреи - это свиньи, и уничтожать их - проявление культуры»[4].

* * *

...Части кавалерийской бригады СС под командованием штандартенфюрера Фегелейна с конца июля «умиротворяли» белорусские деревни Старобинского района. За две недели первый полк бригады расстрелял 6509 мирных жителей и 239 захватил в плен. Командир второго полка фон Магилл предпочел не расстреливать мирных жителей, а утопить их в

---

1 Преступные цели... С. 108-112; МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 143-144; Вар. 2. Т. 3. С. 270-272.

2 *Бычков Л.Н.* Партизанское движение... С. 27.

3 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. - М.: Захаров, 2005. - С. 108.

4 Сталинградская эпопея: По рассекреченным документам ФСБ РФ / Предисл. Ю.В. Сигачева, - М.: Звонница-МГ, 2000. - С. 112.

болоте; эта идея, однако, оказалось неудачной. Пришлось докладывать начальству о конфузе:

«Мы выгнали женщин и детей в болото, но это не дало должного эффекта, так как болота были не настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно песка)»[1].

Прочитав докладную, штандартенфюрер Фегелейн приказал подчиненным не заниматься ненужными экспериментами: русских нужно попросту расстреливать, а о количестве расстрелянных докладывать ежедневно. Шесть с половиной тысяч убитых русских за две недели - это недопустимо мало, это настолько незначительная цифра, что о ней просто неприлично докладывать рейхсфюреру СС.

Эсэсовцы и приданные им в помощь части вермахта старались оправдать ожидания рейхсфюрера. Уже в июле полицейский полк «Центр» провел карательную операцию в районе Беловежской Пущи, уничтожив ряд населенных пунктов. В августе части 221-й и 286-й охранных дивизий провели карательные операции в районе Ивацевичей и близ Лепеля, а подразделения 162-й и 252-й пехотных дивизий - в Богушевском районе. В донесении об итогах операции в районе Богушевская говорится об уничтожении 13 788 гражданских и 714 военнопленных, о сожжении деревень.

По вечерам обер-ефрейтор Иоганнес Гердер записывал в дневнике впечатления о проделанной работе.

«25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень красиво горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда»[2].

Командование проявляло трогательную заботу о карателях. «Командирам батальонов и рот особое внимание уделять поддержанию духовного равновесия занятых в этих акциях людей, - приказывал начальник полицейского полка, действовавшего в полосе группы армий «Центр». - Впечатление дня стараться снимать налаживанием товарищеских вечеринок. Позже людям надо объяснять необходимость обусловленных политическим положением мер»[3].

И это давало необходимые результаты. «Люди хорошо справляются с физическими трудностями, - не без удовольствия писал в докладе командир одной из айнзатцкоманд. - Значительную роль сыграло также большое напряжение душевных сил, которое потребовалось от них во время массовых акций уничтожения. Их мораль и выдержка сохранились потому, что каждому было разъяснено политическое значение этих мер»[4].

О да, каратели сохранили мораль и выдержку! Несмотря на напряженную работу, они

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 125; Т. 7. С. 702; Ни давности, ни забвения... С. 37-38; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 142; *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 208.

2 *Бычков Л.Н.* Партизанское движение... С. 26-27.

3 *Адамович А., Брыль Я., Колесник В.* Я из огненной деревни... - Минск: Мастацкая літаратура, 1977. - С. 433. Со ссылкой на документы Glowenej komisji badania zbrodni hitlerowskih w Polsce. Документ датируется 11 июля 1941 г.

4 *Брухфельд С., Левин П.* Передайте об этом детям вашим... История Холокоста в Европе, 1933-1945 / Пер. с шведск. Д. Веденяпина; предисл. Й. Перссона, В.И. Матвиенко; послесл. И.А. Альтмана, А. Асмолова. - М.: Текст, 2001. - С. 88.

Солдаты вермахта с удовольствием фотографировались на фоне своих жертв

находили время и на развлечения. Повсеместно они врывались в дома, насиловали женщин на глазах родных и детей, глумились и расправлялись со своими жертвами. «К нам ворвалисьнемцы, - рассказывала впоследствии одна колхозница. - Двух шестнадцатилетних девушек ихние офицеры затащили на кладбище и над ними надругались. Затем приказали солдатам повесить их на деревьях. Солдаты выполнили приказ и повесили их вниз головами. Там же солдаты надругались над девятью пожилыми женщинами»[1].

В местечке Шацк Минской области всех девушек изнасиловали, голыми выгнали на площадь и заставили танцевать. Отказавшихся расстреливали. В деревне Ректы девушек согнали в лес, изнасиловали и убили. В деревне Мормаль немцы изнасиловали двух девушек-колхозниц. В деревне Химое под Гомелем немецкие солдаты ворвались в дом и изнасиловали девушку на глазах родителей[2]. Войдя в село Ляды, немецкие солдаты стали грабить

1 *Толстой А.Н.* Лицо гитлеровской армии. С. 488.
2 РАВО. Т. 20 (9). С. 52.

дома и лавки; потом командование части потребовало от селян «предоставить» в ближайший лес восемнадцать девушек. Когда это не было выполнено, они забрали их сами, увели в лес, зверски изнасиловали, а потом расстреляли. Некоторым из девчонок было по 13- 14 лет[1]. В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увезли с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет.[2]

В деревне Холмы под Могилевом гитлеровцы схватили шесть девушек. Изнасиловав их, приступили к развлечениям: вырезали глаза и груди, а одну привязали за ноги к верхушкам наклоненных деревьев и разорвали[3].

На память о подвигах делались фотографии.

Чем иначе хвастаться после войны?

Смотрите, дети, у вашего отца была важная работа; если бы не такие, как он, эту землю населяли бы омерзительные русские выродки. Посмотрите на эти тупые отвратительные лица: на них нет и следа интеллекта. Видите, они привыкли к подчинению: сами себе копают могилы. Да-да, это я стою на холмике в первом ряду, сзади дядя Ганс, а рядом со мной Гюнтер, его потом убили на фронте. А вот, наконец, мы расстреляли этих свиней.

...Только в ноябре сорок первого, спохватившись, рейхсфюрер СС распорядился запретить фотографирование экзекуций «частными лицами»[4], однако, насколько можно понять, солдаты вермахта все равно делали снимки, в достаточном количестве попадавшие впоследствии в руки бойцов Красной Армии.

«Я нашел в планшете одного немца серию любительских фотографий, - рассказывал впоследствии один из советских журналистов. - Вот перечень: фриц, невеста фрица, голая девица неизвестной национальности, человек, привязанный к столбу, горящая изба, виселица с повешенными, два фрица в беседке, фрицы развлекаются - один в шутку вешает другого, убитая девушка в платочке, с обнаженной грудью. Разве такой способен стать человеком?»[5]

* * *

Восточнее районов, в которых работали каратели, ворочался и грохотал фронт. Советские войска как могли сдерживали наступление танковых частей вермахта, выигрывали время, давали уйти бесконечным, заполнившим дороги толпам беженцев. Их было очень много; тот, кто видел, как люди бежали от немцев, запоминал это навсегда. «Ехали на грузовиках, подводах, шли пешком, толкая перед собой двухколесные тачки, двух- и трехколесные велосипеды, высоко загруженные домашним скарбом, - вспоминал очевидец. - Другие шли без ничего, неся на руках маленьких детей и узлы с самым необходимым... Вид у людей был крайне изможденный. Слабея, они еле двигали свой ручной транспорт...»[6]

Истребители люфтваффе, завоевавшие господство в воздухе, проносились над испуганными женщинами, детьми, стариками, поливая разбегающихся людей пулеметными очередями. Под городком Островом немецкие летчики разбомбили эшелон, в котором эвакуировался детский дом. Дети выбегали из горящих вагонов и бежали в лес, а истребители с крестами на крыльях охотились на детей. Когда самолеты улетели, уцелевшие воспитатели на-

---

1 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 363.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95-96; Ни давности, ни забвения... С. 28.

3 Ни давности, ни забвения... С. 37.

4 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 145; Вар. 2. Т. 3. С. 272. Повторный приказ был издан Гиммлером в июле 1942 года - надо полагать, столь же безрезультатно. - Откровения и признания. С. 298; Ни давности, ни забвения... С. 137-138; Латвия под игом нацизма. С. 154-155.

5 *Эренбург И.Г.* Война: Апрель 1942 - март 1943: Статьи. - М.: Воениздат, 2002. - С. 38.

6 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка: Записки окопного офицера. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 8-9.

считали у насыпи двадцать четыре детских трупика. Количество детей, заживо сгоревших в поезде, посчитать было невозможно. «Наши вагоны горели, - рассказывал один из мальчишек. - На раскаленных вагонах висели сгоревшие дети»[1].

Другой состав с эвакуировавшимися детьми разбомбили под Могилевом. Маленькие дети бежали в лес; и тут из леса пошли немецкие танки. Это были танкисты дивизии СС «Рейх» второй танковой группы генерала Гудериана; возможно, их T-III и не могли в прямом бою противостоять советским «тридцатьчетверкам» - однако и брони, и мощи было более чем достаточно против разбегавшихся четырехлетних детишек. Танки пошли по детям; давя их, наматывая на гусеницы. До леса добежали единицы. «Ничего от этих детей не осталось, - вспоминала ставшая свидетельницей этого ужаса Тамара Умнягина. - От этой картины и сегодня можно сойти с ума»[2].

Взятый в плен офицер люфтваффе объяснил бомбардировки жилых кварталов советских городов словами: «Нам нужна эта земля, но не населяющие ее люди». На фотографии - Татьяна Онищенко со смертельно раненной осколками немецкой бомбы дочкой

* * *

В Берлине отставной германский дипломат Ульрих фон Хассель сидит перед камином. На столике рядом с креслом лежит запрещенная книга; это воспоминания о встречах с Гитлером бывшего президента данцигского сената Германа Раушинга. С тех пор, как фон Хассель узнал о войне с Россией, он вновь и вновь перечитывает один и тот же абзац.

«...Мы должны, - заявил тогда Гитлер, - развивать технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитии ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются как черви!»[3]

Языки пламени обгладывают дрова в камине; фон Хасселю мерещатся горящие русские деревни. Отставной дипломат знает о происходящем на Восточном фронте из первых рук; он записывает в дневнике рассказы вернувшихся с фронта офицеров:

1 Я это видел: Новые письма о войне / Сост. Э. Максимова, А. Данилевич; предисл. Э. Максимовой, С. Алексиевич. - М.: Время, 2005. - С. 214-215.

2 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. - М.: Пальмира, 2004. - С. 306.

3 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 597-598; Т. 2. С. 224; Т. 5. С. 84-85; Т. 8. С. 399; Вар. 2. Т. 1. С. 483.

Расстрелы недочеловеков были одним из любимых развлечений благородных немецких офицеров

«Вся война на Востоке ужасна, всеобщее одичание. Один молодой офицер получил приказ уничтожить согнанных в большой сарай 350 гражданских лиц, среди которых были женщины и дети, сначала отказался это делать, но ему было сказано, что это невыполнение приказа, после чего он попросил десять минут на размышление и, наконец, сделал это, направив совместно с некоторыми другими пулеметные очереди в открытую дверь сарая в толпу людей, а затем добивая еще живых из автоматов. Он был настолько потрясен, что, получив позднее легкое ранение, твердо решил не возвращаться на фронт»[1].

1 Война Германии против Советского Союза. С. 48; *Диксон И.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия / Пер. с англ. под ред. А.А. Прохорова; предисл. А.А. Прохорова, Р. Деннинга. - М.: Издательство иностранной литературы, 1957. - С. 227- 228. Дневники фон Хасселя были опубликованы в Лондоне в 1948 году.

...Еще через несколько дней старый дипломат запишет в дневнике горький вывод:

«Волосы встают дыбом, когда узнаешь о мерах, которые планируется предпринять в России, а также о том, как систематически будут нарушаться военные законы на захваченных землях. На деле там возникнет форма самого неприкрытого деспотизма - злейшей карикатуры на любые законы. Подобное состояние дел превратит Германию в такое государство, какое существовало лишь в образе, созданном вражеской пропагандой. ...Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера в России. Таким образом, армия должна принять на себя основную долю убийств и поджогов, которые до сих пор поручались СС»[1].

Ульрих фон Хассель не понимал только одного: как армия, благородная германская армия, могла согласиться на подобное? Он никак не мог осознать, что вермахт, который начал войну с СССР, был не похож на старую кайзеровскую армию.

Это была нацистская армия[2].

* * *

В Минске оккупанты организовали первый концентрационный лагерь, куда сгоняли как военнопленных, так и всех показавшихся подозрительными гражданских лиц в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет. Почти сто пятьдесят тысяч человек были загнаны на столь небольшую территорию, что едва могли шевелиться и отправляли естественные потребности там, где стояли. Еду им не давали: много чести кормить каких-то русских свиней. Единственным стремлением людей, живших без пищи по шесть-восемь дней, было достать что-нибудь съестное. Каждое утро к лагерю протягивались длинные очереди - это жители Минска несли заключенным еду. Но на всех ее не хватало. При малейшем подозрении или просто для развлечения немецкая охрана открывала огонь на поражение; трупы лежали среди падающих от голода людей[3].

Жизнь в этом лагере и многих других, подобных ему, была настолько нечеловеческой, что вызвала некоторое потрясение даже у министра пропаганды Рейха Йозефа Геббельса. Посетив в конце августа один из лагерей, Геббельс записал в дневнике:

«Лагерь военнопленных представляет ужасную картину. Часть большевиков должна спать на голой земле. Дождь льет как из ведра. Большинство не имеет никакой крыши над головой... При посещении такого лагеря военнопленных можно получить странный взгляд о человеческом достоинстве во время войны»[4].

Геббельс писал эти слова в Берлине, в новом здании рейхсканцелярии, а на столе министра лежал только что пришедший из типографии журнал отдела внутренней пропаганды ОКВ. Журнал наглядно разъяснял необходимость спасения общеевропейских ценностей от азиатского большевизма:

«Русско-еврейский большевизм строит свое господство на терроре и на разрушении всех духовных ценностей. Чем являются большевики, знает каждый, кто хоть раз видел физиономию красно-

1 *Уткин А.И.* Россия над бездной, 1918 г.-декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000. - С. 289; *Пленков О.Ю. III* Рейх. Война. Кн. 1. С. 134.

2 См., напр.: *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 46; *Ветте В.* Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 270- 274. О том, как вооруженные силы Германии проникались нацистскими идеями см. монографию: *Ермаков А.* Оруженосцы нации: Вермахт в нацистской Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2006.

3 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 605-606; МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 202-203; Вар. 2. Т. 3. С. 64, 98-99; Ни давности, ни забвения... С. 33; Преступные цели... С. 159-160.

4 *Ржевская Е.М.* Геббельс: Портрет на фоне дневника. - М.: АСТ-пресс книга, 2004. - С. 314-315.

го комиссара. Здесь уже не нужно теоретических разъяснений. Можно было бы обидеть зверей, назвав зверскими черты этих в основном еврейских живодеров. Они - воплощение ада, существа, испытывающие ужасную ненависть ко всему благородному человечеству. Образы этих комиссаров олицетворяют в наших глазах восстание недочеловеков против благородной крови»[1].

Ведомство Геббельса работало четко; статьи и листовки о сущности жидобольшевизма выпускались миллионными тиражами. Каждый немецкий солдат на Восточном фронте точно знал, что воюет против тех, кто хуже зверей, против русско-еврейских азиатских орд, против нелюдей, которых незачем брать в плен.

«Необходимо ликвидировать красных недочеловеков вкупе с их кремлевскими диктаторами, - говорилось в пропагандистском бюллетене №112, выпущенном отделом пропаганды вермахта. - Германскому народу предстоит выполнить самую великую задачу в своей истории, и мир еще услышит о том, что данная задача будет выполнена до конца»[2].

Уничтожение захваченных в плен красноармейцев происходило повсеместно. На виду у местных жителей расстрелянных сбрасывали в противотанковые рвы, не сумевшие помешать победоносным танковым войскам Рейха. Из-под земли были видны неприсыпанные руки, ноги, головы...

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, прибывший в Минск с инспекционной поездкой, остановился у командира айнзатцгруппы «В» бригаденфюрера Артура Небе. Фюрер отдал специальное распоряжение о жесточайшей борьбе с партизанами, и теперь руководству айнзатцгрупп необходимо было разъяснить, кого следует считать партизанами. Всех, кого только заблагорассудится.

После того как Гиммлер и Небе обсудили насущные дела, настало время развлечений. Гиммлер еще ни разу не видел, как производится массовая акция; зная об этом, Небе приказал расстрелять сотню военнопленных. Утром следующего дня Гиммлер, Небе и генерал полиции фон-дем Бах-Зелевски выехали за город; на их глазах эсэсовцы подвели к свежевырытому рву пленных, среди которых находились две женщины. Пленных расстреливали; по мере того как число трупов во рву увеличивалось, Гиммлер все заметнее проявлял беспокойство.

Наконец нервы у шефа СС не выдержали, его вырвало.

Когда рейхсфюрер пришел в себя, генерал фон-дем Бах-Зелевски, наблюдавший за тем, как эсэсовцы достреливают пленных, не преминул воспользоваться удобным случаем и указал, что после проведения таких акций люди «полностью выдыхаются». «Посмотрите в глаза этих людей, - сказал эсэсовский генерал. - У них уже нет нервов на всю оставшуюся жизнь. Мы выращиваем здесь невротиков и варваров!»[3]

Гиммлер обещал подумать над этой проблемой.

В нескольких десятках километров западнее, в оккупированном Бресте рядовой саперного полка Отто Тышлер слушал, как пьяные солдаты полевой жандармерии хвастаются своими подвигами: расстрелами нескольких тысяч советских военнопленных, в том числе женщин[4]. Как и все, Отто знал, что это не пустая похвальба.

«Русские - только для уничтожения».

* * *

К началу октября войска вермахта на Восточном фронте приготовились к новому наступлению. Прошедшие с боями сотни километров танковые части Клейста, Гудериана, Гота,

1 *Штрайт К.* Солдатами их не считать. С. 46; *Шнеер А.* Плен... С. 411.

2 Ветте *В.* Война на уничтожение: Вермахт и Холокост [http://militera.lib.ru/opinions/0020.html] С. 4.

3 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 175, 88-89; *Пэдфилд П.* Рейхсфюрер СС. С. 324.

4 Документы обвиняют: Холокост... С. 10.

Гёппнера были значительно пополнены, их материальная часть отремонтирована. После жестоких боев с русскими пехотные дивизии сократились в числе, однако артиллерией их укомплектовали полностью. В ударной силе немецких войск не приходилось сомневаться; целью решительного наступления была Москва. Гитлер напутствовал своих генералов: «Сигналом конца большевизма станет взрыв Кремля»[1]. Войска вермахта должны были раз и навсегда положить конец существованию Российского государства.

Генерал Эрих Гёппнер призывал вести войну с Россией с неслыханной жестокостью. Его танковая группа имела особо теплые отношения с эсэсовскими карателями

...Под Севском прошедшие долгий путь от Барановичей и Борисова части 29-й моторизованной пехотной дивизии ломали сопротивление советских войск. Пленных не брали; попавших в руки красноармейцев расстреливали, закалывали штыками, давили для развлечения гусеницами танков[2]. Даже непосредственно на поле боя немецкие солдаты находили время не просто расстрелять пленных, а еще и поиздеваться над ними.

Когда на позиции советских частей под Севском пошли танки, двое струсили и побежали, увлекая за собой всю часть. К немцам попали раненые, за которыми вот-вот должна была прийти санитарная машина; когда через некоторое время пришедшие в себя красноармейцы отбили старые позиции, они нашли и раненых. Они лежали на том же самом месте, где их оставили: с выколотыми глазами, вспоротыми животами, с вырезанными на телах звездами. Много лет спустя после войны медсестра той стрелковой части рассказывала писательнице Светлане Алексиевич о произошедшей трагедии, рассказывала и плакала: «Я, как это увидела, за ночь почернела»[3].

7-я пехотная дивизия, наступавшая севернее, также добилась успеха. Когда солдаты 62-го пехотного полка проходили через очередную оставленную советскими войсками деревню, они увидели нескольких пленных красноармейцев. «Наш командир взвода лейтенант Генбиллер крикнул солдатам: «Зачем вы ведете этих свиней, гоните их в лес и дайте там каждому по свинцовой пилюле», - вспоминал старший ефрейтор Рудольф Латцельсбергер. - Солдаты повели их в лес, лейтенант поехал за ними. Вскоре мы услышали несколько выстрелов. Когда лейтенант вернулся, он бросил: «Еще на четыре меньше»[4].

Неподалеку от Ладожского озера перед отбросившими немецкие части бойцами 310-й стрелковой дивизии предстало страшное зрелище. «Все чаще стали попадаться одиночные трупы зверски умерщвленных наших солдат, а потом и целые груды тел, - вспоминал политрук Николай Ляшенко. - Присмотревшись, мы увидели, что все эти люди были умерщв-

1 *Лиддел-Гарт Б.* Битвы Третьего Рейха: Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. - М.: Центрполиграф, 2004. - С. 225.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 126-127.

3 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 140.

4 РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 45.

лены разными орудиями смерти. Вот свежая груда тел из пяти трупов, изуродованных самым зверским образом: разбиты головы, рассечены грудные клетки, выколоты глаза, вспороты животы. А у некоторых во рту остались торчать немецкие штыки...»[1]

Так немцы развлекались на всем тысячекилометровом фронте; поэтому, когда приходилось отступать, раненые красноармейцы просили: «Братишки, не оставляйте нас немцам, лучше пристрелите!»[2]

* * *

Проходя через городок Сольцы Ленинградской области, солдаты вермахта схватили как партизан двоих горожан: учителя одной из местных школ Агеева и юношу Баранова. Быть может, они и вправду пытались оказать сопротивление оккупантам, может, и нет. Однако смерть их была жуткой. Не расстрел и даже не виселица - заостренные колья ждали двоих несчастных. Казнь давно забытая, память о которой затерялась в веках; трупы не разрешали снять с кольев в течение двух недель[3].

Многими сотнями километров южнее, под оккупированным Орлом, пришедшие в село немецкие солдаты после обычных убийств перешли к садистским развлечениям. Они связали семнадцатилетнюю девушку, а потом приказали ее матери обложить собственную дочь соломой и поджечь. Как могло материнское сердце выдержать подобное? Женщина потеряла от ужаса сознание. Тогда нацисты все сделали сами. Когда мать пришла в себя, она бросилась в огонь - спасти свою Надю. Она вытащила дочку из огня; но вокруг не было людей - были лишь жаждавшие крови гитлеровцы. Мать убили прикладом, а дочь бросили обратно в огонь[4].

Во всей своей мощи вермахт шел на Москву.

И ад следовал за ним.

* * *

Заснеженные поля Подмосковья усеяны сгоревшими танками с крестами на башнях. Доблестно погибших солдат вермахта приходится оставлять без погребения: смерзшаяся русская земля не принимает их. Мороз сковывает двигатели танков и убивает людей; будто сама природа этой огромной и чужой страны ополчилась против пришельцев. Русские фанатики вгрызаются в землю. Каждый километр на восток, к Москве, к каменным кремлевским стенам, к золотым куполам церквей, к рубиновым звездам на башнях, дается с невероятным трудом. Русские сражаются так, будто дальше для них нет земли.

Быть может, так оно и есть?

В пятидесяти километрах от Тулы, в занесенном снегом маленьком городке Плавске, усталый и угрюмый генерал Гудериан пишет жене:

«Мы приближаемся к нашей конечной цели очень медленно, в условиях ледяного холода и в исключительно плохих условиях для размещения наших несчастных солдат. С каждым днем увеличиваются сложности снабжения, осуществляемого по железным дорогам... И, тем не менее, наши храбрые войска одерживают одну победу за другой, преодолевая с удивительным терпением все трудности. Мы должны быть благодарны, что наши люди являются такими хорошими солдата-

---

1 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка. С. 18.

2 Я это видел... С. 92.

3 Ни давности, ни забвения... С. 35.

4 Там же.

Там, где проходили нацистские войска, оставались руины. На фотографии - развалы села под Харьковом

ми...»[1]

Далекая Гретель поверит этим словам; она не имеет возможности увидеть «хороших солдат» вермахта во всей красе, какими их видят местные жители.

В деревне Белый Раст, которую танкисты Гудериана займут на следующий день, они, напившись, поставят на крыльце одного из домов двенадцатилетнего Володю Ткачева и будут развлекаться стрельбой из автоматов по живой мишени. Убив мальчишку, откроют беспорядочную стрельбу по окнам домов, а не в добрый час вышедшую из дома крестьянку Мосолову расстреляют вместе с тремя маленькими детьми.

В соседней деревне немецкий офицер, ночевавший в крестьянской избе, разбил о стенку голову двухлетнего малыша: ребенок слишком громко плакал и мешал немцу отдыхать. Это не единичный случай: то же самое произошло в деревне Злобино[2].

Наступавшие от Можайска части 4-й армии генерала Гюнтера фон Клюге взяли Рузу еще в конце октября. Уже на следующий день после взятия города нацисты устроили в помещении городского кинотеатра публичный дом, куда насильно согнали рузских девушек[3].

В селе Королевка пехотинцы фон Клюге убили беременную женщину за то, что она не разрешила им взять из печи приготовленную на обед пищу; в соседней деревне собрали

1 *Гудериан* Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем.; предисл. М. Рабиновича. - Смоленск: Русич, 1998. - С. 337.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 93-94; Вар. 2. Т. 3. С. 217; Ни давности, ни забвения... С. 26.

3 Лубянка в дни битвы за Москву: По рассекреченным документам ФСБ РФ / Предисл. В.К. Виноградова, Ю.В. Сигачева. - М.: Звонница-МГ, 2002. - С. 154.

для стирки тридцать шесть девушек, не забыв напоследок надругаться над ними[1].

Под Калинином их товарищи из 9-й армии генерала Адольфа Штрауса изнасиловали двадцатипятилетнюю Ольгу Тихонову, мать троих детей, находившуюся в последней стадии беременности. А после - перерезали ей горло. В той же деревне немецкие солдаты расстреляли тринадцатилетнего мальчика и на его лбу вырезали пятиконечную звезду[2].

Дикая, нечеловеческая жестокость германских войск несколько обеспокоила даже Гитлера, который в середине октября сказал: «То, что делают наши войска, в самом деле не поддается воображению. Как будут наши солдаты - которые сейчас находятся на дороге домой - чувствовать себя, когда вновь ступят на германскую землю?»[3] В самом деле, не начнут ли они, приученные на Востоке к насилию и убийствам, и на родной земле по пьяному делу насиловать немок и разбивать о стены головы младенцев?

* * *

...Еще долго после победного контрнаступления под Москвой советские солдаты, идя по выжженному Подмосковью, то тут, то там натыкались на следы чудовищных зверств «хороших солдат» генералов Гудериана, фон Клюге, Гота, Гёппнера, Штрауса.

Под Тихвином выбившие немцев из очередной деревни красноармейцы сделали страшную находку. Политрук Николай Ляшенко увидел собравшуюся около большого двухэтажного дома толпу. «Солдаты стояли большим плотным кругом и что-то рассматривали, - вспоминал он. - Протиснувшись в середину, чтобы посмотреть, чем возмущены наши солдаты, я от ужаса попятился назад. Сердце защемило, в лицо ударил жар, кажется, я зашатался. Передо мной лежало огромное, еще не погасшее пепелище, на котором фашисты заживо сжигали военнопленных красноармейцев и мирное население. Вперемешку с пеплом лежало множество еще не догоревших человеческих костей и черепов, немного в стороне несколько обугленных трупов: каждый был связан по рукам и ногам обыкновенной телеграфной проволокой - еще живыми их бросали в костер. Под раскаленной проволокой тело и мышцы полопались, белели кости. Опознать тела было невозможно, настолько они обуглились... По количеству пепла, обгоревших костей было видно, что на костре этом жгли часто и много. Кого так жестоко и зверски уничтожали, поименно мы не знали, мы просто видели останки своих - их здесь истязали, мучили и умерщвляли. Кровь закипала от ненависти к проклятым фашистским извергам»[4].

«Мы идем по опустошенной местности, где все сожжено, ни одного дома в деревнях, сплошная пустыня, - писал домой один из советских солдат. - Мирные жители, старушки с детьми находят приют в лесу, у костра, в землянках. Мужчин угоняют гитлеровцы на работу, а потом расстреливают при отходе. Издевательство над местным населением самое зверское. В Волоколамске повесили 8 человек, их не разрешали снимать, и они висели 52 дня, до прихода наших частей. Недалеко от Ржева в одной деревне загнали почти всю деревню и пленных в церковь и потом зажгли ее. Всего ужаса не опишешь. При продвижении вперед каждый день встречали неслыханные издевательства над жителями»[5].

«Вот, что мы наблюдаем, - писал другой, - женщина валяется посреди улицы. У нее отрезаны уши, глаза выколоты, живот вспорот. Рядом лежит группа бойцов и командиров, у них нет носов, ушей, на лице рубленые раны. После этих издевательств они были сожжены в

1 Там же. С. 383.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 93-94; Вар. 2. Т. 3. С. 218; Ни давности, ни забвения... С. 27.

3 *Тревор-Ропер Х.* Застольные беседы Гитлера, 1941-1944 / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова (далее - З*РГ. Вар. 2)*. - М.: Центрполиграф, 2004. - С. 93.

4 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка. С. 141.

5 Я это видел... С. 139.

огне живыми. Каждый вечер мы наблюдаем огромные зарева пожарищ от пылающих сел и деревень, и сердце обливается кровью у каждого, а жажда мести все растет, и каждый боец и командир горит этой жаждой»[1].

Военная цензура задержала эти письма; их строки могли посеять ужас в тылу, сковать волю к сопротивлению. Действия оккупантов оказались столь ужасными, что рассказывать все об их преступлениях было невозможно.

...Еще очень долго в сводки органов внутренних дел приходилось заносить все новые и новые страшные находки.

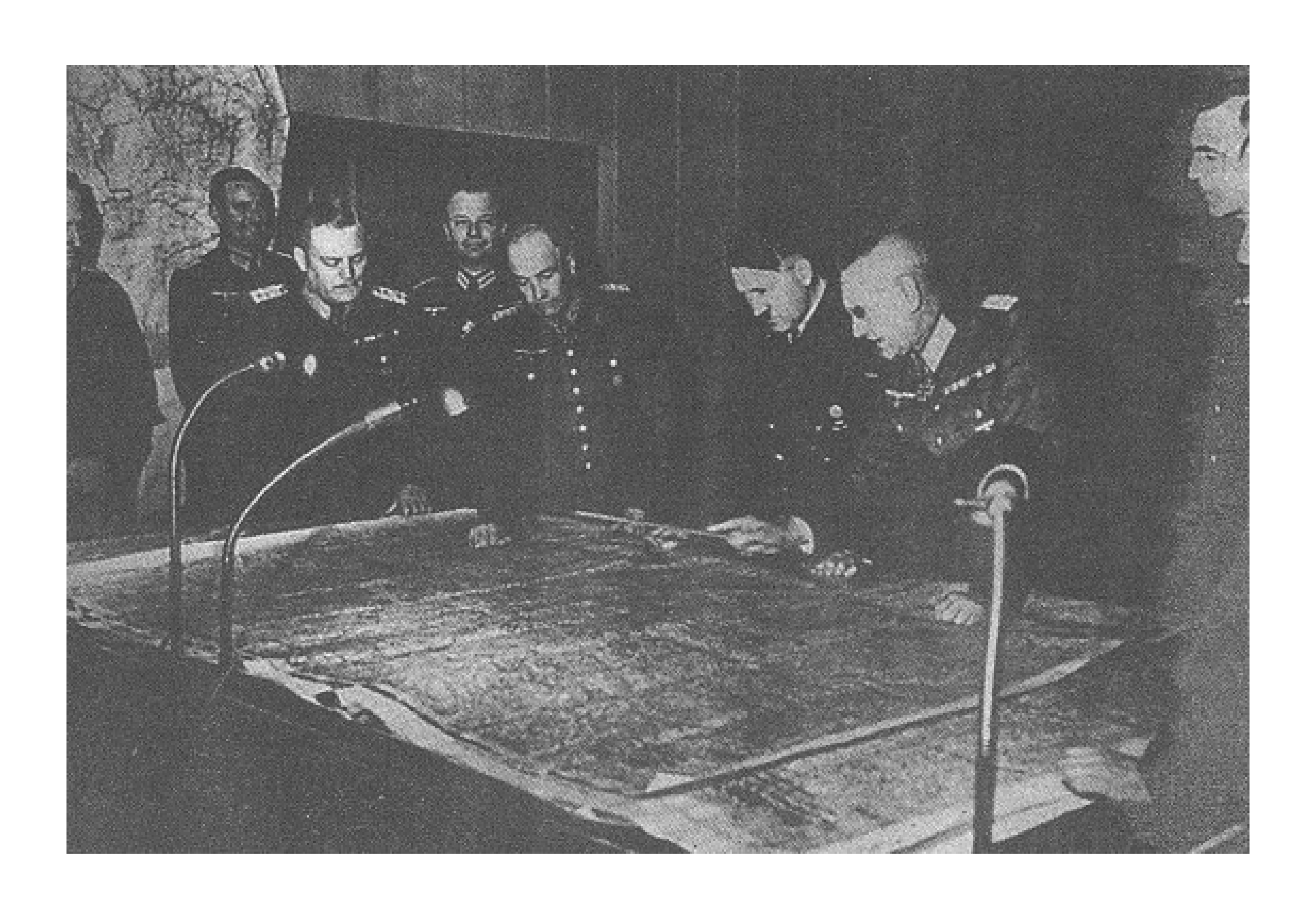
«В Звенигородском районе, дер. Налицы, около стога сена обнаружены пять трупов неизвестных молодых девушек, изнасилованных и зверски расстрелянных фашистами... В Ново-Петровском районе, в дер. Васильковское, на опушке леса обнаружены два трупа изнасилованных и зверски замученных девушек. У одной из них выколоты глаза, у обеих изуродованы груди. Фамилии девушек не установлены»[2].

Впервые солдаты и офицеры Красной Армии смогли увидеть, что творится на оккупированной территории.

Реальность оказалась страшнее любых пропагандистских рассказов.

1 Лубянка в дни битвы за Москву. С. 347.
2 Там же. С. 413.

II
ПОДГОТОВКА ГЕНОЦИДА

Вот вам программа и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского командования, программа и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей.

И. Сталин, 6 ноября 1941 г.

Как ни страшны были находки, делавшиеся советскими войсками во время зимнего наступления 1941 года, они были лишь малой толикой тех преступлений, которые уже были совершены на оккупированных территориях и тех, которые нацистам еще только предстояло совершить. Об этих преступлениях осталось множество свидетельств. Со страниц составлявшихся по свежим следам актов Чрезвычайной государственной комиссии, внутренних отчетов органов госбезопасности, партизанских разведсводок, по рассказам людей, переживших кошмар нацистского господства, перед нами встает то, о чем в послевоенное время пытались забыть. То, о чем на самом деле забыть невозможно, что навсегда останется впечатанным в коллективную память: виселицы, котлованы с тысячами трупов, сожженные заживо крестьяне, вспоротые животы изнасилованных девушек, разбитые головы младенцев. Кровавый след кованого немецкого сапога на советской земле.

Ни в одной другой стране, оккупированной нацистским Рейхом, не происходило ничего даже отдаленно похожего на преступления, совершенные на советской территории. Во Франции, Норвегии, Дании, Греции и даже в Польше оккупанты очень долго вели себя как добропорядочные завоеватели, с немецкой педантичностью выполняющие международные законы и обычаи войны.

Во время Нюрнбергского трибунала выяснилась забавная, но весьма характерная деталь: вступая на территорию Франции, Бельгии и Нидерландов, каждый солдат вермахта имел памятку с «Десятью заповедями о ведении войны», в которой предписывалось вести себя лояльно по отношению к мирному населению и не нарушать международных правил ведения войны. Когда через год вермахт вторгся в Советский Союз, его солдаты были снабжены указаниями без раздумий применять оружие против мирных жителей.

И в том, в другом случае речь шла не об отдельном казусе, а о системе.

Сейчас многие полюбили рассуждать о родственности советского и нацистского режимов. Это глубочайшее заблуждение. Мы слишком слабо представляем себе сущность нацизма; факельные шествия, костры из книг на площадях и «Триумф воли» заслоняют от нас содержательную сущность явления. Очень трудно осознать, что нацизм, в отличие от советского строя, был специфически европейским явлением. Расовые теории нацизма брали начало из расовых теорий европейских колониальных империй; ненависть Гитлера к жидобольшевизму была лишь отражением общеевропейского страха перед «красными». «Национал-социализм - это европейский ответ на вопросы нашего века», - заметил Альфред Розенберг[1]. Эту очень точную характеристику нынешние европейцы пытаются забыть, а отечественные «западники»

1 *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма: От британской к австро-баварской «расе господ»: Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. - СПб.: Академический проект, 2003. - С. 292; Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945 / Пер. с нем. - М.: АСТ; Астрель, 2006. С. 329 - 330.

даже и не знают.

Европейское происхождение нацизма - это отдельная и очень большая тема; заинтересовавшихся ею можно отослать к недавно переведенной на русский язык монографии германского ученого Мануэля Саркисянца «Английские корни немецкого фашизма». Мы же лишь приведем главный вывод, к которому пришел Саркисянц: Гитлер лишь предал государственное оформление широко распространенным в Европе общественным идеям[1].

Нацистское руководство всегда очень трепетно относилось к вопросам общеевропейского единства; после окончания французской кампании «в одном из самых впечатливших немецкую публику документальных фильмов нацистской пропаганды показывали местечко Domremy - родину Жанны д'Арк. Сюжет построен на том, будто бы Орлеанская дева дает тайный знак солдатам вермахта, что их борьба против еврейско-негритянского разложения Старой Франции ей импонирует и она благословляет немецких солдат»[2]. Не следует думать, что это была лишь пропаганда; в июле 1940 года, вскоре после поражения Франции, писатель Андре Жид констатировал: «Если бы правление Германии принесло нам благосостояние, девять из десяти французов смирились бы с ним, а трое или четверо приняли бы его с улыбкой»[3].

Война на Западе была для нацистской Германии внутрисемейной схваткой за гегемонию; так средневековые рыцари бились за права владения феодом. Война на Востоке носила принципиально иной характер. Не феодальные войны, а крестовые походы были ее прообразом; не получение права владения на клочок земли, а уничтожение иной, неправильной цивилизации было ее целью.

В отличие от войны в Европе война с Советским Союзом носила характер межцивилизационного конфликта. Именно поэтому он и приняла характер войны на уничтожение советских народов. «Ведь цивилизация - это прежде всего ее носители. Следовательно, их тоже следует уничтожить - да так, чтобы на развод не осталось».

Крестовый поход на Восток представлялся нацистскому руководству совершенно неизбежным; это обуславливалось не какими бы то ни было геополитическими комбинациями, а самим фактом существования Советского Союза. Несомненный рационализм и прагматизм Гитлера давал регулярные сбои, когда речь заходила о раскинувшейся на востоке стране.

«Все, что я предпринимаю, направлено против России, - проговорился фюрер в августе 1939 года. - Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду сначала разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами»[4].

Полутора годами позже, готовясь к нападению на Советский Союз, Гитлер обосновывал необходимость войны тем, что английское руководство, отказавшись заключить мир с Рейхом, питает надежды на помощь заокеанской Америки и огромной России. Америка достигнет необходимого уровня военного производства лишь через четыре года и потому пока может быть сброшена со счетов. Остается Россия. Как только она будет повержена, Британия останется одна, и тогда в окончательной победе германского Рейха можно будет уже не сомневаться[5].

Но на самом деле причины нападения на Советский Союз были иными; 17 февраля 1941 года начальник генерального штаба ОКХ генерал Франц Гальдер записал в дневнике высказы-

---

1 *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. С. 8.

2 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 119.

3 *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. С. 291.

4 *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. - М.: Минувшее, 2005. - С. 54.

5 Откровения и признания. С. 116-118, 124-126, 129-130.

вание, сделанное фюрером на одном из закрытых совещаний: «Если Англия будет ликвидирована, я уже не смогу поднять немецкий народ против России. Следовательно, сначала должна быть ликвидирована Россия»[1].

Уничтожение Советского Союза в глазах нацистского руководства было самоцелью. Именно поэтому после победы на Западе вместо принципиально возможной высадки в Англии или прямо-таки напрашивающейся «средиземноморской стратегии» Гитлер предпочел напасть на Советский Союз. С рациональной точки зрения это было достаточно сомнительное решение, в конечном итоге приведшее к гибели Третьего Рейха; однако если рассматривать проблему сточки зрения идеологической борьбы, решение Гитлера оказывается вполне логичным.

Нападение на СССР позволяла превратить войну из внутриевропейского конфликта в «войну цивилизаций», сплотить Европу вокруг Германии против «зла с Востока». Было не исключено, что к крестовому походу на Восток может примкнуть и Британия: ибо голос европейской крови и европейской культуры выше сиюминутных политических разногласий; по крайней мере, в это верил не только Гитлер[2]. «В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода, - записывал в дневнике доктор Геббельс на следующий день после начала войны. - Мы сможем хорошо использовать это»[3].

«Я уверен, - рассуждал фюрер, - конец войны положит начало прочной дружбе с Англией. Мы будем жить с ними в мире. Это тот народ, с которым мы можем заключить союз»[4]. Слова не расходились с делом: в июне сорок первого германский посол в Турции Франц фон Па-пен получил из Берлина распоряжение: в первый день нападения, на Советский Союз обсудить с британским послом вопрос о союзе против большевизма[5].

С нашей же страной никто заключать союзов не собирался; ее название должно было исчезнуть с карты мира, ее богатства должны были быть поставлены на службу Германии, ее граждане - те немногие, которые уцелеют, - должны были превратиться в рабов, обслуживающих представителей высшей расы.

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы

---

1 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 440. Рассматривая этот эпизод, германский историк Себастиан Хаффнер справедливо замечает: «Война против Советского Союза всегда оставалась его [Гитлера] заветной целью». - *Хаффнер С.* Самоубийство Германской империи // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 350; *Хаффнер С.* Война против России - «правильная война»: Самоубийственное решение // Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 215. См. также: Германия во Второй мировой войне, 1939 - 1945 / Блейкер В., Дрехслер К., Фёрстер Г., Хасс Г.; Пер с нем. под ред. М.И. Семиряги. - М.: Воениздат, 1971. - С. 107-108.

2 Лучшее доказательство этому тезису - полет Гесса.

3 Откровения и признания. С. 315. См. также: *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. С. 320-321; Киллиан X. В тени побед: Немецкий хирург на Восточном фронте, 1941-1943 / Пер. с англ. С. Бабак. - М.: Центрполиграф, 2005. - С. 320.

4 *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера в ставке Германского верховного командования (1941-1942), записанные Генрихом Геймом и Генри Пикером и изданные последним / Пер. с нем, И.В. Розанова; предисл. И.М. Фрадкина (далее - ЗРГ. Вар. 1). Смоленск: Русич, 1998. - С. 27; ЗРГ. Вар. 2. С. 40; Откровения и признания. С. 137. См. также воспоминания Вальтера Шелленберга: Откровения и признания. С. 431.

5 Г*ерлиц В.* Германский генеральный штаб: История и структура, 1657-1945 / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. - М.: Центрполиграф, 2005. - С. 379.

окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

<...>

Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться, прежде всего, в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч»[1].

Приведенные выше слова Гитлер написал в 1925 году; наверно, это один из редчайших случаев, когда обещания политика были в конечном итоге выполнены. Через шестнадцать лет германские войска нового, Третьего Рейха перешли границу Советского Союза - именно для того, чтобы «немецким мечом завоевать земли для немецкого плуга» и положить конец российской государственности.

В сорок первом году Гитлер рассуждал так же, как и в двадцать пятом: пространства на Востоке должны были стать германской колонией. Однако методы, с помощью которых можно было достичь покорения России, значительно конкретизировались.

«Моя миссия, если мне удастся, - уничтожить славян, - объяснял фюрер румынскому министру Антонеску. - В будущей Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулировками, так как русский вопрос гораздо опаснее, чем это кажется, и мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян»[2].

Эта идея явно владела помыслами Гитлера; по крайней мере, он повторял ее снова и снова. «Перед нами стоит только одна задача - осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись, как с индейцами... Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать! Это будет настоящая индейская война...»[3]

Таким образом, предстояло уничтожить миллионы советских граждан.

Когда мы говорим о «миллионах», то вовсе не преувеличиваем.

Дело в том, что планирование освоения оккупированных территорий нацистами велось с удивительной тщательностью. Все было заранее подсчитано, выверено и подготовлено; много позже французский историк Раймонд Картье, один из первых исследователей материалов Нюрнбергского трибунала, с огромным удивлением заметил: «Ни одна победа не была так хорошо продумана, как та, которую Гитлеру не удалось одержать: его победа над Россией»[4].

Немецкая педантичность сыграла дурную шутку с нацистским руководством; в конце вой-

---

1 *Гитлер А.* Моя борьба / Пер. с нем. - М.: Витязь, 2000. - С. 556-558.

2 *Левит Н.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 217. Высказывание Гитлера приводится по официальной румынской записи.

3 *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. С. 179.

4 *Картье Р.* Тайны войны: После Нюрнберга / Пер. с франц. - М.: Вече, 2005. - С. 181.

ны в руки победителей попало множество документов о подготовке войны против Советского Союза. Среди стратегических разработок плана «Барбаросса» в изобилии нашлись документы, названные впоследствии историками «преступными директивами». Не для обеспечения операций на фронте или организации тыловых коммуникаций вермахта были изданы эти директивы; целью их была расчистка «жизненного пространства» на Востоке, обезлюживание советских земель.

Первой из «преступных директив» стала «Инструкция об особых областях», найденная в приложениях к директиве «Барбаросса». Подписанная 13 марта 1941 года, «Инструкция» гласила:

«На театре военных действий рейхсфюрер СС получает, по поручению фюрера, специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность... Рейхсфюрер СС должен обеспечить, чтобы выполняемые им задачи не мешали ходу боевых действий. Дальнейшие детали главное командование сухопутных сил должно согласовывать непосредственно с рейхсфюрером СС»[1].

Составители «Инструкции» проявили завидную осторожность: если бы этот документ попал в руки постороннему, он не смог бы понять, какие, собственно, «специальные задачи» были возложены на рейхсфюрера СС. Будучи уверенным в неизбежной победе над Советским Союзом, фюрер все же предпочел ключевые указания передать в устной форме. Они были слишком чудовищны, чтобы доверять их бумаге.

Конечно, даже самым наивным людям было понятно, что под «специальными задачами» подразумевается уничтожение мирного населения Советского Союза - не зря же, в конце концов, фюрер германской нации однажды заметил: «Народ должен знать, что войскам вроде СС приходится выполнять палаческие обязанности больше, чем кому-либо еще»[2]. Однако о планируемых масштабах уничтожения советских граждан можно было только догадываться.

Историки никогда не узнали бы, сколько народу планировалось уничтожить на оккупированных восточных территориях, если бы весной 1945 года в плен к американским войскам не попал генерал войск СС обергруппенфюрер Эрих фон-дем Бах-Зелевски. Этот человек был одним из самых высокопоставленных руководителей СС, пользовавшийся доверием Гиммлера; в преддверии нападения на Советский Союз, в мае сорок первого, его назначили высшим руководителем СС и полиции в Центральной России. Установить точное число советских граждан, уничтоженных под его руководством, не представляется возможным.

На Нюрнбергском трибунале фон-дем Бах-Зелевски рассказал очень много интересного; к его показаниям мы будем обращаться не раз. Рассказал он и о том, как в марте 1941 года рейхсфюрер Гиммлер собрал высших чинов СС в замке Вевельсбург.

...На западной границе исконных имперских земель, в Вестфалии, на вершине горы нахохлился замок Вевельсбург. Многие века назад о его стены разбилась волна нашествия гуннов, и древняя легенда гласила: настанет страшное время, когда с Востока придут новые орды - и

1 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 592-593; Т. 3. С. 547; Вар. 2. Т. 1. С. 478; Т. 2. С. 566-567; *Варлимонт В.* В ставке Гитлера: Воспоминания немецкого генерала, 1939-1945 / Пер. с англ. И.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2005. - С. 172; *Хаупт В.* Группа армий «Север». С. 337; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 379.

2 ЗРГ. Вар. 2. С. 177.

снова разобьются о неприступные бастионы Вевельсбурга. К началу XX века обветшавший замок лежал мало что не в руинах, забыв о легендах и славе. А потом настало время, когда легенды стали воплощаться в жизнь. Замок отстроили, его бастионы горделиво вознеслись к небесам, и над северной башней взвилось знамя рейхсфюрера СС.

В северной башне располагался главный зал замка, зал Валгаллы. В нем, за круглым дубовым столом, собирались руководители СС. Личные гербы на обтянутых кожей креслах переглядывались с большими гербами на стенах; в главном зале вершились тайные, мистические дела.

Для земных дел предназначался общий зал совещаний в южном крыле.

Зал заполнен. Свет факелов пляшет на украшающих фуражки черепах, черной парадной форме, дубовых листьях в петлицах, витых погонах, наградных кинжалах. Рыцари тайного ордена слушают своего вождя.

- Близок час последней битвы! Десятки и сотни лет живет Европа в страхе перед нависшими над ее восточными границами варварами. Угроза растет с каждым годом; сегодня речь идет о том, сохранится ли наша цивилизация - или падет под ударами восточных орд. Фюрер принял решение о войне с Россией.

Гиммлер делает паузу; переждав радостный шум, продолжает:

- Это будет особая война, какой еще не было. Особая тяжесть ляжет на плечи СС. Фюрер издал приказ: «На театре военных действий рейхсфюрер СС получает, по поручению фюрера, специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем».

Задачи СС обширны. Мы должны навсегда устранить угрозу с Востока. Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови. Вермахт расширит границы Рейха; СС сделает их немецкими. Для этого необходимо ликвидировать значительную часть населяющих восточные земли недочеловеков. Число славян необходимо сократить на тридцать миллионов человек; чем меньше их останется, тем лучше.

Фюрер надеется на нас.

Хайль Гитлер!

Тридцать миллионов подлежащих уничтожению советских граждан - такими согласно показаниям обергруппенфюрера фон-дем Бах-Зелевски были поставленные перед рейхсфюрером СС «специальные задачи»[1].

Никогда в истории человечества не планировалось столь масштабных злодеяний; неудивительно, что чудовищную цифру намеченных для уничтожения невинных людей нацистское руководство не осмелилось доверить бумаге, даже будучи полностью уверенным в предстоящей победе.

Следует понять, что 30 миллионов человек, которых собирались уничтожить, - это ни в коем случае не окончательная цифра. Это лишь первые наметки; уже через несколько месяцев фельдмаршал Герд фон Рундштедт заявил: «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, **одну**

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 634; Т. 5. С. 267, 270. См. также: Преступные цели... С. 79; МНП. Вар. 1. Т. 3. С. 456; *Пэдфилд П.* Рейсхфюрер СС. С. 310; *Орловский С., Острович Р.* Эрих Кох перед польским судом. С. 221.

треть населения присоединенных территорий»[1]. Масштабность истребительных планов была одной из причин, по которым после окончания военной фазы на Востоке предполагалось оставить пятьдесят шесть дивизий, в том числе двенадцать танковых и шесть моторизованных[2].

Тех же советских граждан, кому посчастливилось уцелеть, согласно нацистским планам следовало свести до положения диких туземцев.

Об этом Гитлер неоднократно и с удовольствием рассуждал во время обеденных бесед. Секретари записывали для потомков гениальные высказывания фюрера; ознакомимся с ними и мы.

«Мы не будем жить в русских городах и предоставим им возможность разваливаться на куски без нашего вмешательства. И самое главное, никакого сожаления по этому поводу! Мы не собираемся быть для них няньками; по отношению к этим людям мы не берем на себя никаких обязательств. Воевать с лачугами, уничтожать блох, поставлять немецких учителей, издавать газеты - это слишком мелко для нас! Мы, возможно, ограничимся тем, что установим радиопередатчики под своим контролем. А в остальном обучим их лишь до уровня, чтоб они понимали наши дорожные знаки...

<....>

О чем думают наши доктора? Не хватит ли делать прививки?.. Пусть подыхают! Самое главное, из-за этих одержимых мы не можем стерилизовать всех коренных жителей!

<....>

Русские не доживают до старости. Они едва ли живут более пятидесяти-шестидесяти лет. Что за глупая идея делать им прививки!.. Никакой вакцинации для русских и никакого мыла, чтобы они смывали свою грязь. Но надо дать им алкоголя и табака сколько их душе угодно.

<....>

Идеальным решением было бы научить этих людей элементарным правилам имитирования. С них спрашивается меньше, чем с глухонемых. Никаких специальных книг для них! Радио будет достаточно, чтобы дать им наиболее важную информацию. Музыки они, конечно, могут иметь сколько им угодно. Могут заниматься тем, чтобы слушать, как журчит текущая из-под крана вода. Я против того, чтобы доверять им работу, требующую даже минимальных умственных усилий.

<....>

Обучение русских, украинцев и киргизов чтению и письму в конечном итоге обратится против нас самих; образование даст более интеллигентным среди них возможность изучать историю, усваивать исторический смысл и, следовательно, развивать политические идеи, которые только повредят нашим интересам. В каждой деревне будет установлен громкоговоритель, чтобы сообщать людям разрозненные новости и прежде всего позволять отвлечься. Какая им польза в знании политики или экономики? Также нет смысла делать передачи о различных историях из их прошлого - все, что надо деревенским жителям, это музыка, музыка и еще раз музыка. Веселая музыка - отличный стимул в тяжелой работе; дайте им все возможности потанцевать, и все селяне будут нам благодарны... <....>

В области общественного здравоохранения не стоит распространять на покоренные массы блага наших знаний. Это лишь привело бы к огромному росту численности местного населения, и я категорически запрещаю организацию какой-либо борьбы за чистоту и гигиену на этой территории. Обязательная вакцинация будет ограничена только немцами...

<....>

Что до этих смехотворных ста миллионов славян, лучших из них мы вылепим в такой форме, какая нам подходит, а остальных изолируем в их свинарниках; а всякий, кто заговорит о том, что надо бе-

1 *Шнеер А.* Плен... С. 187.

2 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера - путь к катастрофе, 1933-1945: Исторические очерки, документы и материалы. - М.: Наука, 2005. - Т. 3. - С. 162-167.

речь и лелеять местных жителей, прямым ходом отправится в концентрационный лагерь!»[1]

Нацистские чиновники свою деятельность строили в полном соответствии с указаниями фюрера. «Славяне должны работать на нас, - излагал сущность оккупационной политики Борман. - Они могут умирать постольку, поскольку они нам не нужны. Они не должны иметь возможности пользоваться немецкой государственной системой здравоохранения. Их рождаемость нас не интересует. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборты, и чем больше, тем лучше. Мы не хотим, чтобы они были образованны. Достаточно, если они будут считать до ста. Такие недоумки будут тем более полезны для нас. Религию мы оставим для отвлечения внимания. Что касается продовольствия, то они получат только то, что им совершенно необходимо. Мы господа, мы стоим на первом месте»[2].

Таковы были задачи нацистов на оккупированной советской земле - уничтожить миллионы, а остальных оставить вымирать от голода и болезней.

Однако СС, на которые было возложено решение «специальных задач» на Востоке, насчитывали менее 250 тысяч человек. Даже если все до одного эсэсовцы были бы задействованы на оккупированных восточных территориях и при этом трудились не покладая рук, то они все равно чисто физически не смогли бы за короткое время уничтожить 30 миллионов человек. Кроме того, в юрисдикцию СС не входили военнопленные; за них отвечала армия. Нацистское руководство мыслило расовыми критериями; с их точки зрения, было бы совершенно нелогично уничтожить тридцать миллионов гражданских, но оставить в живых многие миллионы попавших в плен красноармейцев. Число советских недочеловеков должно было быть радикально сокращено; в рамках этой задачи уничтожение молодых мужчин было просто необходимо.

Таким образом, кроме чисто военных задач от вермахта в предстоящем восточном походе требовалось две вещи: во-первых, обеспечить уничтожение военнопленных и, во-вторых, помочь СС в ликвидации мирного населения.

Проблема заключалась в том, что вплоть до начала Восточной кампании вермахт, не понаслышке знакомый с понятием воинской чести, не только демонстративно дистанцировался от карательных мероприятий эсэсовцев, но и препятствовал им. Многие германские генералы прямо противодействовали репрессиям против мирного населения, шли на прямое столкновение с гражданскими оккупационными властями и самим рейхсфюрером СС.

...В сентябре 1939 года войска вермахта прорвали оборону поляков. Растянутые вдоль границы польские дивизии были раздроблены и рассеяны; германские танковые части уходили все дальше на восток, замыкая котлы вокруг все еще сопротивлявшихся соединений противника. Начальник генштаба ОКХ Гальдер удовлетворенно записывал в дневнике: «Войска всюду сражаются хорошо. Отдельные признаки усталости»[3].

У Гальдера были веские причины гордиться собой и немецкими войсками: первая после сокрушительного поражения восемнадцатого года война была выиграна в минимальные сроки и с минимальными потерями. Немецкий солдат показал себя умелым и стойким, армейское командование - инициативным и решительным. И только одно омрачало праздничное настроение генерала: эсэсовцы. Танковая дивизия генерала Вернера Кемпфа, наступавшая из Восточной Пруссии, более чем наполовину состояла из войск СС. На их выучку не приходилось жа-

1 ЗРГ. Вар. 2. С. 91, 212, 309, 339, 398, 566.
2 МНП. Вар. 1. Т. 6. С. 213.
3 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. С. 135.

ловаться, однако когда 3 сентября Кемпф взял городок с непроизносимым для немца названием Быдгощ, эсэсовцы из артиллерийского полка устроили там бойню: согнали полсотни евреев в один из костелов города и всех перебили.

Преступление вызвало нешуточный скандал. Генерал Кемпф немедленно арестовал эсэсовцев и отдал их под трибунал; это, однако, не избавило его самого от выговора за слабое руководство войсками. Военный трибунал приговорил виновных лишь к году заключения - и тогда командующий третьей армией генерал Георг фон Кюхлер отказался утверждать приговор. Гальдер был полностью согласен с фон Кюхлером: преступники должны были понести **более строгое** наказание. Вопрос был передан на рассмотрение ОКХ, а начальник генштаба записал в дневнике: «Безобразия в тылу - объявить войскам. Строгое наказание»[1]. Дело запахло смертной казнью: именно ее применяли в вермахте при дисциплинарных нарушениях подобного масштаба.

По Берлину ходили слухи, весьма неприятные для эсэсовцев. «Я слышал, что Бласковиц как командующий армией намерен обвинить двух эсэсовских начальников за грабежи и убийства», - записал в дневнике отставной дипломат Ульрих фон Хассель[2].

За своих подчиненных пришлось вступаться рейхсфюреру СС Гиммлеру. Военное командование было столь возмущено произошедшим, что рейсхфюреру пришлось оправдываться. «Трудности. Были ошибки. Доклад командующего на Востоке содержал пять случаев. Просьба сообщить об остальных. Намерен выполнить трудную задачу как можно разумнее, с минимальным кровопролитием. Хочет установить хорошие отношения с армией», - записывал эти оправдания Гальдер[3].

После громкого выяснения отношений вермахт и СС пришли к соглашению: пока на оккупированных территориях действует военная администрация, никаких мероприятий по политической чистке СС проводить не будет. Взамен устроивших бойню эсэсовцев отпустили; мотивировка оправдательного приговора была своеобразной: оказывается, подсудимые действовали в состоянии аффекта.

«Будучи эсэсовцами, они особенно чувствительны к виду евреев и к враждебному отношению евреев к немцам, поэтому действовали бездумно, в пылу юношеского рвения»[4].

Кроме того, 17 октября 1939 года был принят закон, согласно которому члены войск СС больше не подлежали военному трибуналу. Дела о преступлениях эсэсовцев теперь должны были рассматривать эсэсовские же суды[5].

Военные, однако, продолжали противодействовать СС. В феврале 1940 года главнокомандующий оккупационными войсками в Польше генерал-полковник Иоханес фон Бласковиц подал высшему командованию гневную докладную записку с протестом против осуществлявшейся эсэсовцами «политической чистки»; читая ее, нельзя не поражаться резкости выражений.

---

1 Там же. С. 135-136. См. также: С. 180-181.

2 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 123.

3 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. С. 314.

4 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 667. Попутно были распущены слухи о том, что в городе поляками был устроен немецкий погром, а когда 5 сентября туда подошли германские войска, то они встретили «сотни трупов этнических немцев» *(Меллентин Ф. фон.* Танковые сражения, 1939-1945 / Пер. с нем. - М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2003. - С. 23). На самом деле, как следует из дневника Гальдера, город был взят 3 сентября.

5 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера... С. 123.

«Является ошибочной бойня нескольких десятков тысяч евреев и поляков, как это сейчас происходит. Напротив, способ уничтожения наносит величайший вред, усложняет проблемы и делает их более опасными... Если высокие должностные лица СС и полиции требуют насилия и жестокости и одобряют их публично, то в кратчайший срок у власти окажутся только насильники. Невероятно быстро сходятся себе подобные и ущербные типы, которые, как в Польше, дают волю своим животным и патологическим инстинктам. Вряд ли есть еще возможность удержать их в узде, так как они считают, что закон их власти предоставляет им право на любую жестокость. Единственная возможность борьбы с этой чумой в том, чтобы как можно скорее отдать виновных и их окружение в руки военного начальства и правосудия»[1].

Генерала фон Бласковица не только не наказали - вскоре он был назначен командующим оккупационных войск во Франции.

Нежелание командования вермахта заниматься палаческой работой было очевидно; но, с другой стороны, без помощи вермахта обезлюживание и освоение оккупированных советских земель было невозможно.

Ситуация казалась неразрешимой.

В конце марта Гитлер решил разрубить этот гордиев узел.

Все было запланировано заранее. Воскресный день 30 марта 1941 года должен был войти в историю. С раннего утра в малом министерскомзале рейхсканцелярии шла подготовительная суета; потом все затихло. Солнечные лучи ползли по паркету к установленной на возвышении кафедре, гладили дубовые панели стен. Картины в тяжелых рамах расцвечивались неожиданно яркими красками, и ряды кресел ожидающе замирали в предвкушении.

В половине одиннадцатого двери распахнулись; один за другим в зал входили генералы непобедимого вермахта. Раскланиваясь друг с другом, сверкая тусклым серебром витых погон и золотом Рыцарских крестов, они рассаживались по креслам, и малые имперские орлы на фуражках переглядывались с украшавшим кафедру большим орлом.

Здесь, в малом министерском зале, собрались лучшие военачальники Рейха, прошедшие Польшу, Норвегию и Францию, раздвинувшие границы германской империи, сделавшие ее главной державой европейского континента. Их имена звучали как победная музыка, как угроза врагам: фон Рундштедт, фон Бок, фон Лееб, фон Клюге, фон Рейхенау. Их честолюбия порою сталкивались между собой, их соперничество вырывалось наружу - но все они верно служили восставшей из пепла германской империи и ее фюреру.

Именно фюрер собрал их здесь сегодня.

Очень скоро военные таланты генералитета снова послужат Рейху.

Новая война стоит на пороге.

Ее планы утверждены и подписаны.

Ее успех неизбежен.

Сегодня фюрер расскажет о целях этой войны.

- Наши задачи в отношении России... - Гитлер выдержал эффектную паузу, - разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство!

---

1 Война Германии против Советского Союза. С. 40. См. также: *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 82, 86; *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 5-6; Г*ерлиц В.* Германский генеральный штаб. С. 345 - 346; *Бухгайт Г.* Абвер - щит и меч III Рейха: Немецкая военная разведка, 1918-1944 / Пер. с нем. Ю.А. Неподаева; предисл. Т. Гладкова. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 216.

Фюрер германской нации внимательно вглядывался в лица сидящих перед ним генералов. Он ценил их военные таланты, щедро вознаграждал за победы, был уверен в их верности великому Рейху. Но сейчас, в преддверии решающей воины, он испытывал сомнения. Вермахт так и не проникся одухотворяющей национал-социалистической идеологией, его командование носилось с обветшавшими понятиями рыцарской чести и замшелыми военными обычаями - со всем тем, что было уместно в войне на Западе, но что следовало безжалостно отбросить в войне с русскими.

- Эта война будет войной двух диаметрально противоположных идеологий. Она неизбежна, и я предпочитаю взять на себя ответственность, а не закрывать глаза на большевистскую угрозу Европе. Только превентивная война способна остановить большевистский паровой каток прежде, чем Европа станет его жертвой. Русскому большевизму должен быть вынесен уничтожающий приговор; это не социальное преступление - это лишь устранение огромной опасности для будущего нашего Рейха и всей Европы. Исходя из этого, мы не должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение[1].

Фюрер сделал паузу и снова оглядел генералов. Начальник генштаба Гальдер что-то записывает в блокноте; по сосредоточенному лицу не понять, как он воспринял слова фюрера.

Положительно?

Отрицательно?

В польскую кампанию Гальдер требовал для солдат ваффен-СС строгого наказания только из-за того, что они перестреляли каких-то полсотни евреев. Фюрер тогда никак не показал своего возмущения; однако и полтора года спустя он не мог забыть возмутительного поступка начальника генштаба ОКХ. На Востоке русско-большевистские орды придется расстреливать десятками тысяч ежедневно. Неужели начальник генштаба будет препятствовать и этому благородному делу?

- В борьбе против России следует исходить из необходимости безусловного уничтожения большевистских комиссаров и местной интеллигенции. Командиры частей и подразделений германской армии должны знать цели войны, обязаны руководить идеологической борьбой. Комиссары и лица, принадлежащие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать как с преступниками[2].

Поодаль от Гальдера сидит фельдмаршал Герд фон Рундштедт. Именно его войска наносили главные удары в Польше и Франции, именно ему принадлежит самая громкая военная слава. Рундштедт - живое олицетворение прусского офицерства; глаза смотрят прямо и твердо, но понять, о чем думает фельдмаршал, невозможно. После польской кампании командующий оккупационными войсками фон Рундштедт при первой же встрече холодно заявил прибывшему из Берлина рейхслейтеру Гансу Франку, что ни в коем случае не потерпит у себя филиал учреждения рейхсфюрера СС[3]. *А ведь чистить Польшу от местной элиты Франка послал сам фюрер!*

Значит ли это, что в России, как до того в Польше, фельдмаршал фон Рундштедт не сможет встать выше старомодных представлений о рыцарской чести?

- Война против России будет такой, что ее не следует вести с элементами рыцарства.

---

1 *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала: Победы и поражения вермахта, 1938-1945 / Пер. с англ. П.Ю. Никишова. - М.: Центрполиграф, 2004. - С. 161; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 522.

2 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 522.

3 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. С. 69.

Это будет битва идеологий и расовых различий, и она должна проводиться с беспрецедентной и неослабеваемой жестокостью. Все офицеры должны избавиться от устаревших взглядов на мораль. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость - благо для будущего[1].

Взгляд фюрера скользит по лицам генералов. Седые виски, благородные лица, золото наград. В оккупированных Польше и Франции они снабжали местное население продовольствием и заботились о размещении беженцев[2]. *Взятые ими пленные всегда содержались в соответствии с международными нормами, когда допрос в присутствии журналистов уже был недопустимым мероприятием, унижающим достоинство военнопленного*[3].

В предстоящей войне на Востоке все должно быть наоборот. Снабжать местное население продовольствием - недопустимая глупость; чем больше русских умрет, тем лучше. С пленными большевиками не следует церемониться; лучший способ избавиться от них - расстрел.

Не будет ли военное командование мешать этим мероприятиям?

Недоброе предчувствие терзает фюрера, вглядывающегося в непроницаемые лица генералов вермахта. И он, почти потеряв надежду, заканчивает свою историческую речь словами: «Я не жду, что мои генералы поймут меня, но я буду ждать, что они выполнят мои приказы»[4].

Весеннее солнце уже не заливает залу; из глубины темных картин за спиной фюрера с ожиданием глядят на своих далеких потомков рыцари в средневековых доспехах. Плюмажи на шлемах и витые погоны, вязь чеканки на панцирях и золотые кресты; прошлое и настоящее смотрятся друг в друга. Один за другим генералы вермахта поднимаются с кресел навстречу своим благородным предкам: фон Рундштедт, фон Бок, фон Лееб, фон Клюге, фон Рейхенау...

Их аплодисменты разносятся по залу, отражаясь от стен, приобретая металлический отзвук. Мерещится: на руках аплодирующих генералов - стальные рыцарские перчатки.

И фюрер счастливо улыбается своим полководцам.

Выступление Гитлера перед представителями высшего командования вермахта 30 марта 1941 года стало по-настоящему этапным в подготовке геноцида против СССР. Стенограммы этого совещания не сохранилось; возможно, как и в случае с указаниями рейхсфюреру СС, Гитлер счел полезным обойтись без письменных документов. Тем не менее, мы имеем вполне исчерпывающее представление об основных положениях речи фюрера. Начальник генштаба ОКХ генерал Гальдер во время совещания делал записи, которые потом привел в своем дневнике. Записи Гальдера дополняются воспоминаниями начальника ОКВ генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля и генерал-майора Вальтера Варлимонта.

Разумеется, после войны все генералы с редким единодушием утверждали, что были поражены предложением Гитлера принять на себя столь противоречащие любым представлениям о воинской чести палаческие обязанности и что, невзирая на указания сверху, как могли, препятствовали истреблению пленных и местного населения.

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 99-100; *Уткин А.И.* Россия над бездной... С. 288; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. С. 522.

2 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. С. 148, 235, 482, 598.

3 Там же. С. 449; *Ржевская Е.М.* Геббельс... С. 217; *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 115.

4 *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала... С. 162; Откровения и признания. С. 350.

Редкое единодушие объяснялось просто: перед каждым из уцелевших генералов вермахта маячила петля за военные преступления; бесстыдно врать приходилось из естественного чувства самосохранения.

Одним из немногих, осмелившихся сказать правду, был генерал Варлимонт. «Впоследствии многие говорили, что такие резкие выпады Гитлера должны были заставить хоть кого-то из присутствующих в зале хоть как-то выразить свой протест или негативную реакцию после ухода фюрера, - писал он. - Никаких свидетельств, что нечто подобное имело место, нет; я сам был там, и ни в одном из опубликованных ныне документов нет упоминания о таких вещах»[1].

В массе своей командование вермахта безоговорочно согласилось с предложенной фюрером войной на уничтожение; возражавших можно пересчитать по пальцам. «Следствием этого выступления, - пишет германский историк Вольфрам Ветте, - стало сплочение военной элиты вокруг фюрера нацистского государства. Для осуществления преступных замыслов Гитлера вермахт не нуждался в институте политических комиссаров: их роль взяли на себя немецкие генералы»[2].

Отбросив вековые законы и обычаи ведения войны, генералы согласились выполнять приказы фюрера по обезлюживанию советских земель. Произошло то, чего и ожидать-то было трудно: еще вчера противостоявшие карателям из СС, теперь они словно соревновались в демонстрации преданности идеям истребительной войны. Об этом исчерпывающе свидетельствует тот факт, что после совещания 30 марта подготовка «преступных директив» переместилась в ОКХ и ОКВ.

Фюрер выступил перед своими полководцами в воскресенье, а уже в четверг, 3 апреля, начальник генштаба ОКХ генерал Гальдер представил проект директивы об «идеологической войне» на Востоке. Германский историк Кристиан Штрайт следующим образом излагает содержание подготовленной Гальдером директивы: «В этом приказе содержались недвусмысленные указания об обращении с советским населением. Говорилось в нем также и об организации содержания военнопленных. Из приказа следовало, что в отношении Советского Союза не действуют принципы Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны... Реализация германской претензии на господство на советской территории с применением любых - без разбора - средств предпослана здесь как нечто само собой разумеющееся»[3].

Судя по всему, Гальдер подготовил свой проект заблаговременно, еще до мартовской речи фюрера; любой, кто хоть немного знаком с особенностями подготовки правительственных документов, согласится, что иного объяснения столь необычной оперативности быть не может. Оформление и согласование проектов директив такой сложности в германском военном ведомстве обычно занимали от одного до полутора месяцев. Так, например, только 28 апреля, через полтора месяца после издания памятной нам «Инструкции об особых областях», непосредственный начальник Гальдера главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Вальтер фон Браухич подписал разработанное на основе «Инструкции» соглашение о взаимодействии подразделений вермахта и СС[4].

Как видим, Гальдер проявил завидную предусмотрительность; впрочем, не он один.

Начальник управления по делам военнопленных ОКВ генерал-лейтенант Герман Рейнеке уже в марте вызвал из военных округов начальников отделов по делам военнопленных и под

---

1 *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. С. 181.

2 *Ветте В.* Гитлеровский вермахт. С. 272; *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 3.

3 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 33-34.

4 Там же. С. 32; Истребительная война на Востоке. С. 21.

большим секретом сообщил, что ориентировочно в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза.

- В соответствии с этим верховным главнокомандованием разработаны необходимые мероприятия, - сказал генерал. - В наши руки попадут массы пленных большевиков. В обращении с ними необходимо исходить из общей концепции войны на Востоке. Это будет идеологическая и расовая война, сантименты в которой недопустимы.

Присутствовавший на инструктаже генерал Курт фон Эстеррейх, занимавший должность начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа, вспоминал, что был поражен указаниями начальства: «Рейнеке указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать русских военнопленных под открытым небом, огороженными только колючей проволокой. Далее Рейнеке дал нам инструкции об обращении с русскими военнопленными»[1].

Генерал Франц Гальдер предвосхитил указания фюрера в разработке «преступных директив»

Суть инструкций заключалась в том, что расово неполноценных русских недочеловеков нельзя содержать в тех же условиях, что англичан или французов. Соответственно, нормы питания должны быть меньше, а нормы выработки - больше. Впоследствии подчиненными Рейнеке были разработаны нормы питания советского военнопленного, которые соответствовали: по жирам - 42% от нормы европейца, по сахару и хлебу - 66%, по мясу - 0%[2].

В одном из внутренних документов управления отмечалось также, что «попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготавливаемой из соломы или листьев»[3].

Организационная подготовка к созданию системы лагерей для советских военнопленных началась в середине апреля 1941 года; к этому времени уже и средний офицерский состав был осведомлен, что советских пленных ожидает гораздо худшее по отношению к другим категориям военнопленных обращение[4].

В своих действиях начальники отделов по делам военнопленных руководствовались секретным приказом командующего резервными силами о создании фронтовых лагерей. Согласно этому приказу для организации предназначенных для советских военнопленных лагерей округам выделялась только колючая проволока для ограждения; недочеловеков предполагалось содержать под открытым небом. Командующие военными округами получили приказ 10 апреля; однако издан этот документ был гораздо раньше - 26 марта, за четыре дня до выступ-

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 102-103; Вар. 2. Т. 3. С. 22-24.

2 Там же. Вар. 1. Т. 4. С. 93; Вар. 2. Т. 3. С. 13; Истребительная война на Востоке. С. 29.

3 Преступные цели... С. 171; МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 14.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 41.

ления Гитлера[1]. В тот же день между Кейтелем и Йодлем, с одной стороны, и рейхсфюрером Гиммлером, с другой, было достигнуто соглашение о том, что айнзатцкоманды будут проводить «подготовительные работы по политической реорганизации» покоренных областей СССР - то есть в соответствии с указанием фюрера от 13 марта об уничтожении недочеловеков[2].

Как видим, командование вермахта прямо-таки предвосхищало людоедские указания фюрера.

Между тем 6 мая на стол командующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича наконец легли подготовленные в соответствии с мартовскими указаниями фюрера проекты приказа «О комиссарах» и указа «О ведении военного судопроизводства и особых действиях войск» - пожалуй, самые известные из «преступных директив».

Приказ «О комиссарах» гласил:

«1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в пересыльных лагерях. В тыл не эвакуируются.

<....>

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать айнзатцкомандам полиции безопасности»[3].

Уже цитировавшийся нами историк Кристиан Штрайт замечает, что «подобным решением военное руководство изъявило готовность возложить на действующую армию задачу истребления целой категории политических противников. Это была задача, которой до тех пор занималась лишь полиция безопасности Гейдриха»[4]. И если предыдущие «преступные директивы» еще оставляли какое-то пространство для маневра, то, приняв приказ «О комиссарах», военное командование переходило Рубикон, окончательно включаясь в войну на уничтожение.

По-видимому, в ОКХ это прекрасно понимали; косвенным свидетельством тому является указ «О ведении военного судопроизводства и особых действиях войск», представленный на подпись фон Браухичу одновременно с приказом «О комиссарах». И если в предыдущей директиве речь шла об уничтожении одной из категорий военнопленных, то в указе о военном судопроизводстве речь шла об уничтожении мирного населения.

Именно этот приказ в ночь на 22 июня зачитывали на всем протяжении Восточного фронта; в нем немецким солдатам давался карт-бланш на любые преступления против советских недочеловеков. Часть указа, в первые же дни войны приведшую к массовой вспышке жестоких убийств и изнасилований, мы уже цитировали.

Второй пункт указа касался подсудности уже не немецких военнослужащих, а советских

1 *Шнеер А.* Плен... С. 174.

2 *Бухгайт Г.* Абвер - щит и меч III Рейха. С. 250.

3 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 201; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 24-25.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 35. Желающие могут сравнить многословные оправдания генерала Варлимонта с однозначностью формулировок его докладной записки по поводу «Приказа о комиссарах». См.: *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. С. 184- 189; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 24-25.

мирных жителей, оказавшихся на оккупированной территории:

«Преступления враждебных гражданских лиц вплоть до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов...

Нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения неприятеля...

В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников...

Категорически воспрещается сохранять заподозренных для предания их суду после введения этих судов для местного населения»[1].

Как видим, речь шла уже не о комиссарах и даже не о партизанах. Речь шла о произвольном уничтожении гражданских лиц; только так можно истолковать положение о «массовых насильственных мерах». Никогда еще германская армия не занималась ничем подобным.

О том, как указ «О военном судопроизводстве» истолковывался в войсках, после войны показал захваченный в плен председатель военного трибунала 267-й пехотной дивизии гауптман Юлиус Райхоф - то есть человек, который по долгу службы в юридических тонкостях прекрасно разбирался.

«За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось, по приказу Гитлера, предавать суду военного трибунала, - разъяснял Райхоф. - Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как то: полностью сжигать деревни, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава немецкой армии за день до нападения Германии на Советский Союз»[2].

Еще короче о смысле указа выразился германский историк Вольфрам Ветте: «Каждый участник Восточного похода вермахта знал, что ему все позволено и он не предстанет перед военным трибуналом»[3].

Подписать подобный документ было равнозначно совершению военного преступления.

Командующий ОКХ подписал обе преступные директивы без колебаний.

- ...Подготовка к операции «Барбаросса» развивается планомерно и никаких непреодолимых трудностей не встречает. Улучшилось положение с автотранспортом. Штабы высших соединений сухопутных войск уже получили в свое распоряжение авиаэскадрильи. Эскадрильи войсковой авиации имеют в среднем по семь самолетов; кроме того, в резерве - до 120 самолетов «хейнкель». Эскадрильи дальней разведки насчитывают по девять самолетов Ме-111. Комплектование закончено. Осуществляется подтягивание самолетов в районы дислокации штабов. Таким образом, - генерал Гальдер удовлетворенно улыбнулся, - все идет по пла-

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 288-290; Т. 7. С. 300-330.

2 Там же. Т. 5. С. 115-116; Вар. 2. Т. 3. С. 241; Истребительная война на Востоке. С. 42.

3 *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 3.

ну.

Из окна кабинета командующего сухопутными силами фон Браухича открывался великолепный пейзаж на министерский сад. В приоткрытое по случаю майской жары окно врывались запахи весны; комплекс зданий военного командования на Тирпецуфер утопал в зелени.

- Теперь о том, что касается особых директив. Я разговаривал с Кестрингом, нашим московским военным атташе. Он категорически не согласен с мыслью о том, что большевистская Россия - колосс на глиняных ногах. Он даже подал мне специальную докладную записку, в которой... - Гальдер прищурился, вглядываясь в четкие строчки документа, - пишет следующее. «Точно так же, как во время войны с Финляндией, в случае какой-либо другой войны Советское правительство может положиться на выполнение долга и на готовность советских войск пожертвовать собой, при этом оно может рассчитывать также и на всю молодежь страны»[1]*. Как вы знаете, Кестринг - человек умный и непредвзятый, он всегда снабжал нас достоверной информацией*[2]*. Исходя из этого, мы получаем дополнительное основание для издания особых директив в соответствии с мартовскими указаниями фюрера. Вот проекты... - начальник генерального штаба ловко достал из папки несколько скрепленных листочков бумаги, - проекты приказа «О комиссарах» и указа «О ведении военного судопроизводства и особых действиях войск». Предлагаю направить их для утверждения в ОКВ.*

Фельдмаршал Вальтер фон Браухич утвердил приказ «О комиссарах» и указ «О военном судопроизводстве». Эти директивы стали смертным приговором для сотен тысяч невинных людей

Фельдмаршал фон Браухич бегло просмотрел переданные ему документы. В глаза бросились положения указа о комиссарах. «О ведении военного судопроизводства»:

«... За действия против вражеских гражданских лиц, совершенных военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением...»

Фельдмаршал подчеркнул фразу «даже если деяние является военным преступлением» и задумчиво посмотрел на Гальдера. Меры, предусматривавшиеся в приказе, были революционными: до сих пор уничтожение политических противников возлагалось на СД, а никак не на вермахт. Сам фон Браухич не имел ничего против уничтожения каких-то там русских, однако никак не ожидал, что маниакально помешанный на солдатской чести Гальдер когда-либо согласится с концепцией идеологической войны. Однако ж...

Главком продолжил чтение. Он подчеркнул выражение «массовые насильственные меры» и снова посмотрел на Гальдера. Генерал стоял прямо, словно памятник прусскому офицерству.

- У меня нет принципиальных возражений, - сказал наконец главком. - Единственное поже-

---

1 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. с. 333.

2 *Лиддел-Гарт Б.* Битвы Третьего Рейха... С. 210-211.

лание - это чтобы, во-первых, на директивах стоял гриф «совершенно секретно» и, во-вторых, расстрелы большевиков проводились бы незаметно и вне пределов боевых действий. Отметьте это в сопроводительной записке для ОКВ[1].

...Когда за начальником генштаба закрылась дверь, фельдмаршал подошел к окну и стал любоваться расцветшим министерским садом.

Приказав засекретить документы, фельдмаршал фон Браухич наглядно продемонстрировал, что понимал преступность своих действий. В отличие от многих германских генералов он понес за это наказание. После войны англичане и американцы под благовидными предлогами спасли от заслуженной кары многих немецких военачальников; их опыт войны против СССР показался нашим союзникам весьма полезным. Бывший командующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич попал в плен к англичанам; весьма возможно, что его, как прочих, освободили бы. Однако божий суд оказался быстрее и справедливее человеческого: в тюрьме фон Браухич ослеп и, несмотря на усилия врачей, умер.

Весной сорок первого до этого было еще очень далеко. Получив одобренные фон Браухичем приказ «О комиссарах» и указ «О ведении военного судопроизводства», начальник верховного командования вермахта фельдмаршал Кейтель подписал их 12 и 13 мая соответственно; директивы сразу направили в сосредотачивающиеся на восточных границах рейха войска.

...После того как военное командование утвердило ключевые «преступные директивы», ему уже невозможно строить из себя воплощенную невинность. Все заинтересованные лица понимали, что к чему. В имперской столице немедленно было созвано совещание руководства РСХА. На этом совещании давались завершающие указания о принципах действия на оккупированной территории СССР. «Здесь я в первый раз услышал это кодовое название подготовки войны против Советского Союза, - вспоминал начальник отдела IVB 4 Адольф Эйхман. - Были оглашены заранее разработанные планы, вся организация дела, и там значились оперативные группы «Восток» со своими оперативными отрядами. Оперативные группы начальника полиции безопасности и СД должны были двигаться вслед за наступающими немецкими войсками, чтобы сразу за фронтом создавать полицейскую власть»[2]. Официально задачи айнзатцгрупп были сформулированы следующим образом:

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Его подпись стояла под всеми «преступными директивами»

«Задача полиции безопасности и СД заключается в выявлении всех противников империи и борьбе с ними в интересах безопасности армии. Помимо уничтожения активных противников, все остальные элементы, которые в силу своих убеждений либо своего прошлого при благоприятных усло-

1 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 35.

2 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана: Магнитофонные записи допросов в Израиле / Послесл. А. Лесса; пер. с нем. М. Черненко. - М.: Текст, 2002. - С. 78-79.

виях могут оказаться активными врагами, должны устраняться посредством превентивных мероприятий»[1].

Таким образом айнзатцгруппам был выдан карт-бланш на уничтожение всех, кого только заблагорассудится. И этот карт-бланш должен был быть согласован с руководством вермахта.

Уже через несколько дней после утверждения ОКВ ключевых «преступных директив» к обер-квартирмейстеру сухопутных сил генералу Эдуарду Вагнеру пришел начальник 4-го управления РСХА бригаденфюрер СС Генрих Мюллер. Разговор пошел об использовании полиции безопасности и СД в районе действующих армий на Востоке; от вермахта требовалось оказывать содействие айнзатцгруппам СД в решении «специальных задач». Еще бы год назад подобное предложение просто не осмелились бы сделать; теперь же Вагнер подписал соглашение: вермахт обязался оказать содействие СС в благородном деле уничтожения недочеловеков[2].

Воодушевленный поддержкой военных, рейхсфюрер СС уже на следующий день, 15 мая, подал Гитлеру записку, в которой призывал расчистить земли на Востоке. «Дать людям землю! - писал Гиммлер. - Мы должны германизировать и заселить в течение двадцати лет Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Ингерманландию и Крым»[3]. Под «германизацией» понималось переселение на вновь захваченные территории чистокровных немцев; что же до местных жителей, то их ждала смерть.

В это время в оперативном штабе верховного командования уже разрабатывался новый документ, ставший впоследствии известным как «Директива о поведении войск в России». Возглавлявший оперативный штаб ОКВ генерал Альфред Йодль соперничал с начальником генштаба ОКХ генералом Гальдером за влияние на фюрера; поэтому Йодлю было очень неприятно, что Гальдер опередил его в подготовке особых приказов. Недостаток оперативности был восполнен избытком жестокости; согласно «Директиве» Йодля, речь шла уже не только об уничтожении партийных работников и военнопленных, но об истреблении всех, кто оказывал сопротивление в какой бы то ни было форме. «Директива» призывала войска к «беспощадной и энергичной борьбе против большевистских подстрекателей, сопротивляющихся, саботажников, евреев, а также безоговорочному подавлению любого активного и пассивного сопротивления»[4]. 23 мая она легла на стол Кейтеля и была немедленно утверждена.

Меж тем идея очищения восточных земель от недочеловеков носилась в воздухе; к планированию этого благородного мероприятия присоединялись все новые лица.

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт, прославившийся своим противодействием эсэсовскому террору в Польше, на сей раз превзошел в кровожадности самого Гиммлера. Тот говорил о необходимости истребления 30 миллионов советских граждан; фельдмаршал шел дальше. «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, одну треть населения присоединенных территорий, - высказывал свое убеждение фон Рундштедт. - Самый лучший способ для достижения этой цели - недоедание. В конце концов, голод действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи»[5]

1 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 209.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 415; *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 3; *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. С. 136-138; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 376-378.

3 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. - М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. - С. 183.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 36.

5 *Шнеер А.* Плен... С. 187. После войны фельдмаршал, разумеется, резко забыл о своих людоедских высказы-

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт призывал к уничтожению трети населения оккупированных советских земель. Его слова не расходились с делом

В нацистском руководстве были согласны с героем польской и французской кампаний; в начале мая состоялось заседание экономического штаба «Ольденбург», где обсуждались задачи экономического освоения оккупированных советских территорий.

Генерал Йодль сидел на заседании рядом с рейхсминистром Германом Герингом; обсуждение было недолгим. Все понимали, что ни один каратель не сможет уничтожить столько людей, сколько уничтожит голод; секретарь записал в протоколе совещания основные тезисы будущей экономической оккупационной политики на Востоке:

«Первое. Войну можно будет продолжать только в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.

Второе. При этом, несомненно, погибнут от голода десятки миллионов человек, если мы вывезем из страны все необходимое для нас»[1].

То были эскизные наметки; в возглавляемом Герингом экономическом штабе «Ост» составляли и детальные проекты уничтожения советской экономики.

«Выделение черноземных областей должно обеспечить для нас при любых обстоятельствах наличие более или менее значительных излишков в этих областях. Как следствие - прекращение снабжения всей лесной зоны, включая крупные индустриальные центры - Москву и Петербург... Несколько десятков миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти это население от голодной смерти путем отправки туда излишков из черноземной зоны могут быть осуществлены только за счет ухудшения снабжения Европы. Они могут подорвать возможность Германии продержаться в войне и ослабить блокадную прочность Германии и Европы. По этому вопросу должна быть абсолютная ясность»[2].

Процитированная директива экономического штаба «Ост» была утверждена 23 мая - в тот же самый день, что и «Директива о поведении войск в России». Смысл ее был ясен: искусственным образом экономика России должна была быть расчленена; хозяйство оккупированных областей - деградировать до натурального с редкими вкраплениями работающих на германскую промышленность индустриальных предприятий. Это было очень выгодно для нацистов: уничтожение сложившейся структуры экономики обеспечивало не только эффективную эксплуатацию оккупированных территорий, но и уничтожение десятков миллионов советских не-

---

ваниях. «Я всегда был сторонником взаимопонимания с Россией по типу того, что мы имели при генерале фон Секте», - объяснял он американским следователям во время допросов (*Печатнов В.* Пейзаж после битвы: Поверженная Германия глазами американцев // Россия XXI. - 2005. - №3. С. 186). Как же!

1 МНП. Вар. 1. Т. 2. С. 166; Т. 3. С. 556; Т. 4. С. 361; Война Германии против Советского Союза. С. 44; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 23.

2 Война Германии против Советского Союза. С. 45; МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 279-282.

дочеловеков. Уничтожение, которое можно было списать на «естественные» причины.

...Планы истребительной войны против России были настолько чудовищны, что некоторые колебания приходилось подавлять даже Гитлеру. 16 июня 1941 года министр пропаганды Геббельс записывал в своем дневнике:

«Фюрер говорит: правы мы или нет, мы должны победить. Это единственный путь. И он правильный, нравственный и необходимый. И если мы победим, то кто спросит нас о методах. На нашей совести столько всего, что мы должны победить, иначе весь наш народ и мы во главе всего того, что нам дорого, будем уничтожены. Итак, за дело!»[1]

До нападения на Советский Союз оставалось менее недели.

Все новые и новые подразделения вермахта перебрасывались к восточной границе Рейха.

Интерлюдия (1):
КАКИМИ ЦВЕТАМИ ВСТРЕЧАЛИ ОККУПАНТОВ

Существует ложь настолько дикая, настолько не вяжущаяся с реальностью, что на нее и возразить что-то сложно. Попробуй докажи, что ты не верблюд! - принеси справку, результаты медицинской и психологической экспертизы, заверенные показания свидетелей того, что ты человек, причем не самый худший. И все равно найдутся те, кто тебе не поверит, кто будет упрямо твердить: «Верблюд он, верблюд! Говорящий».

Именно такой прием был использован Солженицыным, который в своем «Архипелаге» не мог не пройтись по событиям Великой войны.

«Навалилось еще не виданное на русской памяти поражение, и огромные деревенские пространства от обеих столиц и до Волги и многие мужицкие миллионы мгновенно выпали из-под колхозной власти, и - довольно же лгать и подмазывать историю! - оказалось, что республики хотят только независимости! деревня - только свободы от колхозов! рабочие - свободы от крепостных Указов! <....> Единственным движением народа было - вздохнуть и освободиться, естественным чувством - отвращение к своей власти. И не «застиг врасплох», и не «численное превосходство авиации и танков» так легко замыкало катастрофические котлы - по 300 тысяч (Белосток, Смоленск) и по 650 тысяч вооруженных мужчин (Брянск, Киев), разваливало целые фронты и гнало в такой стремительный и глубокий откат армий, какого не знала Россия за все 1000 лет, да и, наверно, ни одна страна ни в одной войне, - а мгновенный паралич ничтожной власти, от которой отшатнулись подданные как от виснущего трупа»[2].

Право, вызывает сомнение - а русский ли человек писал подобное? Если русский - то как не может он не знать о героизме сражавшихся до последнего защитников Брестской крепости, о четырех миллионах добровольцев, вступивших в народное ополчение, о том, наконец, как впервые вермахт наткнулся на ожесточенное сопротивление, какого не встречал ни в Польше, ни в Скандинавии, ни во Франции? Да и иностранные историки прекрасно знают, как обстояло дело - потому что германские генералы и офицеры оставили достаточно воспоминаний о войне на Восточном фронте.

«Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые

---

1 Откровения и признания. С. 308; Война Германии против Советского Союза. С. 48; *Ржевская Е.М.* Геббельс... С. 264.

2 *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956. - М.: Новый мир, 1990. - Т. 3. - С. 20-22.

месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой, - рассказывал после войны генерал-полковник фон Клейст, чья 1-я танковая группа летом сорок первого наступала на Украине. - Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряженных боях»[1].

«Уже сражения июня 1941 г. показали нам, что представляет собой новая советская армия, - вспоминал генерал Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, наступавшей в Белоруссии. - Мы теряли в боях до пятидесяти процентов личного состава. Пограничники и женщины защищали старую крепость в Бресте свыше недели, сражаясь до последнего предела, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий и бомбежек с воздуха. Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских...»[2]

На самом деле Брестская крепость держалась не «свыше недели», как пишет Блюментрит, а без малого месяц - до 20 июля, когда последний из ее защитников нацарапал на стене слова, ставшие символом героизма советских солдат летом сорок первого: «Погибаю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!»

«Часто случалось, - рассказывал генерал фон Манштейн, командующий 56-м танковым корпусом, - что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются нам в плен, а после того как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат»[3].

«Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою, - не без удивления писал 24 июня в дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. - Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен»[4]. Через пять дней Гальдер поправляет сам себя: это не отдельные случаи. «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян»[5].

4 июля новая запись: «Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных»[6].

Через месяц боев Гальдер записывает окончательный и крайне неприятный для германского командования вывод, сделанный фельдмаршалом Браухичем: «Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник»[7].

К тому же выводу приходит и командование группы армий «Юг»: «Силы, которые нам противостоят, являются по большей части решительной массой, которая в упорстве ведения войны представляет собой нечто совершенно новое по сравнению с нашими бывшими противниками. Мы вынуждены признать, что Красная Армия является очень серьезным противником... Русская пехота проявила неслыханное упорство прежде всего в обороне стационарных укреп-

---

1 *Лиддел-Гарт Б.* Они умеют защищаться и стоять насмерть... // Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 379; *Лиддел-Гарт Б.* Битвы Третьего Рейха... С. 265.

2 *Лиддел-Гарт Б.* Они умеют защищаться... С. 382; *Лиддел-Гарт Б.* Битвы Третьего Рейха... С. 271-272.

3 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. С. 190.

4 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 24.

5 Там же. С. 53.

6 Там же. С. 84.

7 Там же. С. 214.

ленных сооружений. Даже в случае падения всех соседних сооружений некоторые доты, призываемые сдаться, держались до последнего человека»[1].

Министр пропаганды Геббельс, перед началом вторжения считавший, что «большевизм рухнет как карточный домик», уже 2 июля записывает в дневнике: «На Восточном фронте: боевые действия продолжаются. Усиленное и отчаянное сопротивление противника... У противника много убитых, мало раненых и пленных... В общем, происходят очень тяжелые бои. О «прогулке» не может быть и речи. Красный режим мобилизовал народ. К этому прибавляется еще и баснословное упрямство русских. Наши солдаты еле справляются. Но до сих пор все идет по плану. Положение не критическое, но серьезное и требует всех усилий»[2].

«Красная Армия 1941-1945 гг. была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею, - подытоживал Блюментрит. - Это усиливало стойкость советских солдат. Дисциплина в Красной Армии также соблюдалась более четко, чем в царской армии. Они умеют защищаться и стоять насмерть. Попытки их одолеть стоят много крови»[3].

А в речах Гитлера для узкого круга соратников уже в конце сентября начали звучать буквально-таки пораженческие нотки: «Мы должны преследовать две цели. Первое - любой ценой удержать наши позиции на Восточном фронте. Второе - удерживать войну максимально вдалеке от наших границ»[4]. Вот о чем начали задумываться в Берлине еще задолго до нашего наступления под Москвой! Вот как нацисты зауважали Красную Армию, которая, если верить Солженицыну со товарищи, разбегалась перед немецкими танками и сотнями тысяч сдавалась в плен!

Правда о том, как сражаются русские, постепенно доходила и в Рейх, заставляя немцев задуматься.

«До сегодняшнего дня упорство в бою объяснялось страхом перед пистолетом комиссара и политрука, - писали в служебной записке аналитики СД. - Иногда полное безразличие к жизни истолковывалось исходя из животных черт, присущих людям на Востоке. Однако снова и снова возникало подозрение, что голого насилия недостаточно, чтобы вызвать доходящие до пренебрежения жизнью действия в бою... Большевизм... вселил в большую часть русского населения непреклонную решимость»[5].

Труднее всего доходило до начальника ОКВ фельдмаршала Кейтеля. В мае сорок второго года начальник ОКВ, в угоду фюреру, все еще говорил о том, что русские слишком тупы, чтобы «защищаться и стоять насмерть»[6]. Однако к тому времени было уже ясно, что речь идет о непроходимой тупости не советских солдат, а конкретного немецкого фельдмаршала.

Итак, даже германские генералы (за исключением Кейтеля) в один голос говорят о стойкости бойцов РККА тем страшным и жарким летом - а Солженицын (вот уж поистине говоря-

---

1 *Шнеер А.* Плен... С. 111. Ср. другую запись из журнала боевых действий группы армий «Юг»: «Противник, учитывая его численность, боевой дух, упорство, а также, вероятно, и уровень руководства, является во всех отношениях серьезным врагом. Победа над ним должна достигаться не за счет маневра, а, в отличие от кампании в Польше и на Западе, в первую очередь в ходе боя - огнем» *(Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. - М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. - С. 161).

2 Откровения и признания. С. 321; *Ржевская Е.М.* Геббельс... С. 283.

3 *Лиддел-Гарт Б.* Они умеют защищаться... С. 382.

4 ЗРГ. Вар. 2. С. 69.

5 Источник. - 1995. - №3. - С. 89.

6 ЗРГ. Вар. 1. С. 304; Откровения и признания. С. 164. Фактически Кейтель дословно повторял ранние высказывания фюрера. См.: ЗРГ. Вар. 2. С. 65.

щая фамилия) твердит совсем другое. Буйной фантазии «живого классика» можно и позавидовать, однако в данном конкретном случае она, судя по всему, ни при чем: Александр Исаевич просто излагает тезисы гитлеровской пропаганды, сбрасывавшиеся на нашу территорию миллионами листовок и озвучивавшиеся в радиопередачах. Именно эти «источники» говорили о том, что советские солдаты и командиры сдаются в плен сотнями тысяч, потому что не желают поддерживать кровавый жидобольшевистский режим; и надо сказать, что в те дни, когда противник захватывал один город за другим, это могло показаться правдоподобным.

Однако уже к концу сорок первого немцы были вынуждены скорректировать свою пропаганду и признать, что Красная Армия вовсе не собирается ни сдаваться, ни поворачивать штыки против советского строя. И лишь один-единственный человек и десятилетия спустя твердит о массовой измене наших солдат упорнее, чем сам доктор Геббельс, - и зовется при этом живым классиком русской литературы.

Но может, скажут мне, Солженицын прав, когда пишет об антисоветских настроениях советского населения? Армия была опорой режима, но все рабочие и колхозники были едины в своем неприятии антинародного большевистского строя. Вот об этом пишет и Борис Соколов: «Значительная часть населения, причем не только на недавно аннексированных территориях, приветствовала германские войска как своих освободителей от коммунистического гнета». А Соколов этот хоть и не живой классик, а все-таки доктор филологических наук, ставший кандидатом наук исторических, он даже на документы иногда ссылается.

Что можно возразить на это? Только то, что перековавшийся филолог, как и его духовный учитель, лжет - но, будучи несколько умнее, делает это осторожнее. В качестве доказательства своих слов он, например, цитирует руководителя подпольной организации в Могилеве Казимира Мэттэ, который в апреле 1943 года писал:

«Количество населения в городе уменьшилось до 47 тысяч (до войны было более 100 тысяч). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т.д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В том числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др. Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т.д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения»[1].

Итак: в качестве доказательства, что немцев в **сорок первом** году «приветствовали как освободителей, приводится документ, повествующий о событиях **конца сорок второго - начала сорок третьего.** Какая научная нечистоплотность! И что же мы видим? После без малого двух лет оккупации, массированной антисоветской агитации и уничтожения всех подозрительных часть горожан поддерживает немцев, а большинство «вынуждено молчать и маскироваться», чтобы выжить. На основе чего можно сделать вывод, что «значительная часть» могилевцев летом сорок первого высыпала на улицы и забрасывала цветами немецкие танки?

Коммунисту Казимиру Мэттэ в 1943 году, конечно, было непонятно, «почему немцы имеют так много сторонников среди населения»; однако сегодня мы прекрасно знаем, что массированное информационное давление (особенно соединенное с прямым насилием для одних и

---

1 *Соколов Б.В.* Оккупация: Правда и мифы. - М.: АСТ-пресс книга, 2002. - С. 10.

материальными подачками для других) способно и на большее, чем просто обеспечить поддержку среди определенных слоев населения.

Кроме того, не совсем ясен критерий, по которому Мэттэ отличал сторонников оккупантов от их противников: ведь для того, чтобы выжить, люди должны были скрывать свои симпатии к советской власти и делать это максимально убедительно. Сомнительно, что, например, сам подпольщик ходил по городу с красной ленточкой на шапке или же прилюдно костерил нацистов вообще и фюрера германской нации в частности. Скорее всего, он старался выглядеть как лояльный оккупационным властям человек. Но тот, кто принял его за коллаборациониста, принципиально бы ошибся.

Мэттэ стал жертвой известной психологической ловушки: в условиях работы в подполье - постоянного, нечеловеческого напряжения полутора лет - ему стало казаться, что верить можно только тем, кого испытал в деле, что кругом одни враги и предатели, - и в докладе своем он отразил не реальность оккупированного Могилева, а свое субъективное восприятие ее. Понятная и простительная ошибка, воспользовавшись которой Соколов принялся доказывать, что граждане СССР встречали немцев как освободителей.

Доклад Мэттэ - единственный серьезный документ, на который может в обоснование своих тезисов сослаться Соколов; в остальном ему приходится перепевать высказывания бежавших на Запад власовцев, цена которым - ломаный грош, да и тот фальшивый.

Как свидетельство Соколов приводит слова некоего «антикоммуниста» П. Ильинского о настроениях крестьян «в окрестностях Полоцка»:

«Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели провести мобилизацию полностью); сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте»[1].

Право, я не удивлюсь, если это «свидетельство» было напечатано в какой-нибудь из выпускавшихся оккупантами газет. Вообще-то в многочисленных документах германских разведывательных и полицейских органов с самого начала войны четко говорилось: население настроено к оккупантам враждебно. Эти документы мы еще будем цитировать; но даже если бы их не существовало, поверить в тезисы Ильинского-Соколова весьма затруднительно.

Уж коли хочется цитировать эмигрантов, то можно взять книгу Б.Л. Двинова «Власовское движение в свете документов», вышедшую в 1950 году в Нью-Йорке. «Надо раз и навсегда отказаться от кое для кого весьма удобных, но совершенно неверных настроений о том, будто Красная Армия и русский народ только и мечтали о приходе немцев, - пишет Двинов. - Это представление ни в малейшей степени не отвечает действительности. Признавая наличие элементов пораженчества в армии и народе, необходимо в оценке его строго соблюдать пропорции. К тому же пораженчество было довольно скоро изжито даже в этих скромных размерах. Этому способствовало то, что завоеватель очень скоро сбросил маску «освободителя народов» и явился русскому народу во всей реальности жестокого бездушного поработителя»[2].

А если хочется послушать не стороннего наблюдателя, как Двинов, а живого свидетеля, то вот о какой картине рассказывает Константин Симонов в своем военном дневнике:

«А с востока на запад шли гражданские парни. Они шли на свои призывные пункты, к мес-

---

1 Там же. С. 13.

2 Цит. по: *Шнеер А.* Плен... С. 131.

ту сбора частей, мобилизованные, не желавшие опоздать, не хотевшие, чтобы их сочли дезертирами, и в то же время ничего толком не знавшие, не понимавшие, куда они идут. Их вели вперед чувство долга, полная неизвестность и неверие в то, что немцы могут быть здесь, так близко. Это была одна из трагедий тех дней. Этих людей расстреливали с воздуха немцы; они внезапно попадали в плен; они шли часто без документов, и их поэтому иногда расстреливали и наши»[1].

- Это все лживая коммунистическая пропаганда! - закричат в ответ. - Как можно верить коммунисту Симонову! Только патентованные власовцы заслуживают безоговорочного доверия, - не зря же они страдали от кровавого советского режима!

Но сравните одномерную примитивность нарисованной Ильинским и Соколовым картины (все как один! никто иначе не мог себе представить! с полной готовностью!) и поистине трагическую мощь описанной Симоновым сцены.

Вот то, что невозможно ни подделать, ни исказить; это и придумать-то невозможно. Молодые деревенские парни упрямо идут в неизвестность, практически на верную смерть. Их никто не гонит; на многие километры вокруг нету ни звероподобных палачей из НКВД, ни свирепых комиссаров - а они идут, потому что знают: решается судьба Родины, судьба страны, а значит - их судьба.

И потом, когда стало уже ясно, что германские войска остановить в приграничном сражении не удалось, жители районов, которые вот-вот должны были оккупировать, уходили вместе с частями РККА на восток. А те, кто не мог сражаться и не мог уйти, ждали прихода немцев как смерти.

«По дороге, устав и окончательно пропылившись, заехали в какую-то деревеньку возле дороги и заглянули в избу. Изба была оклеена старыми газетами; на стенах висели какие-то рамочки и цветные вырезки из журналов. В правом углу была божница, а на широкой лавке сидел старик, одетый во все белое - в белую рубаху и белые порты, - с седою бородою и кирпичной морщинистой шеей.

Бабка, маленькая старушка с быстрыми движениями, усадила нас рядом со стариком на лавку и стала поить молоком. Сначала достала одну крынку, потом - вторую. <....>

- Все у нас на войне, - сказала она. - Все сыны на войне и внуки на войне. А сюда скоро немец придет, а?

- Не знаем, - сказали мы, хотя чувствовали, что скоро.

- Должно, скоро, - сказала бабка. - Уже стада все погнали. Молочко последнее пьем. Корову-то с колхозным стадом тоже отдали, пусть гонят. Даст бог, когда и обратно пригонят. Народу мало в деревне. Все уходят.

- А вы? - спросил один из нас.

- А мы куда ж пойдем? Мы тут будем. И немцы придут - тут будем, и наши вспять придут - тут будем. Дождемся со стариком, коль живы будем.

Он говорила, а старик все сидел и молчал. И мне казалось, что ему было все равно. Все - все равно. Что он очень стар и если бы он мог, то он умер бы вот сейчас, глядя на нас, людей, одетых в красноармейскую форму, и не дожидаясь, пока в его избу придут немцы. А что они придут сюда - мне по его лицу казалось, что он уверен»[2].

«Было нам очень плохо в этой хате, хотелось плакать, потому что ничего мы не могли сказать этим старикам, ровно ничего утешительного», - признавался описавший ту потрясающую

---

1 *Симонов К.М.* Сто суток войны: Записки / Послесл. Л. Лазарева. - Смоленск: Русич, 1999. - С. 22.

2 Там же. С. 61-62.

картину Симонов.

Это пропаганда? Тогда пропагандой являются и строки другого писателя.

«Каждый русский человек, не на основании умозаключений, а на основании того чувства, которое лежит в нас и лежит в наших отцах, мог бы предсказать то, что свершилось... Как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя свое имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли все, что осталось... Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением оккупантов. Под управлением оккупантов нельзя было быть: это было хуже всего».

Кто же автор столь гнусной коммунистической лжи?

А это никогда не бывший членом ВКП(б) граф Лев Николаевич Толстой[1].

* * *

...Впрочем, следует признать: цветами оккупантов иногда действительно встречали. Когда немцы входили в Харьков, на Клочковской улице им навстречу выбежала девушка с букетом цветов; протянула офицеру и застрелила его[2].

---

1 *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. - М.: Художественная литература, 1980. - Т. 6. - С. 288-289. Для лучшего восприятия при цитировании слово «французы» заменено на «оккупанты».

2 Я это видел... С. 29.

III
«СОЛДАТАМИ ИХ НЕ СЧИТАТЬ»

Что гитлеровское правительство является бандой убийц и поставило своей целью истребление наших граждан - это видно также из чудовищных преступлений гитлеровцев в отношении советских военнопленных.

И. Сталин, 27 апреля 1942 г.

Страшным летом сорок первого подразделения вермахта рвались на восток. Танковые корпуса разрывали линии обороны русских и уходили дальше, замыкая кольцо окружения. Эти стремительные операции - *«кессельшлахт»*, как их именовали сами немцы - являлись визитной карточкой вермахта; их действенность была многократно доказана во время войны в Польше и Франции.

На Восточном фронте операции на окружение также продемонстрировали свою выдающуюся эффективность. Котлы под Белостоком, Киевом, Вязьмой стали для Красной Армии страшными катастрофами, поставившими нашу страну на грань выживания. Для немцев они стали доказательством непобедимости вермахта.

Впрочем, германское командование сразу отметило одну особенность, отличавшую «кессельшлахт» в России от такой же операции на Западе. Если на Западе попавшие в окружение части противника немедленно сдавались, то на Восточном фронте они продолжали упорное, хотя и зачастую бессмысленное сопротивление.

«Пленных было очень много, - вспоминал о кампаниях в Польше и Франции командир танкового подразделения лейбштандарта СС гауптштурмфюрер Авенир Беннигсен. - Отношение к ним было с нашей стороны почти рыцарское. Солдат часто отпускали домой, а офицеров депортировали практически без охраны. Если с польскими офицерами отношения были почти товарищеские, то с французами и подавно. Все строили из себя джентльменов... Как, например, проходил процесс сдачи в плен французов? Это была не просто разрозненная толпа. Действие разворачивалось вроде героической постановки «Гибели богов» Вагнера. Выстроена французская рота - все небритые, поднявшие руки. Перед ней офицеры. Появляются «товарищи» немцы. Французский офицер откуда-то почти неуловимым движением достал палаш (а воевал без него), отсалютовал и протянул немцу. И вся рота дружно зашагала, правда, как пьяная, не в ногу, к сборному пункту или в лагеря. Умирать за Родину французы не хотели»[1].

На Восточном фронте все было совсем по-другому.

«Мы не наблюдали массовой капитуляции, - писал в отчете генерал Герман Гейер, чей 9-й армейский корпус участвовал в создании и ликвидации Белостокского котла. - Однако число пленных было огромно. До 9 июля IX корпус захватил более 50 000 русских - несмотря на то, что в некоторых случаях они сражались весьма мужественно и ожесточенно...» Через несколько абзацев генерал вновь вернулся к столь поразившему его факту: «Все русские отряды от границы до Минска не капитулировали, но были рассеяны и уничтожены»[2].

В Прибалтике советские войска также не стремились сдаваться в плен. «Пленных было мало! - восклицает летописец группы армий «Север» Вернер Хаупт. - Крупные соединения в

---

1 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно: Из рассказов штурмбаннфюрера. - М.: Параллели, 2005. - С. 51.

2 От Буга до Кавказа... С. 79.

стороне от дорог отходили в полном боевом порядке»[1].

В ОКХ шли срочные донесения: «Если на Западе и в польской кампании окруженные силы противника с окончанием боев в основном почти добровольно сдавались в плен на 100%, здесь это будет происходить совершенно иначе. Очень большой процент русских укрылся в больших, частично не прочесанных районах, в лесах, полях, болотах и т.д., русские в основном уклоняются от плена»[2].

Упорное сопротивление русских хоть и стало неприятной неожиданностью, но на исход окружения повлиять не могло. Общевойсковые армии, следовавшие за танкистами, выстраивали внутреннее кольцо и рассекали оказавшиеся в котле советские части до тех пор, пока те не теряли управление. Некогда вполне боеспособные подразделения Красной Армии распадались на мелкие группы, каждая из которых спасалась самостоятельно - и тогда захватить тысячи и десятки тысяч пленных не составляло особого труда.

Тем более что в первый месяц войны ни бойцы РККА, ни их командиры, ни даже (как мы увидим впоследствии) руководство страны не видело ничего особенно зазорного в сдаче в плен. Войны без пленных не бывает - такова жизнь!

...Жарким августом сорок первого за сотни километров к востоку от наступающих германских войск по бескрайней Волге неторопливо поднимался пароход. Знойное солнце ползло по безоблачному небу, от воды тянуло прохладой, а на верхней палубе толпилась, рассматривая окрестности, молодежь. Девчонки пересмеивались, парни рассказывали небылицы, и все до одного верили, что за этим прекрасным и солнечным днем наступит другой, такой же прекрасный и солнечный. Далеко-далеко, на западных границах страны, шла война - но все до одного были уверены в том, что она вот-вот закончится и непобедимая Красная Армия, выгнав фашистов с родной земли, пойдет дальше и дальше - до самого черного Берлина. Парни направлялись в часть, девчонки - на курсы радиотелефонистов; немногие из них дожили до победного мая сорок пятого.

На стоянке в Казани борт о борт к пароходу прицепили баржу. На барже ехали *они* - в непривычной форме, не разумеющие по-русски. Пленные немцы.

«Пришибленные, подавленные, а рядом весело гудим мы, молодежь, уверенная, что колесо войны вот-вот повернется в другую сторону, - вспоминал о той первой встрече с врагом новобранец Юрий Глазунов. - Это позже мы их, немцев, возненавидели за все, что они сотворили на нашей земле. А тогда - делились с ними папиросами, чем-то угощали из жалости, а они приходили к нам за кипятком. Для нас пленные были выбывшими из игры»[3].

Эта фраза - «для нас пленные были выбывшими из игры» - по-видимому, является лучшей характеристикой советского отношения к проблеме плена в первые месяцы войны. Поэтому, когда положение становилось по-настоящему безысходным, многие красноармейцы все же предпочитали плен смерти - тем более, что в немцах еще видели братьев по классу, которые вот-вот обратят штыки против фашистского режима.

Бойцы Красной Армии еще не знали, что для германских войск, продвигавшихся все дальше на восток, пленные не были «вышедшими из игры», что в **этой** войне слова «плен» и «смерть» становятся синонимами.

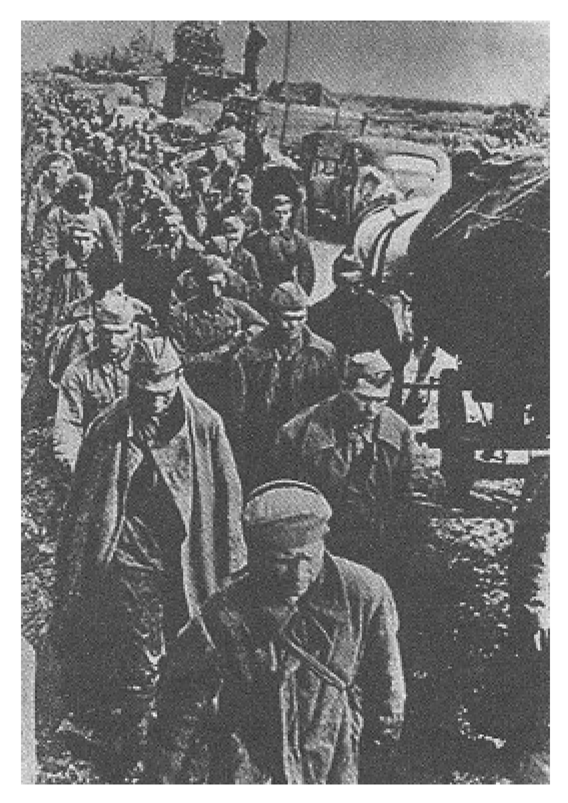
Для одних - раньше, для других - позже.

---

1 *Хаупт В.* Группа армий «Север». С. 30.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 110.

3 Я это видел... С. 124.

Летом сорок первого в руки к нацистам попали сотни тысяч советских военнослужащих

* * *

Исходя из общих принципов истребительной войны, нацистское командование предпочло бы вообще не брать в плен русских. То, что именно это наиболее желательно, солдатам вермахта объясняли заблаговременно.

Рядовой одной из частей наступавшей в Прибалтике 16-й армии генерала Эрнста фон Буша вспоминал о том, как их инструктировали перед боями: «Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии... Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит прогрессу»[1].

В этих указаниях при всей их потрясающей жестокости не было чего-то оригинального; о том, что искоренение русских служит прогрессу, объясняли и в других соединениях. Перед отправкой в Россию 15-ю пехотную дивизию, введенную в бой в полосе группы армий «Центр», выстроили поротно. Обер-лейтенант Принц, встав перед солдатами своей роты, зачитал секретный приказ: военнопленных Красной Армии брать лишь в исключительных случаях, т.е. когда этого нельзя избежать. В остальных случаях следует всех советских солдат расстреливать[2].

Приказ командования 60-й моторизированной пехотной дивизии, изданный уже ближе к осени, гласил: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным»[3].

Все эти приказы выполнялись с немецкой добросовестностью. С первых же дней войны солдаты вермахта проявляли по отношению к захваченным в плен советским солдатам и офицерам удивительную жестокость. Их расстреливали, закалывали штыками, давили для развлечения гусеницами танков[4].

Под Великими Луками в плен к немцам попал красноармеец Д.Е. Быстряков. Вот сцена, свидетелем которой он стал:

«Нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкие солдаты вывели из строя капитана и двух красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, затем левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал у него нос, затем уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось, тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его.

С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны.

После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных, и нас опять загнали в амбар.

1 Истребительная война на Востоке. С. 27.

2 Там же. С. 28; *Шнеер А.* Плен... С. 169.

3 РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 42.

4 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 126-127.

Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли»[1].

«Я видел, как немецкая армия приобретала зверский облик», - признается впоследствии рядовой 15-й пехотной дивизии Бруно Шнайдер[2]. Это было действительно так.

Размах убийств военнопленных непосредственно после боя превосходит всякое разумение. Уже упоминавшийся западногерманский историк Кристиан Штрайт замечает, что количество советских военнопленных, уничтоженных непосредственно после пленения частями вермахта, измеряется «пяти-, если не шестизначным числом»[3]. Таким образом солдаты германской армии избавлялись от омерзительных советских недочеловеков.

25 июля 1941 года высший руководитель СС и полиции на Юге России обергруппенфюрер Фридрих Еккельн издал приказ:

«Пленных комиссаров после короткого допроса направлять мне для подробного допроса через начальника СД моего штаба. С женщинами-агентами или евреями, которые пошли на службу к Советам, обращаться надлежащим образом»[4].

Как видим, три категории пленных подлежали уничтожению: комиссары, евреи и женщины. К этим трем категориям следует прибавить четвертую, не упомянутую обергруппенфюрером Еккельном по той причине, что входящих в нее солдаты вермахта уничтожали сразу.

Речь идет о раненых.

С ранеными все было просто; их добивали прямо на поле боя или в госпитале, если таковой удавалось захватить. Как мы помним, на то солдатам вермахта были даны специальные указания; так, например, рыцарственный генерал Гудериан в приказе по 2-й танковой группе указывал, что «с ранеными русскими нечего возиться - их надо просто приканчивать на месте»[5]. Не следует, однако, считать, что «Быстроходный Гейнц» был исключением из правил: в то время, когда в далекой Казани улыбчивые советские парни делились с пленными немцами едой и папиросами, части 112-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Фридриха Мита вошли в деревню около белорусского городка Болвы. Русские войска только-только оставили деревню; в одной из изб немцы нашли пятнадцать тяжелораненых красноармейцев. Лейтенант Якоб Корцилас увидел, как раненых выбрасывают из избы; потом их раздели догола и, беспомощных, не способных передвигаться, закололи штыками. Пораженный, Корцилас спросил у лейтенанта Кирига, чьи солдаты добивали пленных, по какому указанию совершено это убийство. «Это сделано с ведома командира дивизии генерала Мита», - был ответ[6].

Подобные преступления совершались на всем протяжении от Черного до Балтийского моря в течение всей войны. 1 августа 1942 года после боя в станице Белая Глина Краснодарского края осталось много раненых красноармейцев. По словам местной жительницы В. Иващенко, сразу же после боя немецкий офицер пристрелил всех раненых, лежащих возле ее дома. Всего в станице немцы убили около 50 раненых[7].

С точки зрения нацистов, это было даже гуманно. В конце концов, речь шла о представите-

---

1 *Толстой А.Н.* Лицо гитлеровской армии. С. 489.
2 *Шнеер А.* Плен... С. 169.
3 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 51.
4 *Шнеер А.* Плен... С. 163.
5 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 125-126; Вар. 2. Т. 3. С. 46; РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 37; *Шнеер А.* Плен... С. 412.
6 РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 37; МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 47.
7 *Шнеер А.* Плен... С. 267.

«Фото на память». Пленных советских бойцов заставляют копать себе могилу...

...и расстреливают. Хорошо видно, что среди расстрелянных красноармейцев находится гражданский

лях низшей расы, заведомо потерявших трудоспособность; их уничтожение становилось почти что эвтаназией, избавлением от мучений.

В недавно опубликованных воспоминаниях режиссера Григория Чухрая есть характерный эпизод. Выбираясь из немецкого окружения, он вместе со своими товарищами стал свидетелем трагедии, обыденной, но оттого не менее ужасной.

«Часов около двенадцати мы услышали пулеметную стрельбу. Она приближалась. На дороге по ту сторону оврага появились две полуторки. Они мчались на большой скорости. На брезенте одной из них полоскались от ветра красные кресты. Вслед за ними появились несколько немецких мотоциклов. Они мчались за машинами. Недалеко от нас машины затормозили, из них выскочили несколько человек и побежали в сторону оврага. Мотоциклисты открыли огонь по бегущим, и ни один из них не добежал до оврага. Затем, окружив машины, немцы стали выгонять из них раненых. Вслед за ними вытащили сестер. Потом немцы подожгли обе полуторки. Из горящих машин слышались крики. Тех, кто вышел из машин, под дулами автоматов подвели к оврагу и открыли по ним огонь. Оставшихся в живых сбрасывали в овраг. Самый, казалось, спокойный из нас, Георгий Кондрашев не выдержал.

- Варвары! Гады! - закричал он, схватил винтовку и хотел стрелять.

Что он мог сделать на таком расстоянии против автоматчиков - непонятно. Пришлось связать Жору и воспользоваться кляпом. Он только погубил бы нас: наших патронов хватило бы на один-два выстрела. Нервы начинали сдавать. Многие ребята плакали. А немцы не мстили - они просто выполняли привычную работу. Расправившись с ранеными, они посадили в коляски женщин и укатили на своих мотоциклах.

Описать этого нет ни возможности, ни сил. Вспоминая это, я и сейчас весь дрожу. Самое невыносимое было в том, что, наблюдая все это, мы ничем не могли помочь несчастным»[1].

Каждый из наблюдавших эту трагедию солдат понимал: женщинам, которых увезли с собою немцы, уготована гораздо более горькая участь, чем раненым.

Еще перед нападением на СССР солдат вермахта инструктировали:

«Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и **русских женщин в форме**, то их **немедленно нужно расстреливать**. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан»[2].

Таким образом, женщины-военнопленные были поставлены вне закона, по своей вредоносности приравнены к воплощению зла - комиссарам. Разве можно было этим не воспользоваться? Тем более что у каждого солдата вермахта в кармане лежало два презерватива[3].

Для носивших военную форму советских девчонок - связисток, врачей, медсестер, телефонисток - попасть в плен к немцам было много хуже смерти.

Писательница Светлана Алексиевич многие годы собирала свидетельства прошедших войну женщин; в ее пронзительной книге - вероятно, одной из лучших в жанре «устной истории» - мы найдем свидетельства и об этой по-настоящему страшной странице войны.

«В плен военных женщин немцы не брали... Сразу расстреливали. Водили перед строем своих солдат и показывали: вот, мол, не женщины, а уроды. Русские фанатички! И мы всегда последний патрон для себя держали - умереть, но не сдаться в плен, - рассказывала писатель-

---

1 *Чухрай Г.Н.* Моя война. - М.: Алгоритм, 2001. - С. 143.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 126; Вар. 2. Т. 3. С. 46; См. также: Истребительная война на Востоке. С. 28.

3 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно. С. 57.

Подпись под этой пропагандистской фотографией гласит: «Среди пленных советских солдат стоит женщина - даже она прекратила сопротивление. Это «баба-солдат» и одновременно советская комиссарша, которая заставляла советских солдат ожесточенно сопротивляться до последнего патрона». Так нацисты разжигали ненависть к советским женщинам-военнослужащим

нице одна из респонденток. - У нас попала в плен медсестра. Через день, когда мы отбили ту деревню, нашли ее: глаза выколоты, грудь отрезана... Ее посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые. Ей было девятнадцать лет. Очень красивая...»[1]

«Когда нас окружили и видим, что не вырвемся, - вспоминала другая, - то мы с санитаркой Дашей поднялись из канавы, уже не прячемся, стоим во весь рост: пусть лучше головы снарядом снесет, чем они нас возьмут в плен, будут издеваться. Раненые, кто мог встать, тоже встали...»[2]

Об этом впоследствии вспоминала и сержант-связист Нина Бубнова: «А девушек наших, семь или восемь человек, фашисты на колы сажали»[3].

Когда в ноябре сорок первого года войска 1-й танковой армии генерала фон Клейста отсту-

1 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 129.

2 Там же. С. 60.

3 Историко-архивный институт РГГУ. Коллекция «Красная Армия в Австрии, 1945-1955 гг.» (далее - ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА). Л. 298.

пали из Ростова, их путь был усеян трупами изнасилованных и убитых женщин-военнослужащих. «На дорогах лежали русские санитарки, - вспоминал рядовой 11-й танковой дивизии Ганс Рудгоф. - Их расстреляли и бросили на дорогу. Они лежали обнаженные... На этих мертвых телах... были написаны похабные надписи»[1].

Ту же самую картину можно было наблюдать под Москвой: в Кантемировке местные жители рассказали бойцам перешедшей в контрнаступление Красной Армии, как «раненую девушку-лейтенанта голую вытащили на дорогу, порезали лицо, руки, отрезали груди...»[2].

Если же женщины по каким-либо причинам все же оформлялись как военнопленные, то их просто расстреливали. Один из таких редких - поскольку обычно женщин насиловали и убивали прежде, чем успевали оформить, - случаев произошел под Харьковом. Захватив нескольких женщин-военнослужащих, итальянцы проявили неожиданную галантность и насиловать их не стали, но в соответствии с соглашением между вермахтом и итальянской армией передали немцам. Армейское командование приказало всех женщин расстрелять. «Женщины другого и не ожидали, - вспоминал один из итальянских солдат. - Только попросили, чтобы им разреши-

Советских женщин-военнопленных ждала злая судьба. Шансов на выживание у них было не больше, чем у комиссаров и евреев, а смерть - страшнее

1 *Шнеер А.* Плен... С. 319.

2 Там же.

ли предварительно вымыться в бане и выстирать свое грязное белье, чтобы умереть в чистом виде, как полагается по старым русским обычаям. Немцы удовлетворили их просьбу. И вот они, вымывшись и надев чистые рубахи, пошли на расстрел...»[1]

Это один из редчайших случаев, когда мы сталкиваемся с проявленным германскими офицерами некоторым уважением к военнопленным; уважением, на которое по определению не могли рассчитывать советские недочеловеки.

Обычно все было иначе. В дневнике ефрейтора Пауля Фогта, чья 23-я танковая дивизия воевала неподалеку от Харькова, мы находим следующую запись:

«Этих девчонок мы связали, а потом их слегка поутюжили нашими гусеницами, так что любо было глядеть...»[2]

Только на третий год войны, в марте 1944 года, когда многим в командовании вермахта стало понятно, что война проиграна, а за свои преступления придется держать ответ, было издано распоряжение ОКВ, согласно которому захваченных «военнопленных русских женщин» следовало после проверки СД направлять в концлагеря. До этого наших связисток, шифровальщиц и медсестер до концлагерей практически не доводили[3].

И когда советские войска переходили в наступление под Москвой, Сталинградом, под Курском, когда отбивали города и деревни, среди замученных военнопленных-мужчин наши солдаты находили тех, кому выпала многократно более тяжелая судьба, - военных девушек.

В скупых строчках докладных записок, составлявшихся нашими офицерами после освобождения оккупированных районов, звучит пронзительная, бессильная боль за тех, кого они, здоровые мужики, должны были защитить - и не смогли.

«После изгнания оккупантов в подвалах главной конторы завода № 221 обнаружено до десятка трупов зверски замученных военнослужащих Советской армии, среди них труп девушки, которой изверги выкололи глаза и отрезали правую грудь...»[4]

Беспомощных раненых и беззащитных женщин с невообразимой жестокостью убивали на месте; даже комиссарам давали пожить немного больше.

Методику уничтожения комиссаров в ОКВ и ОКХ заранее спланировали во всех возможных подробностях. Если комиссаров захватывали на фронте - их необходимо было уничтожить «не позднее чем в пересыльных лагерях», если в тылу - передать в распоряжение айнзатцкомандам. Однако, прежде всего, следовало установить, что человек является комиссаром[5]. В полевых условиях разбираться в том, кто комиссар, а кто нет, совершенно не было времени; захваченных в плен людей собирали в колонны и гнали в пересыльные лагеря. Определять, кто есть кто, предстояло уже там.

---

1 Там же. С. 317.

2 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945: Статьи / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. - М.: АСТ; Астрель, Олимп, 2004. - С. 548.

3 Война Германии против Советского Союза. С. 200-203; *Шнеер А.* Плен... С. 326. См. также; *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Пер. с польск. Я.О. Немчинского; предисл. С.К. Тимошенко. - М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 247-249.

4 Сталинградская эпопея. С. 422-423.

5 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 201; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 24-25.

Правда, до лагерей доводили не всех.

Никакой помощи раненым и больным военнопленным не оказывалось; красноармейцев колоннами гнали на запад. В день их заставляли проходить 25-40 километров и так - на протяжении нескольких недель. Еды выдавалось по сто граммов хлеба в день, да и той не хватало на всех[1]. Неудивительно, что при таких условиях многие погибали. Тех, кто оказывал малейшее сопротивление, расстреливали. Тех, кто не мог идти от голода или от ран, тоже расстреливали. Командир действовавшей в Белоруссии 403-й охранной дивизии фон Дитфурт с холодной иронией палача назвал эти убийства «выстрелами облегчения»[2].

Германский хирург профессор Ханс Киллиан в своих мемуарах описал одну из маршевых колонн военнопленных следующим образом:

«То, что к нам приближается, оказывается стадом военнопленных русских. Да, именно стадом - по-другому это невозможно назвать. Поголовье насчитывает примерно двадцать тысяч. Их захватили во время последнего окружения... Они идут со скоростью не больше двух километров в час, безвольно переставляя ноги, как животные. Иногда слышатся окрики полицейских, то там, то здесь раздаются предупредительные выстрелы, чтобы внести в ряды порядок... Жуткая процессия, состоящая из привидений всех возрастов, проходит мимо нас. Некоторые обриты наголо и без шапок, у других на голове меховые шапки-ушанки... Встречаются среди них и старики с длинной бородой... Едва ли кто-то из них смотрит на нас. Мы замечаем, как какой-то изможденный человек, покачнувшись, падает на землю...»[3]

Когда профессор Киллиан возвращался обратно, его водитель ориентировался по трупам военнопленных. «Слева и справа на обочинах дороги каждую секунду на глаза попадаются обнаженные тела мертвых русских, исхудавшие, с торчащими ребрами. Некоторые лежат прямо поперек дороги...» - вспоминал хирург. Свой рассказ об этом ужасном эпизоде он завершает рассуждением в типично нацистском духе: «Русский... выживет в самых примитивных условиях, в то время как мы умрем с голода или замерзнем»[4].

Читая эти рассуждения, можно понять, насколько глубоко немецкая армия и немецкое общество оказались проникнуты нацистскими идеями расового превосходства. Высокообразованный профессор просто не видит в русских военнопленных людей; напротив, он настойчиво подчеркивает их звероподобность. Но коль скоро это животные, то в их смерти нет ничего трагичного - лишь простая обыденность. Именно это подчеркивали немецкие пропагандисты. «Славянский недочеловек, - писали они, - встречает смерть с безразличием»[5].

Во время победной войны на Западе немцы перевозили не менее многочисленных французских и британских военнопленных исключительно на автомобильном и железнодорожном транспорте; о том, чтобы гнать их пешком, ни у кого не возникло и мысли[6]. На Востоке пешие марши служили одной цели: истреблению пленных. «Все происходило постепенно, - вспоминал ополченец Николай Обрыньба. - Теперь я понимаю, что немцы двигались постепенно, чтобы нас «переработать». Нельзя было всех расстрелять... Продержав в лагере и ослабив во-

---

1 *Штрайт К.* Советские военнопленные в Германии // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 235.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 177.

3 *Киллиан Х.* В тени побед. С. 99-101.

4 Там же.

5 *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. С. 189.

6 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 75.

Группа советских военнопленных в одном из населенных пунктов

еннопленных, чтобы мы не могли разбежаться во время перегона, нас, обессилевших, отправляли дальше по этапу... Я с ужасом наблюдал, как доводили здоровых людей до полного бессилия и смерти. Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда: «Все бегом!» Толпа бежала, и в это время на нас обрушивались удары. Прогон один-два километра, и раздавалось: «Стой!» Задыхающиеся, разгоряченные, обливаясь потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали на холодном, пронизывающем ветру по часу под дождем и снегом. Эти упражнения повторялись несколько раз, в результате на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы, это добивали тех, кто не смог подняться»[1].

Часть захваченных под Вязьмой военнопленных погнали к Днепру. Там длинную колонну военнопленных выстроили на берегу и приказали встать на колени.

«Мы недоумевающе опустились, - вспоминал один из красноармейцев. - Я стоял четвертым от воды, но, когда мы опустились, почувствовал, как промокли брюки на коленях. Немец закричал:

- Шлафен!

По колонне пронеслось: спать. А как спать? Песок был мокрый и оседал под тяжестью людей, выступала ледяная вода.

---

1 *Обрыньба Н.* Судьба ополченца. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 46-47.

К ночи ударил мороз, и наши колени примерзли.

Так, на коленях, в этом ледяном крошеве из снега, песка и воды, мы простояли всю ночь. Кто вставал или ложился - пристреливали.

К утру многие замерзли насмерть, другие не смогли подняться, разогнуть колени, их добивали из автоматов»[1].

Когда захваченных под Вязьмой военнопленных прогоняли через Смоленск, многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. «Их лица были настолько черны, что сына родного не узнала бы», - рассказывала впоследствии одна из местных жительниц[2]. При попытке дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На Большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашисты открыли беспорядочную стрельбу по колонне военнопленных. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах[3].

Это было только начало; в середине октября на участке дороги Ярцево - Смоленск произошло одно из самых массовых убийств военнопленных во время этапа. Немецкие конвоиры без всякого повода расстреливали, сжигали военнопленных, загоняя их в стоящие у дороги разбитые советские танки, которые поливались горючим. Пытавшихся выскочить из горящих танков тут же добивали. Ряды и фланги колонны «ровнялись» автоматными и пулеметными очередями. Немецкие танки давили пленных гусеницами. На повороте с автомагистрали Москва - Минск на Смоленск скопилось несколько больших колонн военнопленных, по которым немцы открыл огонь из винтовок и автоматов. Когда уцелевшие двинулись по шоссе на Смоленск, то «идти по нему 12 км было невозможно, не спотыкаясь на каждом шагу о трупы»[4].

Через несколько дней комендант смоленского лагеря доносил окружному коменданту лагерей военнопленных: «В ночь с 19 на 20 октября 30 тыс. русских военнопленных прибыло в Северный лагерь. На следующее утро 20 октября на улице от вокзала до лагеря было обнаружено 125 трупов военнопленных. Все они были убиты выстрелом в голову. Характер ранений не позволяет судить о том, что со стороны пленных были попытки побега или сопротивления»[5].

Под Новгород-Северским при конвоировании колонны военнопленных в лагерь немцы отобрали около 1000 человек больных и истощенных, которые не могли идти пешком, поместили всех в сарай и заживо сожгли[6].

Такое же душераздирающее зрелище представало перед жителями всех оккупированных советских территорий. После освобождения жительница Керчи с ужасом вспоминала об увиденном ей зрелище: «Я была свидетельницей того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров, а тех, которые из-за ранений и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами. Тех, кто под этими ударами падал, расстреливали»[7].

---

1 Там же. С. 48.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 191.

3 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 106-107.

4 *Шнеер А.* Плен... С. 179.

5 Там же.

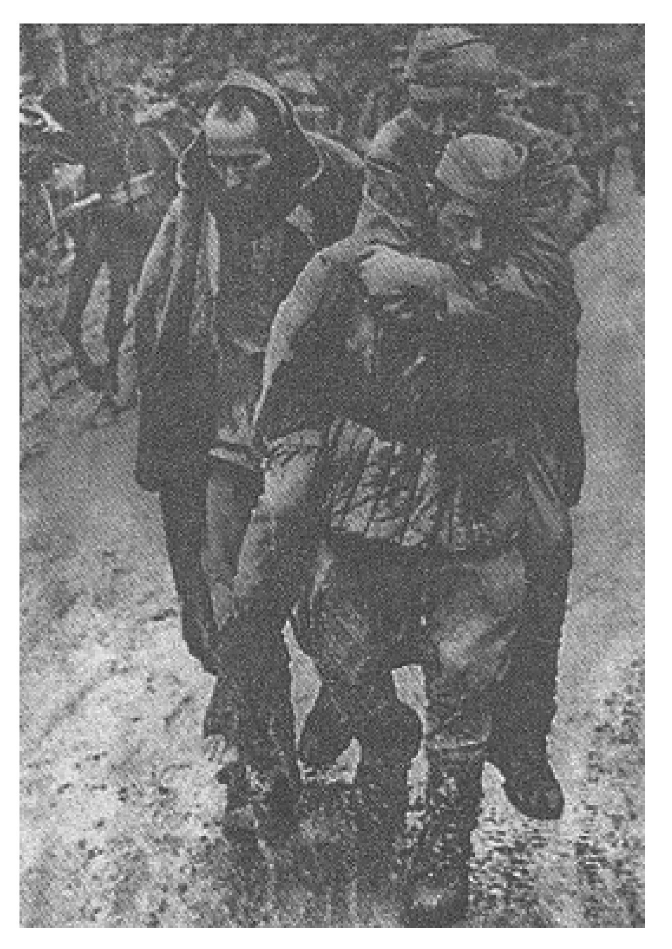
6 Там же. С. 293-294.

7 Там же. С. 121; МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 41.

Германский унтер-офицер Гельмут Пабст зафиксировал в дневнике реакцию жителей Смоленска на эти столь хладнокровные, сколь и бессмысленные зверства: «По другой стороне улицы стояли и плакали женщины. Не так часто видишь слезы: как правило, они не являются частью русского характера»[1].

Другой немецкий офицер, заместитель начальника диверсионного отдела «Абвер-II» при группе армий «Юг» обер-лейтенант Теодор Оберлендер - тот самый, под чьим чутким руководством украинские националисты из «Нахтигаля» устроили резню во Львове, - так описывал реакцию населения на «марши смерти»:

«Настроение населения в большинстве случаев уже через несколько недель после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшалось... Расстрелы в деревнях и крупных населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставление их трупов на дороге - этих фактов население понять не может»[2].

Когда нацисты гнали советских военнопленных в лагеря, обессилевших расстреливали. Но бойцы Красной Армии помогали друг другу...

Оберлендер совершенно точно оценивал настроения украинских крестьян. Когда через село Глубокая Долина погнали первую колонну пленных красноармейцев, местные жители пришли в ужас. «Из хаты выскочили ребятишки, появились женщины, в основном пожилые. При виде колонны живых мертвецов бабы взвыли, дети испуганно прижались к взрослым, - вспоминал один из очевидцев. - Потом, как по команде, все кинулись к избам, и через мгновение в колонну полетели откуда хлеб, откуда сало, вареная картошка, даже кульки с махоркой. Одна из женщин хотела сама передать что-то пленным, но охранник выстрелил в воздух, и толпа отхлынула. Пленные старались поймать хоть что-то из того, что им бросали. То, что не смог поймать идущий впереди, подхватывал идущий сзади, а поднять упавшее зачастую у измученных людей не было сил. Поэтому ребятишки подбирали, догоняли колонну и вновь забрасывали что-нибудь пленным»[3].

Пленных гнали из-под Умани. Части 1-й танковой группы фон Клейста и 17-й армии фон Штюльпнагеля замкнули там кольцо окружения вокруг не успевших пробиться к Днепру советских войск; в котле оказались остатки 6-й и 12-й армий. Это была первая действительно значительная победа на юге; 8 августа немецкое командование объявило о том, что под Уманью в плен попало более 100 тысяч русских. Однако немцы поторопились: окруженные советские части продолжали сопротивление. Лишь через две недели окончились отчаянные и без-

1 *Пабст* Г. Дневник немецкого солдата: Военные будни на Восточном фронте, 1941-1943 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2004. - С. 105.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 556; МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 395; Преступные цели... С. 302.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 201.

надежные бои. Измученных и истощенных пленных было очень много; через спешно созданный пересыльный пункт Гайсин ежечасно прогоняли на запад тысячи пленных. К вечеру 27 августа на пересыльном пункте скопилось около восьми тысяч человек.

Они были согнаны на участке, на котором нормально могло разместиться в лучшем случае восемь сотен; без еды и воды.

Ночью обер-фельдфебель 101-го пехотного полка Лео Мелларт проснулся от криков и стрельбы. «Я вышел наружу и увидел, как стоящие недалеко две или три зенитные батареи ведут огонь прямой наводкой по находившимся в накопителе пленным, - вспоминал он увиденную им ужасную картину. - Ответственность за эту подлость, как мне тогда сказали, несет комендант города Гайсин. Как я узнал позднее от караульных, в результате было убито или тяжело ранено около 1000-1500 человек»[1].

Это была настоящая бойня.

Оставшихся в живых погнали в созданный неподалеку лагерь для военнопленных. На территории бывшего кирпичного завода не было ничего, кроме навесов для сушки кирпича. В нормальных условиях на этой территории могло содержаться шесть-семь тысяч человек; на деле туда набили 74 тысячи. Большая часть пленных ночевала под открытым небом, на голой земле.

Внутри лагеря имелись две так называемые «кухни»: установленные на камнях железные бочки, в которых готовилась пища для военнопленных. При круглосуточной работе в этих бочках можно было приготовить баланды примерно на две тысячи человек; неудивительно, что пленные голодали. Дневная норма составляла буханку хлеба на шесть человек; впрочем, как впоследствии рассказывал один из немецких охранников, «это нельзя было назвать хлебом». При раздаче горячей пищи часто возникали беспорядки. Тогда охрана пускала в ход дубинки и оружие. Ежедневно в лагере погибало 60-70 человек.

«До того, как разразились эпидемии, речь шла в большинстве случаев об убитых людях, - показал впоследствии рядовой охранник Бингель. - Убитых как во время раздачи пищи, так и в рабочее время. И вообще людей убивали в течение всего дня»[2].

Эта фраза - «людей убивали в течение всего дня» - с ужасающей постоянностью повторится в описании всех пересыльных лагерей. Речь идет не только о развлечениях охранников; именно в пересыльных лагерях айнзатцкомандами СД проводился так называемый «отбор военнопленных». Суть его была проста: все подозрительные либо непокорные военнопленные подвергались «экзекуциям», а в переводе на человеческий язык - расстрелам. В этой деятельности айнзатцкоманды руководствовались инструкцией от 17 июля 1941 г. Родившаяся в результате нежного взаимопонимания армейского командования и ведомства Гиммлера, инструкция гласила:

«Начальники оперативных групп под свою ответственность решают вопросы об экзекуции, дают соответствующие указания зондеркомандам. Для проведения установленных данными директивами мер командам надлежит требовать от руководства лагерей выдачи им пленных. Верховным командованием армии дано указание командирам об удовлетворении подобных требований.

Экзекуции должны проводиться незаметно, в удобных местах и, во всяком случае, не в самом лагере или в непосредственной близости от него. Необходимо следить за немедленным и правильным по-

---

1 Истребительная война на Востоке. С. 28-29.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 128-129; Вар. 2. Т. 3. С. 49-50.

гребением трупов»[1].

Первой жертвой «отбора» становились, естественно, комиссары.

Первой, но не единственной.

Один из высокопоставленных офицеров абвера впоследствии следующим образом охарактеризовал методику этих мероприятий:

«Отбор военнопленных производили специально предназначенные для этого особые команды СД, причем по совершенно своеобразному и производному принципу. Некоторые руководители этих айнзатцкоманд придерживались расового принципа, то есть если практически какой-либо из военнопленных не имел определенных расовых признаков или безусловно был евреем или еврейским типом или если он являлся представителем какой-либо низшей расы, над ним производилась экзекуция. Иные руководители этих айнзатцкоманд производили отбор по принципу интеллекта военнопленных. Другие руководители таких айнзатцкоманд тоже имели свои принципы отбора. Обычно это были очень своеобразные принципы»[2].

Иными словами, кроме комиссаров и коммунистов айнзатцгруппы расстреливали в лагерях кого попало. Расстреливались евреи - потому что еврей и комиссар, по сути дела, синонимы. Долгое время расстреливались все мусульмане - поскольку обрезание неоспоримо свидетельствовало о принадлежности к еврейской нации. Уничтожались люди с высшим образованием; в конце концов, это было совершенно возмутительным, что какие-то русско-еврейские недочеловеки имеют образование. Уничтожались офицеры: во-первых, потому что советский офицер, по сути дела, тот же комиссар, а во-вторых, эти вырожденцы наотрез отказываются сотрудничать.

...Когда в лагере под украинским городком Александрия офицер абвера потребовал от пленного старшего лейтенанта данные о советских частях, сдерживавших натиск немецких войск у Днепра, тот ответил: «Большевики Родиной не торгуют, и никаких сведений от меня не добьетесь». Как можно было стерпеть такую наглость от недочеловека? Перед тем как застрелить, лейтенанту отрезали нос, выкололи глаза и на спине вырезали звезду[3].

Под Владимиром-Волынским к расстрелу приговорили семерых высших офицеров РККА. Они не шли на сотрудничество и даже пытались бежать; их участь была ясна. Расстрельная команда стояла в ожидании; штатный фотограф приготовился снимать экзекуцию. На стоявших у стены советских офицеров было страшно смотреть. «Раненые, жутко избитые, они стояли, поддерживая друг друга, - вспоминал один из очевидцев событий. - Унтер пытался завязать им глаза, но они срывали черные повязки. Тогда им было приказано повернуться лицом к стене, но опять ничего не вышло. Офицер крикнул солдатам: «На колени их!» Но, цепляясь за стену, они поднимались опять и опять. И тогда присутствовавший генерал почти крикнул в лицо унтеру: «Я хотел бы, чтобы так встречали смерть наши солдаты». И пошел к выходу вместе с другими офицерами»[4].

Подлежащих ликвидации было так много, что сотрудники айнзатцгрупп и охрана лагерей не справлялись; к экзекуциям привлекали солдат из дислоцировавшихся поблизости частей. Те с огромным удовольствием принимали участие в убийствах.

---

1 Там же. Т. 1. С. 604; Т. 4. С. 146, 205-206; Вар. 2. Т. 1. С. 489.

2 Там же. Вар. 1. Т. 4. С. 173-174; Вар. 2. Т. 3. С. 117.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 428.

4 Я это видел. С. 101.

Для немецких солдат, стоявших в украинском Вознесенске, убийства военнопленных превратились в праздничное развлечение. Каждое воскресенье по местному радио объявляли: «Немецкие солдаты! Желающих принять участие в экзекуции русских военнопленных просим прибыть в лагерь к 12.00». «Пленных выстраивают в коробочку, окружают полицейскими, военной охраной с овчарками, и начинается избиение, а их там около десяти тысяч ни в чем не повинных людей, - с ужасом вспоминали местные жители. - Вой стоял жуткий»[1].

Вот типичные показания одного из палачей, обер-ефрейтора Ле-Курта:

«До пленения меня войсками Красной Армии... служил я в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обслуживания «Е 33/XI» лаборантом. Кроме фотоснимков я выполнял и другие работы в свободное время, то есть я вместе с солдатами занимался в свободное от работы время ради своего интереса расстрелом бойцов Красной Армии и мирных граждан. Мной делались отметки в отдельной книге, сколько я расстрелял военнопленных и мирных граждан...

Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии... мне досрочно, 1 ноября 1941 г., присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить 1 ноября 1942 г., наградили «Восточной медалью»[2].

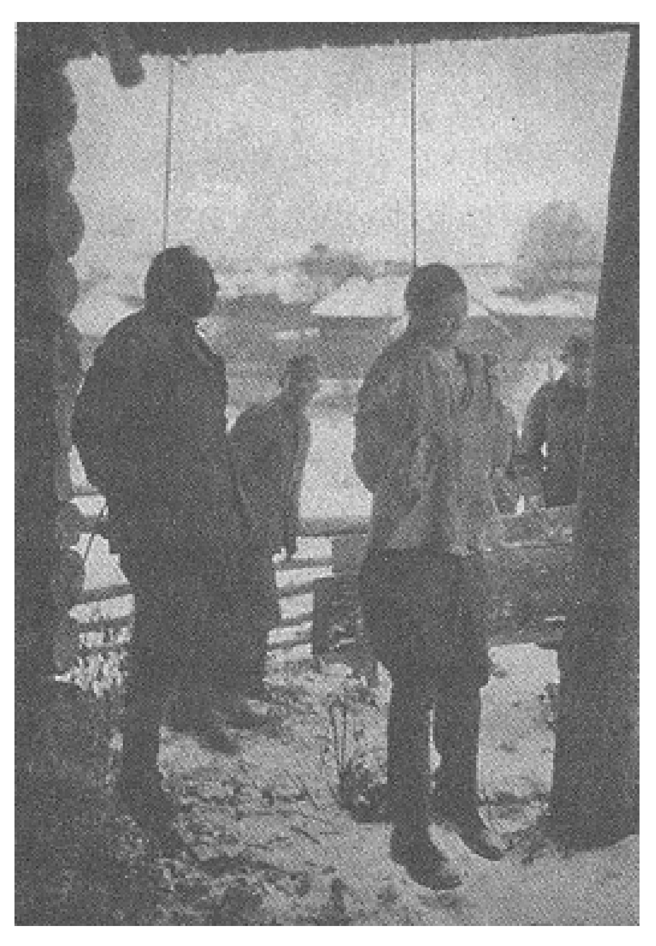
Как видим, работа карателей не только позволяла развлечься убийством недочеловеков, но

В лагерях военнопленных проводилась селекция. Всех подозрительных расстреливали

1 Там же. С. 208.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 99; Вар. 2. Т. 3. С. 223 - 224; Истребительная война на Востоке. С. 46.

Казнь пленных красноармейцев

и хорошо оплачивалась. Благодаря этому недостатка в добровольцах не было; особенно легко было вербовать палачей среди тыловиков. Впрочем, максимум, на что они могли рассчитывать, - это внеочередное звание и «Восточная медаль». Кадровые каратели получали гораздо больше. 14 ноября 1941 года инспектор концлагерей обратился к комендантам лагерей с просьбой «по возможности быстро сообщить обо всех членах СС, участвовавших в экзекуциях, для награждения их крестом заслуг II класса с мечами». Подобное намерение вызвало недоумение даже у некоторых комендантов лагерей: давать боевые награды за работу палача! Однако вскоре отличившихся палачей стали награждать не только боевыми наградами, но и предоставлением отпуска и поездкой домой за государственный счет[1]. Большая роскошь по военным временам!

Не всех подлежащих экзекуции пленных уничтожали на пересыльных пунктах; некоторых вывозили в Рейх. Там, в стационарных концлагерях на них испытывались новые методы массового уничтожения.

Первые триста советских военнопленных прибыли в гигантский и уже пользовавшийся недоброй славой концлагерь Освенцим в июле сорок первого. Большинство этих пленных были одеты в кожаные куртки, и поэтому узники Освенцима приняли их за комиссаров. Однако комиссары Красной Армии давно уже не ходили в кожанках, их носили офицеры-танкисты. Это были те, кто в жестокой встречной битве под Луцком, Бродами и Дубно затормозил наступление танковых частей фон Клейста[2].

Танкисты стали первыми советскими военнопленными, уничтоженными в Освенциме; вскоре, однако, поступили новые партии. Осенью сорок первого именно на пленных солдатах и офицерах Красной Армии впервые была опробована технология убийства при помощи газа «Циклон-Б», впоследствии доведенная до настоящего совершенства[3].

Уничтожение советских недочеловеков шло полным ходом. В августе 1941 года в концлагерь Заксенхаузен неподалеку от Берлина прибыл генерал войск СС Теодор Эйке, командир дивизии «Мертвая голова» и главный инспектор концлагерей. Дивизия «Мертвая голова» воевала на Востоке, где уже прославилась своей жестокостью. Эйке провел совещание, в котором участвовало лагерное начальство. Никто не знал, о чем шла речь на этом совещании, однако когда через несколько дней в Заксенхаузен прибыл первый транспорт с советскими военнопленными, начальник лагеря приказал роттенфюреру Густаву Зорге не вносить новоприбыв-

1 *Шнеер А.* Плен... С. 424-425.

2 Там же. С. 251.

3 *Штрайт К.* Солдатами их не считать. С. 29; *Штрайт К.* Советские военнопленные... С. 240; *Погожев А., Стенькин П.* Побег из Освенцима: Остаться в живых. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 132 - 133.

ших в списки узников. «Мне было дано указание уничтожить этих людей, - рассказывал Зорге. - Все советские военнопленные, поступившие в лагерь с августа по октябрь 1941 г. ...были уничтожены и сожжены в специально построенном бараке вблизи крематория на территории промышленного двора»[1].

Это были первые опыты, оказавшиеся удачными. «С тех пор и до конца войны, - пишет историк Кристин Штрайт, - не прекращалась отправка «нетерпимых» военнопленных в концлагеря для уничтожения. В Дахау их расстреливали на стрельбище, в Заксенхаузене и Бухенвальде убивали в затылок с помощью специальных замаскированных устройств...»[2]

Сколь масштабны были мероприятия по уничтожению советских пленных, стало ясно лишь летом 1942 года, когда около одного из филиалов Освенцима просела земля громадной братской могилы. Трупный запах был так силен, что выдержать его не могли даже овчарки лагерной охраны. И тогда руководство лагеря приняло решение: место захоронения раскопать, останки уничтожить. «Стало ясно, - вспоминал один из заключенных, - в могилах останки советских военнопленных. Это было потрясающее известие. Кто они? Может, те товарищи, которых привезли в лагерь до нас и которых травили газом в подвалах блока №11. Ведь в крематории их не сжигали. Сапоги, пуговицы. Ремни, пилотки, фляги, котелки бесспорно подтверждали их принадлежность к военнослужащим советской армии...»[3]. Много дней уничтожали нацисты эти захоронения; дым от гигантских костров перекрывал небо. Узникам, работавшим на могилах, давали водку, но все равно люди сходили с ума. Тогда их пристреливали и приводили новых...

Никто и никогда не сможет подсчитать, сколько военнопленных стали жертвами мероприятий по «очистке» лагерей. «Складывается впечатление, - подытоживает Штрайт, - что на территории Рейха до февраля 1942 года были ликвидированы как «нетерпимые» в среднем от 10 до 20 процентов пленных. В остальных районах, на которые распространялась компетенция ОКВ, то есть в Восточной Пруссии, Польше и в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина», суммарные цифры наверняка были выше»[4].

Чем значительнее были успехи немецких войск на фронте, тем более жестоким становилось обращение с военнопленными. В принципе это было совершенно логично: конец войны казался близок. Когда боевые действия закончатся, списывать массовое уничтожение военнопленных на неизбежные в войне «случайности» будет нельзя. Следовательно, надо поторопиться!

19 сентября 6-я армия форсировала Днепр по обе стороны Киева, замкнув кольцо вокруг города. Киев был взят; отступавшие советские войска - сжаты со всех сторон. По немецким данным, в плен попало 665 тысяч человек.

Вскоре один из героев Киевского сражения, командующий 6-й армией Вальтер фон Рейхенау издал приказ: «Снабжение питанием мирных граждан и военнопленных является ненужной гуманностью»[5].

Военнопленные сразу почувствовали на себе последствия людоедского распоряжения. В Дарницком лагере на окраине Киева ежедневно от голода умирали сотни людей. «Команди-

---

1 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST: Судьба рабов Третьего рейха в их свидетельствах, письмах и документах / Послесл. А. Урбана. - М.: Молодая гвардия, 2005. С. 18.

2 *Штрайт К.* Солдатами их не считать. С. 49. См., напр., МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 32-33.

3 *Погожев А., Стенькин П.* Побег из Освенцима. С. 162.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать. С. 50.

5 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 104: Вар. 2. Т. 3. С. 24.

рам, политрукам и евреям не давали ничего. Они перепахали всю землю и съели все, что можно. На пятый-шестой день они грызли свои ремни и обувь. К восьмому-девятому дню часть их умерла, а остальные были как помешанные. Дню к двенадцатому оставались единицы, безумные с мутными глазами, они обгрызали и жевали ногти, искали в рубахах вшей и клали их в рот. Наиболее живучими оказались евреи, иные и через две недели шевелились, а командиры и политруки умирали раньше, и страшна была их смерть»[1].

Времена, когда местные жители могли еще передавать продукты пленным, ушли в прошлое; теперь подобные попытки жестоко карались. Комендант Риги издал приказ: «Население часто продает или подает хлеб проходящим по улицам Риги военнопленным. Населению указано, что продажа или передача хлеба и других предметов военнопленным и вообще любая связь с ними запрещена. Нарушители этого распоряжения будут наказаны»[2].

В «Памятке об использовании труда советских военнопленных» подчеркивалось:

«Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками... Нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения, как на работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо образом сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и прочее, должны, безусловно, задерживаться»[3].

Слова не расходились с делом; лишенные пропитания военнопленные ели кору деревьев и траву[4]. От голода люди теряли человеческий облик; случались даже случаи каннибализма, которые радостно использовались немецкими пропагандистами. Смертность среди пленных была крайне велика.

«Вечером, на закате, слышится какой-то жуткий непонятный шум, - вспоминал армейский хирург Ханс Киллиан. - С возвышенности нашему взору открывается долина, заполненная тысячами и тысячами русских пленных. Вид этой серо-коричневой массы людей вызывает отчаянье и напоминает согнанных в кучу коров или баранов. Что станется с ними, задаю я себе немой вопрос. Наступает ночь, становится прохладно. В ужасе я возвращаюсь обратно в дом»[5].

Венгерский офицер-танкист, впоследствии описавший английскому журналисту лагерь военнопленных, был более откровенен, чем немецкий хирург:

«Мы стояли в Ровно. Однажды утром, проснувшись, я услышал, как тысячи собак воют где-то вдалеке... Я позвал ординарца и спросил: «Шандор, что это за стоны и за вой?» Он ответил: «Неподалеку находится огромная масса русских военнопленных, которых держат под открытым небом. Их, должно быть, 80 тысяч. Они стонут потому, что умирают от голода».

Я пошел посмотреть. За колючей проволокой находились десятки тысяч русских военнопленных. Многие были при последнем издыхании. Мало кто из них мог держаться на ногах. Лица их высохли, глаза глубоко запали. Каждый день умирали сотни, и те, у кого еще оставались силы, сваливали их в огромную яму»[6].

1 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 126.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 207.

3 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 207; Т. 5. С. 343-344.

4 Там же. Т. 4. С. 120.

5 *Киллиан X.* В тени побед. С. 54-55.

6 *Верт А.* Россия в войне, 1941-1945 / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2003. - С. 426-427.

Лагеря для военнопленных в полном смысле оказались лагерями смерти. «Невероятно ухудшилось бедственное положение военнопленных, - писал один из офицеров штаба группы армий «Центр». - Как привидения, бродили умиравшие с голоду, полуголые существа, часто днями не видевшие другой пищи, кроме трупов животных и древесной коры... Смерть в пересыльных лагерях, в селах, на дорогах»[1].

Лишь осенью в лагерях военнопленных стали строить бараки; при этом, как чеканно сформулировано в одном из немецких документов, «на совещании, которое состоялось 19 сентября 1941 г. у начальника снабжения и снаряжения армии, было установлено, что *в бараках, рассчитанных на 150 военнопленных, можно разместить на постоянное местожительство 840 человек* согласно чертежу барака для советских военнопленных»[2]. Таким образом, на ту же площадь, что и 150 англичан, следовало засовывать в пять с половиной раз больше советских людей. Это вовсе не считалось жестокостью - напротив, армейское командование нередко подчеркивало, что с большевиками обращаются слишком гуманно. Начальник управления по делам военнопленных генерал Рейнеке указывал:

«Большевистский солдат потерял всякое право требовать, чтобы к нему относились как к честному противнику. При малейшем признаке непослушания должно быть дано распоряжение о безжалостных и энергичных мерах. Непослушание, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штык, приклад, винтовка). Всякий, кто при выполнении этого распоряжения не прибегнет к оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию»[3].

Эти «Правила» узаконивали произвольное убийство советских военнопленных. Единственным возмутившимся представителем германского военного командования оказался не Гудериан или фон Манштейн, а начальник управления разведки и контрразведки адмирал Канарис. В конце сентября 1941 года на стол фельдмаршала Кейтеля лег подписанный адмиралом документ, в котором высказывалось принципиальное несогласие с «Правилами».

«Распоряжения составлены в самых общих выражениях, - писал Канарис. - Но если иметь перед глазами господствующую над нами основную тенденцию, то допускаемые распоряжением мероприятия должны привести к произвольным беззакониям и убийствам»[4].

Кроме того, саму идею о том, что советские военнопленные не защищаются международным правом, Канарис расценивал как совершенно противоречащую не только праву, но и здравому смыслу: в перспективе это вело к разложению войск.

Адмирал был совершенно прав; однако его заявление было проигнорировано.

Кейтель прочитал протест Канариса и положил его под сукно; на документе осталась резолюция фельдмаршала: *«Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти мероприятия и поддерживаю их»*[5].

---

1 *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное движение. - М.: Посев, 1993. - С. 62.

2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 345; Преступные цели... С. 162.

3 РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 29; МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 66-67, 106; *Шнеер А.* Плен... С. 179-180.

4 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 209-211; Вар. 2. Т. 3. С. 103-105; Война Германии против Советского Союза. С. 111-114; РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 24-25.

5 Там же. Германский историк Г. Бухгайт ошибочно пишет, что резолюция Кейтеля касалась деятельности айнзатцкоманд, а также утверждает, что записка Кейтеля представляла собой циркуляр, запрещавший сотрудникам абвера участвовать в уничтожении военнопленных *(Бухгайт Г.* Абвер - щит и меч III Рейха. С.

...Спустя четыре года, на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Кейтель, как и все остальные германские военачальники, начал было врать, что он-де ни сном, ни духом... Но тут суду будет представлен протест Канариса и собственноручная резолюция Кейтеля на нем; поэтому уйти от виселицы фельдмаршалу не удастся.

А в лагере советских военнопленных у польского местечка Бала-Подляска после издания «Правил» появилась новая традиция. Часовой, отстоявший смену, давал очередь в толпу пленных как доказательство, что сдал исправное оружие. После этого заступавший на смену лично проверял пулемет, тоже давая очередь по толпе[1].

К осени сорок первого оккупанты уже достаточно освоили захваченную территорию, чтобы иметь возможность равномерно распределять военнопленных по лагерям, перевозить их из Украины в Польшу, из Белоруссии - в Прибалтику. И если раньше массы военнопленных гнали пешком на сотни километров, то теперь их стали перевозить в эшелонах. От этого, правда, смертность не только не уменьшилась, но и возросла. Офицер абвера граф фон Мольтке писал своей жене:

«Сообщения, поступающие с Востока, снова ужасны. Мы несем, по-видимому, большие потери. Это еще можно было бы перенести, если бы на наши плечи не легли горы трупов. То и дело слышишь сообщения, что эшелоны с пленными и евреями доставляют в живых лишь 20% отправляемых...»[2]

Столь высокой смертности способствовал ключевой принцип транспортировки, остававшийся неизменным и в сорок первом, и в сорок третьем годах. В летнюю жару пленных красноармейцев перевозили в наглухо закрытых вагонах; в зимние морозы - на открытых платформах. Их набивали туда, как сельдей в бочку: невозможно было даже сесть. Один из немногих уцелевших впоследствии вспоминал:

«Перед вечером начали загонять нас в вагоны. Говорю загонять, потому что когда в вагон входило, скажем, 50 человек, то прикладами и руганью туда вгоняли еще столько же. Не считал и не помню, сколько нас было в вагоне. Помнится только, что сначала мы не могли сидеть. Можно было только стоять. Никаких нар не было. Когда вагон набивали до отказа, закрывались двери на большие засовы и на замок. Оставалось только по одному маленькому окошку с обеих сторон вагона. Жара в вагоне стала нестерпимой. Несколько человек от духоты и тесноты потеряли сознание. Начали кричать, чтобы открыли двери. Никто не внимал нашим крикам. Но если крики не прекращались, то дверь сильным рывком открывалась, и сыпались удары палок или прикладов на головы тех, кто стоял впереди. Поэтому кричать перестали... Иногда для устрашения стреляли по вагонам.

Параш в вагон не дали. Воды тоже не дали... Несколько человек совсем не могли стоять, и их положили в один угол вагона. У одного была дизентерия. Организм больше не усваивал пищи. Вонь в вагоне уже никого не трогала. Казалось, что все мы обречены на смерть»[3].

Солдаты не ошибались: они *действительно* были обречены.

Много позже эшелоны смерти, в которых перевозили военнопленных, назовут «газовыми камерами без газа». Можно ли придумать более четкую характеристику? Когда конвоиры от-

---

251). На самом деле это была обыкновенная докладная записка. Никаких документов, противоречащих общей истребительной политике на Востоке, в абвере не вводилось.

1 *Шнеер А.* Плен... С. 183.

2 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 65; *Штрайт К.* Советские военнопленные... С. 237.

3 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / Предисл. Д. Гранина. - М.: РОССПЭН, 2002. - С. 222.

крыли вагоны прибывшего на станцию Саласпилс эшелона с советскими военнопленными, по всей округе разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы; многие были при смерти. Те пленные, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек[1]. На станцию Мост в ноябре прибыл эшелон из тридцати вагонов; когда их открыли, то не обнаружили ни одного живого человека. «Не менее 1500 мертвых были выгружены из этого эшелона, - рассказывал ставший невольным свидетелем трагедии стрелочник. - Все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели»[2].

Другой железнодорожник рассказывал:

«В 1941 г., примерно в ноябре-декабре, на станцию Даугавпилс-1 прибыл эшелон в составе 45-50 вагонов с советскими военнопленными. Все вагоны были наглухо закрыты. Эшелон простоял на станции более суток. Немец, проходя вдоль эшелона, постукивал палкой по вагонам. Если из вагона раздавались голоса и шум, немец шел дальше, если из вагона никто не отвечал и была тишина, он открывал дверь. Я лично убедился, что во всем вагоне не осталось ни одного в живых. Немец закрывал вагон и шел дальше. Несколько вагонов из этого эшелона были заполнены замерзшими и умершими от голода»[3].

...Когда вагоны открывали, многие люди не могли даже идти. Генерал Антон Иванович Деникин уже после войны вспоминал о страшной участи своих соотечественников, о которой рассказывали ему освобожденные из немецкого плена французские военные:

«Мне рассказывал один француз, что русские военнопленные буквально закостенели, не могли двигаться. Немцы отрядили французов, которые стали переносить русских на руках и носилках. Живых клали на пол в бараках, мертвых сбрасывали в общую яму... Русских пленных, говорил другой француз, легко узнать по глазам: глаза у них особенные. Должно быть, от страдания и ненависти»[4].

Выжить при перевозке было очень большой удачей; однако попавшие в лагеря вскоре понимали, что удача оказалась лишь злой насмешкой судьбы.

В лагерях выживших ждала смерть.

Вот типичное описание лагеря для военнопленных:

«Внутренняя картина лагеря, образно выражаясь, - это ад, переполненный страданиями. Среди лагеря - виселица как страшилище: две петли качаются, готовы принять нагрузку. В мое прибытие в лагере было военнопленных до двадцати тысяч. Это на территории товарного двора - там около одного квадратного километра.

Люди, измученные, голодные, загрязненные, с открытыми ранами на теле больше лежали на земле. Среди них и трупы лежали...»[5]

Это - под Ржевом; а вот описание лагеря под Псковом, сделанное немецким обер-ефрейтором: «Условия жизни пленных в лагере были ужасными. При 40-градусном морозе пленные вынуждены были жить в землянках, питаясь одной тарелкой похлебки на воде из гнилого кар-

---

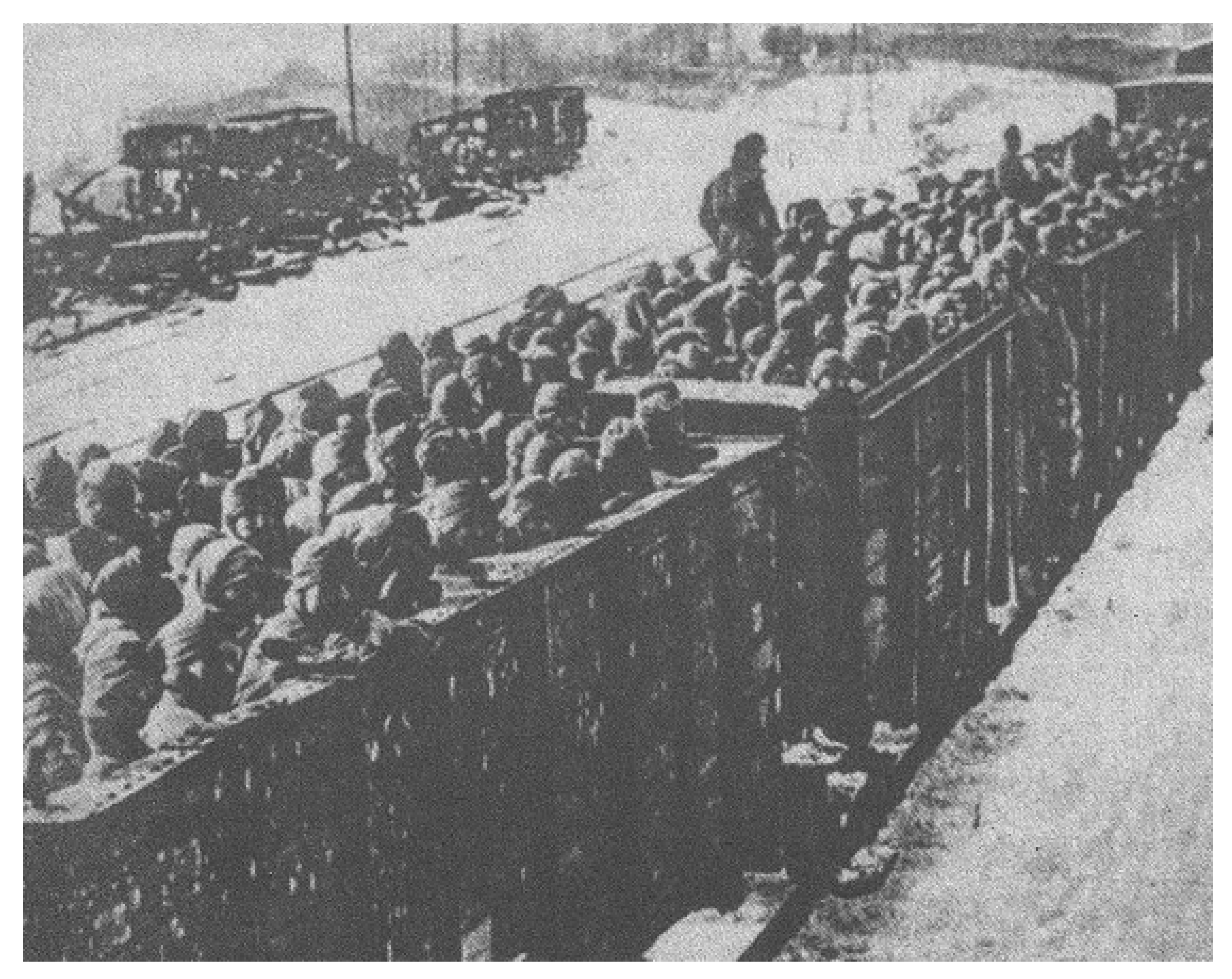
1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 116; Преступные цели... С. 202; *Крысин М.Ю.* Латышский легион СС: Вчера и сегодня. - М.: Вече, 2006. 71-72.

2 Преступные цели... С. 203; МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 37.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 181.

4 *Смыслов О.С.* «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. - М.: Вече, 2004. С. 420.

5 *Ржевская Е.М.* Ближние подступы. С. 153.

Зимой советских военнопленных перевозили в открытых вагонах для скота. Замерзших никто не считал

тофеля. Хлеб вообще не выдавался. Вследствие этого пленные превратились в скелеты и ежедневно умирали от голода в количестве 70-80 человек... Из 5000 пленных к началу нашей замены осталось 500-600 человек... Когда я вспоминаю сегодня об этом страшном времени, меня все еще охватывает ужас»[1].

В лагере под Славутой у колючей проволоки лежали штабеля трупов умерших от голода. Не все пленные могли получить даже ту баланду, которой кормили, так как только немногие имели котелки, у кого их не было, получали лишь картофельные очистки[2].

«Снабжение питанием военнопленных является ненужной гуманностью»; эту истину немецкое военное командование усвоило четко. Вот типовой приказ, изданный командованием 88-го полка 34-й пехотной дивизии:

«Конские трупы будут служить пищей для русских военнопленных. Подобные пункты (свалки кон-

1 Истребительная война на Востоке. С. 30.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 286.

ских трупов) отмечаются указателями. Они имеются вдоль шоссе в Малоярославце и в деревнях Романово и Белоусово»[1].

Однако темпы гибели военнопленных от голода не удовлетворяли нацистов. 21 октября генерал-квартирмейстер ОКХ Эдуард Вагнер приказал снизить пищевой рацион. «Больше всего пострадали неработающие пленные, т.е. те, кто был уже слишком слаб, чтобы работать, - пишет один из немецких историков. - Они должны были теперь получать не более 1500 калорий в день, что составляло менее 2/3 абсолютного минимума, необходимого для выживания»[2].

Все это было настолько ужасно и бесчеловечно, что комендант лагеря для военнопленных под польским городом Ярославом однажды горько сказал подвизавшемуся при немецком командовании русскому белоэмигранту: «Мои возможности ограничены, чтобы помочь этим несчастным людям и сохранить им жизнь. Я состою комендантом всего два месяца, и за это короткое время мои волосы успели поседеть»[3].

Даже евреи, которых выводили из гетто на работы с военнопленными, были поражены состоянием, до которого были доведены красноармейцы. «Я часто сталкивался с русскими военнопленными, - вспоминал Сидни Ивенс. - Выглядели они настоящими скелетами и так слабо держались на ногах, что товарищам приходилось помогать им идти»[4]. «Они имели вид, не поддающийся описанию, - рассказывал рижский еврей Моисей Раге. - Они с трудом передвигались и тут же на работе, изможденные и голодные, от побоев латышских надзирателей умирали. Я никогда не забуду той картины, как все 300 человек военнопленных буквально бросились к мусорной яме, извлекли сгнившую капусту и вместе с червями ее съели»[5].

Плохо было в гетто, но в лагерях военнопленных - стократ хуже; евреи порою подкармливали военнопленных[6].

«Даже погребение погибших в лагерях советских военнопленных носило издевательский характер, - замечает израильский историк Арон Шнеер. - Это было надругательство после смерти. Так, в Гомеле в тот же ров, куда сбрасывались тела военнопленных, вывозились испражнения. С ноября 1941 по апрель 1942 толпы немецких офицеров и солдат собирались у рва, куда сваливались трупы военнопленных, весело смеялись и ради продления удовольствия фотографировали изуродованные побоями, истощенные голодом тела. Такие «экскурсии» немцев ко рвам с трупами были почти ежедневно, как только в город прибывали новые немецкие части»[7].

Продолжались и экзекуции - хладнокровные убийства обессилевших от голода людей. 30 октября был издан очередной приказ о «чистке, которой подлежат советские гражданские и военнопленные, находящиеся в лагерях для военнопленных и пересыльных лагерях в тыловых армейских районах»[8].

В лагере под Одессой военнопленных под охраной выводили к обрыву на опушке леса, ста-

---

1 МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 17; РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 42; Ни давности, ни забвения... С. 41-42; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 418.

2 *Штрайт К.* Советские военнопленные... С. 235.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 176.

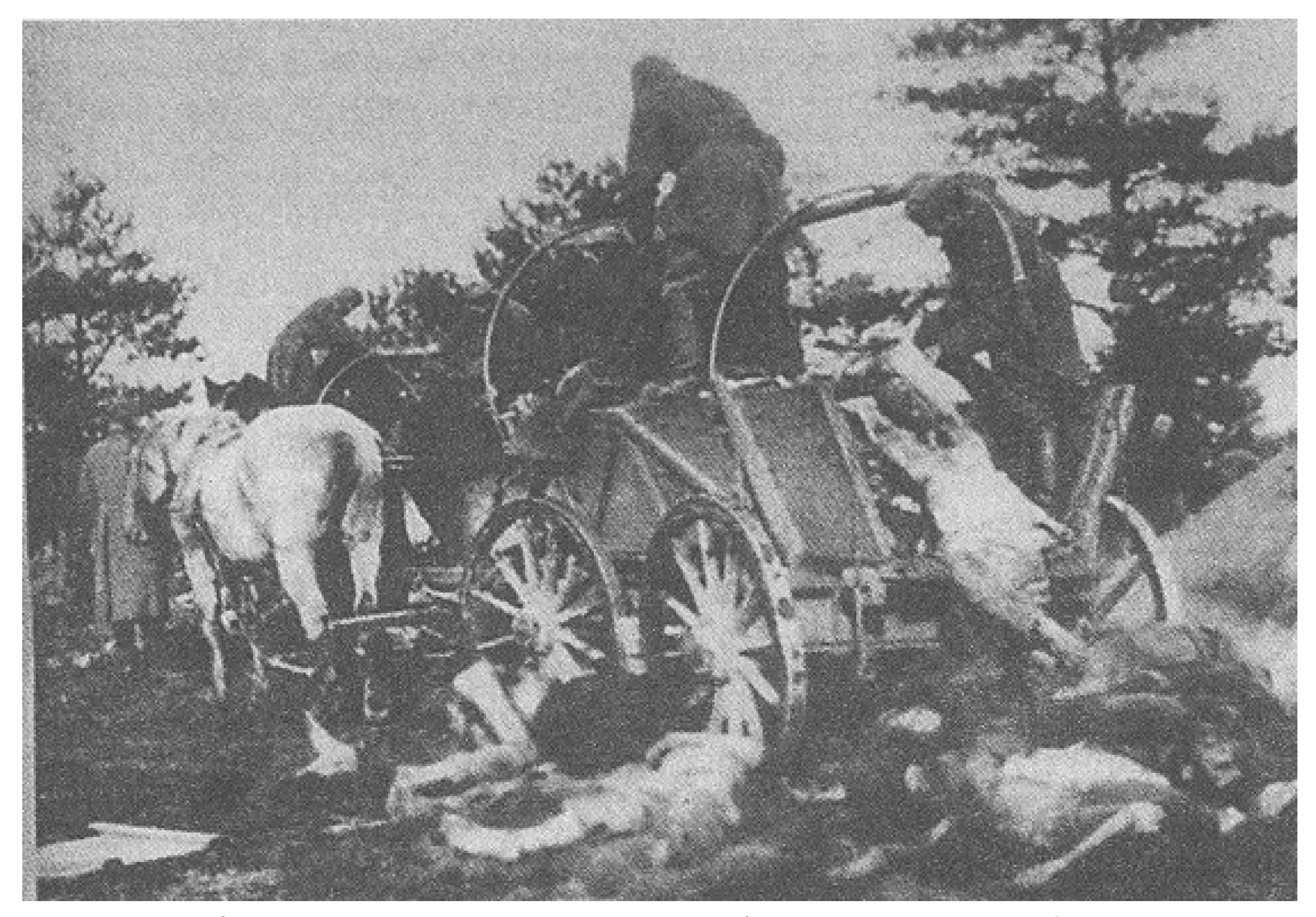
4 *Ивенс С.* Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора / Пер. с англ. Е. Осеневой. - М.: Аграф, 2005. С. 104.

5 Латвия под игом нацизма. С.45.

6 Там же.

7 *Шнеер А.* Плен... С. 219.

8 Там же. С. 415.

Даже погребение недочеловеков носило оскорбительный характер. Зачастую их хоронили в выгребных ямах. На фотографии: трупы военнопленных отвозят к месту захоронения

вили на колени и расстреливали. «С края обрыва убитые, а часто только раненые, падали на дно оврага, где был сложен гигантский костер... Сжигание трупов производилось круглые сутки»[1].

В лагере под Рава-Русской узников уничтожали более изощренным способом. «Администрация лагеря выводила совершенно голых военнопленных, привязывала веревками к стенке, обнесенной колючей проволокой, и держала в декабрьские зимние морозы до тех пор, пока человек не замерзал, - вспоминал один из свидетелей. - Стоны и крики изувеченных прикладами людей наполняли территорию лагеря... Некоторых убивали прикладами на месте»[2].

Пик массовых убийств советских военнопленных совпал по времени с разразившимися в лагерях эпидемиями тифа. Условия содержания пленных - большая скученность в сочетании с голодом - создали условия для быстрого распространения болезней, а ни о какой медицинской помощи военнопленным не шло и речи: как лаконично было сказано в одном из немецких документов, «систематической санитарной обработки военнопленных и самих лагерей, по всей видимости, вообще не предусматривалось. Можно было слышать такие высказывания: «Чем

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 158.
2 Там же. Вар. 2. Т. 3. С. 44

больше пленных умрет, тем лучше для нас»[1].

В Смоленском лагере было объявлено, что «больные дизентерией будут расстреляны»[2]. Когда австрийский хирург Петер Бамм осведомился у коменданта лагеря военнопленных под Севастополем, чем он может помочь раненым, тот улыбнулся: «Вам нужен пулемет?»[3]

Именно пулемет был применен в качестве средства от эпидемии: заболевших в массовом количестве безжалостно расстреливали[4]. И понять, кого убила болезнь, а кого пуля, - не представляется возможным.

Известны лишь итоговые цифры.

В феврале 1942 года на совещании в управлении военной экономики ОКВ директор управления по использованию рабочей силы в своем докладе заявил следующее:

«3,9 млн. русских находилось в нашем распоряжении, в настоящее время их осталось около 1,1 млн. Только в ноябре - январе 1942 г. умерло около 500 тыс. русских»[5].

Здесь речь идет не только о красноармейцах, а обо всех советских людях, которых загоняли в лагеря для военнопленных. Однако несомненным остается одно: за восемь месяцев в этих лагерях были уничтожены около двух с половиной миллионов человек, причем в это число не входят сотни тысяч тех, кто был расстрелян сразу после боя или погиб во время перевозки.

Более страшной трагедии мир еще не знал.

Живые голоса (1): «ВИД ВОЕННОПЛЕННЫХ УЖАСЕН. УМИРАЮТ ТЫСЯЧАМИ»

Дневник жительницы города Каунаса Елены Буйвидайте-Куторгене был опубликован в августовском номере журнала «Дружба народов» за 1968 год. Публикуемые ниже выдержки из дневника посвящены страшной судьбе советских военнопленных.

«15 августа. Русские пленные таскают вещи под присмотром офицера и солдат. Мне удалось выпросить разрешение у охранника и немножко покормить пленных. Дала им хлеб с маслом, молоко, папиросы. Они поразили меня своей интеллигентностью, какой-то открытостью, свойственной только русским, мудрой терпеливостью и легкой насмешливостью над своим положением. Они наголо острижены, лица землистого, цинготного оттенка, у некоторых пухнут ноги. Кормят их только раз в день и очень плохо.

30 августа. Русские пленные очень голодают, многие их жалеют. Удается каждый день в разных местах вручить им хлеб, картошку, сало, что мне привозят и приносят мои знакомые, организованные в кружок помощи.

5 сентября. Сегодня опубликовано: «Кто станет помогать пленным, будет арестован, при попытке бежать - расстрелян!» Подписано литовским комендантом. Кому-то не нравится сочувствие и сострадание, обнаруживаемое населением по отношению к русским пленным. Замученные, голодные, истерзанные, запряженные вместо лошадей в телеги, возят они то какой-то цемент, то доски, то камни, то мебель... Страшно смотреть на умирающих людей. Многие,

---

1 Там же. Вар. 1. Т. 4. С. 214-215; Преступные цели... С. 174; ОГБ. Т. 3. Кн. 1. С. 592-593.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 281.

3 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 256-257.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 50.

5 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 660; *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 17.

в особенности женщины, стремятся помочь <....> Теперь это запрещено... Тем больше сочувствие к русским и возмущение немецкой жестокостью.

19 сентября. С Ленинградского фронта приходят вагоны, набитые русскими пленными. Многих привозят умирающими, сотни их расстреливают около станции, так как немцы добивают всех слабых. В предместье Шанчай убит немцем молодой человек за то, что подал яблоко военнопленному.

23 сентября. Пришли два поезда с русскими пленными: в двух вагонах были сплошь мертвые, во многих полно умирающих от духоты и голода. Всех слабых немцы тут же застрелили... Целая гора трупов. Наутро более сильные должны были закапывать своих погибших товарищей.

24 сентября. Вели русских пленных. Сопровождавшие молодые безусые мальчики с хакенкрейцем [свастикой] на повязке били их ногами. И это на улице, на глазах прохожих.

27 сентября. Сама сегодня видела, как в толпе русских пленных один быстро нагнулся и поднял окурок с мостовой, тогда мальчишка-конвоир стал бить его ногами в живот и колоть штыком, я не выдержала, дрожа от возмущения, сказала ему, что стыдно так делать, он грубо и зло (лицо дикое) велел молчать, «а то и вам так будет»... Пленные выглядят умирающими, тени - не люди, шатаются от слабости. Несли стулья на плечах, и даже эта ноша была им не под силу...

2 октября. На улицах часто встречаются крестьяне, увозящие пленных к себе на работу, люди радуются за них, говорят, вот этот, может, и не помрет.

10 октября. Сегодня видела, как четверо русских пленных несли за руки и ноги умершего товарища: голова, закинутая назад, безжизненно болталась. Красивое тонкое лицо.

10 ноября. Сегодня видела оборванных, замученных, ковыляющих пленных. Они тащили воз кирпичей под начальством толстомордых «активистов» и немцев. Какой-то крестьянин хотел дать папирос, они не позволили; на мое замечание, что нехорошо быть такими злыми, один из них заорал и пригрозил арестовать. Видела, как четыре немца с ружьями наперевес гнали высокого русского офицера... Он шел спокойный и сосредоточенный. Все комиссары и коммунисты расстреливаются. На бывшем проспекте Красной Армии шла толпа пленных, один упал. Тогда немец начал топтать его ногами, ругаясь и крича. Из толпы вышла женщина и стала протестовать, полиция ее задержала, она протянула свой паспорт и сказала: «Я - человек».

9 декабря. В госпитале пленные умирают от скорбута, истощения, голода. Иногда удается им кое-что передать, но как трудно упросить тех, от кого это зависит. Умоляешь, точно о громадном личном одолжении.

20 декабря. Около меня, на соседней улице Майронно на берегу Немана, немцы устроили лагерь военнопленных. Длинный высокий забор, колючая проволока, несколько вышек для часовых, деревянные дощатые бараки, совершенно летние. По утрам гонят пленных на работу. Вид у них ужасный, одеты по-летнему, многие босы, дрожат, лица синие или с какой-то зеленой бледностью, опухшие или, наоборот, изможденные лица... Я несколько раз, получив разрешение у часового, передавала им караваи хлеба через ворота; внутри четырехугольная утоптанная площадка, запах точно в зверинце, смешивается с каким-то жгучим дезинфекционным средством. Ни одного слова привета нельзя сказать. Раньше удавалось передавать ежедневно. Сегодня часовой послал меня за разрешением к дежурному офицеру. Я пошла в барак, где сидело начальство. Тепло, играет радио. Попросив вежливо разрешения на передачу, услышала грубый окрик, зачем сюда лезу. Послали в соседнюю сторожку к страже. Подвыпившие солда-

ты с удивлением разглядывали мои портфели, в которых лежали караваи хлеба. Один взял портфель и сказал, что покупает его за десять марок. Я отняла и сказала, что сама вчера только заплатила за него пятьдесят. Другой, с какой-то плотоядной улыбкой, согнув руку кренделем, как будто ведет даму под руку, сказал: «Если у вас есть семнадцатилетняя дочь, только не старше, то пришлите ее к нам». Хлеб они взяли и положили в шкафчик. Было ясно, что они ничего пленным не передадут.

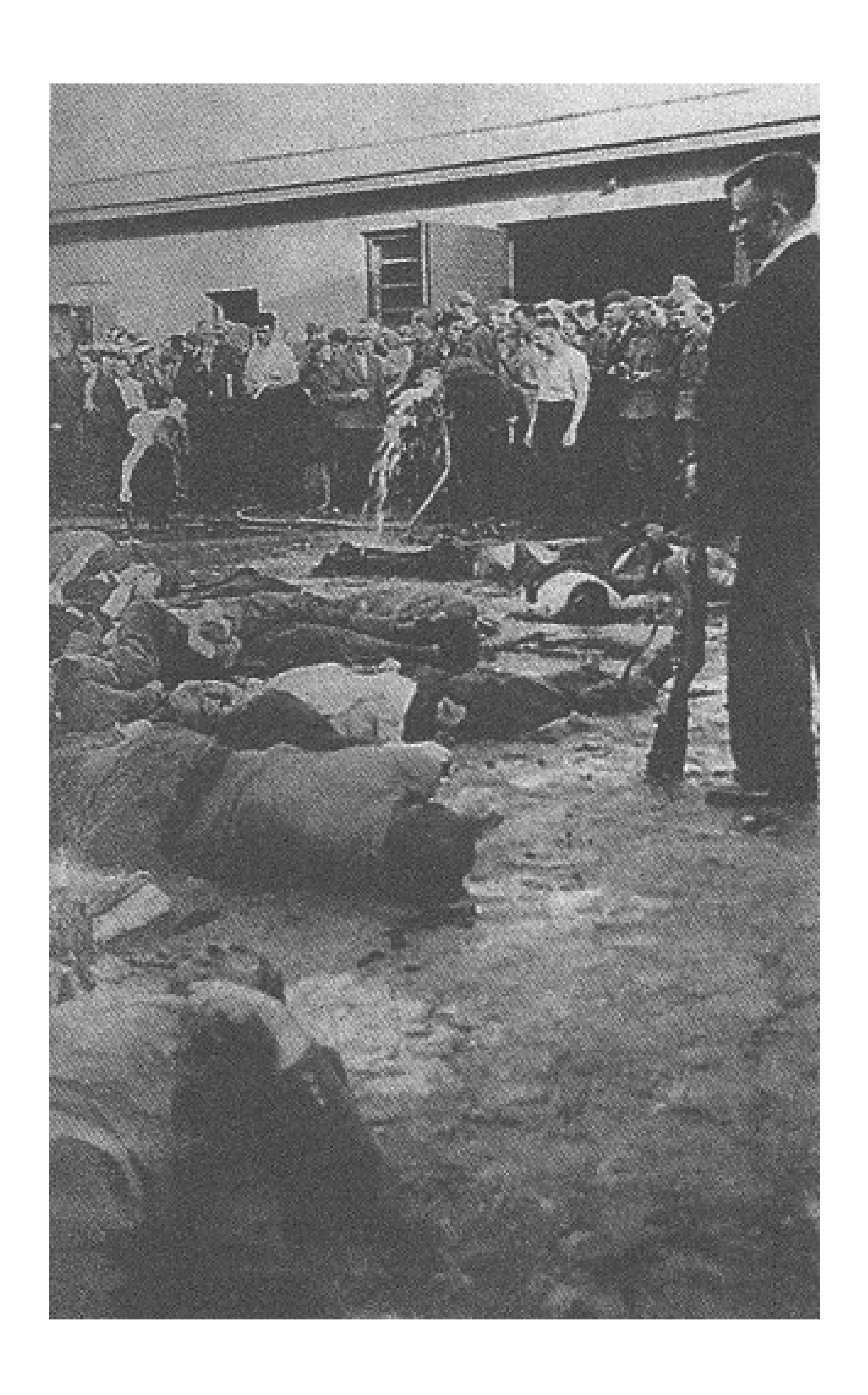
Смертность среди пленных ужасающая. Сыпнотифозных убивают. От поносов и голода умирают сами. Это самое мучительное и страшное... Невыносимо думать, что можно так, бесчеловечной пыткою голода и холода, убивать вражеских бойцов... Неужели международное право не запрещает и не предусматривает наказания за такие преступления?

31 декабря. В немецком журнале на первой странице сняты русские пленные. Масса измученных, исстрадавшихся лиц. Но есть такие смелые, гордые, даже насмешливые.

14 января 1942 г. Большой мороз 28-30 градусов. Вид военнопленных ужасен. Умирают тысячами. Иногда утром более сильных, очевидно, гонят по набережной на работу. Призраки, тени людей! На днях немцы убили женщину, перебросившую хлеб через забор. Труп ее немцы не позволяли убирать несколько дней.

19 января. Полицейские, стерегущие пленных по двенадцать часов в такой холод (мороз двадцать-двадцать пять градусов), срывают на них свою злобу: бьют на каждом шагу, убивают. Им за это ведь ничего не будет!..»

IV
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Гитлеровцы охотно устраивают средневековые еврейские погромы.

И. Сталин, 6 ноября 1941 г.

В последние дни сентября сорок первого года на всех киевских заборах висели небольшие объявления сразу на трех языках. По-русски, по-украински и по-немецки приказ оккупационных властей звучал по-разному, но смысл был одним.

«Saemtliche Yuden der Stadt Kiew...

...Наказуеться всім жидам місча Киева...

...Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник, 29 сентября 1941 года, к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбища).

Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян»[1].

Эти усеявшие город объявления появились через десять дней после того, как немецкие войска захватили столицу Украины. К тому времени киевляне уже почувствовали, что значит жить под оккупацией. Под страхом смертной казни после семи часов вечера жителям нельзя было появляться на улицах. Слова не расходились с делом: на телах повешенных зачастую висела табличка: «Шел в десять минут восьмого»[2].

Однако новое мероприятие оккупантов поражало своей масштабностью: как можно выселить из огромного города десятки тысяч людей только из-за их национальности? И зачем?

В том, что речь идет о выселении, ни у кого сомнений не возникало.

Утром 29 сентября со всех концов города к месту сбора потянулись толпы народа.

«Они выходили еще затемно, чтобы оказаться пораньше у поезда и занять места, - вспоминал много лет спустя Анатолий Кузнецов. - С ревущими детьми, со стариками и больными, плача и переругиваясь, выползало на улицу еврейское население... Перехваченные веревками узлы, ободранные фанерные чемоданы, заплатанные кошелки, ящики с плотницкими инструментами... По Глубочице поднималась на Лукьяновку сплошная толпа, море голов, шел еврейский Подол... От шума и галдения у меня голова лопалась. Сплошь разговору: куда повезут, как повезут?»[3]

В многонациональном Киеве евреи давно перемешались с русскими и украинцами. Как разделить семью? «Русские мужья провожали своих еврейских жен. Русские жены провожали

---

1 *Альтман И.А., Гербер А.Е., Полторак Д.И.* История Холокоста на территории СССР. - М.: Фонд «Холокост», 2001. - С. 45; *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 60.

2 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. - М.: РОССПЭН, 2000. - С. 585, 586.

3 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 62-63.

своих еврейских мужей», - вспоминала артистка Киевского ТЮЗа Дина Проничева[1]. Еврейка, она вышла замуж за русского; на семейном совете было решено, что она проводит своих родителей до поезда, а сама вместе с детьми останется - будь что будет. Тем более что провожающих было много: соседи, друзья, родственники - русские и украинцы - помогали донести вещи, довести больных.

Но чем ближе было место сбора, тем больше вокруг становилось немецких солдат. Сосредоточенные, вооруженные, они знали то, о чем не догадывались, не хотели даже думать киевляне, - о том, что евреев не будут выселять.

Их будут расстреливать.

На месте сбора улицу перегораживали противотанковые ежи и проволочное заграждение с проходом посередине, стояли цепи немецких солдат и украинских полицейских. Евреев группами пропускали на ту сторону, выжидали какое-то время и впускали новых.

И только тут люди стали понимать, что их ждет что-то ужасное.

«Мы услышали стрельбу и нечеловеческие крики, - рассказывала Дина Проничева. - Я начала понимать, что здесь происходит, но маме ничего не говорила.

Когда мы вошли в ворота, нам велели сдать документы и ценные вещи и раздеться. Один немец подошел к маме и сорвал с ее пальца золотое кольцо.

Я увидела, как группа за группой раздеваются женщины, старики и дети. Всех подводят к открытой яме, и автоматчики расстреливают их. Затем подводят другую группу...

Я своими глазами видела этот ужас. Хотя я находилась не совсем близко от ямы, я все равно слышала жуткие крики обезумевших людей и приглушенные голоса детей, звавшие: «Мама, мама...»[2]

Огромный овраг, раскинувшийся между тремя киевскими районами: Лукьяновкой, Куреновкой и Сырцом, звали Бабьим Яром. Крутые отвесные склоны делали его похожим на горное ущелье, а по дну протекал ручеек. До войны это было любимое место игр окрестной ребятни[3]. Захватив Киев, оккупанты сочли это место очень полезным.

Критерий полезности был прост: в Бабьем Яру могло поместиться очень много трупов.

До позднего вечера 29 сентября 1941 года киевских евреев расстреливали в Бабьем Яру; согласно отчету зондеркоманды 4-а за день было уничтожено 33 771 человек[4]. Расстрелы продолжались и на следующий день, и через два дня, и через неделю, и через год. Кроме евреев, в огороженном колючей проволокой овраге расстреливали военнопленных, коммунистов, русских и украинцев. Когда немецкие войска стали гнать с советской земли, нацисты постарались скрыть следы своих преступлений. Три недели над Бабьим Яром полз черный дым: это сжигали трупы. И когда войска Красной Армии наконец освободили Киев, они нашли в овраге полуметровый слой пепла и костей. И по сей день неизвестно, сколько народу было убито там; современные исследователи говорят о 150 тысячах одних только евреев[5].

Бабий Яр стал одним из символов «окончательного решения еврейского вопроса» - жестокого и массового уничтожения евреев на всей территории Европы.

С символами трудно спорить, однако для понимания прошлого важно не путать причину и

---

1 *Брухфельд С., Левин П.* Передайте об этом детям вашим... С. 89; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 290. Подробное изложение рассказа Проничевой см. также: *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 66-82; *Смилянская Ю.* Бабий Яр: Документы и размышления // Голокост і сучасність (Киев). - 2002. - №3. - С. 8.

2 Там же.

3 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 6.

4 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 290.

5 Там же.

следствие.

Не Бабий Яр стал следствием нацистского геноцида евреев; напротив, «окончательное решение еврейского вопроса» - endlosung, как это называли сами нацисты - стало возможным лишь после Бабьего Яра.

А Бабий Яр, в свою очередь, стал возможен вследствие истребительной войны против Советского Союза.

* * *

С самого начала еврейская угроза была навязчивой идеей нацистов. Сразу после прихода Гитлера к власти еврейское население Германии начало подвергаться гонениям. Один за другим выходили все новые законы, ограничивающие права евреев. Евреям не разрешалось иметь германского гражданства. Евреям запрещалось состоять в браке с лицами германской национальности. Евреи лишались права голоса. Евреи не могли состоять на государственной службе. На евреев накладывались огромные налоги, их собственность экспроприировалась[1].

Чем дальше, тем больше было этих ограничений; евреев принуждали к эмиграции из страны. Именно в эмиграции нацисты видели решение «еврейского вопроса»: Германия должна была стать чистой в расовом отношении страной. Но европейские страны принимали эмигрантов, только если они имели достаточно денег; чтобы решить эту проблему, «еврейский» отдел IV управления РСХА (гестапо) планировал изощренные комбинации, в результате которых богатые евреи финансировали эмиграцию бедных, а Рейх избавлялся от тех и от других, не затратив ни пфеннига[2].

Казалось, решение «еврейского вопроса» было найдено; однако после начала новой мировой войны каналы эмиграции евреев оказались перекрыты. Когда же большая часть Европы оказалась под контролем Берлина, вопрос о евреях снова встал перед нацистским руководством. «Еврейский» отдел гестапо, переименованный в «отдел по борьбе с мировоззренческим противником», строил планы, как бы выселить всех оказавшихся на подконтрольных Рейху территориях евреев куда-нибудь подальше - например, на Мадагаскар[3]. Настроенный более прагматично рейхсфюрер СС Гиммлер приказал изолировать евреев в гетто на территории Польши; туда же стали свозить евреев из Рейха. «Антисемитизм - это точно то же самое, что и санитарная обработка, - объяснял своим подчиненным Гиммлер. - Избавление от вшей - это не вопрос идеологии, это вопрос гигиены. Скоро мы избавимся от «вшей». У нас осталось только 20 тысяч «вшей», и затем с этим вопросом будет покончено по всей Германии»[4].

При планировании истребительной войны против Советского Союза столь удачно найденный способ «решения еврейского вопроса» было решено использовать и на вновь оккупированных советских территориях. В специальной директиве, изданной незадолго до нападения на Советский Союз, Альфред Розенберг - один из главных антисемитов в нацистской верхушке - писал:

«После того как евреи будут отстранены от работы во всех гражданских учреждениях, еврейский

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 636-637.

2 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана. С. 51-55.

3 Там же. С. 62-67.

4 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 322.

вопрос будет разрешен созданием гетто»[1].

К весне сорок первого года нацистское руководство еще не пришло к идее полного уничтожения целого народа. Поэтому, вступая на территорию СССР, нацисты первоначально не имели намерения целенаправленно заниматься уничтожением евреев - по крайней мере, в масштабах, превосходящих уничтожение мирного населения прочих национальностей.

В «преступных директивах», в изобилии разработанных нацистами в преддверии нападения на Советский Союз, евреи практически не упоминаются.

Первое упоминание мы встречаем в изданных в апреле сорок первого «Директивах о поведении немецких войск в России», где евреи вместе с партизанами и «коммунистическими подстрекателями» намечены для уничтожения. Этот подход положен в основу и специального распоряжения начальника ОКВ от 19 мая 1941 г., в котором евреи были приравнены к «партизанам и саботажникам»[2].

Приблизительно в это же время глава РСХА Гейдрих отдал командованию айнзатцгрупп устный приказ ликвидировать всех евреев, в том числе и не состоявших в партии, потому что «иудаизм стал источником большевизма и, следовательно, должен быть уничтожен»[3].

Вскоре, впрочем, Гейдрих пошел на попятный. В изданной им 2 июля специальной директиве уже указывалось, что уничтожению подлежат не все евреи, а лишь «члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т.п.)»[4].

Это разъяснение было в своем роде уникальным, поскольку не расширяло, а **ограничивало** круг подлежащих уничтожению евреев членами партии и бойцами советского сопротивления.

Таким образом, войска вермахта, вступавшие на территорию СССР, руководствовались распоряжением, согласно которому **все** евреи являются партизанами и саботажниками и как таковые должны уничтожаться. В то же время согласно директиве, которой руководствовались айнзатцгруппы СД, уничтожению подлежала лишь **некоторая часть** еврейского населения, а для остальных предназначались гетто[5].

...Сначала через захваченный город проходили германские войска. Солдаты вермахта законодательно разрешили убивать кого угодно и за что угодно; они, однако, готовы были повременить с уничтожением русских свиней - лишь бы сперва расправиться с евреями.

Убийства евреев с первых дней стало для наступавших немецких войск таким же любимым развлечением, как насилие и убийства женщин, как уничтожение раненых красноармейцев.

Горели синагоги, на улицах лежали расстрелянные евреи, а по деревне Зеленцово возили захваченного в плен красноармейца-еврея: медленно умирающего, с забитым в горло колом[6].

В Виннице немецкий офицер убил четырехмесячного младенца, ударив его головой о чугунную плиту.

Возле Одессы пьяный румынский полковник устроил учения: солдаты должны были стрелять в убегавших еврейских детей.

В Прилуках немцы связали шестерых еврейских девушек, изнасиловали их и оставили го-

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 640, 642. В соответствии с этой директивой сотрудников айнзатцгрупп при наборе информировали, что в круг их задач войдет изоляция евреев. - *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 128.
2 *Шнеер А.* Плен... С. 410.
3 *Пэдфилд П.* Рейхсфюрер СС. С. 310.
4 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 198; *Шнеер А.* Плен... С. 410.
5 См.: *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 128.
6 *Шнеер А.* Плен... С. 406.

лыми с надписями: «Уборная для немецких солдат»[1].

Потом войска уходили дальше, а вслед приходили оккупационные власти.

Время индивидуальных развлечений заканчивалось; наступал новый порядок.

Сначала в дело вступали айнзатцкоманды СД.

Ими двигала не ненависть, не жажда развлечений, а четкий расчет. Несмотря на то, что действия против евреев были достаточно строго регламентированы: уничтожению подлежали лишь члены партии и радикальные элементы, главный принцип, положенный в основу деятельности айнзатцгрупп, - возможность уничтожать любого, кто покажется подозрительным, - делал любые ограничения фикцией.

Евреев было достаточно объявить подрывными элементами, чтобы уничтожить. Один из первых опытов был проведен 4 июля под Лиепаей; там расстреляли 47 евреев и пять латышских коммунистов. Через три дня комендант увеличил число подлежавших расстрелу до 100 человек[2].

Вскоре расстрелы мужчин-евреев стали обыденностью. «Под чертовски чувственную музыку пишу я сейчас первое письмо моей Труде, - записывал в дневнике один из эсэсовцев. - И пока я пишу, раздается команда: «Выходи строиться!» Карабины, каски, боекомплект по 30 патронов... Скоро возвращаемся назад. Там уже были построены 500 евреев, готовых к расстрелу»[3].

Это вселяло ужас; однако точно так же расстреливали русских, белорусов и украинцев - за лояльность к советской власти. В отчетах СД можно увидеть, что если сначала каратели расстреливали больше евреев, чем представителей других национальностей, то постепенно соотношение выравнивалось[4].

И когда сходила первая волна оккупационного террора, начиналось то, что нацисты изящно называли «изоляцией евреев», то, что уже произошло в Польше.

...Толпы людей стекались в гетто; тех, кого ловили снаружи, немедленно расстреливали. «Грустное это зрелище, - вспоминал позже Сидни Ивенс, - толпы мужчин, женщин и детей, стариков и инвалидов. Люди тащили с собой, что могли унести, - кто в тележках, кто даже в детских колясках»[5].

Гетто, создаваемые в крупных и средних городах, представляли собой огороженные колючей проволокой городские кварталы под двойной охраной: контролируемой оккупантами еврейской «службой порядка» внутри и местными полицейскими снаружи. Для управления согнанными в гетто людьми из их числа создавались «органы самоуправления» - *юденраты.*

«В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 8 человек, - говорилось в сообщении полиции безопасности и СД. - Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте...»[6]

Юденраты отвечали за регистрацию, учет и расселение в гетто, сбор контрибуций и за все

1 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. - С. 136-137.
2 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 131.
3 Там же. С. 167.
4 См., напр.: Преступные цели... С. 182.
5 *Ивенс С.* Как небеса темны. С. 58.
6 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 107.

вопросы, которые могут возникнуть, если множество людей заставить жить в изолированном от остального мира месте.

А также за поставки рабочей силы для нужд оккупационных властей.

«Евреи обоего пола в возрасте от полных 14 до 60 лет, которые проживают во вновь оккупированных Восточных территориях, обязаны работать, - указывал министр Альфред Розенберг. - Они должны быть собраны для этого в отделе принудительных работ»[1].

В гетто людям приходилось существовать в условиях жуткой скученности и недостатка пищи; получить работу означало стать «полезным евреем». «Полезным евреям» давали еду, выводили на работы и даже могли разрешить жить вне гетто - в каких-нибудь бараках рядом с местом работы. «Полезный еврей» мог тешить себя надеждой, что его не расстреляют просто развлечения ради.

Впрочем, из гетто можно было попасть на работы и в трудовые лагеря, режим которых был так же жесток, как в лагерях советских военнопленных, а возможность выжить - так же призрачна. Однако в сорок первом году таких лагерей было еще немного[2].

О поголовном уничтожении не шло и речи - да и зачем? Ведь воюющему Рейху нужны рабочие руки, а евреи трудятся ничуть не хуже тех же русских или поляков.

Другое дело, что нацисты считали полезным, чтобы число евреев (как и, к примеру, славян) значительно уменьшилось.

Для этого был выбран довольно нетривиальный подход.

Нацисты проявили странную щепетильность. Залив кровью захваченные территории, оставляя за собой обезображенные трупы изнасилованных женщин и замученных красноармейцев, они, тем не менее, предпочли перепоручить уничтожение евреев местным националистам, вылезшим из подполья.

Германские спецслужбы имели с антисоветским националистическим подпольем давние и прочные связи. В РСХА были твердо уверены в двух вещах - в управляемости националистов и в их ненависти к «жидобольшевизму», а, следовательно, к русским и евреям. Уже 29 июня шеф РСХА Гейдрих в одном из оперативных приказов специально указывал подчиненным:

«Стремлению к самоочищению антикоммунистических или антиеврейских кругов во вновь оккупированных областях не следует чинить никаких препятствий. Напротив, их следует - конечно, незаметно - вызывать, усиливать, если необходимо, и направлять по правильному пути, но так, чтобы эти местные «круги самообороны» позднее не могли сослаться на распоряжения или данные им политические гарантии.

...Такие действия по вполне понятным причинам возможны только в течение первого времени оккупации»[3].

Первый опыт был поставлен в Прибалтике. Командир действовавшей в полосе группы армий «Север» айнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС Штальэккер впоследствии вспоминал, что одной из задач его подразделений было «стимулирование стремления населения к самоочищению, придание этому стремлению нужного направления, с тем, чтобы как можно быст-

---

1 Там же. С. 166.

2 Там же. С. 180-181.

3 Там же. С. 218. Ср. с директивой командира айнзатцгруппы «А» бригаденфюрера Шалекера, приведенной в кн.: *Крысин М.Ю.* Латышский легион СС. С. 31.

рее достичь цели чистки. Не менее важным был сбор фактов и доказательств того, что население прибегло к самым жестоким мерам против большевиков и евреев самостоятельно»[1].

Все это бригаденфюреру удалось в полной мере.

Как только немцы вступали на территорию прибалтийских республик, там начинались еврейские погромы. Большинство погибших при этом людей были убиты не эсэсовцами, а местными националистами, проявлявшими исключительную жестокость, не щадившими ни женщин, ни детей.

За одну ночь на 26 июня в Каунасе озверевшими националистами было убито более полутора тысяч человек. Улицы города были залиты кровью; еще через несколько ночей число уничтоженных евреев было доведено до четырех тысяч[2]. В Риге к началу июля были, как говорилось в докладе шефа полиции безопасности и СД, «разрушены все синагоги, расстреляно пока 400 евреев»[3]. То, что на территории Латвии в уничтожении евреев на первых порах удалось достичь лишь весьма скромных успехов, бригаденфюрер Штальэккер объяснял весьма доходчиво:

«В основном это объяснялось тем, что национальное руководство было угнано Советами. Однако путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром»[4].

«Латыши, в том числе и находящиеся на руководящих постах, держали себя по отношению к евреям совершенно пассивно и не отваживались против них выступать, - отмечалось в другом документе СД. - Значительно ослабляет активность латышского населения то обстоятельство, что за две недели до возникновения войны русские вывезли около 500 латышских семей, которых можно считать относящимися к интеллигенции, вглубь страны»[5].

Эсэсовцы честно признавали то, что приводит в бешенство их современных последышей: благодаря грамотным действиям органов НКВД, сумевших перед войной депортировать из Прибалтики часть местных радикальных националистов, оккупантам не сразу удалось развернуть массовое уничтожение прибалтийских евреев.

Впрочем, эта заминка была недолгой.

«Члены «Перконкруста» 4 июля сожгли в хоральной синагоге Риги 500 евреев, бежавших из литовского города Шауляй. В тот же день местными националистами в Риге было сожжено и уничтожено более 20 синагог и молельных домов. Летом-осенью 1941 г. члены отряда Арайса на специальных автобусах, окрашенных в синий цвет, регулярно выезжали в провинцию... Они разыскивали и убивали евреев и коммунистов в Абрене, Кулдиге, Круступилсе, Валке, Елгаве, Балви, Бауске, Тукумсе, Талси, Екабпилсе, Виляни, Резекне. Только в Виляни 4 августа ими было уничтожено около 400 евреев»[6].

Жестокость, проявлявшаяся в ходе этих акций, потрясала. Евреев сжигали в синагогах, до

1 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 563.

2 *Чернов В.Е.. Шляхтунов А.Г.* Прибалтийские Waffen-SS. С. 73- 74. Убийства совершались на глазах офицеров вермахта, которые, разумеется, и не думали предотвращать бойню. Расстрелы евреев проходили, в том числе, в 200 метрах от здания штаба 16-й армии генерала Буша. - *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 6.

3 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 604.

4 Там же. Кн. 2. С. 563.

5 Там же. Кн. 1. С. 613.

6 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 237.

смерти забивали ломами, топили в воде, насиловали и убивали в собственных квартирах. Уничтожали всех, включая женщин и детей. Ефрейтор 415-го пехотного полка Карл-Гейнц Дроссель с ужасом вспоминал о зрелище, свидетелем которого он стал: «Я видел мальчика, вероятно, лет шести, который все порывался пойти направо. Думаю, там стоял его отец. Тогда стоявший за ним человек выстрелил мальчику в затылок и пинком сапога сбросил его тело в яму. Этого я вынести не мог. Образ того маленького мальчика и сегодня не дает мне покоя»[1].

Оккупационные власти спешно формировали из проявивших себя прибалтийских националистов подразделения вспомогательной полиции. У этих карательных частей было много работы на прибалтийской земле, а еще больше - на оккупированных немцами территориях России, Украины, Белоруссии.

...В конце октября из Каунаса в белорусский Слуцк прибыл 12-й литовский полицейский батальон. Командир батальона заявил немецкому коменданту города, что получил приказ в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города и что к выполнению этого приказа его батальон приступит немедленно.

Немецкий комиссар от такой постановки вопроса пришел в некоторое изумление и стал возражать, что, во-первых, проводить такую операцию «с колес» нельзя, а во-вторых, евреи города нужны для производства, да и устраивать бойню на глазах у населения нецелесообразно. Однако все возражения были проигнорированы литовскими карателями, без промедления приступившими к делу. «Их действия, - докладывал немецкий комендант, - граничили с садизмом»[2].

Евреев выгоняли из домов; по всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных. Перед убийствами евреев жестоко избивали чем только могли - палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни детей. Попутно литовские полицейские грабили все попавшиеся им дома. Не различая, кто обитает в этих домах - евреи, русские или белорусы, - каратели забирали все, что только могло пригодиться, - обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, литовцы буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество немецких гражданских учреждений, был ограблен. Каратели врывались в дома и на предприятия, где работали евреи, и немецкий комендант был вынужден с оружием в руках «спасать то, что можно спасти». Тех евреев, кого не убили сразу, вывозили за город, заставляли выкапывать могилы и расстреливали. Еще несколько дней спустя из закопанных ям выползали раненые[3].

Действия прибалтийских националистов очень скоро вышли за всякие рамки; речь шла уже не об уничтожении части евреев, а об их поголовном истреблении. Прибалтийские каратели превзошли своих учителей из айнзатцкоманд: они впервые продемонстрировали нацистам, что «решения еврейского вопроса» можно достигнуть не выселением евреев из страны или заключением их в гетто, а уничтожением. Куда как просто!

Еще один вывод, который сделали нацисты из прибалтийского опыта, заключался в том, что «борьба с евреями» мобилизует местных националистов, вяжет их кровью. Из натасканных на евреях карателей можно создавать подразделения «вспомогательной полиции» - очень полезные подразделения. Во-первых, «вспомогательная полиция» помогает усмирить оккупированную территорию. Во-вторых, она с легкостью выполняет акции по массовому уничтоже-

---

1 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 170.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 561.

3 Там же. С. 560-561; МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 417-418; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 244-245.

Прибалтийские националисты приняли деятельное участие в решении еврейского вопроса. Сначала они сгоняли евреев в гетто...

...а потом уничтожали. В дюнах под Лиепаей каратели из латышских националистов расстреляли десятки беззащитных женщин

нию советских недочеловеков - необходимые, но морально очень тяжелые для немцев. В-третьих, каждый батальон местной полиции позволяет высвободить необходимые для фронта подразделения немецких войск: ведь русские войска продолжают ожесточенно сопротивляться!

Пока в айнзатцгруппах, РСХА и аппарате рейхсфюрера осмысляли этот опыт, произошло еще одно очень важное событие - корректировка действий пропагандистского аппарата.

Еще до войны ведомство Геббельса выработало основные положения пропаганды, направленной на население Советского Союза. «Никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма, не говорить открыто о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию), против Сталина и его еврейских приспешников, землю - крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях»[1].

Десятки миллионов листовок, сброшенных на советскую землю, кричали о том, что Германия воюет не против русских, а за их освобождение от большевизма. Что германские власти начали войну потому, что не могли более спокойно смотреть на варварство Сталина и коммунистов против собственного населения.

Однако вся эта пропаганда оказалась далеко не столь продуктивной, как хотелось доктору Геббельсу. Успехи на Востоке базировались на военном превосходстве вермахта, а не на разложении советских войск. Бойцы Красной Армии сражались стойко и мужественно, вовсе не стремясь сдаваться в плен «освободителям», а, напротив, встречая их штыком и пулей. Практически каждый день Геббельс записывал в дневнике: «Противник сражается хорошо... Русские обороняются отчаянно... Русские сражаются очень упорно и ожесточенно... Они стоят насмерть... Красный режим мобилизовал народ... Наши солдаты едва справляются...» В конце июля министру пропаганды пришлось расписаться в собственном поражении:

«На стороне противника распространяется демонстративный оптимизм. Для этого в данный момент имеются, по крайней мере, некоторые основания. Большевики держатся гораздо более устойчиво, чем мы это ожидали. **Они, конечно, знают, что борьба идет за само их существование**»[2].

Под «большевиками» Геббельс имел в виду советский народ в целом, убедить который в «освободительном» характере войны никак не удавалось.

Направление пропаганды необходимо было скорректировать.

12 августа в дневнике появляется примечательная запись. «В настоящий момент большевистская пропаганда овладела опасным лозунгом, в котором она заставляет звучать панславянские мотивы. Правда, это происходит еще в небольшом размере, но мы должны быть в этом вопросе очень внимательными и осторожными... Еврейский вопрос опять... сделался актуальным»[3].

Антисемитизм был старым, проверенным и одним из наиболее эффективных орудий нацистской пропаганды. В течение нескольких десятилетий именно евреи были основной мишенью нацистских пропагандистов. Разжигание ненависти к евреям уже показало себя хорошим способом мобилизации немецкого народа под нацистскими знаменами.

Газеты, радиопередачи, уроки в школах - всюду говорилось одно.

---

1 *Ржевская Е.М.* Геббельс... С. 255.
2 Там же. С. 299.
3 Там же. С. 307.

Евреи разложили страну во время Первой мировой войны и способствовали падению Второго Рейха. Евреи эксплуатируют немецкое население внутри страны. Евреи строят козни извне. Евреи насилуют девушек, чтобы те никогда уже не смогли родить чистокровных арийцев. Евреи являются злейшим врагом арийской расы.

«Секретным оружием Германии является антисемитизм, потому что если он будет систематически проводиться Германией, то станет проблемой всеобщего значения, с которой будут вынуждены считаться все народы», - писал рейхсляйтер Роберт Лей[1].

«Антисемитизм является удобным революционным средством, - указывал своим соратникам Гитлер. - Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей пропагандистской кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это самое сильное оружие в нашем пропагандистском арсенале»[2].

Теперь испытанное оружие нацисты собирались использовать на оккупированной территории для того, чтобы расколоть советские народы, воспитать в них ненависть к «жидовской» Москве. И раньше связь между большевизмом и «жидовством» не обходилась вниманием нацистских пропагандистов; однако теперь это стало главным направлением удара.

«Советский Союз был раем практически только для евреев... Помимо их неограниченной тяги к деньгам, их грязного поведения и их извращенной жажды мести, наши солдаты, прежде всего, столкнулись с евреями как садистскими организаторами массовых убийств и злодеяний...»

«Только еврей может быть большевиком; для этих кровопийц нет ничего лучше, если их некому остановить. Куда ни плюнь, кругом одни евреи, что в городе, что в деревне... Даже самые маленькие кровопийцы имели должности с большими привилегиями. Они жили в лучших домах... Настоящие рабочие жили в маленьких домишках или бараках для скота...»[3]

Листовки, брошюры и газеты подобного содержания наводнили оккупированную территорию. Но, как известно, пропаганда становится более эффективной, если дополняется наглядным действием. Акции по уничтожению евреев должны были придать пропаганде борьбы с «жидобольшевизмом» большую актуальность и правдоподобность.

Айнзатцкоманды постепенно начали переходить к поголовным расстрелам евреев.

Действовали они с присущей немецкой нации педантичностью.

...Белая Церковь неподалеку от Киева уже пережила вторжение наступавших германских войск с непременными расстрелами, насилиями и грабежами; в августе, однако, в город пришли каратели - зондеркоманда 4-а штандартенфюрера Пауля Бломбеля. Целью карателей были евреи. Жители Белой Церкви с ужасом вспоминали случившееся: «Всех жителей-евреев города семьями... согнали во двор лагеря. Потом, раздев донага, сгоняли ко рву, ставили на колени и расстреливали. Стоял душераздирающий плач, крик. Люди прощались, прятали детей, пытались бежать, но их расстреливали. Мы были бессильны чем-нибудь помочь»[4].

Много лет спустя рядовой зондеркоманды 4-а Курт Вернер вспоминал о тех событиях: «Не-

1 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 412.

2 Там же. Т. 8. С. 338.

3 *Гогун А.С.* Черный PR Адольфа Гитлера: СССР в зеркале нацистской пропаганды: Документы и материалы. - М.: Эксмо; Яуза, 2004. - С. 280-281.

4 Документы обвиняют: Холокост... С. 51.

возможно себе представить, какого нервного напряжения все это стоит, чтобы внизу выполнять эту грязную работу. Это было ужасно... Я должен был всю первую половину дня находиться внизу, в овраге. И там все это время я должен был беспрерывно стрелять...»[1]

Еще совсем недавно, в июле, каратели расстреливали только мужчин; теперь евреев уничтожали целыми семьями. Как раз в это время в город вошла 295-я пехотная дивизия. Услышав треск выстрелов, дивизионный радист Франц Колер отправился смотреть, что происходит. До него не сразу дошло, что он стал свидетелем массового расстрела; увиденное зрелище он впоследствии охарактеризовал как «ужасное». Сотни мужчин и женщин лежали мертвыми во рву; на глазах Франца Колера эсэсовцы и полицейские достреливали последних. На вопрос, что же будет с детьми этих людей, один из эсэсовцев ответил: «Нас это не касается. Мы расстреливаем только тех, кому 14 лет и более, вплоть до стариков. А с детьми мы дела не имеем»[2].

Командование зондеркоманды, однако, придерживалось иного мнения; после некоторых раздумий оставшихся детей было решено расстрелять. Сначала расстреляли всех старше семи лет. Оставшиеся были заперты в доме на окраине без еды и воды; их плач и вопли были слышны по всей округе.

Священник 295-й пехотной дивизии доктор Ройсс зашел в здание, чтобы знать, что происходит. «Мы беспрепятственно прошли в дом и обнаружили в двух помещениях около 90 (у меня было время подсчитать) детей в возрасте от нескольких месяцев до пяти, шести или семи лет, - писал он в докладной командованию дивизии. - Оба помещения, в которых размещались дети - к ним примыкало пустое третье помещение, - были в очень грязном состоянии. Дети лежали или сидели на полу, который был покрыт их выделениями. Мухи сидели большей частью на ногах и животах полуодетых детей. Несколько больших детей (два, три, четыре года) соскребали со стен известку и ели ее»[3].

Начальник штаба 295-й дивизии подполковник Гроскурт отправился выяснять отношения с представителями СД. Он даже послал запрос командованию армии. Фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау, однако, подтвердил необходимость расстрела малолетних детей, заявив: «Фактически я решил, что однажды начатая акция должна быть доведена до конца должным образом»[4].

Получив окончательный приказ завершить начатое дело, штандартенфюрер СС Пауль Бломбель вызвал к себе оберштурмфюрера Августа Хэфнера и распорядился организовать расстрел детей. На совести Хэфнера и его подчиненных были уже тысячи жертв, однако уничтожать детей им еще не приходилось.

- Кто конкретно займется этим? - спросил Хэфнер.

- Солдаты СС, - меланхолично ответил Бломбель.

- Но это же сплошь молодые ребята, и мы не имеем права поручать им такое дело.

- Тогда пусть это сделают ваши люди.

- Как они могут это делать, когда у них есть свои дети?

Офицеры зондеркоманды препирались минут десять, пока Хэфнеру не пришла счастливая мысль привлечь к расстрелу украинскую вспомогательную полицию. Это предложение было принято без возражений; в конце концов, местных недочеловеков для того и вооружали, чтобы они за умеренную плату уничтожали себе подобных.

---

1 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 174.

2 Там же. С. 134.

3 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 203.

4 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 135.

Хэфнер лично отправился проконтролировать действия украинской полиции. «Я вошел в лес, - вспоминал оберштурмфюрер. - Солдаты вермахта уже выкопали могилу. Детей везли туда на тракторе. Техническая сторона дела меня не касалась. Украинцы стояли вокруг и дрожали. Детей выгрузили с трактора. Их поставили на край могилы - когда украинцы начали в них стрелять, дети падали туда. Раненые тоже падали в могилу. Это зрелище я не забуду до конца жизни. Оно все время у меня перед глазами. Особенно запомнилась мне маленькая белокурая девочка, взявшая меня за руку. Потом ее тоже застрелили»[1].

Никакими разумными доводами невозможно было обосновать уничтожение четырехлетних детишек; для того чтобы представить, что даже в столь маленьком возрасте еврей является «подрывным элементом», угрожающим немецким войскам и всему Рейху, требовалось обладать невероятной фантазией.

Все было проще: к этому времени нацистами было принято решение о поголовном уничтожении советских евреев.

О принятии этого решения свидетельствуют действия командования вермахта и руководства РСХА - сил, которые играли ключевую роль в развертывании террора на оккупированных советских территориях.

12 сентября глава ОКВ фельдмаршал Кейтель издал приказ: «Борьба с большевизмом требует принятия безжалостных и энергичных действий, в первую очередь против евреев»[2]. Как видим, концепция военного командования была совершенно однозначной.

В ведомстве Гиммлера тоже размышляли на этот счет. В один прекрасный день шеф РСХА Гейдрих вызвал к себе начальника «еврейского отдела» гестапо оберштурмбаннфюрера Адольфа Эйхмана.

«Я явился, - вспоминал Эйхман. - И он сказал мне: «Фюрер приказал физически уничтожить евреев». Эту фразу он мне сказал. И вопреки своему обыкновению замолчал, словно хотел проверить действие своих слов. Я это и сегодня помню»[3].

Эйхман даже не сразу понял, о чем идет речь; еще недавно его отдел вынашивал планы депортации евреев на Мадагаскар, а теперь занимался изоляцией их в гетто. Но об уничтожении евреев никто даже не думал.

Гейдрих посмотрел на опешившего начальника «еврейского отдела» и посоветовал тому съездить в командировку на Восток, посмотреть, как там расправляются с евреями. В Люблине Эйхману показали, как строятся домики, в которых при помощи выхлопных газов от мотора подводной лодки можно уничтожать евреев, в Хелме - продемонстрировали работу машины-душегубки. Все это походило на импровизацию и никак не могло обеспечить массового уничтожения людей. И тогда Эйхман отправился туда, где людей убивали по-настоящему массово.

На оккупированные территории СССР.

В Минске оберштурмбаннфюреру предложили посмотреть на очередной массовый расстрел. Гестаповец был по-настоящему поражен увиденным; даже спустя двадцать лет в его рассказе звучит потрясение.

«Пришел туда на место, но оказалось уже поздно. В тот день до обеда это закончилось, почти закончилось... Когда я пришел, то видел только, как молодые солдаты стреляли в яму... Я... я там... что

---

1 *Брухфельд С., Левин П.* Передайте об этом детям вашим... С. 86.

2 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 201.

3 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана. С. 72.

бы я ни сказал... ведь я только увидел, я даже не думал, я такого не ждал. И я увидел, больше ничего! Стреляли сверху вниз, я еще увидел женщину с руками за спиной, и у меня подкосились ноги, мне стало плохо. Яма была полна трупов. Она была полна! Я ушел оттуда к машине, сел и уехал. Поехал во Львов. Я теперь припоминаю - у меня не было приказа ехать во Львов. Кое-как добираюсь до Львова, прихожу к начальнику гестапо и говорю ему: «Это же ужасно, что там делается... Как же можно вот так просто палить в женщину и детей? Как это возможно?.. Ведь нельзя же так... Люди либо сойдут с ума, либо станут садистами, наши собственные люди». А он мне говорит: «Здесь поступают точно так же, тоже стреляют. Хотите посмотреть?» Я говорю: «Нет, я ничего не хочу смотреть». А он говорит: «Мы все равно поедем мимо». Там была тоже яма, но уже закопанная, а из нее кровь, словно... - как это сказать? Кровь оттуда текла. Я такого никогда не видел. Сыт по горло таким заданием!

...Я поехал в Берлин и доложил группенфюреру Мюллеру... Я попросил группенфюрера: «Пожалуйста, не посылайте меня туда. Пошлите кого-нибудь другого, кто покрепче... Ведь хватает других, кто может на это смотреть, кто не свалится в обморок. А я не могу такое видеть, я ночью не сплю, мне это снится. Я не могу, группенфюрер». Но меня не послушали»[1].

На самом деле шеф РСХА несколько дезориентировал своего подчиненного; решение о поголовном уничтожении евреев еще не было принято. Даже спустя месяц в разговоре с Гиммлером и Гейдрихом Гитлер лишь пускался в общие рассуждения:

«С трибуны рейхстага я предсказал еврейству, что, если война окажется неизбежной, евреям придется исчезнуть из Европы. На совести этой расы преступников два миллиона погибших в Первую мировую войну, а сейчас еще несколько сот тысяч. Пусть никто не говорит мне, что мы не сможем поселить их в болотистые районы России! А кто волнуется о наших войсках? А вообще, неплохо, что слухи приписывают нам намерение уничтожить евреев. Террор - полезная вещь»[2].

Европейских евреев по-прежнему собирались лишь выселять; речь об «окончательном решении» еще не шла.

Лишь *советские евреи* должны были быть уничтожены.

Белая Церковь стала пробной акцией подобного рода; именно ее организатор, штандартенфюрер СС Пауль Бломбель через некоторое время отличится в Киеве - в Бабьем Яру. Генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау, утвердивший убийство детей, также не останется в стороне: отдаст солдатам приказ сгонять киевских евреев в места сбора[3].

Поголовные экзекуции проводились повсеместно.

Женщин и детей не щадили; смешанные семьи уничтожали целиком.

Жители Белгорода после освобождения рассказали историю, в которой, как в капле воды, проявилась межнациональная трагедия нацистского «окончательного решения». Жила в городе семья: русская Савицкая, еврей Лифшиц и их дети. Потом пришли немцы, а еще через некоторое время евреев стали уничтожать. Дошло дело и до семьи Савицкой. «Ей немецкой комендатурой было предложено отказаться от своего ребенка и отдать его на сожжение. Мать отказалась выполнять предложение, и была вместе с ребенком сожжена»[4].

Оказавшаяся в немецком тылу Одесса защищалась вплоть до середины осени. 16 октября советское командование приняло решение об эвакуации войск; сопротивление было действительно бессмысленным. В город вошли румынские и немецкие части; как только оккупацион-

1 Там же. С. 76-78.

2 ЗРГ. Вар. 2. С. 107-108. Ср.: *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 194.

3 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 205.

4 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 271.

Нацисты и их пособники не знали жалости - при погромах в гетто убивали и женщин, и детей

ный порядок надежно утвердился, начались поголовные аресты евреев и полукровок.

«Арестованных заключили в пороховые погреба на Стрельбищенском поле, - вспоминала счастливо избежавшая ареста девчушка Роза Антипина. - Никто и представить себе не мог, что все так трагично обернется. Я помню, как наш сосед-еврей, выходя, сказал, что немцы хотя и наши враги, но «они же культурные люди». Все обернулось такой жестокой трагедией, о которой всю свою жизнь невозможно забыть. Эта память у меня в крови, в душе.

23 октября 1941 г. погреба, куда заключены были евреи, сожгли. От Стрельбищенского поля до Трушевского переулка, где мы жили, - всего одна остановка трамвая. Мучили и сжигали людей целую неделю. И мы все это видели. Дым стелился по всему району, и мы знали, что там умирает наш папа»[1].

Десятками километров севернее, среди солдат расквартированных в Невеле частей распространились слухи, что неподалеку состоится массовый расстрел евреев. «Говорили, что мужчины якобы были расстреляны в тот же день на рассвете и что теперь на очереди стоят женщины», - вспоминал ефрейтор Г. Кильгорн. Вместе с товарищами он пошел посмотреть на это зрелище. По пути их обгоняли все новые группы солдат на велосипедах; расстрелы еще не стали приевшейся обыденностью, и всем хотелось посмотреть, как уничтожают еврейских недочеловеков. На месте Кильгорн увидел толпу женщин и детей под охраной эсэсовцев - не менее шестисот человек.

1 Последние свидетели... С. 37.

«Из этой толпы непрестанно выводили по 5 женщин к находившемуся на расстоянии 200 метров противотанковому рву, - рассказывал ефрейтор. - Когда они подошли, они должны были раздеваться донага... Потом несколько эсэсовцев сталкивали их в ров и сверху расстреливали их. Когда женщины услышали приказ раздеться, они очень кричали, потому что поняли, что они будут расстреляны... После расстрела одной группы женщин следующая группа сталкивалась на том же самом месте в ров, прямо на тех, которые только что были расстреляны. Расстрела детей я лично не видел, но большое количество детей находилось в толпе»[1].

Кильгорн недолго наблюдал за расстрелами; ему нужно было ехать по делам.

Служебные обязанности необходимо выполнять, а экзекуция... Что ж!

Подобных ей будет еще много.

Карательные функции принимали на себя и расположенные в тылу подразделения вермахта. «Массовое истребление советских евреев производилось армией и, в частности, нашей 4-й пехотной дивизией по прямым указаниям германского командования, - рассказывал следователям захваченный в плен рядовой Курт Лей. - Весь личный состав 4-й пехотной дивизии был приучен своими командирами к самым зверским жестокостям, проводимым, главным образом, в карательных экспедициях против евреев. Командиром дивизии был генерал-майор Фальк»[2].

4-я пехотная дивизия действовала в полосе группы армий «Центр»; там же работала айнзатцгруппа «В» под командованием бригаденфюрера СС Артура Небе.

Небе был человеком известным. Перед нападением на Советский Союз шеф РСХА собрал своих подчиненных и заявил, что айнзатцгруппы должны будут «закрепить и умиротворить русское пространство». Для этого, сказал Гейдрих, понадобятся сильные мужчины.

Небе сделал шаг вперед и щелкнул каблуками:

- Группенфюрер, можете рассчитывать на меня![3]

Он очень старался выслужиться; айнзатцгруппа «В» не покладая рук уничтожала военнопленных, коммунистов и евреев. Когда рейхсфюрер СС лично выезжал на Восточный фронт, чтобы проинспектировать деятельность карателей, Небе специально устраивал для высокого начальства массовые экзекуции[4].

Но все же Небе никак не удавалось превзойти достижения своих коллег в Прибалтике и на Украине; в ноябре 1941 года рейхсфюрер, в очередной раз прибывший в Минск, поставил вопрос ребром:

- Скажите, бригаденфюрер, какое количество евреев ежедневно расстреливается?

Небе назвал число, и тогда Гиммлер в ярости заорал:

- Какое свинство! Берите пример с вашего товарища в группе армий «Север», где расстреляно евреев в пять раз больше, чем у вас![5].

Правду сказать, упрек был несправедлив: успехи айнзатцгруппы «А» в уничтожении евреев в значительной степени обусловливались действиями прибалтийских националистов из «вспомогательной полиции», устроивших незапланированный endlosung. Вины Небе, что в Белоруссии такого количества остервеневших шовинистов не нашлось, не было никакой.

Небе решил реабилитироваться; в годовщину Октябрьской революции эсэсовцы и «вспомо-

1 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 240-250.
2 Документы обвиняют: Холокост... С. 11.
3 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 384-385.
4 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 88 - 89; *Пэдфилд П.* Рейхсфюрер СС. С. 324.
5 Документы обвиняют: Холокост... С. 10.

гательная полиция» (в том числе специально выведенные из Прибалтики подразделения) устроили погром в минском гетто.

Минское гетто было одним из самых крупных на оккупированной советской территории. В западной части города была огорожена застроенная одноэтажными деревянными домами территория площадью около двух квадратных километров; сюда было согнано более 80 тысяч узников.

В гетто действовала достаточно разветвленная подпольная сеть, связанная с минским подпольем и советскими партизанами. Именно благодаря этой связи стало известно о трагедии.

«7 ноября 1941 года гитлеровцы в минском гетто устроили погром и массовое уничтожение еврейского населения, - докладывала партизанская разведка. - Пятнадцать тысяч мужчин, женщин, стариков и детей были согнаны в район Тучинки и расстреляны. Расстрелы длились несколько дней»[1].

Рядовой одной из айнзатцкоманд Эрнст Гебель так рассказывал о своем командире отделения: «Он зверел, когда убивал детей. Некоторых он хватал за волосы, поднимал над землей и бросал тела в яму. Я больше не мог на это смотреть и сказал, чтобы он прекратил... Я не против, пусть стреляет, но поприличнее»[2].

...Через несколько дней после минской акции Небе присвоили долгожданную должность группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции.

Вермахт также не оставался в стороне; его деятельность распространялась на вновь захватываемые территории.

«Невозможно вести войну на Востоке в обычных формах, - писал в приказе командующий 11-й армией генерал Эрих фон Манштейн. - Война идет не только на фронте - в тылу на немецких солдат нападают гражданские лица с оружием в руках. Еврейство составляет посредническое звено между врагом в нашем тылу и Красной Армией. Еврейство крепче держит бразды правления в СССР, чем на Западе, поэтому еврейско-большевистская система в СССР должна быть уничтожена навсегда. Она никогда в будущем не должна угрожать Европе... Каждый солдат должен проникнуться необходимостью беспощадно мстить евреям»[3].

Манштейн был одним из самых талантливых германских военачальников; в это время его 11-я армия вела бои в Крыму, и вскоре весь полуостров, за исключением Севастополя, ожесточенно защищаемого советскими войсками, оказался под немецким контролем. В захваченной Керчи оккупанты приступили к уничтожению еврейского населения. Всего было уничтожено более семи тысяч евреев[4]. Когда несколько месяцев спустя немцев на время выбили из города, бойцы РККА обнаружили места массовых убийств. Вот описание одного из них.

«При обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной 4 метра и глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков... На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье матери»[5].

---

1 *Ваупшасов С.А.* Партизанская хроника. - М.: Воениздат, 1959. - С. 265.

2 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 175.

3 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 340; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 201; *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 4.

4 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 287.

5 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 121; Вар. 2. Т. 3. С. 247.

Подписанный 20 ноября приказ фон Манштейна не прошел даром.

Впрочем, жестокость к евреям, проявленная войсками Манштейна, не была чем-то уникальным. На следующий день, 21 ноября, десятками километров восточнее войска его боевого товарища, командующего 1-й танковой армией генерала Эдвальда фон Клейста, ворвались в Ростов-на-Дону.

В городе немцы находились недолго; уже через неделю советские войска одержали то, что британские военные специалисты впоследствии назвали «настоящей русской победой». Одновременные удары войск маршала Тимошенко со стороны Ворошиловграда и Дона застигли немцев врасплох. Понеся тяжелые потери в бронетехнике и живой силе, фон Клейст был вынужден спешно отступить за реку Миус. Части 1-й танковой армии ушли из Ростова; однако их подвиги горожанам запомнились надолго.

«Как только они вошли в Ростов, начали грабить, издеваться над местными жителями, особенно евреями. Их убивали только за то, что они евреи. Их искали по домам, в погребах, на улицах. Только в доме на 36-й линии около детского сада убили 60 жителей-евреев, всего в нашем районе - несколько сот, в основном женщин, детей, стариков. Перед расстрелом над многими издевались, избивали, выбивали зубы, многих убивали прикладами, размозжив головы. Прямо на улице валялись куски черепов этих людей...»[1]

Окончательное решение еврейского вопроса стало последствием нацистской истребительной политики против советских граждан

1 Документы обвиняют: Холокост... С. 81. См. также: МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 97; Ни давности, ни забвения... С. 30.

...«Окончательное решение еврейского вопроса» стало прямым следствием истребительной войны против Советского Союза. Не имея первоначально намерения поголовно уничтожать евреев, нацисты пришли к этому решению, руководствуясь жесткой логикой тотальной войны. Сначала евреев уничтожали как *советских граждан,* потом - как *советских евреев;* и лишь в начале 1942 года будет принято решение, согласно которому евреев можно будет убивать только за то, что они *евреи.*

Но осенью сорок первого последняя возможность еще только обсуждалась.

...В это время в заснеженном городке Клинцы Брянской области нацисты расстреливали местных евреев. Местных жителей согнали закапывать общую могилу; много позже один из них расскажет: «Ребенок остался жив. Я засыпаю его землей, а он разгребает ручонками землю и смеется. Потемнело у меня в глазах, я зашатался и упал»[1].

По подсчетам исследователей, всего за шесть месяцев 1941 года на оккупированной нацистами территории было уничтожено около 1,2 миллиона советских евреев[2].

Мужчин, женщин, стариков, детей.

Живые голоса (2):
«БЫЛО УБИТО ВСЕ ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ»

В 1943-1944 годах наступавшие части Красной Армии повсеместно натыкались на следы преступлений немецких оккупантов. Об увиденном составлялись акты, удостоверявшиеся местными жителями. Ниже приводятся выдержки из актов, касающиеся уничтожения еврейского населения. Впервые эти документы опубликованы в сборнике «Холокост: свидетельства Красной Армии», подготовленном профессором Ф.Д. Свердловым.

«Гитлеровцы оккупировали местечко Горы 12 июля 1941 года. Ворвались в дом секретаря сельсовета Кочелиса Иосифа Абрамовича, 28 лет, раздели догола и расстреляли. Расстреляли граждан Гуревич Мирру, 35 лет, Ольтшуллера Абрама, 60 лет.

В октябре 1941 г. немцы согнали около 200 евреев - все еврейское население местечка - к льнозаводу, заставили раздеться, лечь лицом к земле и всех автоматными очередями расстреляли. Убивали и ударами прикладов. Похоронили трупы в нескольких ямах. Многих бросали в эти ямы живыми».

Акт о зверствах немцев в местечке Горы,
16 марта 1944 г.

«Через две недели после захвата местечка немцы согнали всех мужчин-евреев - 60 человек - якобы на работы. Их привели в урочище Ревуха в двух километрах, заставили вырыть ямы и всех расстреляли. Спустя некоторое время согнали всех женщин с детьми - евреев - якобы для эвакуации и в том же месте расстреляли. Подводили по 4 человека к яме и расстреливали из пистолета. Грудных детей бросали в яму живыми».

Акт, местечко Ставище Киевской области,
14 января 1944 г.

«В июле 1941 г. при занятии немецкими войсками м. Хиславичи в нем был организован ла-

1 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 262.
2 Там же. С. 303.

герь для всего еврейского населения, занимавший три улицы. Все евреи от мала до велика носили желтую повязку с черной серединой. Из лагеря еврейскому населению выходить запрещалось. Сразу начались издевательства над евреями, грабежи, насилия».

Акт о зверствах немецко-фашистских властей
в м. Хиславичи Смоленской области,
2 октября 1943 г.

«30 июля 1941 года немцы заняли город Голованевск Одесской области. Началась дикая расправа с еврейским населением. Около 100 человек евреев расстреляли на месте, прямо в городе. Затем собрали человек 800, на автомашинах под охраной вывезли в лес в километре от города и всех расстреляли. Среди них было очень много женщин, детей. Девочек 12-15 лет немцы перед расстрелом насиловали. На окраине города немцы отнимали у матерей и бросали маленьких детей живыми в колодец, который наполнился почти доверху и его засыпали землей».

Акт о зверствах немецко-фашистских оккупантов,
22 марта 1944 г.

«Мы, жители д. Дмитровка (9 фамилий) Богодуховского района Харьковской области, свидетельствуем, что при оккупации села в 1941 г. немцы собрали в течение 3-4 дней из окрестных деревень все еврейское население, согнали его в сарай на колхозном дворе, били, издевались, каждый день выводили на тяжелые дорожные работы, а через несколько дней всех до единого расстреляли, включая малых детей. Девушек насиловали группами солдат. Кругом стоял дикий крик и плач. Всего было расстреляно не менее сорока евреев».

Докладная записка политотдела
5-й гвардейской танковой армии

«Сообщаю рассказ освобожденных граждан города Велижа Смоленской области.

«13 июля 1941 года в г. Велиж вступили немцы. Начались мытарства особенно для еврейского населения - грабежи, убийства. День ото дня становилась все хуже жизнь евреев. 9 августа нам всем приказали носить желтые повязки на левом рукаве и на спине. Запретили с этого дня встречаться с русскими, разговаривать с ними. Евреев собирали на самые тяжелые работы: убирать камни, бревна, чистить уборные. Часто немцы увозили еврейских девушек неизвестно куда. Назад они не возвращались... 7 ноября 1941 г. всех евреев города загнали в гетто на маленькой улице Жгутовской. Там было всего 27 маленьких домиков и свинарник, в котором когда-то было 300 свиней. Вместили в него более 500 человек. Всего в гетто было 1400 человек. Голод, холод. Каждый день люди умирали...

28 января 1942 года, когда Красная Армия была уже недалеко, в 4 часа дня в гетто пришли немцы и русская полиция. Они закрыли все двери свинарника и подожгли его. Подожгли все гетто. Все же около 100 человек сумели сбежать. Остальные сгорели».

Докладная записка 7-го отдела
политуправления Калининского фронта,
28 февраля 1942 г.

«У пленного Генриха Мела, захваченного 20.09.1941 на Сев.-Зап. фронте - 3. р. 96 пп, 32 пд, найден дневник. В нем, в частности, написано: «27.8. Вильно. На вокзале работают исключи-

тельно евреи, отмеченные двумя желтыми звездами. Видел несколько их убитыми. Солдаты говорили, что это лишь горстка тех, кого расстреляли за последние несколько дней в г. Вильно, и что этих тоже скоро расстреляют.

8.9. В одной из деревень наблюдал, как солдат хладнокровно расстрелял 12 евреев, в том числе шесть женщин и трех детей. Детей убивали ударами головы о дерево».

Довести до личного состава».

Нач. политуправления СЗФ,
дивизионный комиссар Рябчий,
8 октября 1941 г.

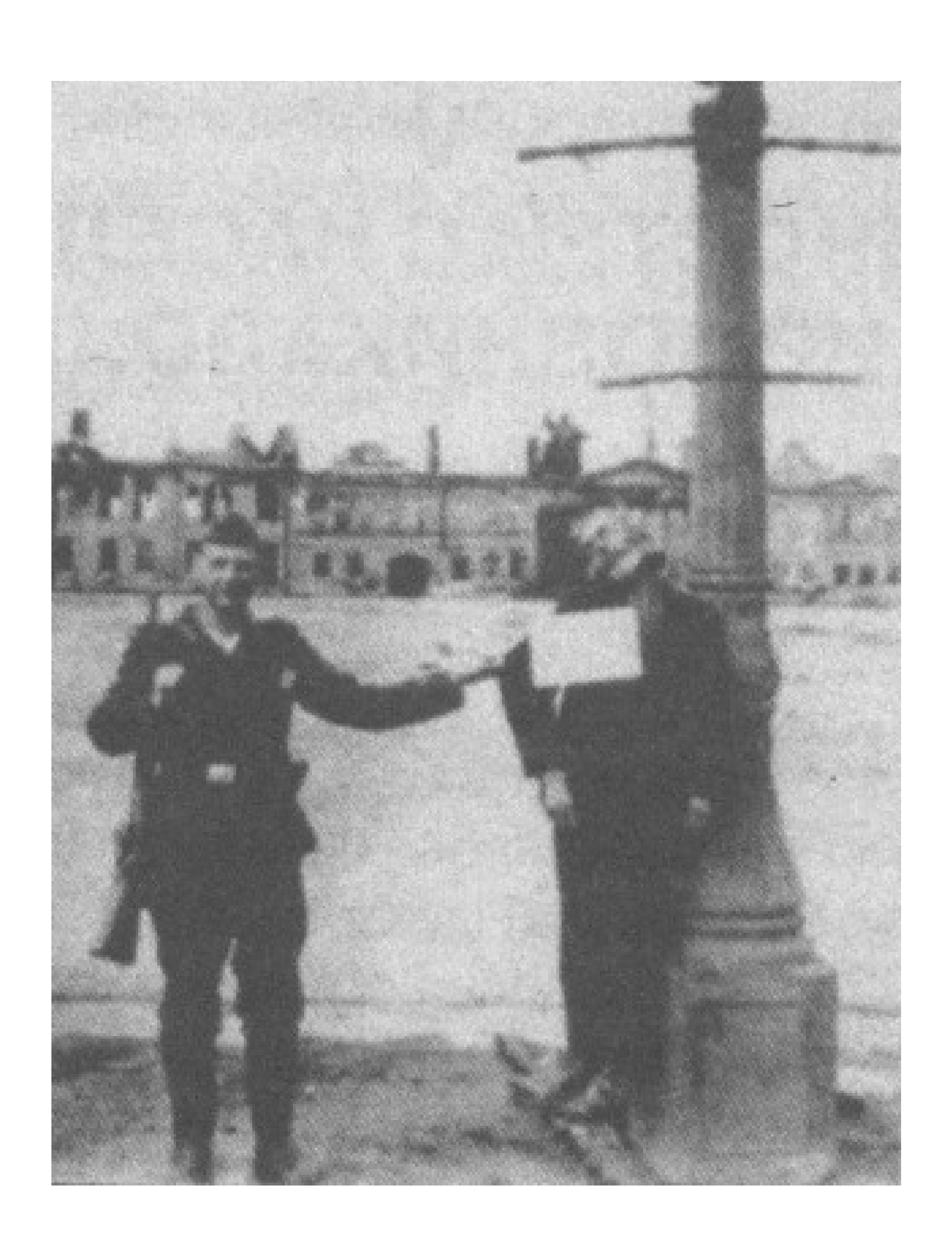
«В начале октября 1941 года все евреи по приказу начальника карательного отряда были согнаны на рыночную площадь. Мужчины были отделены от женщин. Сначала отобрали 30 стариков, отвезли их на автомашине в Лещинский ров и там расстреляли. Из еврейских женщин гитлеровцы отобрали молодых, загнали их в раймаг, там раздели догола, изнасиловали, истязали, после этого расстреляли. 15 октября всех оставшихся евреев собрали во дворе педучилища. Им зачитали приговор. После этого вывели на улицу, построили по 10 человек в ряд и погнали к Когальному рву, где ночью местным населением по приказу немцев были вырыты ямы. Сначала отобрали 50 мужчин. Им приказали углубить ямы, а затем расстреляли. После этого подводили к ямам по 10 человек евреев и расстреливали. Сначала убили всех мужчин, потом женщин со взрослыми детьми. Маленьких детей бросали в ямы живыми. Многих оглушали ударами по голове».

Акт о массовом истреблении граждан г. Мстиславль,
4 октября 1943 г.

«В поселке Дрибин жило много еврейских семей. С приходом немцев в сентябре 1941 г. все эти семьи были согнаны в пожарный сарай, где с них снимали одежду. Затем вели на расстрел. Таким образом в поселке было убито все еврейское население - 450 человек, в том числе женщины, дети, старики, старухи. Расстрел проводился у ям на территории колхозного двора. Еврейку Рыкину Риву долго терзали в полиции, она кричала: «Скорее меня убивайте».

Протокол опроса Снытко Николая Демидовича
о зверствах немецко-фашистских оккупантов
в поселке Дрибин

V
«ТРУДНОСТЕЙ С НАСЕЛЕНИЕМ НЕ ВОЗНИКАЛО...»

Гитлеровские орды убивают и насилуют мирных жителей нашей страны, не щадя женщин, детей, стариков. Наши братья в захваченных немцами областях нашей страны стонут под игом немецких оккупантов.

И. Сталин. 6 ноября 1941 г.

Дождливым осенним днем в деревню Яскино под Смоленском пришли немецкие солдаты. Они окружили деревню и согнали жителей на площади. Потом отобрали всех мужчин и расстреляли за околицей. Мужчин - это громко сказано; к тому времени в деревне остались лишь глубокие старики и подростки. Их тела лежали в грязи, вокруг страшно выли женщины, а деревня пылала, подожженная с трех концов.

В деревне Починок, стоявшей неподалеку, плакать было некому. Немецкие каратели загнали всех жителей в помещение правления колхоза, подперли двери кольями и подожгли. Старики и старухи, женщины и дети метались в огне; жуткий крик сжигаемых заживо людей разносился окрест, каратели бесстрастно смотрели на дело своих рук, и лишь небо плакало о погибших[1].

Много лет спустя командующий 9-м армейским корпусом генерал пехоты Герман Гейер, описывая боевые действия своих частей под Смоленском, между прочим заметит: «Вообще трудностей с населением не возникало, так как мы своевременно издали строгие приказы»[2].

Эти слова - квинтэссенция истребительной политики, проводившейся нацистами по отношению к населению оккупированных областей.

С самого начала войны немецким войскам было разрешено совершать любые преступления против жителей оккупированных территорий. Одним параграфом указ «О военном судопроизводстве» освободил немецких военнослужащих от ответственности за убийства и изнасилования; другим лишил всяких прав оказавшихся под оккупацией советских граждан. Теперь их можно было произвольно расстреливать за любой реальный или мнимый проступок.

После начала войны германское командование стало выражаться еще более откровенно. «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны, - говорилось в одном из обращений к солдатам вермахта. - Уничтожь в себе жалость и сострадание - убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик - убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки»[3].

Неудивительно, что с первых же дней войны войска вермахта проявляли должную беспощадность по отношению к мирному населению. «Захват сел и городов обычно начинается с постройки виселиц, на которых германские палачи убивают первых попавшихся под руку мирных жителей. При этом фашисты оставляют виселицы с повешенными на много дней и даже на несколько недель. Так же они поступают с теми, кого расстреливают на улицах городов и сел, оставляя трупы по многу дней неубранными», - доносила в Москву партизанская разведка[4]. А один из германских генералов в докладе командованию так объяснял действия своих подчиненных:

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 96.

2 От Буга до Кавказа... С. 131.

3 Россия и СССР в войнах XX века. С. 230.

4 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95.

«Немецкий солдат не может рассматривать обитателей этой страны как равных... С этим связаны частые пожары и разрушения в городах - слишком частые и слишком обширные, по сравнению с Польшей и Францией»[1].

Действительно: человек не может рассматривать животных как равных, а советские недочеловеки - это почти что животные. «Письма, доходящие до нас с фронта, - вещали радиоприемники по всей Германии, - свидетельствуют, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого, не одно мировоззрение против другого, а культура, цивилизация и человеческое достоинство борются против дьявольских принципов недочеловеков»[2].

Впрочем, что - животные! Русские гораздо омерзительнее. Под Херсоном осколком артиллерийского снаряда была убита собака командира разведывательного батальона лейбштандарта СС штурмбаннфюрера Мейера. За свою собаку Мейер отомстил как за истинного арийца: согнал свыше тридцати местных жителей на площадь и лично их расстрелял[3]. Разве собака арийца не ценнее русских свиней?

Проходя через деревню близ Велижа, солдаты одного из подразделений 11-го полка 14-й моторизованной дивизии решили немного развлечься. Под командованием своего обер-лейтенанта они согнали из ближних домов жителей, в том числе женщин и детей, и бросили их в реку. В тех, кто не тонул, бросали камнями, в тех, кто пытался уплыть, - стреляли. Не уцелело никого[4].

Под Брянском, увидев наступающих немцев, население деревни Большая Березка спряталось в лесу. Им было приказано возвратиться. «150 стариков, женщин и детей возвратилось домой. После этого согнали их в колхозные амбары, перекололи всех штыками и перебили прикладами. 11 детей в возрасте 12-13 лет закопали живыми в землю»[5].

Когда немцы ворвались в город Остров, они развлекались расстрелами мирных граждан. «Немцы согнали несколько десятков женщин и детей на огород и неожиданно стали расстреливать их из автоматов, - рассказывал позднее пробившийся к своим офицер Чеботарев. - Затем туда же привели еще двадцать пять женщин и тоже расстреляли их. Все это я видел своими глазами, находясь в укрытии возле этого огорода»[6].

Солдаты, развлекавшиеся под Велижем, Брянском и в Острове, и многие сотни тысяч, подобных им, были нацистской расой господ. «Мы создадим человека нового типа, расу господ и породу вице-королей», - сказал по этому поводу Гитлер и, словно спохватившись, добавил: «Естественно, не может быть и речи об использовании людей этого типа на Западе!»[7]. Оговорка эта была весьма важной: раса господ на Востоке творила такие преступления, что, сотвори они хоть что-нибудь, отдаленно похожее на Западе, этот ужас европейцы запомнили бы навсегда.

Когда фронт уходил вперед, жителям оккупированных районов могло поначалу показаться, что самое страшное уже позади. Части вермахта уходили дальше, и можно было надеяться на то, что все произошедшее - массовые изнасилования, расстрелы и грабежи - были лишь неиз-

1 От Буга до Кавказа... С. 87.
2 МНП. Вар. 1. Т. 6. С. 522-523.
3 Неизвестный Гитлер... С. 119.
4 РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 46.
5 Истребительная война на Востоке. С. 45.
6 *Толстой А.Н.* Лицо гитлеровской армии. С. 487-488.
7 ЗРГ. Вар. 2. С. 46.

Нацисты расстреливают мирных жителей в Каунасе

бежными на войне эксцессами. Что на смену военному хаосу придет какой-никакой, а порядок.

Порядок действительно пришел - но это был *нацистский порядок.*

Согласно предвоенным разработкам вся полнота военной и оккупационной власти на захваченных советских территориях вначале передавалась армейскому командованию. Командующие оперативным тылом групп армий назначались лично фюрером и действовали в соответствии с его директивами, переданными через начальника штаба ОКВ. Их обязанности заключались в обеспечении безопасности оккупированной территории[1].

Одним из этих людей стал генерал пехоты Карл фон Рок, возглавивший оперативный тыл группы армий «Юг». 14 июля он издал приказ, согласно которому всех мужчин на оккупированной территории следовало заключать в лагеря для военнопленных.

«Военнослужащих Красной Армии, которые в гражданской одежде бродят по дорогам боевых действий и, прежде всего, шатаются в больших городах, необходимо задерживать... С пойманными следует обращаться как с военнопленными... Там, где гражданские лица отрицают свою принадлежность к Красной Армии, с ними следует обращаться как с партизанами»[2].

---

1 Истребительная война на Востоке. С. 27.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 162.

Подход был таков: если пойманный мужчина призывного возраста не признавал себя солдатом Красной Армии, его расстреливали как партизана; если признавал - бросали в лагерь. Впрочем, многие германские генералы в приказах высказывались гораздо более откровенно, чем фон Рок. «Всех мужчин, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных», - приказывал командир 18-й танковой дивизии генерал-майор Вальтер Неринг[1]. Благодаря этому новшеству число военнопленных в отчетности ОКВ постоянно росло, вызывая восторг у геббельсовских пропагандистов. Невозможно подсчитать, сколько мирных жителей было загнано в лагеря военнопленных; однако только в одном Минском лагере на 100 тысяч пленных солдат и командиров, по немецким данным, приходилось 40 тысяч гражданских «в возрасте от 15 до 50 лет»[2]. А всего за шесть месяцев сорок первого года, насколько можно судить по косвенным данным, в лагеря для военнопленных было брошено более миллиона гражданских лиц, большинство которых там и погибло.

Таковы были первые действия оккупационных властей.

Однако поначалу не все офицеры вермахта понимали, что на Востоке ведется особая, *истребительная* война. Поэтому в первые месяцы явочным порядком распространилась практика, в корне расходившаяся с указаниями из Берлина. Военные коменданты на местах стали отпускать попавших в лагеря мужчин, если за теми приходили их жены или родственники; при этом порою отпускали не только гражданских, но и красноармейцев, которым повезло попасть в плен в родных местах.

Кроме того, в некоторых оккупированных районах вместо поголовного заключения в лагеря всех трудоспособных мужчин были применены более дифференцированные подходы. Например, командующий 26-м армейским корпусом генерал Альберт Водриг распорядился разделить население на подведомственной ему территории по трем категориям.

В первую входили государственные и партийные деятели, члены местных и районных Советов народных депутатов и «лица, внесенные в списки партизан». При выявлении их немедленно расстреливали.

Во вторую категорию входили коммунисты, комсомольцы, председатели колхозов и совхозов, «лица, не имеющие постоянного места жительства», лица, которые скрывают хозяйственные ценности и призывают к неподчинению оккупационным властям. Их ждал концлагерь.

К третьей категории относились жители, которые «открыто проявляли пассивное сопротивление», уклонялись от принудительных работ или участвовали во встречах и собраниях. По отношению к ним применялись «арест и избиение», в случае повторного задержания - заключение в концлагерь[3].

Однако вскоре подобные проявления сомнительного гуманизма были пресечены, а немецкие войска получили приказ от изоляции наиболее активной части советского населения в лагерях перейти к акциям уничтожения.

Приказ был получен от высшего военного командования. Ровно через месяц после вторжения в Советский Союз фельдмаршал Кейтель подписал директиву, касающуюся населения оккупированных территорий. «Войск, выделенных для несения службы охраны в занятых восточных районах, - писал Кейтель, - хватит для выполнения задач лишь в том случае, если всякое сопротивление будет ликвидироваться не путем судебного наказания виновных, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьет у на-

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 312.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 605-606; МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 202-203; Преступные цели... С. 159-160.

3 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 139-140.

селения всякое желание противодействовать... Командующие должны изыскивать средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых охранных частей, а применяя соответствующие драконовские меры»[1].

Еще через два дня штаб ОКХ конкретизировал эти указания. Командующие войсками тыла групп армий получили специальные указания об обращении с гражданским населением и военнопленными.

«Большое расширение оперативного пространства на Востоке, коварство и своеобразие большевистского противника, особенно на чисто русских территориях, уже с самого начала требует обширных и эффективных мер, чтобы управлять занятой территорией и использовать ее.

Стало известно, что не везде еще действуют с нужной строгостью. Частично это объясняется недостаточной еще до сих пор обученностью вновь привлеченных и используемых учреждений и войск...

Необходимое быстрое умиротворение страны возможно достичь только в том случае, если всякая угроза со стороны враждебно настроенного гражданского населения будет беспощадно пресечена. Любая снисходительность и нерешительность - это слабость, представляющая собой опасность...

Там, где возникает пассивное сопротивление или же где при завалах дорог, стрельбе, нападениях и прочих актах саботажа сразу обнаружить виновных и указанным образом покарать их не удается, следует незамедлительно прибегать к коллективным насильственным мерам на основании приказа офицера, занимающего служебное положение командира батальона и выше. Категорически указывается на то, что предварительный арест заложников для предотвращения возможных незаконностей не требуется. Население отвечает за спокойствие на своей территории без особых предупреждений и арестов...

Всякая поддержка или помощь со стороны гражданского населения партизанам, бродячим солдатам и т.д. точно так же карается, как партизанщина.

Подозрительные элементы, которые не уличены в тяжких преступлениях, но по своим убеждениям и поведению представляются опасными, должны быть переданы оперативным группам, то есть отрядам полиции безопасности и СД. Передвижение гражданских лиц без соответствующих пропусков следует прекратить»[2].

Практически одновременно схожую директиву под названием «Основные задачи по прочесыванию и контролю в заболоченных местностях» выпустил и рейхсфюрер СС. «Если население с национальной точки зрения враждебно, а в расовом и человеческом отношении неполноценно или даже, как это бывает в местах среди болот, состоит из осевших там преступников, которые, возможно, поддерживают партизан, то все они подлежат расстрелу», - указывал Гиммлер[3].

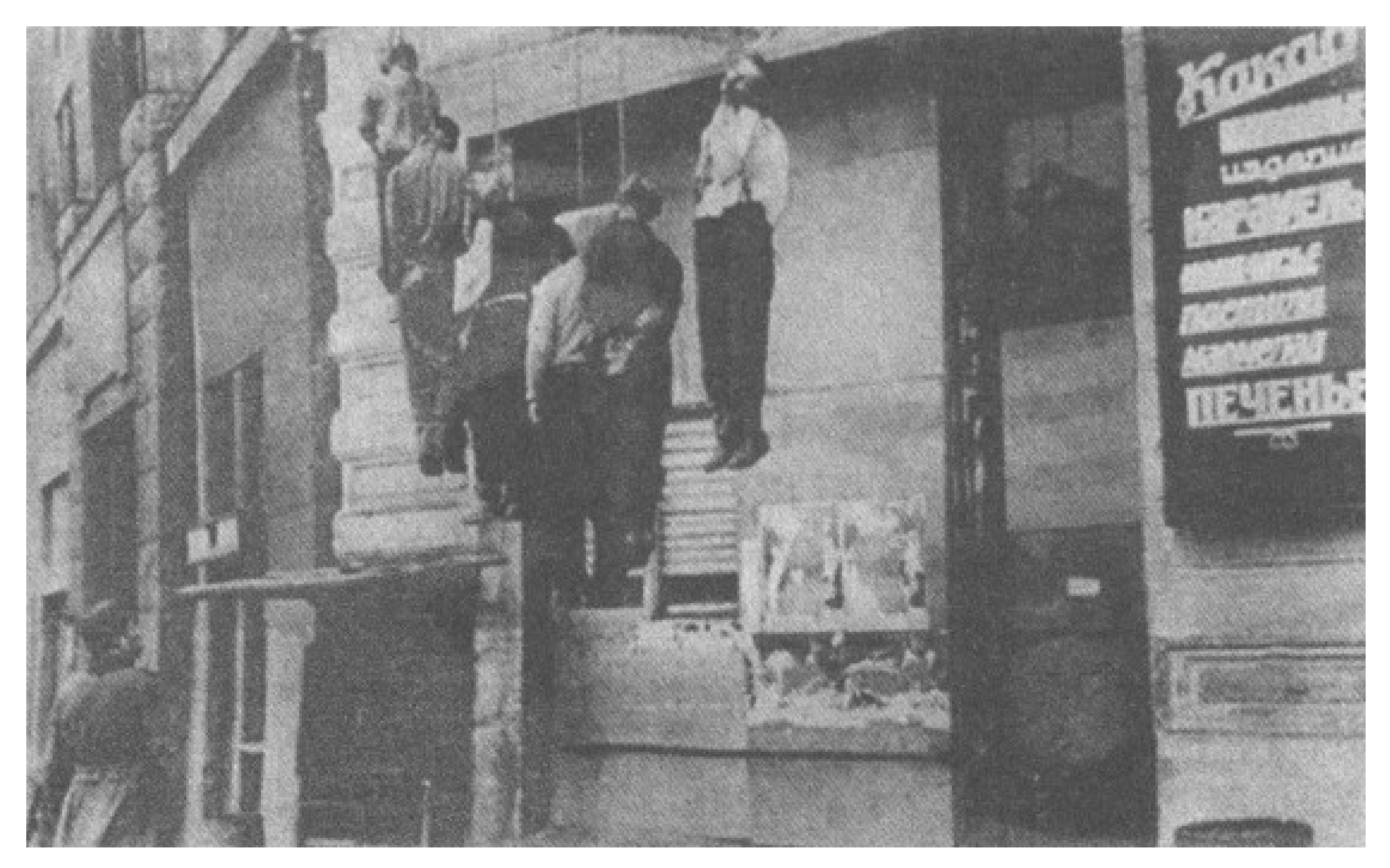
Таким образом, и использовавшиеся для охраны тыла части вермахта, и подразделения СС получили одну и ту же задачу - расстреливать как можно больше народу. Неудивительно поэтому, что солдаты вермахта и эсэсовцы тесно сотрудничали. В белорусском городе Августове, например, расстрелы проводились совместно: кроме эсэсовцев к ним привлекался разведотряд 87-й пехотной дивизии. Ефрейтор Фриц Гойзелер вспоминал: «Как-то за один день было расстреляно 269 человек. Это были белорусы, русские, евреи и поляки, в том числе 14 женщин и девушек. Приговоренные к смерти группами по 25 человек подводились ко рву... и их

---

1 Преступные цели... С. 62-63; ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 638-639; Война Германии против Советского Союза. С. 82.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 641-642.

3 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 208.

Мирные жители, повешенные гитлеровцами

по двое расстреливали... Если кто-нибудь еще оставался жив, то его доканчивали эсэсовцы»[1].

Штаб ОКХ сетовал на «недостаточную обученность войск», из-за которой оккупационные части порою не проявляли должной свирепости. Поэтому для солдат, использовавшихся в тылу частей вермахта, начали проводиться специальные курсы, где им разъясняли принципы деятельности на оккупированных советских территориях. «На курсах, - рассказывал старший ефрейтор вермахта Рецлав Рейнград, - было даже организовано несколько лекций руководящих работников германской тайной полевой полиции, которые прямо утверждали, что народы Советского Союза, и в особенности русские, являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в значительной своей части использованы в качестве рабов. Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народа оккупированных территорий, и надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мною, неуклонно выполнялись»[2].

Впрочем, летом сорок первого основные усилия СС и охранных частей вермахта были отвлечены на уничтожение военнопленных и евреев; очередь населявших оккупированные земли русских, белорусских и украинских недочеловеков еще не пришла.

Проводившиеся акции уничтожения местного населения носили пока не столько массовый, сколько целевой характер: уничтожались граждане, в чьей преданности советской власти не приходилось сомневаться.

Впрочем, даже те, кто к советской власти особых симпатий не испытывал, скоро начинали

1 РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 46.
2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 87.

понимать, что немцы относятся к ним как к каким-то животным. Поступки оккупантов говорили яснее любой пропаганды. «Еще что не могу забыть, - рассказывала жительница украинского поселка Буков. - По улице идут двое детей, лет четырех и двух, сзади на бричке немецкий комендант. Дети отпрянули, но немец успел схватить маленького за ручки и со всего размаха бросил в придорожную канаву. Сломал малышу руку»[1].

В центре Харькова нацисты убили 12-летнего мальчика. Мальчишка спрятал в сарае двух красноармейцев. Кто-то выдал, его пытали, отрубая по очереди пальцы. Сейчас на этом месте - мемориал, одну из могил которого называют «детской»[2].

Шли грабежи: тыловые части не собирались отказываться от своей доли трофеев. «В г. Любани офицеры и солдаты бродят по домам местных жителей в поисках патефонов и швейных машин, проявляя к их розыску особое рвение, - докладывала в Центр советская разведка. - Награбленные вещи отправляют посылками в Германию»[3]. Грабили даже в относительно лояльных к оккупантам прибалтийских республиках; там масштабы грабежа оказались настолько велики, что даже встревожили начальника генштаба сухопутных войск. Гальдер записал в дневнике: «Полковник Галль (начальник штаба первого военного округа) явился для доклада... Он сообщил о весьма прискорбных фактах грабежей, производимых немецкими солдатами в Литве, и об отправке ими добытых таким образом «трофеев» домой»[4].

«Местное население, - докладывала партизанская разведка, - стонет от непосильного грабежа оккупантов. Передовые части, проходя через населенный пункт, иногда местным крестьянам (дер. Ивановское Калининская область) раздают кооперативное имущество, но вторые эшелоны, идя за первыми, это все отбирают. У населения дер. Поповка, Ореховка немцы забрали скот, теплую одежду, белье, и это не как единичный факт, а как массовое... То первое впечатление, которое воспроизвели немцы на местное население, как «хороших», исчезает как миф»[5].

Продолжались изнасилования; правда, и они приобрели организованный характер. Из мест дислокации частей вермахта время от времени в окрестные населенные пункты отправлялись «охотничьи экспедиции». «Мы отправились в село Рождествено близ Гатчины, - рассказывал служивший на Северском аэродроме рядовой Петер Шубер. - У нас было задание: привезти девушек господам офицерам. Мы удачно провели операцию, оцепив все дома. Мы набрали полный грузовик девушек. Всю ночь девушек держали господа офицеры, но утром выдали их нам - солдатам»[6].

В крупных городах организовывались стационарные бордели. Это было стандартной практикой вермахта. «Были солдатские бордели, «пуффы» назывались, - вспоминал штурмбаннфюрер СС Авенир Беннигсен. - Почти на всех фронтах. Девчонки со всей Европы, всех национальностей, изо всех лагерей собраны. Кстати, непременной принадлежностью немецкого солдата и офицера были два презерватива, которые регулярно выдавались в армии»[7]. Но если в европейских странах бордели вермахта комплектовались более или менее добровольно, то на советской земле оккупанты подобной деликатности проявлять не собирались. Девушек и женщин для немецких солдат по большей части собирали насильно - сцены, которые навсегда

1 Я это видел... С. 207.
2 Там же. С. 29.
3 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 280.
4 Г*альдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. С. 145.
5 Лубянка в дни битвы за Москву. С. 149-150.
6 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 548.
7 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно. С. 57.

запомнили оказавшиеся под оккупацией люди. В Смоленске, к примеру, женщин тащили за руки, за волосы, волокли по мостовой - в офицерский бордель, организованный в одной из гостиниц[1]. В случае отказа остаться в публичном доме следовал расстрел[2].

После того как войска Красной Армии выбили немцев из Керчи, взглядам красноармейцев предстало страшное зрелище: «Во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами»[3]. Много позже благополучно избежавший возмездия фельдмаршал фон Манштейн, чьи войска так хорошо отметились в Керчи, в мемуарах напишет, что он-де препятствовал преступлениям подобного рода и даже приговорил к смерти двух солдат, изнасиловавших и убивших старую женщину[4]. Подобное заявление трудно квалифицировать иначе как циничное издевательство.

Впрочем, тыловые войска не брезговали и децентрализованным насилием. В городе Тихвине Ленинградской области старшеклассницу М. Колодецкую, раненную шальным осколком, привезли в госпиталь. Госпиталь находился в бывшем монастыре; расположившиеся там немецкие солдаты не могли пропустить такого удачного случая. Как впоследствии показали свидетели, «несмотря на ранение, Колодецкая была изнасилована группой немецких солдат, что явилось причиной ее смерти»[5].

К осени сорок первого года оккупационный террор усилился. Ознакомившись с настроениями местного населения «вживую», а не по рассказам беглых белогвардейцев, немецкие власти пришли к очень неприятным для себя выводам. Какая там ненависть к большевизму! Какая там благодарность за избавление от советской власти! «Население высказывается очень сдержанно. Люди старшего поколения более доступны, и если они разговаривают один на один, выражают ненависть к старой большевистской системе... Самая опасная возрастная группа - 17-21 год. Она заражена на 99%, и ее следует вычеркнуть из списка живых...»[6]

Сказано - сделано. 16 сентября фельдмаршал Кейтель подписал приказ о борьбе с партизанами.

«Меры борьбы с этим общим коммунистическим повстанческим движением, которые предпринимались до сего дня, оказались недостаточными. Теперь фюрер отдал приказы о том, чтобы мы вступали в действие повсеместно, прибегая к самым жестоким средствам, чтобы в кратчайший срок сокрушить это движение. Восстановить порядок может только такой путь, которому успешно следовали великие народы на протяжении истории распространения своего влияния.

Действия, предпринимаемые в этом деле, должны соответствовать нижеследующим общим указаниям:

a. Любые выступления против оккупационной германской власти следует рассматривать как проявление коммунистических происков вне зависимости от конкретных обстоятельств.

b. Для того чтобы задушить такие вылазки в зародыше, необходимо при первых же проявлениях применять самые суровые меры, с тем чтобы поддержать авторитет оккупационных сил. Кроме того, нельзя забывать, что в данных странах человеческая жизнь нередко ничего не стоит, и в целях запугивания населения мы можем проявлять совершенно необычайную жестокость...

Командующие войсками на оккупированных территориях должны проследить, чтобы об этих принципах были поставлены в известность без промедления все военные организации, которые имеют от-

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95-96.
2 Истребительная война... С. 47.
3 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 121; Вар. 2. Т. 3. С. 246.
4 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. С. 250.
5 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 95-96.
6 Война Германии против Советского Союза. С. 87.

ношение к мерам против коммунистического повстанческого движения»[1].

Верховное командование вермахта требовало «совершенно необычайной жестокости»; действия частей по охране тыла и вправду ужасали даже некоторых немецких офицеров. Проезжая через Старую Руссу, армейский хирург Ханс Киллиан увидел зрелище, поразившее его до глубины души. «На одном из перекрестков я невольно поднимаю глаза. На балконе дома в разодранных в клочья лохмотьях болтаются тела троих повешенных. Густель тоже заметил их. Судорожно вцепившись в руль, он продолжает вести машину. Отвратительная картина преследует нас по пятам. На каждом фонарном столбе мы обнаруживаем новых повешенных, со свернутой набок головой, с выпавшим языком. На нас смотрят сине-серые лица с остекленевшими глазами, устремленными в пустоту»[2].

Виселицы стали непременной частью оккупационного пейзажа. Уже через несколько недель после захвата Одессы весь центр города был увешан телами казненных. «Хватали всех подряд. Людей вешали прямо на улицах, - рассказывала школьница Александра Стройна. -

Порядок прежде всего: перед казнью нужно проверить прочность виселицы

1 МНП. Вар. 1. Т. 6. С. 417; Т. 7. 302-303; Преступные цели... С. 89-91; ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 534-535; *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 574 - 575; Истребительная война на Востоке. С. 32.

2 *Киллиан Х.* В тени побед. С. 82.

Проспект Мира, Привокзальная площадь, улица Ленина - везде на деревьях, на столбах висели казненные. Забрали и нашу маму»[1].

В сотнях километрах севернее, в городе Пушкине, некогда звавшемся Царским Селом, казненные висели на каждом перекрестке. Жители оккупированного города, пробиравшиеся по улицам, могли видеть таблички на шеях повешенных. На табличках излагалась вина казненных перед германской империей. «Повешен как шпион». «За содействие партизанам». «Он был коммунист». «Это жид»[2]. В прилегающих к величественному Екатерининскому дворцу парках расстреливали евреев - восемь сотен мужчин, женщин и детей[3]. Неевреев убивали повсюду. Всего из сорока тысяч довоенного населения Пушкина за два года оккупации нацисты уничтожили 18 368 человек[4].

Когда части 35-й пехотной дивизии проходили через Волоколамск, солдаты увидели шесть повешенных: четверых мужчин и двух девушек. «Лейтенант Шварц приказал остановиться и выстроил нас полукругом вокруг повешенных. Он сказал нам: эти партизаны будут висеть здесь, пока не сгниют, - вспоминал рядовой Эдмунд Беднарик. - Унтер-офицер Пельц забавлялся тем, что раскачивал трупы двух девушек, отпуская похабные остроты»[5].

Комендантский час тоже многим стоил жизни. «Всю ночь слышались выстрелы то тут, то там, - вспоминал один из жителей оккупированного Киева. - Бабка видела на Бессарабке убитую молодую женщину - с остекленевшими глазами, она лежала поперек тротуара, все ее обходили. Говорили, что вечером она спешила домой после наступления комендантского часа, ее застрелил патруль и оставил лежать, чтобы все видели»[6].

Однако немецкое командование требовало еще большей жестокости. 10 октября командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау издал приказ «О поведении воинских частей на Востоке».

Документ этот заслуживает обширного цитирования.

«Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром их окруженных сил и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед воинскими частями ставятся задачи, выходящие за пределы прежних солдатских задач. На Восточном фронте солдат является не только воином по правилам военного искусства, но и носителем немецкой идеи и мстителем за зверства, причиненные немцам и родственным им народам. <....>

Борьба с врагом в тылу ведется пока с недостаточной серьезностью. Все еще продолжают квалифицировать коварных, жестоких партизан и развратных женщин как военнопленных. Все еще продолжают рассматривать одетых в полугражданскую и гражданскую одежду вооруженных подростков и бродяг как порядочных солдат и помещают их в лагеря военнопленных. <....>

Выдача питания местному населению и военнопленным, которые не работают на пользу германской армии, войсковыми кухнями является ошибочной человечностью. <....>

Если устанавливается, что в тылу армии действуют партизаны, то необходимо действовать драконовскими методами. Это нужно распространить также на мужское население, которое могло бы причинить вред. <....>

Прежде всех политических задач в будущем немецкий солдат должен выполнить две следующие

1 *Андриянов В.И* Архипелаг OST. С. 24.

2 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 69.

3 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 252.

4 Там же.

5 РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 45.

6 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 108.

задачи.

Первое. Полное уничтожение большевистского ложного учения, большевистского государства и его вооруженных сил.

Второе. Беспощадное искоренение коварства и зверства и тем самым охранение жизни немецких вооруженных сил в России.

Только так мы разрешим нашу историческую задачу и освободим раз и навсегда немецкий народ от азиатско-еврейской

опасности»[1].

Как видим, фон Рейхенау призывал к еще большей жестокости и в первую очередь к безусловному расстрелу всех подозрительных, даже если это заведомо гражданское население. Следует обратить внимание также на слова о «развратных женщинах»; этот пункт де-факто легализовывал изнасилования с последующим убийством.

Приказ вызывал нешуточный резонанс в военном руководстве Германии. Уже через два дня непосредственный начальник фон Рейхенау. командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт ознакомил с ним всех подчиненных ему командующих армий и корпусов, добавив, что он полностью согласен с содержанием приказа[2]. Вот он, пример для подражания! Заметим - преступное распоряжение одобрил тот самый фельдмаршал фон Рундштедт, который двумя годами раньше в Польше активно препятствовал действиям эсэсовцев. В самом деле: там были хоть и славяне, а все же европейцы, а здесь... *«Русские - только для уничтожения».*

Приказ фон Рейхенау был введен в действие и в других армиях. Командующий 18-й армией фельдмаршал фон Кюхлер, командующий 17-й армией генерал-полковник Гот и командующий 11-й армией генерал-полковник фон Манштейн переиздали его для своих частей[3]. Командующий 51-м армейским корпусом генерал пехоты Георг Рейнгардт распорядился, чтобы положения этого приказа «обязательно были вручены каждому солдату»[4], а генерал Гот, обосновывая необходимость людоедского приказа, писал:

«Поход на Восток должен закончиться иначе, чем, например, война против французов. В это лето нам становится все яснее, что здесь, на Востоке, борются друг против друга два внутренне непреодолимых воззрения: германское чувство чести и расы, многовековое немецкое воинство против азиатского типа мышления и примитивных инстинктов: страх перед кнутом, пренебрежение нравственными ценностями, уравнивание по низшим, пренебрежение своей не представляющей ценности жизнью.

Сильнее, чем когда-либо, мы верим в исторический поворот, когда к немецкому народу в силу превосходства его расы и его успехов перейдет управление Европой. Яснее сознаем мы наше призвание спасти европейскую культуру от азиатского варварства. Теперь мы знаем, что нам предстоит бороться

1 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 549-550; МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 310-311; Преступные цели... С. 66-67; Война Германии против Советского Союза. С. 122; Лубянка в дни битвы за Москву. С. 368-370; Истребительная война на Востоке. С. 33; *Ветте В.* Образ врага... С. 107; *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. С. 148-149.

2 Желающие могут сравнить этот людоедский приказ с идиллическими байками о гуманном отношении к украинским крестьянам, которые после войны охотно травил фон Рундштедт. - *Блюментрит Г.* Фельдмаршал фон Рундштедт: Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад», 1939-1945 / Пер. с англ. И.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2005. - С. 117-118.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 427.

4 Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Военно-исторический очерк / Азясский Н.Ф.. Долгий М.С., Князьков А.С., Пережогин В.А. Чернов Ю.И.; под общ. ред. В.А. Золотарева; предисл. В. Говорова. - М.: Кучково поле, 2001. - С. 88.

с озлобленным и упорным врагом. Эта борьба может закончиться только уничтожением той или другой стороны; никакого соглашения быть не может.

...Для этого мы боремся и трудимся»[1].

Еще через две недели положения приказа «О поведении воинских частей на Востоке» были распространены на все действующие на Восточном фронте войска[2].

Рейхенау, однако, не успокаивался и призывал своих подчиненных к новым свершениям.

Фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау. Его приказы, призывавшие к массовому уничтожению советских граждан, стали образцами для всего вермахта

«Солдаты 6-й армии! Вы должны стать мстителями в организованной борьбе с бессовестными жестокими убийцами. Для этого необходимо, во-первых, оставить свою беспечность в этой коварной стране и, во-вторых, использовать такие средства уничтожения убийц, которые нам несвойственны и никогда не применялись немецкими солдатами против вражеского населения.

Поэтому я приказываю:

1) Все захваченные партизаны обоего пола в форме или гражданской одежде подлежат публичному повешению. Любое сопротивление при допросе или при транспортировке пресекать самым жестоким образом.

2) Все деревни и хутора, в которых скрывали или снабжали партизан, надлежит путем конфискации продуктов, поджога домов, расстрела заложников и повешения соучастников наказать, в случае если не будут представлены убедительные доказательства сопротивления жителей против партизан и жертв с их стороны...

Страх населения перед нашими карательными мерами должен быть сильнее, чем страх перед партизанами.

3) Все войска, включая снабженческие и строительные, обязаны вести борьбу против партизан в случае их появления или обнаружения...

Обо всех мероприятиях, при которых уничтожено больше 10 партизан, докладывать мне лично. Я сохраняю за собой право награждать тех, кто отличился в борьбе с партизанами, и даю право командирам приравнивать представление к наградам за храбрость в борьбе с партизанами к представлению к наградам за подвиги в регулярных сражениях.

Фон Рейхенау,
генерал-фельдмаршал»[3].

Когда со всеми этими приказами ознакомились в СС, там были удовлетворены. «Вооруженные силы восприняли опыт полиции безопасности и их метод в борьбе против партизан», - с

1 Война Германии против Советского Союза. С. 60-61; *Волховский Н.Л.* История информационных войн. - М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2003. - Кн. 2. - С. 251. См. также: Ни давности, ни забвения... С. 47.

2 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 138-139; Партизанское движение... С. 88; МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 266; Ни давности, ни забвения... С. 37.

3 Война Германии против Советского Союза. С. 129-130; МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 303-305.

Заложники, повешенные в Старой Руссе

удовлетворением отмечалось в отчете айнзатцгруппы «А»[1]. Метод этот был весьма прост: он заключался в проведении массовых акций уничтожения.

Жестокость по отношению к местным становилась привычной. «Акции проходят везде одинаково, и к этой работе быстро привыкаешь, - вспоминал полицейский 105-го резервного батальона. - Повсюду сгоняют людей, потом их проверяют, спрашивают о партизанах, а всех подозрительных забирают. Чаще всего эти акции проходят безрезультатно, так как партизаны живут не в деревнях, а где-то в лесу»[2].

Для того чтобы понять, что стоит за этими бесстрастными строчками, следует обратиться к свидетельствам «другой стороны». Вот рассказ командира подразделения Красной Армии, попавшего в окружение и пробивавшегося к своим. Рассказ об ординарной трагедии, свидетелями которой стали «окруженцы».

«Подошли мы к Ольховке. А в это время там находилась группа фашистских карателей. Как потом выяснилось, предатель выдал командира партизанского отряда, который заночевал в своей родной семье. Командиру удалось бежать, но в руки палачей попали его жена и ребенок. Жену немцы начали пытать, издеваясь над ребенком. В конце концов палачи эту девочку закололи, а жена сошла с ума.

Как только узнал я об этом, немедля ударил всей нашей силой по селу и, честно говоря, за ребенка

1 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 308.
2 Война Германии против Советского Союза. С. 129.

я ни одного из них не пощадил, побили всех до единого!»[1]

Немецкий хирург Ханс Киллиан не видел убийства детей, однако и расстрелы так называемых «партизан» произвели на него не менее удручающее впечатление.

«Медленно Густель проезжает мимо бревенчатых домов. Вдруг мы замечаем группу эсэсовцев в плащах с автоматами и карабинами в руках. Они охраняют несколько русских мужчин, выстроенных в ряд с поднятыми вверх руками, лицом к стене. Я обращаюсь к одному эсэсовцу:

- Что здесь происходит? Кто эти люди?

- Партизанские свиньи, - раздается в ответ, - сейчас мы их уложим.

И парень ухмыляется так, словно все это доставляет ему удовольствие. К горлу подкатил комок. Я тороплю Густеля ехать подальше отсюда»[2].

Гражданское население смотрело на происходящее с ужасом; казалось невероятным, что подобная жестокость вообще может существовать. В селе Агрофеновке Ростовской области каратели арестовали все мужское население от 16 до 70 лет и каждого третьего расстреляли[3]. В деревне Басманово Смоленской области немцы «выгнали в поле более 200 школьников, прибывших в деревню на уборку урожая, окружили их и перестреляли. Большую группу школьниц они вывезли в свой тыл «для господ офицеров»[4].

Деревня Перелом Тосненского района в сентябре была оцеплена немецкими солдатами. Каратели собрали мужчин и начали их избивать, требуя выдачи партизан. Немцы приехали со списком деревни, в который были включены местные жители, ушедшие в партизаны, и коммунисты. Жен коммунистов жгли живьем в избах[5].

285-я охранная дивизия уничтожила полторы тысячи «партизан»; собственные потери составили 7 убитых и 11 раненых. 707-я пехотная дивизия за месяц расстреляла в Белоруссии 10 431 человек, потеряв при этом 2 человек убитыми и 5 ранеными. Части охраны тыла группы армий «Юг» за такой же период расстреляли около 2,4 тысячи человек, потеряв 7 человек убитыми и 5 ранеными[6]. Убивать безоружных женщин, стариков и детей - это так безопасно!

Многие деревни уничтожались полностью; на пепелищах кости мешались с золой, и лишь печные трубы напоминали о человеческом жилье, ставшем братским погребальным костром. Латвийская деревня Аудрини, жители которой помогали советским партизанам, была сожжена дотла, все ее жители, включая новорожденных детей и столетних старух, - расстреляны[7]. Аудрини стали самой известной деревней, уничтоженной в ту пору; самой известной, но далеко не единственной. Если во Франции деревни при борьбе с партизанами стали сжигать лишь летом 1944 года[8], то на Восточном фронте это было тривиальным мероприятием, не вызывавшим у немцев особых эмоций. К концу сорок первого счет сожженных карателями деревень шел на сотни.

---

1 Сквозь огонь великой битвы: Устное народное творчество нижегородцев времен Великой Отечественной войны / Сост., предисл., примеч. В.Н. Морохина. Нижний Новгород, 1995. - С. 78.

2 *Киллиан Х.* В тени побед. С. 79.

3 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 96.

4 Там же. С. 94-95; Вар. 2. Т. 3. С. 218; Ни давности, ни забвения... С. 27.

5 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 281.

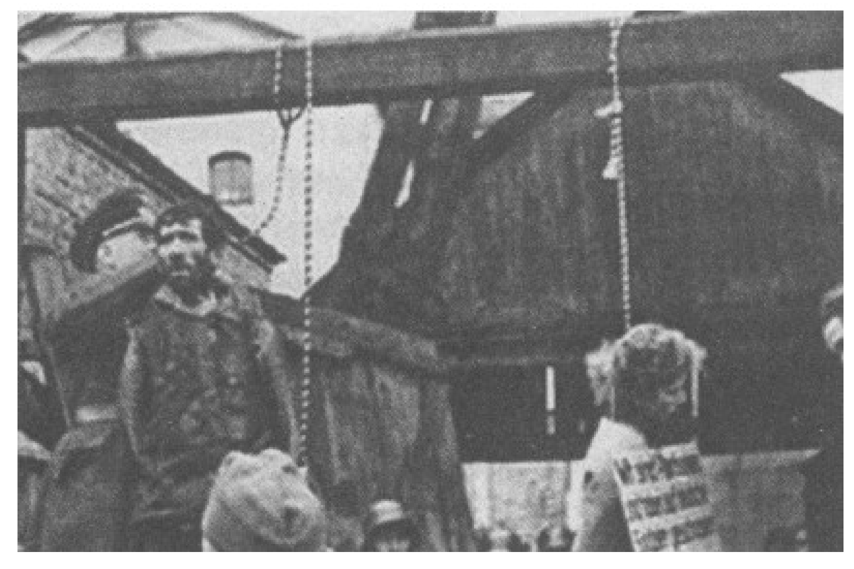
6 Партизанское движение... С. 95.

7 Преступные цели... С. 112-114; *Крысин М.Ю.* Латышский легион СС. С. 65-66.

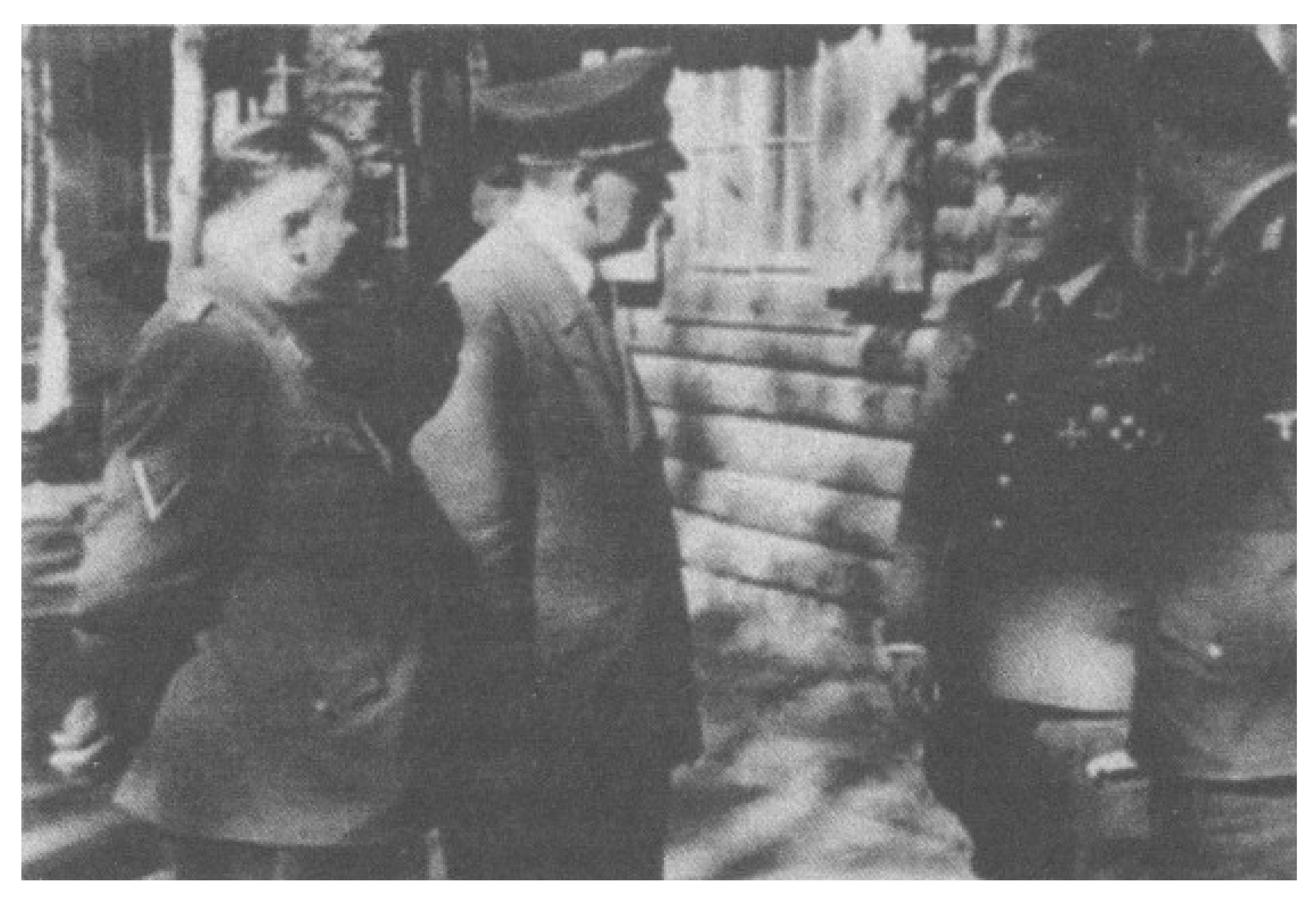
8 МНП. Вар. 1. Т. 6. С. 419-420.

Казнь минских подпольщиков 26 октября 1941 года

Рейхскомиссар Украины Эрих Кох и Адольф Гитлер. Сам Кох рекомендовал себя как жестокого пса

Мероприятия по массовому уничтожению мирного населения совпали по времени с главным итогом деятельности гражданских оккупационных властей - организованным ими страшным голодом.

По мере продвижения фронта на Восток на смену военной оккупационной администрации приходила гражданская. И если задача военной администрации по большому счету заключалась единственно в усмирении завоеванных территорий, то задача гражданских властей состояла в организации их эффективной эксплуатации. «Меня знают как жестокого пса. Поэтому меня и направили комиссаром Германии на Украину, - заявил назначенный рейхскомиссаром Украины Эрих Кох. - Наша задача заключается в том, чтобы, не обращая внимания на чувства, на моральное и имущественное состояние украинцев, выжать из Украины все. Господа, жду от вас абсолютной беспощадности в отношении всех туземцев, населяющих Украину»[1].

Когда на Западной Украине под Львовом подразделения организации Тодта, привлекая местное население к работам, начали было выплачивать рабочим мизерную зарплату, из Берлина последовал резкий окрик.

1 *Андрианов В.И.* Архипелаг OST. С. 19. Ср. с другим высказыванием Коха: «Если я найду украинца, достойного сидеть за одним столом со мной, то должен буду приказать его расстрелять». - *Бройнингер В.* Противники Гитлера. С. 275.

«Как я уже подробно разъяснил всем сотрудникам во время моей последней поездки, на русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Использование рабочей силы нужно главным образом осуществлять в порядке трудовой и гужевой повинности без вознаграждения. Рабочий за это получает скромное питание»[1].

Заставить людей работать на столь ужасных условиях было просто. На стенах комендатур висели грозные предупреждения: «Кто отказывается от работы, считается врагом германского государства и будет расстрелян»[2]. Это были не шутки: когда в поселке Мизихеева Поляна под Краснодаром люди отказались выйти на лесоразработки, 207 человек были немедленно расстреляны. То же самое произошло и в Армавире[3]. Еды, выдаваемой за такую работу, едва хватало на одного. Норма выдачи хлеба составляла 200-300 граммов на работающего члена семьи в сутки, а иждивенцам, в том числе и детям, выдавалось 100 граммов[4]. Однако и эти нормы не соблюдались; вынужденные делить паек со своей семьей люди находились на грани голода.

Один из офицеров лейбштандарта СС вспоминал, как жили люди в одном из сел под оккупированным Днепропетровском: «Уцелевшие от расстрелов жители были загнаны, как скот, в несколько сараев. Их ежедневно выгоняли на грязные работы и страшно избивали. Имущество граждан было разграблено»[5].

Донесения советской разведки показывают, что население оккупированных территорий находилось в по-настоящему безысходном положении.

«Рабочий день на объектах промышленности оккупантами установлен 12-часовой, заработная плата низкая и ни в какой мере не обеспечивает прожиточного минимума работающих...

Городское и сельское население ничем не снабжается. Особенно острую нужду население города и деревни испытывает в таких жизненно необходимых товарах, как соль, мыло, керосин, спички и т.д., которые невозможно приобрести в необходимом количестве даже за большие деньги...

Городское население голодает. Наиболее состоятельная часть живет за счет обмена домашних и носильных вещей на продукты. Большое количество жителей городов ходит в села и просто попрошайничает.

Хлебными пайками обеспечиваются фашистские приверженцы и незначительная часть рабочих и служащих. Известно, что рабочие и служащие ж.д. транспорта получают в день по 300 граммов хлеба, а их иждивенцы - по 150 граммов.

Организованной торговли на территории Винницкой области вообще нет»[6].

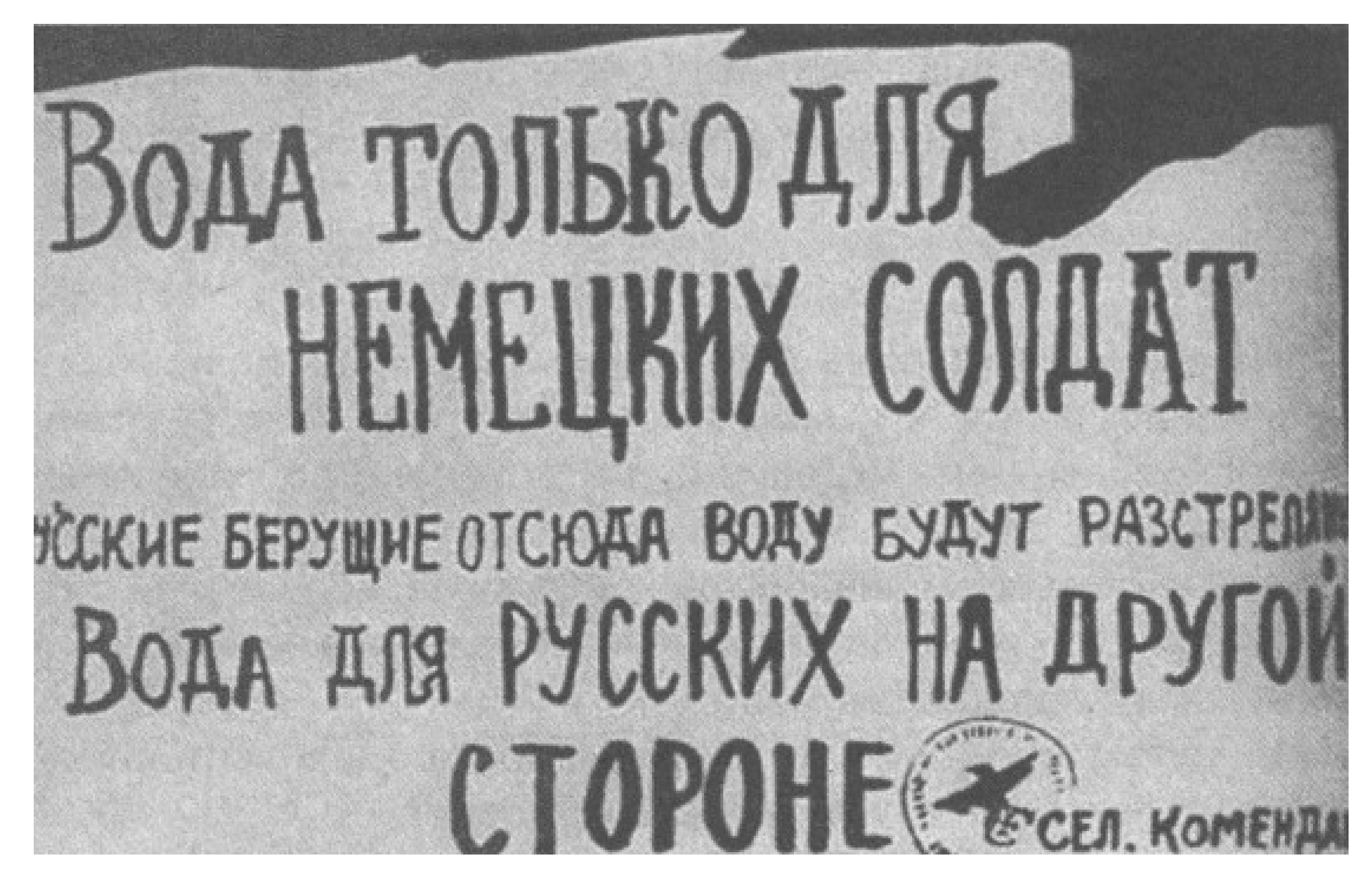
«Наступило странное положение, - вспоминал один из жителей Киева. - Магазины стояли разбитые, ничто нигде не продавалось, кроме как на базаре, но даже если магазины и открылись, то на что покупать?

До войны хлеб стоил в магазине 90 копеек килограмм. Теперь на базаре иногда продавали самодельный хлеб по 90 рублей килограмм»[7].

Впрочем, еще хуже приходилось тем, кого забирали в рабочие лагеря и так называемые

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 658-659; Преступные цели... С. 207; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 168.
2 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 171.
3 Там же. С. 173.
4 Партизанское движение... С. 91.
5 Неизвестный Гитлер... С. 119.
6 ОГБ. Т. 3. Кн. 2. С. 375-376.
7 *Кузнецов А.В.* Бабий Яр. С. 113.

«рабочие колонны». Оторванные от дома, не имея возможности найти дополнительные источники питания, эти люди были вынуждены работать от зари до зари. Под Ленинградом жители работали на ремонте дорог, на торфоразработках и лесозаготовках с 6 часов утра до наступления темноты и получали за это только по 200 граммов хлеба в день[1]. Сказать, что смертность в рабочих колоннах была очень велика, - значит не сказать ничего. Люди мерли как мухи, как военнопленные в лагерях. Впрочем, это никоим образом не волновало оккупантов.

На столе начальника управления военной экономики и вооружения ОКВ генерала Томаса лежала записка, исчерпывающе характеризовавшая оккупационную политику.

«Изъятие из Украины сельскохозяйственных излишков в целях снабжения Рейха мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет доведено до минимума. Это будет достигнуто следующими мерами:

1) уничтожением лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов, которые, как Киев, вообще не получают никакого продовольствия);

2) путем предельного сокращения продовольственной нормы украинцев - жителей других городов;

3) уменьшением продовольственного потребления крестьянским населением.

Если украинец обязан работать, то мы должны обеспечить его физическое существование отнюдь не из сентиментальных чувств, а из трезвого хозяйственного расчета»[2].

Еще до вторжения в Советский Союз ведомством Геринга был разработан механизм экономического использования оккупированных территорий. Инструкции и директивы по данному

1 Партизанское движение... С. 169.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 262.

вопросу были собраны в так называемую «Зеленую папку»; ее экземпляры были направлены во все инстанции, связанные с проведением «восточной политики». Ключевой принцип экономической политики на советских территориях излагался в «Зеленой папке» следующим образом:

«Совершенно неуместна точка зрения, будто оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их - восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть дифференцированным. Развитие хозяйства и поддержание порядка следует проводить только в тех областях, где мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. А в остальных частях страны, которые не могу прокормить себя сами... экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов»[1].

Захваченные территории решено было превратить в зону «величайшего голода»[2]. В ноябре сорок первого в беседе с итальянским министром иностранных дел Геринг произнес фразу, потрясшую его собеседника. «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек, - сказал рейхсмаршал. - Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать»[3].

Это были не отвлеченные рассуждения; это был план.

Когда Геринг беседовал с итальянцем, работники его ведомства заканчивали разработку «Общих основ экономической политики в оккупированных восточных областях».

«При помощи дешевой себестоимости продукции, при сохранении низкого жизненного уровня местного населения, - указывалось в документе, - ставится цель достичь наиболее высокого выпуска продукции для снабжения Рейха и других европейских стран. Таким путем наряду с возможно более широким покрытием европейских потребностей в продовольствии и сырье будут одновременно открыты источники прибылей для Рейха, которые позволят в течение нескольких десятилетий покрыть существенную часть расходов, сделанных при финансировании войны, щадя при этом как можно больше немецких налогоплательщиков»[4].

Для этого предлагались следующие меры: ликвидация обрабатывающей промышленности и превращение страны в сырьевой придаток; искусственное сдерживание уровня зарплаты; недопущение повышения жизненного уровня населения. По-немецки четкие формулировки звучали следующим образом:

«Об обеспечении населения ценными продуктами потребления не может быть и речи. Наоборот, все тенденции повышения общественного жизненного уровня должны заранее подавляться самыми жестокими средствами»[5].

Для того чтобы разъяснить исполнителям смысл «Основ оккупационной политики», в расположившийся в Борисове штаб группы армий «Центр» прибыл с визитом особоуполномоченный министра по делам оккупированных территорий в сопровождении с неким «высоким партийным деятелем». За обедом у командующего группой армий фон Бока эти двое изложили цели оккупационной политики гораздо более откровенно, чем это было сделано в докумен-

---

1 Преступные цели... С. 40.
2 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 11.
3 Там же. С. 14; *Ветте В.* Образ врага... С. 109.
4 Преступные цели... С. 70.
5 Там же. С. 71.

те.

«Русских примерно на сорок миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть». - «Каким образом?» - «Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей». - «А по ту сторону новой границы, на востоке?» - «Там будут влачить «степное существование» уцелевшие евреи, русские и другие недочеловеки. И эта «степь» не будет больше никогда опасной для Германии и Европы»[1].

Голод действительно стоял у дверей. Оккупационные власти целенаправленно вывозили с оккупированных территорий все необходимые для выживания местных жителей ресурсы; солдаты вермахта выгребали то немногое, что оставалось.

Министр по делам оккупированных территорий Розенберг объяснял своим подчиненным: «Вы не должны забывать, что там [на оккупированных территориях Советского Союза] было отнюдь не легко, и не можете себе представить, насколько велика была нагрузка, если за эти дни с Востока в Германию прибыло 3000 поездов с продовольствием; прибавьте к этому, что вся находящаяся на Востоке армия снабжается на месте, причем в это снабжение не входит то, что солдаты раздобывают себе сами.

Об этом не следует говорить открыто»[2].

«Еврейско-большевистская система должна быть уничтожена, - вторил ему генерал фон Манштейн. - Положение с продовольствием в стране требует, чтобы войска кормились за счет местных ресурсов, а возможно большее количество продовольственных запасов оставлялось для Рейха. Во вражеских городах значительной части населения придется голодать. Не следует, руководствуясь ложным чувством гуманности, что-либо давать военнопленным или населению, если только они не находятся на службе немецкого вермахта»[3].

Грабежи со стороны армейских частей приобретали совершенно разнузданный характер. В советских документах можно встретить достаточно тому примеров.

«Объектами грабежа являются: общественное хозяйство совхозов и колхозов и личное имущество поголовно всех жителей захваченных сел... - от съестных припасов до кухонных предметов, от постельного белья до детской одежды. Так, например, у колхозницы села Кузовлево Дворцовой немецкие солдаты забрали «два мешка ржи, яйца, сахар, манную крупу, мясо, сковородку, пятилинейную керосиновую лампу, ведро, перстень с комода»...

У всех колхозников села Петрово был выгребен весь хлеб - печеный, мука, рожь. Так, у колхозника Орехова Ивана Филипповича забрали два мешка ржи. У меня взяли живьем поросенка, два ватных одеяла, три пары нижнего мужского белья, платье моей дочери Анны, брюки, шинель и ремень моего зятя Степана Белякова, туфельки внука Юрия (4 лет) и много других домашних вещей. У нас осталось только то, что было на себе, а остальное взяли немецкие солдаты и офицеры» (рассказ Алексеева М.А.).

Не удовлетворяясь награбленным в избах, немецкие солдаты и офицеры заставляют жителей раскапывать ямы, в которых спрятаны их вещи... Свой грабеж немецкие солдаты и офицеры сопровождают повсеместно угрозой расстрела»[4].

Слова не расходились с делом: пытаясь защитить свое имущество, можно было запросто

---

1 *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. С. 40-41.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 664.

3 *Верт А.* Россия в войне... С. 429.

4 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 286.

расстаться с жизнью. Впрочем, когда оккупанты отбирали последние продукты, без которых нельзя было пережить начавшуюся зиму, выбор оказывался невелик. Люди могли выбирать лишь между быстрой смертью от рук немцев или медленной - от голода. Некоторые выбирали первое.

«В с. Васильевке Землянского района колхозница Кулешова Т., не имевшая коровы, не могла выполнить требование немецких солдат дать им молока. За это немцы подожгли хату Кулешовой и бросили ее живой в огонь.

В с. Верейка Землянского района немцы расстреляли колхозницу Богданову, отказавшуюся дать им продукты...

В с. Крынница Острогожского района немцами избит и расстрелян колхозник (фамилия не установлена), отказавшийся рыть для немцев картофель»[1].

Зимой сорок первого на оккупированные территории пришел, наконец, самый страшный голод в истории. В Германии, куда доходили неясные слухи, население шепталось: «Русские-то почти совсем еды не получают, бедняги. Траву жрут от голода!»[2]

Информированные люди знали, что дела обстоят еще хуже. В отчете имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий рисовалась поистине апокалипсическая картина.

«Продовольственные нормы, установленные для русских, настолько скудны, что их недостаточно для того, чтобы обеспечить их существование, они дают только минимальное пропитание на ограниченное время. Население не знает - будет ли оно жить завтра. Оно находится под угрозой голодной смерти. Дороги забиты сотнями тысяч людей, бродящих в поисках пропитания; иногда число их доходит до одного миллиона, как утверждают специалисты»[3].

Голод сорок первого был заранее спланирован и хладнокровно подготовлен оккупационными властями. Голод делал то же, что и оккупационные войска под видом «борьбы с партизанами»: уничтожал советских недочеловеков. Давнее высказывание фельдмаршала фон Рундштедта о том, что «голод действует гораздо лучше, чем пулемет»[4], нашло блестящее подтверждение.

* * *

Подводя итог первого полугодия оккупационной политики, фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау - автор самых людоедских приказов, изданных армейским командованием за время Восточного похода, - флегматично заметил: «Последний русский крестьянин теперь понял, что немцы пришли в его страну не для того, чтобы освободить его от большевизма - они преследуют собственные цели... что голодная смерть или гибель миллионов не имеют для немцев никакого значения»[5].

---

1 Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 139.

2 ЗРГ. Вар. 1. С. 117; Откровения и признания. С. 142.

3 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 433.

4 *Шнеер А.* Плен... С. 187.

5 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 331. К тому же выводу приходили и другие германские офицеры. Например, полковник абвера Шмальшлегер писал, что вскоре после прихода оккупантов украинцы поняли: Германии «нужна только плодородная украинская земля, но не украинский народ». - *Бухгайт Г.* Абвер - щит

Согласно расчетам современных исследователей, на оккупированных немецкими войсками территориях только от голода зимой сорок первого года погибло не менее полутора миллионов человек. Еще около миллиона мирных жителей было уничтожено подразделениями вермахта, СС и вспомогательной полиции во время карательных операций[1].

Живые голоса (3):
«ВСЕМ СТАЛО СТРАШНО. ЧТО ЭТО ЗА ЛЮДИ?»

Рассказы детей о первом годе немецкой оккупации приведены в книге писательницы Светланы Алексиевич «Последние свидетели».

«Нашли в жите старого Тодора с нашими ранеными солдатами. Принес им костюмы своих сынов, хотел переодеть, чтобы немцы не опознали. Солдат постреляли в жите, а Тодору приказали выкопать яму возле порога своей хаты... Из окна видно, как он копает яму. Вот выкопал... Немцы забирают у него лопату, что-то по-своему ему кричат. Старый Тодор не понимает, тогда они толкнули его в яму и показали, чтобы встал на коленки. Выстрелили. Он только качнулся... Так и засыпали... На коленках...

Всем стало страшно. Что это за люди? Возле порога убили человека и возле порога закопали. Первый день войны...»

Катя Заяц, 12 лет

«Из деревни Кабаки прибежала мамина сестра - тетя Катя. Черная, страшная. Она рассказала, что в деревню приехали немцы, собрали активистов и вывели за околицу, там расстреляли из пулеметов. Среди расстрелянных был и мамин брат, депутат сельского Совета. Старый коммунист.

До сих пор помню слова тети Кати:

- Они ему разбили голову, и я руками мозги собирала... Они белые-белые...

Она жила у нас два дня. И все дни рассказывала... За эти два дня у нее побелела голова...»

Женя Селеня, 5 лет

«Немцы въехали в деревню на больших машинах, заставленных березовыми ветками... Уже ходили слухи, что они убивают. Расстреливают. А они едут, смеются. Веселые, загорелые.

...За несколько дней за деревней около молокозавода вырыли большую яму, и каждый день в пять-шесть утра оттуда доносились выстрелы. Как начнут там стрелять, даже петухи перестают петь, прячутся. Едем мы с отцом под вечер на подводе, он придержал коня неподалеку от той ямы. «Пойду, - говорит, - погляжу». Там и его двоюродную сестру расстреляли. Он идет, а я за ним.

Вдруг отец поворачивается, закрывает от меня яму: «Дальше нельзя. Тебе нельзя». Я только увидела, когда переступала ручей, что вода в нем красная... И как вороны поднялись... Их было так много, что я закричала... А отец после этого несколько дней есть не мог. Увидит ворону

и меч III Рейха. С. 255.

1 Россия и СССР в войнах XX века. С. 231-233; Население России в XX веке: Исторические очерки. - М.: РОССПЭН, 2001. - Т. 2. - С. 58-59. В это число **не входит** 1,2 миллиона евреев, уничтоженных за тот же период времени, а также около миллиона гражданских лиц призывного возраста, брошенных в лагеря военнопленных и большей частью погибших там.

и в хату бежит, трясется весь... В лихорадке...

В Слуцке в парке повесили две партизанских семьи. Стояли большие морозы, повешенные были такие замерзшие, что, когда их качало ветром, они звенели. Звенели, как замерзшие деревья в лесу... Этот звон...»

Нина Ярошевич, 9 лет

«Мы ели воду. Придет время обеда, мама ставит на стол кастрюлю горячей воды. И мы ее разливаем по мискам. Вечер. Ужин. На столе кастрюля горячей воды. Белой горячей воды, зимой и закрасить ее нечем. Даже травы нет.

От голода брат съел угол печки. Грыз, грыз каждый день, когда заметили, в печке была ямка. Мама брала последние вещи, ездила на рынок и меняла на картошку, на кукурузу. Сварит тогда мамалыги, разделит, а мы на кастрюлю поглядываем: можно облизать? Облизывали по очереди. А после нас еще кошка лижет, она тоже ходила голодная. Не знаю, что еще и ей оставалось в кастрюльке. После нас там ни одной капельки. Даже запаха еды уже нет. Запах вылизан».

Вера Ташкина, 10 лет

«Двоюродную сестру повесили... Муж ее был командиром партизанского отряда, а она беременная. Кто-то немцам донес, они приехали. Выгнали всех на площадь... Возле сельсовета росло высокое дерево, они подогнали коня. Сестра стоит на санях... У нее - коса длинная... Накинули петлю, она вынула из нее косу. Сани с конем дернули, и она завертелась... Бабы закричали...

А плакать не разрешали... Кричать - кричи, но не плачь - не жалей. Подходят и убивают тех, кто плачут. Подростки шестнадцати-семнадцати лет, их постреляли... Они плакали...»

Вера Новикова, 13 лет

«Приютила нас всех еврейская семья, двое очень больных и очень добрых стариков. Мы все время боялись за них, потому что в городе везде развешивали объявления о том, что евреи должны явиться в гетто, мы просили, чтобы они никуда не выходили из дома. Однажды нас не было... Я с сестрой где-то играла, а мама тоже куда-то ушла... И бабушка... Когда вернулись, обнаружили записочку, что хозяева ушли в гетто, потому что боятся за нас. В приказах по городу писали: русские должны сдавать евреев в гетто, если знают, где они находятся. Иначе тоже - расстрел.

Прочитали эту записочку и побежали с сестрой к Двине, моста в том месте не было, в гетто людей перевозили на лодках. Берег оцепили немцы. На наших глазах загружали лодки стариками, детьми, на катере дотаскивали на середину реки и лодку опрокидывали. Мы искали, наших стариков не было. Видели, как села в лодку семья - муж, жена и двое детей, когда лодку перевернули, взрослые сразу пошли ко дну, а дети все всплывали. Фашисты, смеясь, били их веслами. Они ударят в одном месте, те всплывают в другом, догоняют и снова бьют. А они не тонули, как мячики».

Валя Юркевич, 7 лет

«Однажды утром меня разбудил мальчишка с нижнего этажа и сказал: «Пойдем со мной на улицу, там лежат убитые. Поищем моего отца». Мы с ним вышли, комендантский час уже кончился, но прохожих почти не было. Улицу замело легким снегом, припорошенные этим сне-

гом, через пятнадцать-двадцать метров лежали расстрелянные наши военнопленные. Их гнали через город ночью и тех, кто отставал, расстреливали в затылок. Все они лежали лицом вниз.

Мальчишка не мог дотронуться до убитых, он боялся, что где-то здесь его отец. И вот тогда я себя поймал на мысли, что у меня почему-то нет страха перед смертью. Мысленно с ней уже сжился. Я их переворачивал, а он смотрел каждому в лицо. Так мы прошли всю улицу...»

Эдуард Ворошилов, 11 лет

«Возле нашего дома остановилась немецкая машина, она не специально остановилась, она испортилась. Солдаты зашли в дом, меня и бабушку прогнали в другую комнату, а маму заставили им помогать...

Стало темно, уже вечер. Вдруг мама вбегает в комнату, хватает меня на руки и бежит на улицу. Сада у нас не было и двор пустой, бегаем и не знаем, куда спрятаться. Залезли под машину. Они вышли во двор и ищут, светят фонариками. Мама лежит на мне, и я слышу, как у нее стучат зубы, она холодная сделалась. Вся холодная.

Утром, когда немцы уехали, и мы вошли в дом, бабушка наша лежала на кровати... привязанная к ней веревками... Голая! Бабушка... Моя бабушка! От ужаса... От страха я закричала. Мама вытолкнула меня на улицу... Я кричала и кричала... Не могла остановиться...»

Люда Андреева, 5 лет

«...Мама что-то пекла из картошки, из картошки она могла сделать все, как сейчас говорят, сто блюд. К какому-то празднику готовились. Я помню, что в доме вкусно пахло... Немцы окружили дом и приказывают: «Выходи!» Вышла мама и мы, трое детей. Маму начали бить, она кричит:

- Дети, идите в хату...

Они заталкивают маму в машину и сами садятся.

...Через много лет я узнала, что маме выкололи глаза и вырвали волосы, отрезали грудь. На маленькую Галю, которая спряталась под елкой, напустили овчарок. Те принесли ее по кусочку. Мама еще была живая, мама все понимала... На ее глазах...»

Валя Змитрович, 11 лет

Интерлюдия (2): ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

А собственно, было ли у советских людей основание встречать немецкие войска цветами?

Постановка вопроса может показаться странной.

Как так: ведь общеизвестно, что в Советском Союзе тридцатых годов люди голодали, находились под постоянной угрозой репрессий и жестоко эксплуатировались большевистской властью.

«Это всем известно и никому не интересно».

Вот что, например, пишет Александр Гогун: «Поляки, белорусы, евреи и украинцы с территорий, «воссоединившихся» в 1939 г. с СССР, в своих воспоминаниях все как один свидетельствуют о шоке, испытанном от бескультурья, нищеты, забитости и одновременно жестокости пришельцев из другого мира - сталинского СССР. Со своей стороны те, кто был послан на «освоение» новых земель, помимо всего прочего, позднее вспоминали об охватывавшем их то и дело чувстве стыда за низкий, по сравнению с местными, уровень собственной бытовой куль-

туры»[1].

То же самое, что и Гогун, в свое время кричала нацистская пропаганда; однако действенными эти рассказы оставались лишь до тех пор, пока в Германию не стали вывозить «остарбайтеров» из СССР. Немцы смогли сравнить реальных советских людей с выработанными пропагандой представлениями о них. Контраст был велик.

Прежде всего, русские были никак не похожи на заморенных голодом.

«Уже по прибытии первых эшелонов с остарбайтерами у многих немцев вызвало удивление хорошее состояние их упитанности (особенно у гражданских рабочих). Нередко можно было услышать такие высказывания: «Они совсем не выглядят голодающими. Наоборот, у них еще толстые щеки, и они, должно быть, жили хорошо», - фиксировалось в документах СД[2].

О хорошем питании свидетельствовала не только упитанность, но и одна маленькая деталь, окончательно поразившая немцев.

«Меня фактически изумил хороший внешний вид работниц с Востока. Наибольшее удивление вызвали зубы работниц, так как до сих пор я еще не обнаружил ни одного случая, чтобы у русской женщины были плохие зубы. В отличие от нас, немцев, они, должно быть, уделяют много внимания поддержанию зубов в порядке»[3].

Об этом докладывал и Борман, вернувшийся из инспекционной поездки в один из советских колхозов: «У людей изумительные зубы, и редко увидишь человека в очках. Они хорошо питаются и пышут отличным здоровьем во всех возрастах»[4].

А ведь здоровье зубов зависит не только от тщательности ухода за ними, но и от сбалансированности питания...

Не были похожи остарбайтеры и на запуганных репрессиями.

Вот что писали по этому поводу аналитики СД:

«Исключительно большая роль в пропаганде отводится ГПУ. Особенно сильно на представления немецкого населения воздействовали принудительные ссылки в Сибирь и расстрелы. Немецкие предприниматели и рабочие были очень удивлены, когда германский трудовой фронт повторно указал, что среди остарбайтеров нет таких, кто бы подвергался в своей стране наказанию. Что касается насильственных методов ГПУ, которые наша пропаганда надеялась во многом еще подтвердить, то, к всеобщему изумлению, в больших лагерях не обнаружено ни одного случая, чтобы родных остарбайтеров принудительно ссылали, арестовывали или расстреливали»[5].

Только подумайте, какой конфуз! Нацистские спецслужбы решили в пропагандистских целях подсчитать, сколько среди сидевших по лагерям остарбайтеров пострадало от большевистского режима. *И не обнаружили ни одного случая.*

(Между прочим, именно этот крайне неудобный для поклонников Солженицына эпизод был безжалостно вырезан при новой публикации документа в изданном к шестидесятилетию Победы номере журнала «Родина»[6]. А говорят, что цензура - признак тоталитарного общест-

---

1 *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным: Украинские националисты. - СПб.: Нева, 2004. - С. 37.

2 Источник. - 1995. - №3. - С. 90. На это неоднократно указывалось во внутренних документах немецких органов по использованию рабочей силы. См., напр.: МНП. Вар. 1 Т. 4. С. 660; Преступные цели... С. 216.

3 Источник. - 1995. - №3. - С. 90.

4 ЗРГ. Вар. 1. С. 452; Вар. 2. С. 539.

5 Источник. - 1995. - №3. - С. 95.

6 Родина. - 2005. - №4. - С. 38-42. Объективности ради, впрочем, следует заметить, что дело не столько в том, что в СССР не было репрессий (события 1937-1938 гг. были ужасны). Дело в том, что остарбайтеры столь ненавидели своих поработителей, что не собирались давать им возможности для новой пропагандистской

ва...)

Угнанные на принудительные работы советские люди проявляли недюжинную смелость и коллективную солидарность.

«Начальник лагеря при заводе «Дойчен Асбест-Цемент АГ», выступая перед остарбайтерами, сказал, что они должны трудиться с еще большим прилежанием. Один из остарбайтеров выкрикнул: «Тогда мы должны получать больше еды». Начальник лагеря потребовал, чтобы выкрикнувший встал. Сначала никто на это не отреагировал, но затем поднялось около 80 мужчин и 50 женщин»[1].

Надо знать, что происходило в трудовых лагерях, куда сгоняли наших соотечественников, чтобы понять, чего стоило им вот так, не сговариваясь, подняться, заслоняя товарища. О жизни остарбайтеров мы еще расскажем, а пока зафиксируем: так могли поступить только свободные люди - и эти свободные люди были гражданами СССР.

Я специально цитирую документ, авторов которого никак нельзя заподозрить в симпатии к советскому строю; однако о внутренней свободе советских граждан свидетельствуют и многочисленные отчеты отечественных спецслужб. Дело в том, что в Советском Союзе не существовало института опросов общественного мнения и потому предоставлять руководству страны жизненно необходимую информацию о настроениях населения приходилось органам госбезопасности. Достаточно просмотреть хотя бы несколько таких сводок, чтобы поразиться, сколь разнообразны были суждения советских граждан о текущем политическом положении[2]. Понятно, что разнообразие суждений прямо свидетельствует о свободе.

Но свободных людей репрессиями воспитать нельзя.

Неудивительно, что постепенно до обычных немцев кое-что стало доходить, и гестаповцам пришлось докладывать начальству:

«Часть населения проявляет скептицизм по этому поводу и полагает, что в Советском Союзе не так уж плохо обстоит дело с принудительными работами и террором, как об этом всегда утверждалось, что действия ГПУ не определяют основную часть жизни в Советском Союзе, как об этом думали раньше»[3].

А больше всего немцев поразил уровень образованности советских людей.

«Раньше широкие круги немецкого населения придерживались мнения, что в Советском Союзе людей отличает неграмотность и низкий уровень образования. Использование остарбайтеров породило теперь противоречия, которые часто приводили немцев в замешательство... Подобные выводы следуют также из приводимых ниже примеров.

«По мнению многих немцев, нынешнее советское школьное образование значительно лучше, чем было во времена царизма. Сравнение мастерства русских и немецких сельскохозяйственных рабочих зачастую оказывается в пользу советских» (г. Штеттин).

«Особенное изумление вызвало широко распространенное знание немецкого языка, который изучается даже в сельских неполных средних школах» (г. Франкфурт-на-Одере).

«Я чуть совсем не опозорился, - сказал один подмастерье, - когда задал русскому неболь-

---

кампании: «Они хотят, чтобы мы рассказывали о репрессиях? Да ни в жизнь!» И то, что немецким пропагандистам не удалось найти ни одного, кто бы думал иначе, ясно свидетельствует о народной ненависти к захватчикам. На фоне чудовищной жестокости нацистского «нового порядка» все внутренние обиды и разногласия предавались забвению.

1 Источник. - 1995. - №3. - С. 94.

2 Напр.: ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 68-70, 167-169; *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. - М.: Вече, 2001. - С. 362-364.

3 Источник. - 1995. - №3 - С. 95.

шую арифметическую задачу. Мне пришлось напрячь все свои знания, чтобы не отстать от него» (г. Бремен).

...Истребление русской интеллигенции и одурманивание масс было также важной темой в трактовке большевизма. В германской пропаганде советский человек выступал как тупое эксплуатируемое существо, как так называемый «рабочий робот». Немецкий сотрудник на основе выполняемой остарбайтерами работы и их мастерства ежедневно часто убеждался в прямо противоположном»[1].

Иными словами, оценив уровень знаний остарбайтера, немецкий хозяин в один прекрасный момент начинал смутно подозревать, что если среди них двоих и есть унтерменш, то это явно не гражданин СССР. Это было тем более поразительно, что система германского образования всегда славилась своим качеством, а в России еще несколько десятилетий назад девяносто процентов населения было попросту неграмотным.

Можно долго приводить примеры того, насколько были поражены немцы уровнем советского образования; однако пока ограничимся лишь выводом, сделанным современным историком и политологом Сергеем Переслегиным: «Поход в Россию обернулся потрясением для многих думающих немцев еще и потому, что в каждом селе, каждом городке страны, которую они привычно считали дикой и варварской, были библиотеки и школы, соответствующие по уровню столичным образовательным центрам Германии»[2].

Понятно, что и образование, и внутренняя свобода, и физическое здоровье советских людей были порождением советского общества; но коли так, то обстановка в предвоенном Советском Союзе оказывается вовсе не так уж плоха[3].

Об этом ясно сказал человек, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к советскому строю, который ненавидел СССР больше, чем любой из современных антисоветчиков, - Адольф Гитлер. Вот его слова:

«Если бы Сталину дали еще десять-пятнадцать лет, Россия стала бы самым мощным государством в мире, и потребовалось бы два или три столетия, чтобы изменить состояние вещей. Это уникальный феномен! Он поднял уровень жизни - и в этом нет сомнения; никто в России уже не голодает. Построены заводы там, где пару лет назад существовали только неизвестные деревушки, - а заводы, заметьте, такие же большие, как заводы Германа Геринга. Они построили железные дороги, которых еще нет на наших картах»[4].

А вот мнение командира охранной дивизии Гитлера - лейбштандарта СС - Зеппа Дитриха, воевавшего на Восточном фронте: «Очень интеллигентный народ, здоровые по природе, легкоуправляемые и разбирающиеся в технических вопросах. В начале войны ими управляли плохо, но они быстро научились. Русские крестьяне весьма сообразительны... Эти громадные современные заводы, сельскохозяйственные учреждения - это просто грандиозно... По-видимому, им было лучше под Сталиным, чем под царем. Люди в колхозах жили хорошо. Они имели свой кусок земли, корову и были счастливы»[5].

Но наиболее исчерпывающим доказательством преимуществ советского строя являются настроения жителей Польши и Прибалтики.

---

1 Там же. С. 93.

2 *Попель Н.К.* В тяжкую пору / Сост. С.Б. Переслегина, В.Л. Гончарова; Сопр. ст., коммент. Б.Л. Переслегина, В.Л. Гончарова. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001. - С. 555.

3 Следует оговориться, что это утверждение верно по отношению к Советскому Союзу образца 1939-1941 годов. В начале 30-х годов (во время коллективизации) положение было действительно катастрофическим.

4 ЗРГ. Вар. 2. С. 604.

5 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 271.

В течение всего межвоенного периода наиболее значимым внутриполитическим фактором для Польши и прибалтийских республик было «стабильно ухудшавшееся» экономическое положение. Будучи изначально частью общеимперской экономики, после обретения независимости сельское хозяйство и промышленность этих стран медленно умирали, лишенные ресурсов и рынков сбыта.

«Не было ни бесплатного среднего, ни высшего образования, - вспоминает эстонский поэт Уно Лахт, - число батраков и бедных в фактически рабском услужении достигало больше половины населения, процветал туберкулез и другие болезни из-за платной медицины. Эстонцы бежали из Эстонии куда глаза глядят»[1]. В Эстонии в одном только 1937 году было продано за долги около восьми тысяч крестьянских хозяйств. В том же Советском Союзе потерявший хозяйство крестьянин мог пойти на стройку или на завод (собственно, именно это и было одной из целей коллективизации) - однако в Эстонии за годы независимости число занятых в промышленности по сравнению с дореволюционным периодом упало более чем в два раза. Промышленность умирала еще быстрее сельского хозяйства, и потому разорившийся крестьянин и его семья просто оставались без средств к существованию. Число таких людей непрестанно увеличивалось, и в 1938 году «шатающихся без работы и средств к существованию» стали заключать в лагеря: тюремный режим, 12-часовой рабочий день и телесные наказания. Тот же процесс шел в Латвии, где безработных направляли на принудительные лесо- и торфозаготовки[2].

В Литве департамент госбезопасности сообщал: «В настоящее время экономическое положение рабочих значительно ухудшилось... Особенно отрицательное воздействие на рабочих имело повышение цен на продовольственные товары... За этот период заработки рабочих уменьшились... Эти явления не только вызывают у рабочих озабоченность их экономическим положением, но и увеличивают недовольство существующим социальным строем»[3].

Недовольство было столь велико, что местная компартия по организационным причинам не смогла полностью им воспользоваться. «Один из наиболее заметных коммунистических деятелей проговорился, что сейчас рабочие так настроены, что сами рвутся на демонстрации. Дескать, если бы только коммунистическая партия имела лучше организованную сеть агитаторов, то ежедневно могла бы проводить по нескольку демонстраций. Следует отметить, что такая оценка не слишком преувеличена», - доносил литовский департамент госбезопасности[4].

Что же до восточных областей Польши, населенных украинцами и белорусами, то и здесь уровень жизни основной части населения был, мягко говоря, невысок. По информации современных исследователей, часто речь шла «о нищете»[5].

Неудивительно, что, когда в сентябре 1939 года войска Красной Армии вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, они встретили более чем теплый прием.

«Население польских сел повсеместно приветствует наши части, - говорилось в оперативной сводке погранвойск НКВД Киевского округа. - Зафиксированы попытки группового перехода на нашу сторону с целью свидания с родственниками и покупок разных предметов и продуктов в кооперативах наших погрансел»[6].

---

1 Интервью информационному агентству «REGNUM», 27.09.04.

2 *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером, 1939-1945. - М.: Вече, 2004. - С. 26-32.

3 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 373.

4 Там же. С. 345.

5 Польское подполье на территории западных областей Белоруссии (1939-1954 гг.) / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. - Гродно: Изд-во ГГАУ, 2004. - С. 95.

6 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 86.

«Во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода», - фиксировалось в документах 87-й стрелковой дивизии[1].

«Мне, как свидетелю событий осени 1939 года, не забыть атмосферы тех дней в Западной Украине и Западной Белоруссии, - вспоминал будущий переводчик Сталина В. Бережков. - Нас встречали цветами, хлебом-солью, угощали фруктами, молоком. В небольших частных кафе советских офицеров кормили бесплатно. То были неподдельные чувства. В Красной Армии видели защиту от гитлеровского террора. Нечто похожее происходило и в Прибалтике».

Причины были просты: по сравнению с соседними странами жить в СССР было лучше, и первыми это почувствовали жители присоединенных областей. «Появилась возможность поехать на заработки в Россию, - вспоминал между делом сын ремесленника Иосиф Абкович. - Я завербовался для работы на Урал, стал строителем»[2]. Сегодня уже все знают, что на заработки уезжают из бедных районов в богатые, а никак не иначе.

Об искренности просоветских настроений свидетельствует то, что после окончательного разделения польской территории между СССР и Германией оказавшееся в германской зоне население принялось голосовать ногами. Люди целыми семьями бежали в СССР, причем процесс этот начался еще до того, как оккупационная политика нацистов продемонстрировала свой оскал. По счастью, сегодня нам доступны документы советских пограничных пунктов; картина, которая рисуется в этих беспристрастных источниках, не может не поразить.

Только за 6-7 октября 1939 года во временных управлениях восточнее Западного Буга зарегистрировалось около 20 тысяч беженцев; всего же с оккупированной немцами территории ушло 42 тысячи человек[3]. Однако и после того, как размежевание было завершено и на новых государственных рубежах появились пограничные заставы, поток стремившихся в СССР людей оставался велик.

Вот справка управления погранвойск НКВД Киевского округа о задержанных нарушителях границы за две недели октября:

«Задержано при переходе в СССР:

на границе с Германией - 5731 человек;

на границе с Венгрией - 733 человека;

на границе с Румынией - 618 человек.

Всего - 7082 человека.

Основная масса нарушителей из Германии - жители, имевшие постоянное местожительство на территории, занятой Германией, но не желающие там оставаться... На границе с Венгрией и Германией нарушителями являются преимущественно крестьяне, бегущие в нашу сторону в поисках работы и убежища, спасаясь от преследований властей, причем, по заявлению перешедших крестьян из Румынии и Венгрии, после замерзания рек собираются перейти на нашу сторону жители целых селений, расположенных вблизи границы.

Переходят границу зачастую целыми семьями, не имея средств для питания»[4].

Оценим: на советскую сторону бежали целыми деревнями, причем не только из оккупированных немцами польских областей, но и из Венгрии и Румынии, где никакой оккупации не

---

1 *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны... С. 364.

2 Последние свидетели. С. 10.

3 *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны... С. 367.

4 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 115.

было в принципе. Для сравнения: за тот же период при попытке перейти границу из СССР было задержано всего 536 человек.

Схожие настроения господствовали в прибалтийских республиках. Руководивший погранвойсками замнаркома внутренних дел И.И. Масленников сообщал: «На текстильных фабриках г. Нарва уволено большое количество рабочих, что вызвало возмущение и недовольство населения. Рабочие заявляют, что, если им не будет предоставлена работа, они организованно перейдут на территорию СССР. Трудовое крестьянство эстонских пограничных сел высказывает симпатии к СССР и выражает желание о присоединении Эстонии к Советскому Союзу»[1].

Без малого через год войска РККА вступают в Бессарабию - и мы наблюдаем ту же самую картину.

«По донесениям всех погранотрядов, население Бессарабии и Буковины встречает наши части и пограничников радушно и с большим подъемом. Эвакуация населения вместе с частями румармии не отмечена, за исключением бегства контрреволюционного элемента.

По донесению 79-го ПО, население г. Аккермана встречало наши части с флагами.

По донесению 25-го ПО, население в селах Бессарабии массами выходит навстречу нашим частям с заранее заготовленными флагами, лозунгами и транспарантами.

По донесению 2-го и 23-го ПО, население Бессарабии встречает наши части приветливо и с большой радостью...»[2]

Советские войска ждало и население собственно Румынии. В городе Дорохай возникли слухи, что к городу приближаются части РККА. «Ввиду этого часть населения г. Дорохай с красными флагами, устроив демонстрацию, вышла встречать Красную Армию», - сообщала разведка 23-го погранотряда. Но Красной Армии не было, а были румынские войска, которые открыли по демонстрации огонь и убили много мирных жителей. Для профилактики румынскими властями в городе был также устроен еврейский погром[3].

И вновь при установлении новых границ толпы беженцев стремятся на советскую сторону, а органы НКВД беспокоятся: румынские спецслужбы в этих толпах маскируют свою агентуру[4].

В Советский Союз бежали люди из соседней Венгрии: к весне 1941 г. «уже около 20 тысяч жителей Закарпатья перешли границу и осели в СССР. Те же, кто не решался на столь смелый шаг, но верили, что жить при советском строе лучше, собирались большими группами в отдельных местах Закарпатья и ждали прихода русских солдат. В надежде на то же в Закарпатье перешла и часть населения Северной Трансильвании. Кроме того, в руководимое Шароновым полпредство поступило большое количество заявлений от подданных Венгрии с просьбой принять их в советское гражданство»[5].

В наши дни массовая незаконная миграция в Европу и США никого не удивляет: люди бегут туда, где лучше, и их не останавливают ни обязанные стрелять пограничники, ни тюремные сроки за нарушение границы.

Угадайте, о чем свидетельствует то, что в конце 30-х годов люди толпами бежали в СССР?

Теперь давайте послушаем впечатления иностранцев. Вот английский корреспондент Александр Верт, прилетел в Москву в первый же месяц войны. Что он видит?

---

1 *Крысин М.Ю.* Прибалтика между... С. 56.

2 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 204-205.

3 Там же. С. 225.

4 Там же. С. 218.

5 Российский курьер Центральной Европы. - Вена; Будапешт, 2002. - С. 7.

«Москва выглядела как обычно. На улицах толпился народ, в магазинах все еще было полно товаров. По всей видимости, недостатка в продуктах питания не ощущалось: в первый же день я зашел в большой продовольственный магазин на Маросейке и был удивлен широким выбором конфет, пастилы и мармелада. Люди все еще покупали продукты свободно, без карточек. Молодые москвичи в летних костюмах отнюдь не выглядели бедно одетыми. На большинстве девушек были белые блузки, на юношах - белые, желтые или голубые спортивные майки или рубашки на пуговицах и с вышитыми воротниками... Внешне жизнь, казалось, шла обычным порядком. Четырнадцать действовавших театров были, как всегда, переполнены, в ресторанах и гостиницах людей было по-прежнему набито битком»[1].

Ну ладно, Верт искренне симпатизирует Советскому Союзу. Но вот немецкий офицер Гельмут Пабст, он в октябре сорок первого воюет под Тверью. Пабст описывает крестьянские деревни: «Чистая, просторная страна с большими домами. Люди смотрят на нас с благоговением. Есть молоко, яйца и много сена. Вереницы гусей расхаживают по жухлой траве... Помещения для постоя поразительно чисты, вполне сравнимы с немецкими крестьянскими домами... Повсюду - изображения ликов святых. Люди дружелюбны и открыты. Для нас это удивительно»[2].

А вот все ближе и ближе крупные города. «Стали попадаться более густонаселенные места. Обстановка в деревнях более походит на городскую, с кирпичными двухэтажными домами и маленькими заводиками. Большинство из них имеют невзрачный деревенский вид... Довольно часты на окнах занавески и цветы в горшках. Я видел дома, обставленные мебелью с большим вкусом, блестящие чистотой, с выскобленными полами, с коврами ручной работы, с белыми голландскими печками с медной утварью, чистыми постелями и людьми, одетыми скромно, но опрятно. Не все дома были такими, но многие»[3].

То есть, как ни крути, а ни голода, ни нищеты на советской земле немецкий офицер не видит.

И не он один - об этом можно судить по массовым грабежам, которыми занимались солдаты вермахта. Коль скоро нам говорят, что наши граждане перед войной жили в непроглядной нищете, то что же это богатые немцы так радостно грабили? Что отсылали родным в благополучную капиталистическую Германию? Часы, патефоны, одежда - все эти «трофеи» в преизобилии находили в обозах разбитых частей вермахта под Москвой и Ростовом.

Правда, в немецких воспоминаниях встречаются и другие описания.

Командир противотанкового расчета Готтлоб Бидерман пишет: «На пути нам встречались убогие деревушки, расположенные вдоль дороги. Русские женщины и дети пристально смотрели на нас из дверных проемов, вглядывались в нас, скрываясь за оконными стеклами скверного качества. Единственными мужчинами, которых можно было встретить, были престарелые ветераны минувших войн»[4].

Можно, конечно, отмахнуться от этого свидетельства, списав его на высокомерие истинного арийца. Бидерман и вправду относится к советским недочеловекам довольно презрительно; однако на самом деле все еще интереснее. Немецкому офицеру что Украина, что Грузия - все Россия; а описывает он, между прочим, местность вокруг Львова - то есть земли Западной Украины, лишь два года назад вошедшие в Союз, а до того находившиеся в составе Польши.

---

1 *Верт А.* Россия в войне... С. 82, 84.

2 *Пабст Г.* Дневник немецкого солдата... С. 39-40.

3 Там же. С. 41-42.

4 *Бидерман Г.* В смертельном бою... С. 8-9.

Как раз польские земли все без исключения немцы описывают как нищие и убогие. «В Польше нам приходилось достаточно скверно, - вспоминает командир 9-го армейского корпуса Герман Гейер. - Наша ставка, Соколов, был маленьким и неряшливо построенным городом... Вокруг города почва была песчаной, поля скудными, крестьяне бедны и, как правило, обременены большим количеством детей. Здесь не имелось никакой культурной жизни...»[1]

Тут-то и кроется объяснение. Первое впечатление - самое стойкое. Немцы пишут о царивших в СССР бедности и нищете, основываясь на своих впечатлениях о западных, недавно вошедших в состав нашей страны землях. Там действительно живется плохо; за два года, к тому же в условиях подготовки к неизбежной войне, поднять уровень жизни до общесоюзного Москве не удалось[2].

А вот когда речь идет о старых советских землях, то тут о бедственном положении населения речи уже не идет; реальные в начале 30-х, к сорок первому беды ушли в прошлое.

В воспоминаниях Константина Симонова есть характерный эпизод: летом сорок первого, спеша по журналистским делам в Мариуполь, он вместе с коллегой останавливается в первом попавшемся украинском селе - пообедать в колхозной столовой. «В столовой, в которую мы поднялись на второй этаж по дощатой наружной лестнице, продавали виноградное вино, молоко, огромные оладьи, жирный борщ. Что-то веселое и доброе было в этих деревянных струганных столах, в обильной еде, в приветливых, здоровых, красивых девушках-подавальщицах. У меня было горькое чувство оттого, что мы в прошлом иногда раньше, чем это происходило в действительности, начинали писать, что люди начали жить в достатке, по-человечески, а теперь, когда они, как здесь, например, действительно стали жить по-человечески, все это летело к черту»[3].

* * *

Подведем итоги.

При советской власти выросли хорошо образованные, здоровые, свободные, не боявшиеся репрессий люди.

Несмотря на реальные экономические проблемы, советский строй был вполне конкурентоспособным для своего времени и выглядел гораздо более привлекательно, чем режимы соседних стран. Поэтому в Советский Союз в поисках лучшей доли бежали массы граждан сопредельных государств, а те, кто не обладал необходимой решимостью, ждали прихода войск Красной Армии.

Таким образом, что бы нам сегодня ни рассказывали, у большинства советских людей встречать вторгнувшиеся на их землю немецкие войска цветами не было ровным счетом никакого рационального основания, а были весьма веские основания, напротив, свою страну и свой общественный строй защищать не на жизнь, а на смерть.

Что наши предки и делали.

...Много позже один из писателей запишет в своих мемуарах: «Народ голосовал - без агита-

---

1 От Буга до Кавказа... С. 48.

2 В этом, кстати, одна из причин сильных националистических настроений в тех регионах: как так, мы присоединились, а лучше не стало? А меж тем присоединение экономически депрессивных Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики обернулось для Советского Союза серьезным экономическим кризисом и введением карточек на продукты: слишком много пришлось вкладывать в новоприобретенные районы.

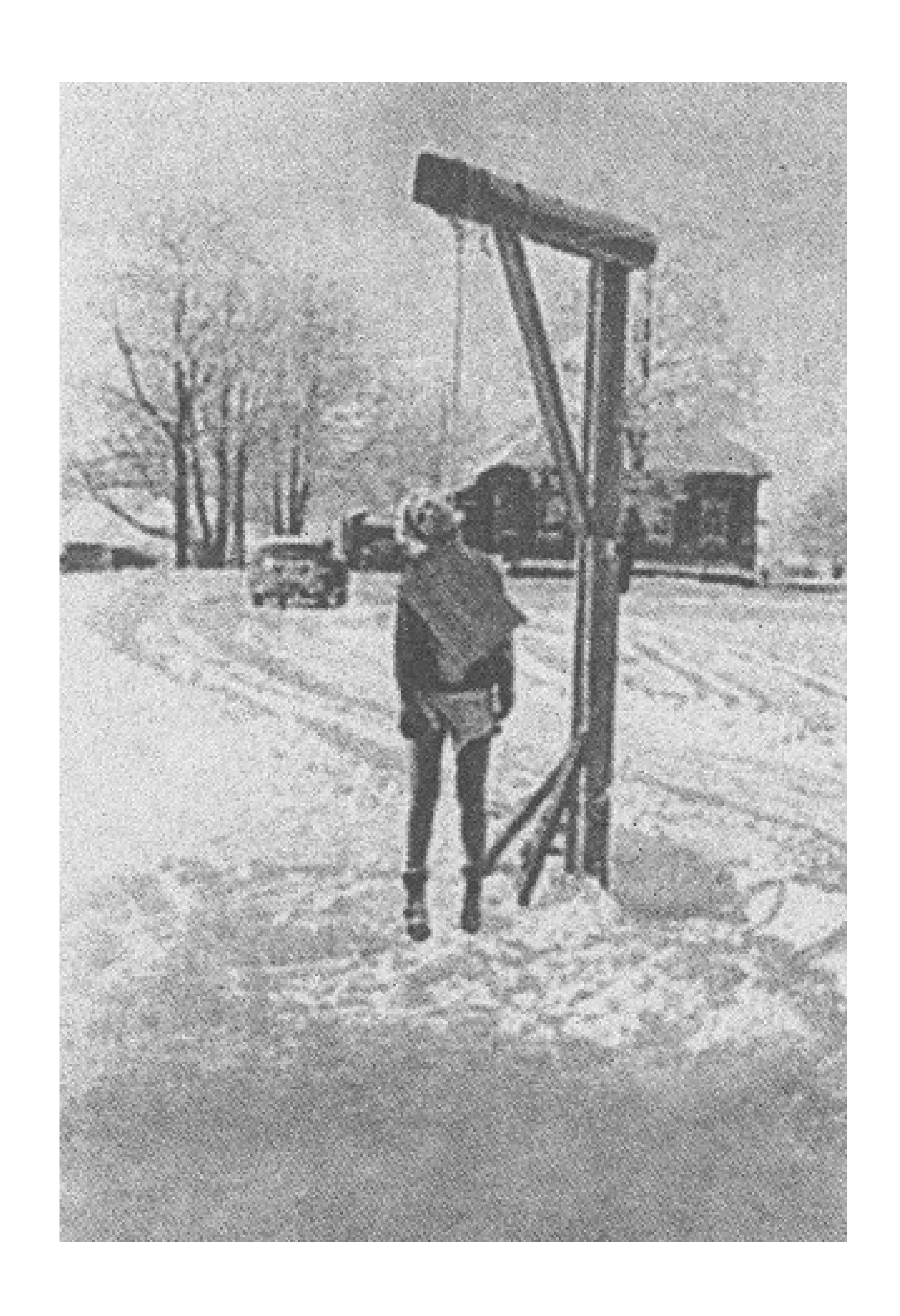
3 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Т. 1. С. 231-232.

торов и не бюллетенями - кровью»[1].

1 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь / Подг. текста, коммент. Б.Я. Фрезинского. - М.: Текст, 2005. - Т. 2. - С. 309.

VI
ЗИМА СОРОК ПЕРВОГО: НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Наступление Красной Армии в еще большем, чем прежде, объеме раскрыло варварский, бандитский характер гитлеровской армии.

И. Сталин, 6 ноября 1943 г.

Ранней весной 1942 года в ставке фюрера состоялся показ самого известного документального фильма военного времени, фильма, который вскоре получит премию «Оскар». Ни одна из многочисленных лент, изготовленных ведомством доктора Геббельса, не могла сравниться с этой работой советских документалистов. Фильмы Геббельса были технически совершенны, однако оставались лишь пропагандой; мастерство советских документалистов было не столь изысканно, однако они говорили правду. Правду о самой значительной советской победе.

Фюрер и его окружение сидели в полутемном зале, а на экране перед ними возникали надписи на непонятном русском, и переводчик бесстрастно переводил название фильма, название, которое еще несколько месяцев назад казалось немыслимым, невозможным: «Разгром немецких войск под Москвой».

Секретарь Гитлера Генри Пикер, присутствовавший на этом показе, так описывал впечатление от увиденного на экране:

«...Вначале зазвенели колокола всех московских церквей, советские зенитки открыли огонь по нашим самолетам, мелькнули таинственные силуэты Кремля, где обосновался Сталин, православные священники в полном облачении, высоко подняв кресты, пошли от дома к дому, от избы к избе, поднимая мужчин и женщин, молодых и старых на последний, решительный бой за «священную русскую землю». Формирование красноармейских частей, в частности кавалерии... Затем первые немецкие пленные, вот их уже толпы... И наконец, потянулись бесконечной чередой обледенелые немецкие танки, цистерны, грузовики, орудия...»[1]

Но не только о советской победе рассказывалось в фильме.

«Впервые в истинных ее масштабах открылась миру бесчеловечность фашистского нашествия, оставлявшего за собой обугленные трупы, расстрелянных детей и стариков, сожженные города и села, оскверненные национальные святыни и памятники культуры.

Скорее всего, премия «Оскар» за лучший документальный фильм 1942 года была присуждена «Разгрому немецких войск под Москвой» не столь за изысканное мастерство документалистики (здесь было не до него!), а за обжигающую, ослепляющую правду о гитлеровских злодеяниях на российской земле»[2].

То, что могли показать советские документалисты, было лишь малой частью увиденного наступавшими советскими войсками. Еще совсем недавно люди просто не могли поверить, что подобное возможно; заявления советского правительства о немецких преступлениях казались неумелой пропагандой.

«Неужели германские власти так издеваются над нашими военнопленными, мне в это не верится...» - шептались москвичи, а некоторые и вовсе рубили с плеча: «...Все, что написано в ноте тов. Молотова, увеличено в несколько раз. Фактически этого нет, и я могу поверить толь-

---

1 ЗРГ. Вар. 1. С. 332.

2 *Зоркая Н.Я.* Визуальные образы войны // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 383.

Женщина возвращается к своему дому, разрушенному нацистами

Толпы женщин и детей бродили по бездорожью в поисках куска хлеба и крыши над головой

ко тогда, когда увижу своими глазами»[1].

Уже через несколько дней после начала контрнаступления места сомнениям не осталось; их место заняли ужас, гнев и ненависть к нацистским палачам. И еще - глубочайшее изумление. «История донесла до нас, что немецкий народ является одним из культурнейших и цивилизованных народов Европы, - вспоминал политрук одной из стрелковых частей Николай Ляшенко. - Однако, насмотревшись на эти невообразимые, бесчеловечные, садистские зверства, творимые руками немцев, не хотелось верить истории. Человеческое сознание не в состоянии ассоциировать эту дикую жестокость с культурой и цивилизацией. Мы искренне удивлялись: неужели все эти дикие звери, творящие на нашей земле столь бесчеловечную расправу над безоружными людьми, выращены в цивилизованной Германии?»[2]

То, что творили на оккупированной земле цивилизованные немцы, было поистине ужасно. «Уж сколько сел мы освободили от бандитов, и с какой радостью встречают нас колхозники и рассказывают, как их грабили, издевались и мучили, - писал в письме домой один из красноармейцев. - Это прямо надо сказать, что у гитлеровских бандитов нет нисколько человеческого, они превратились в зверей»[3].

---

1 Лубянка в дни битвы за Москву. С. 322.

2 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка. С. 154.

3 Лубянка в дни битвы за Москву. С. 315.

«Когда ранее оставленные пункты были вновь заняты нашими войсками, обрадованное население, в частности дер. Падиково, целовало красноармейцев и благодарило их за освобождение от немцев, - говорилось в отчетах органов внутренних дел. - Жители заявляли, что если раньше они не верили газетным сообщениям о зверских и грабительских действиях немцев, то теперь, встретившись с ними лицом к лицу, они запомнят это на всю жизнь»[1].

По ночам советские войска продвигались вперед при свете горящих изб. Это немцы, отступая, жгли за собой деревни. «Ночью было светло как днем», - вспоминали потом солдаты, а летописец группы армий «Север», описывая события той страшной зимы, не без гордости заметил: «Советы получили во владение мертвую местность»[2].

Это было действительно так. Красноармейцев встречали разрушенные деревни и поселки. «Ночной Клин был городом ужаса, - вспоминал американский журналист Гери Кэссиди. - Когда мы прибыли туда, город был окутан полнейшей темнотой, чернели сожженные домашние очаги, в оставшихся домах полностью отсутствовал свет... Шоссе на западе представляло собой еще более ужасную картину. В первой же деревне у шоссе еще дымились обугленные руины. Там у немцев еще было время перед отступлением произвести поджоги. Следующая

Перед бегством из Ростова-на-Дону фашисты вывели во двор тюрьмы всех арестованных местных жителей и расстреляли

1 Там же. С. 286.

2 *Хаупт В.* Группа армий «Север». С. 181.

деревня Петровское не была разрушена... Там немцев застали врасплох»[1].

Перед отступлением из подмосковной Красной Поляны солдаты вермахта согнали население поселка в здание районного исполкома. Людей хотели угнать с собой - на принудительные работы; восемь дней старики, женщины и дети находились в холодном, с выбитыми стеклами помещении, без хлеба и воды. На улице стояли сорокаградусные морозы. К тому времени, когда подоспевшие части Красной Армии освободили поселок и отогнали пытавшихся поджечь исполком вместе со всеми людьми немцев, у четырех женщин на руках умерли груднички.

А вот в деревне Рысино под Ленинградом советские войска опоздали. Страшная картина предстала перед бойцами: «Два больших деревянных дома, стоявших вплотную, были превращены гестаповцами в камеры заключения... На месте пожарища еще дымились обгоревшие головни, а обуглившиеся крыши похоронили под собой тела погибших в огне. Из-под черных балок торчали обгоревшие руки и ноги. Но сгорели не все заточенные. Часть, выломав окна и двери, пыталась спастись бегством, их хладнокровно расстреливали. Вокруг и особенно за домами лежало много расстрелянных. Но и этого для извергов оказалось мало. Вытащив несколько десятков обугленных трупов, они разбросали их по обеим сторонам дороги до самого конца улицы, а за деревней прямо у дороги сложили огромную груду из тел расстрелянных военнопленных»[2].

Не успели освободители и в село Дубовое Тульской области. Накануне отступления из всех соседних деревень в село пригнали избитых в кровь женщин, стариков, детей-подростков - евреев, всего 25-30 человек. Все были без обуви, почти без одежды, шли по снегу босиком, подгоняемые тремя охранниками. У околицы деревни их, уже почти не державшихся на ногах, всех расстреляли из автоматов и бросили в проходившую здесь траншею»[3]. Русских жителей села - тех, кто не сумел скрыться, - немцы угнали с собой. Женщин, стариков и детей по снегу гнали в немецкий тыл. Там их размещали или в лагерях военнопленных, или в первых попавшихся нежилых помещениях: свинарниках или сараях. Те, кто не умирал от холода, погибал от голода. «Питания в большинстве случаев они никакого не получали или получали самый минимум. Так, в Чудовском лагере Ленинградской области в 1942 году переселенцам давали только один раз в сутки жидкую баланду. Из-за голода и болезней в лагерях была очень большая смертность»[4].

Как правило, операции по угону населения получали весьма характерное кодовое наименование «Гетто» - чтобы все знали, что для нацистов нет принципиальной разницы между различными подвидами недочеловеков, евреями или русскими[5].

В начале января на Крымском фронте в районе высоты 66,3 и деревни Джантора наступавшими советскими частями было найдено девять тел пленных красноармейцев. Они были убиты настолько зверски, что опознать удалось лишь двоих. «У замученных военнопленных были выдернуты ногти на пальцах, выколоты глаза, у одного трупа была вырезана вся правая часть груди, у других - обнаружены следы пыток огнем, многочисленные ножевые раны, разбитые челюсти. В Феодосии были обнаружены десятки трупов замученных красноармейцев-азер-

---

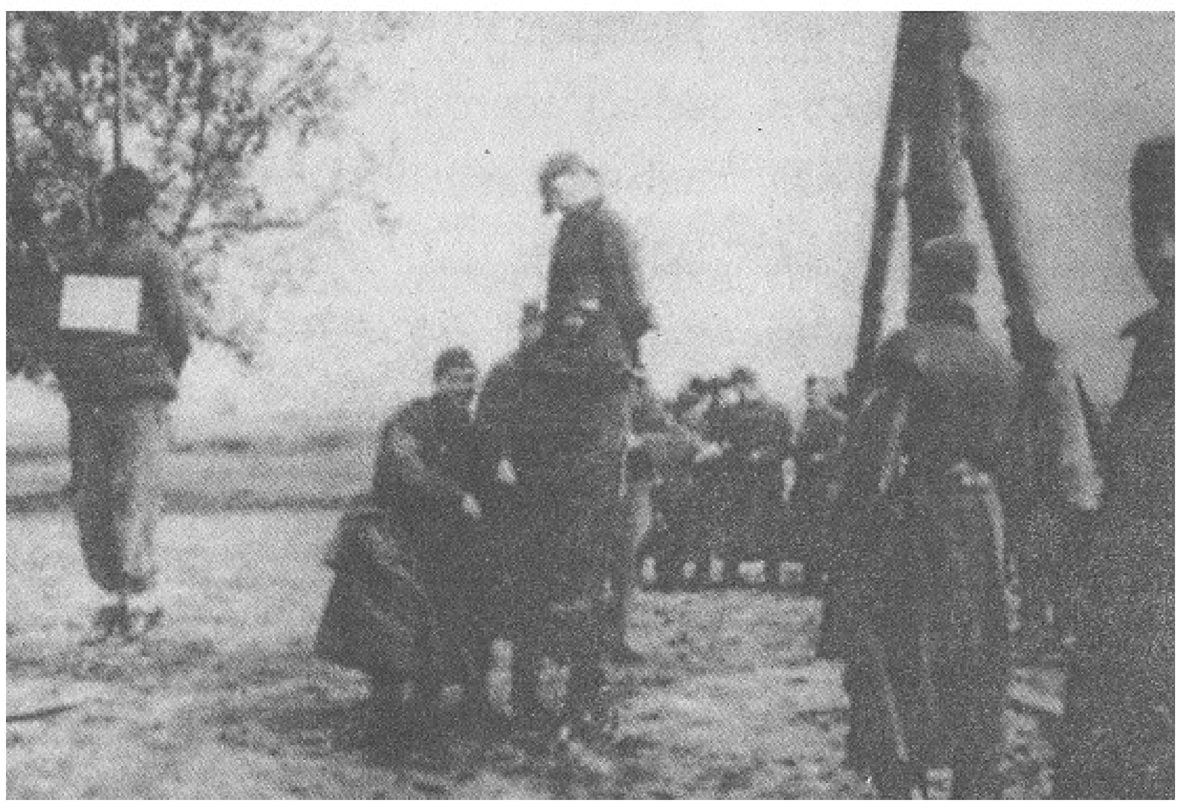
1 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 153.

2 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка. С. 154.

3 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 269.

4 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 35.

5 Преступные цели... С. 304; ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 596.

Советские военнопленные, уничтоженные нацистами

байджанцев»[1].

Отступая, немецкие войска оставляли за собой пепелища, где кости сожженных заживо людей мешались с золой. Вдоль дорог лежали замерзшие во время маршей угнанные жители; на перекрестках городов качались тела повешенных. Политика *обезлюживания,* которой оккупанты неуклонно следовали более полугода, продолжала реализовываться, однако даже в нацистском руководстве начинали понимать, что ее следует несколько скорректировать.

Поражение под Москвой положило конец череде блестящих побед вермахта, прошедшего от западных границ большевистской империи до самого ее сердца - Москвы. За это время на оккупированных советских землях нацистами было уничтожено около шести миллионов человек[2]. Число ликвидированных недочеловеков было более чем впечатляющим, хотя, конечно, и не столь значительным, как хотелось бы руководству Рейха.

...В ноябре 1941 года сотрудник Восточного министерства доктор Ветцель узнал, что РСХА работает над планом «Ост» - планом освоения оккупированных советских земель. Когда Ветцель захотел узнать конкретные цифры, ему ответили, что в плане уже запланировано переселение 31 миллиона человек ненемецкого происхождения; при этом на оккупированной территории должны были остаться 14 миллионов местных жителей. План «Ост» охватывал лишь западную часть оккупированных советских территорий; однако опытный сотрудник Восточного министерства сразу заметил очевидную ошибку в расчетах. Количество местного населения значительно выше 45 миллионов и насчитывает, по самым скромным оценкам, от 51 до 65 миллионов, сказал он сотрудникам РСХА. Куда же денутся неучтенные туземцы числом от 6 до 20 миллионов?[3]

Они исчезнут, ответили ему. Просто исчезнут...

Для германского руководства темпы уничтожения советских военнопленных и мирного населения напрямую зависели от успехов вермахта на Восточном фронте. Коль скоро можно было надеяться на блицкриг, молниеносную войну, то необходимости в использовании взятых в плен красноармейцев не было, а была, напротив, необходимость их уничтожить. Освободить жизненное пространство от недочеловеков, зараженных большевистской идеологией.

Но когда зимой сорок первого непобедимые доселе войска Третьего Рейха были разбиты, а снежные поля Подмосковья покрылись немецкими трупами и сгоревшими танками с черными крестами, тогда стало ясно, что война Германии предстоит долгая и напряженная. Война с уже продемонстрировавшим свою силу противником. Война, для победы в которой необходимо мобилизовать все имеющиеся ресурсы.

И немецкое руководство немедленно вспомнило о вымирающих в лагерях советских военнопленных, чьи спины можно было «использовать в промышленности». О вымирающих от голода и холода жителях бесчисленных городов и сел. Продолжать бессмысленное их уничтожение становилось непозволительным расточительством.

«Если мы перестреляем евреев, дадим погибнуть военнопленным, предоставим значительной части населения крупных городов умереть с голоду, а в будущем году потеряем от голода еще часть сельского населения, остается открытым вопрос: кто же, собственно, должен создавать материальные ценности?» - писал в докладной записке генерал-лейтенант Ханс Лейкауф[4].

---

1 МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 15-16; РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 41.

2 Подсчитано по: МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 660; Россия и СССР в войнах XX века. С. 231-233; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 303.

3 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 26-29; Ни давности, ни забвения... С. 181-183.

4 *Ветте В.* Образ врага... С. 113; *Ветте В.* Война на уничтожение. С. 7. Ветте также обращает внимание:

Генерал курировал предприятия военной промышленности, расположенные на Украине; к его словам нельзя было не прислушаться.

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих, за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях, - соглашался генерал-лейтенант Вейганг, - сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии»[1].

Таким образом, задачей номер один для нацистского руководства становилось обеспечение промышленности рабочими руками. Выполнение этой задачи должно было привести к некоторому улучшению положения советских недочеловеков; как справедливо замечал в своем докладе министериаль-директор управления по использованию рабочей силы доктор Мансфельд, «бессмысленно перевозить эти рабочие руки в открытых или нетопленых закрытых товарных вагонах, чтобы на месте прибытия выгружать трупы»[2].

Конечно, это не означало изменения политики *обезлюживания;* просто на смену массовым расстрелам приходило более прагматичное «уничтожение трудом». «Идея уничтожения трудом является наиболее подходящей», - задумчиво сказал Геббельс в беседе с министром юстиции Тираком[3].

20 марта 1942 года в ставке фюрера под Винницей было собрано специальное совещание. Министр оккупированных восточных областей Альфред Розенберг, рейхскомиссар «Остланда» Лозе, гауляйтеры Украины и Белоруссии Кох и Кубе, министр продовольствия Бакке и статс-секретарь германских железных дорог Ганценмюллер - все они прибыли в ставку «Вервольф» для обсуждения экономических вопросов. Последним в ставку прибыл ответственный за выполнение четырехлетнего плана рейхсмаршал Геринг. Разговор предстоял очень серьезный, но фюрер не торопился звать к себе.

«Собравшиеся ожидают приема у Гитлера, - вспоминал личный камердинер фюрера Гейнц Линге. - К ним присоединяется Борман. Разговор между ними ведется о «черном рынке» в Германии, который принял широкие размеры.

Геринг, обращаясь к Бакке, говорит:

- Спекулируют все. Если сажать за спекуляцию, надо посадить весь немецкий народ. Проблема не в этом. Проблема в том, чтобы вывести все русское добро, которое имеется здесь. Тогда никакой черный рынок беспокоить нас не будет»[4].

Среди собравшихся не было человека, который станет главным героем совещания. Гауляйтер Тюрингии и организатор концлагеря Бухенвальд Фриц Заукель ждал вызова в доме Бормана. Через несколько часов Заукель станет одним из самых могущественных людей в Рейхе, и Борман, принимая из рук фюрера приказ об этом назначении, скажет:

- Это - триумф национал-социалистической партии[5].

Заукель занял специальный пост Генерального уполномоченного по трудоиспользованию. Его задачей стала организация вывоза населения оккупированных стран для использования в

«Лейкауф, один из высших командиров вермахта, с полным основанием употреблял местоимение «мы»: «мы», вермахт и СС, несем полную ответственность за убийства евреев и военнопленных, за голодную смерть многих жителей Украины».

1 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 19.

2 Там же. С. 19-20.

3 Там же. С. 16.

4 Неизвестный Гитлер. С. 131-132.

5 Там же. С. 132.

Рейхсминистр оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг *(слева)* и рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе

Рейхе. Идея, активно лоббируемая нуждавшимися в бесплатных рабочих руках немецкими промышленниками с самого начала войны, стала обретать плоть и кровь. Перед смертью русские рабы должны поработать на пользу Германии! Это был ответ на одну из самых важных проблем, вставших перед Рейхом.

Имя второй проблемы было известно любому, кто хоть раз побывал на Восточном фронте.

Партизаны! - это слово внушало ужас солдатам оккупационных войск. «Русское население относится к нам враждебно, - записал в дневнике немецкий офицер Хорнуг. - Самое страшное - это партизаны в лесах, на дорогах, в населенных пунктах. Они нападают внезапно, наносят страшные удары и исчезают бесследно»[1].

Привычные карательные мероприятия, проводившиеся охранными войсками и частями вермахта, требуемого эффекта не давали. Они назывались «контрпартизанскими», хотя на деле преследовали лишь одну задачу - уничтожить как можно больше советских недочеловеков. И тем самым лишь порождали партизан.

«В конце 1941 года немцы окружили деревню Рейментаровку, где находился партизанский отряд.

1 Партизанское движение... С. 90.

Бой длился долго, в конце концов партизаны ушли. Немцы, войдя в деревню, расстреливали женщин и детей из пулемета. Грудных с размаху сажали на колья забора. Солдаты поджигали факелами дома. Старика Григория Растольного живым бросили в горящую хату. Старика Ананаса Холмецкого немцы вывели на улицу, облили бензином, подожгли и, горящего, погнали по улице. 24-летнюю Полину Коробко за косы повесили на дереве, а семью ее - отца Лариона, мать и брата Ваню десяти лет - сожгли вместе с хатой...

Все это видел глухонемой Федор Растольный. Ночью финкой он зарезал немца. Потом срезал струны с гитары, протянул их через дорогу. Немецкий связной мотоциклист налетел на заграждение. Федор прикончил и его... После этого Федор убежал в лес. В лесу он жил совершенно один. В очень темные ночи он возвращался в деревню, забирал борону, закапывал на дороге. Машины нарывались на зубцы. Федор ждал в кустах. Если бывала настоящая авария, не только прокол шины, он подбегал и приканчивал разбившихся немцев. В отряд он идти не хотел, показывая руками, что, как глухонемой, он не годится в партизаны»[1].

Этот рассказ записал кинооператор Михаил Глидер, воевавший среди партизан соединения Ковпака; завершается он грустно.

«А потом мы оттуда ушли, - закончил рассказчик, - а он все воевал один. Может, и сегодня еще воюет. А вернее, убили его. Без ушей, с одними глазами, не скроешься»[2].

...Партизанская война имеет свои законы. Зимой партизан легко выследить, им труднее добывать продовольствие и оружие - и потому, когда выпадает снег, партизаны сворачивают свою деятельность. Это - непреложное правило.

Но зимой сорок первого на заснеженных просторах России партизанская война неожиданно полыхнула с невиданной силой. «Рост партизанского движения во всем тыловом районе принимает настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность, - докладывал командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге. - Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность»[3].

Ненависть, которую вызвали оккупанты, оказалась сильнее неписаных законов партизанской войны, сильнее чувства самосохранения. Эта ненависть заставляла людей идти на верную смерть - лишь бы, умирая, забрать с собой врага.

Много позже тогдашняя молодая девчонка будет рассказывать об этом страшном в своей силе чувстве писательнице Светлане Алексиевич:

«Узнала ненависть... Сразу... Такая ненависть! Как они могут ходить по нашей земле! Как они... Откуда... В сердце была только ненависть. До температуры. У меня поднималась температура от этих картин... Что они тут...

Сколько крови и убитых видела на дорогах. Столько... Наших пленных... Пройдет колонна, и сотни трупов на дороге остаются лежать. Они были голодные, выбивались из сил, падали... Их пристреливали. Как собак... По мертвым уже не голосили. Не плакали. Не хватало слез...

Мы ушли в лес все: папа, братья и я. В партизаны»[4].

«Это очень тяжелая война. И вы не представляете, какую ненависть немецкие фашисты пробудили в нашем народе, - объяснял советский офицер английскому журналисту. - Вы зна-

1 *Глидер М.М.* С киноаппаратом в тылу врага. - М.: Госкиноиздат, 1946. - С. 47.
2 Там же.
3 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 576.
4 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 62.

те, мы беспечны и добродушны, но, заверяю вас, они превратили наш народ в злых мужиков. Злые мужики - вот кто мы сейчас в Красной Армии; мы - люди, жаждущие отомстить. Никогда раньше я не испытывал такой ненависти. И для этого есть все основания. Подумайте о всех этих городах и деревнях... Подумайте о муках и унижениях, которые терпит наш народ... - В его глазах сверкнул огонек лютой злобы. - А я не могу не думать о своей жене и десятилетней дочери в Харькове. - Он помолчал, овладевая собой и барабаня пальцами по колену. - Конечно, - сказал он наконец, - существуют партизаны. Это, по меньшей мере, лучший выход для тысяч оставшихся там людей»[1]. И это было действительно так.

«Народ вынужден уйти в болота и леса, чтобы воевать против нас», - констатировал впоследствии один из чиновников оккупационной администрации[2]. Уже к ноябрю - декабрю сорок первого концентрация ненависти вокруг немецких войск была такова, что солдатам во имя самосохранения стали приказывать убивать любого местного жителя, появляющегося в поле зрения.

«Приказываю открыть огонь по каждому русскому, как только он появится на расстоянии 600 метров, - говорилось в приказе по 489-му пехотному полку. - Русский должен знать, что он имеет против себя решительного врага, от которого он не может ждать никакого снисхождения»[3].

Такой же приказ был издан в 101-м мотопехотном полку, входившем в состав 2-й танковой группы генерала Гудериана: «В своих действиях быть беспощадным... По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения»[4].

Оккупанты попали в незавидное положение: наступление Красной Армии заставляло бросать на фронт все имеющиеся под рукой подразделения - и тыл оказывался практически беззащитным перед увеличивающимися в числе партизанами.

Решение возникшей проблемы было найдено в продолжении истребительной политики против советского населения. Если проявить еще большую жестокость и продолжать жечь деревни и села, если заставить всю оккупированную территорию виселицами, если не проявлять недостойной арийского духа мягкости - тогда, рано или поздно, партизан просто некому будет поддерживать. Местные недочеловеки будут либо уничтожены, либо запуганы так, что никогда больше не посмеют поднять руки на представителей высшей расы. «Следует быть жестоким к советскому населению и не размышлять, расстреливать или не расстреливать, когда имеешь дело с русскими, - объяснял гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе бригаденфюреру СС Эберхарду Грефу. - Надо расстреливать, и тогда будет порядок»[5].

Той же точки зрения придерживались и военные. 8 декабря 1941 года командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау, сменивший на этой должности отстраненного после поражения под Ростовом фон Рундштедта, писал командующим армиями:

«В полосе 6-й армии действия партизан почти полностью прекратились. Этот успех явился результатом суровых мер, предпринятых командованием армии...

---

1 *Верт А.* Россия в войне... С. 95.

2 *Бройнингер В.* Противники Гитлера. С. 277.

3 *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза / Предисл. П. Ульяшова. - М.: Крафт+, 2002. - С. 30.

4 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 312; Истребительная война на Востоке. С. 33.

5 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 82; Антипартизанская война в 1941-1945 гг. / Сост. А.Е. Тарас. - М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. - С. 10.

В ходе борьбы с партизанами в полосе армий было публично повешено и расстреляно несколько тысяч человек. Опыт показывает, что казнь через повешение действует особенно устрашающе. Кроме того, были уничтожены многие «бродяги», у которых не оказалось удостоверений личности и под личиной которых обычно скрываются агенты и разведчики партизан. С этого момента диверсии прекратились...

Командование группы армий рекомендует в случае необходимости прибегать к таким же мерам»[1].

На самом деле ни в полосе 6-й армии, ни где-нибудь еще партизан извести не удалось; однако мысли военного командования определенно шли в том же направлении, что у эсэсовцев и гражданской администрации.

Впрочем, если раньше карательные «контрпартизанские» операции выполняли преимущественно части вермахта, то теперь все они до последнего человека требовались на фронте. Пришло время создавать специальные карательные подразделения, чуждые гуманизму и готовые к самым чудовищным преступлениям.

В неформальной обстановке фюрер не раз указывал, что такие подразделения следует формировать из сидящих в лагерях уголовников. Пусть таланты убийц, грабителей и насильников послужат Рейху! Эту мысль Гитлер настойчиво повторял перед косными армейскими генералами: «Конечно, надо положить конец браконьерству. Но, как я уже говорил, давайте сделаем наказание соразмерным преступлению - отправим их на борьбу с партизанами, сделаем из них элитный снайперский корпус!»[2]

Наконец усилия фюрера возымели действие: в конце 1941 года в тылу группы армий «Центр» стал действовать специальный батальон для борьбы с партизанами. Формально это подразделение входило в состав ваффен-СС, однако даже эсэсовцы приходили в ужас от деятельности уголовного сброда, собранного под командованием Оскара Дирлевангера. Командир был под стать войску: с фотографий на нас, слегка улыбаясь, смотрит человек, будто сошедший со страниц трудов Чезаре Ломброзо. Рейхсфюрер СС долго не решался утвердить в должности дважды судимого растлителя малолетних, чей моральный облик был ниже всякого уровня.

Там, где проходил батальон Дирлевангера, не оставалось ничего живого; вскоре его развернули в полк, а затем - в бригаду. После войны эсэсовский генерал фон-дем Бах-Зелевски на допросах так характеризовал задачи подразделения:

«Обвинитель: Чем вы объясните, что командование германской армии так охотно усиливало и увеличивало размеры частей, сформированных из уголовных преступников, и направляло их именно на борьбу с партизанами?

Бах-Зелевски: Я считаю, что здесь имеется очень тесная связь с речью Генриха Гиммлера в начале 1941 года в Везельсбурге, еще до начала похода на Россию. Гиммлер говорил тогда, что целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек и что в этой области следовало использовать именно такие неполноценные войска.

1 *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. С. 183-184.

2 ЗРГ. Вар. 2. С. 125, 181, 586, 622.

Обвинитель: Правильно ли я понял вас, что сам характер людских контингентов, которые командование бросало против партизан, уже заранее и обдуманно определял характер действий этих войск против населения и партизан? Я имею в виду прямое истребление населения.

Бах-Зелевски: Да. Я считаю, что при выборе командиров и определенного состава команд имелась в виду именно эта цель...

Обвинитель: Вы сказали, что борьба с партизанским движением имела своей целью фактически истребить славянское и еврейское население?

Бах-Зелевски: Да... Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий»[1].

Однако как ни зверствовал батальон Дирлевангера, он был слишком малочислен для того, чтобы обеспечить должный размах карательных операций. И тогда к делу были привлечены те, кто делом доказал свою безжалостность и кровожадность, - подразделения вспомогательной полиции, сформированные из местных националистов.

Нацисты не испытывали ровным счетом никакого энтузиазма при мысли о вооружении представителей низших рас. «Не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-нибудь иной, кроме немцев! - говорил Гитлер. - Это особенно важно. Даже если бы в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, покоренные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец!»[2]

Рассуждениям фюрера нельзя было отказать в логике; однако, германская военная разведка уже давно и весьма продуктивно использовала в своих целях организации прибалтийских и украинских националистов. Перед войной с Польшей абвер с помощью ОУН пытался устроить на польской территории «повстанческое движение», с целью истребления польской интеллигенции и евреев[3]. Непосредственно перед вторжением в Советский Союз заранее проинформированные о предстоящей войне украинские и прибалтийские националисты резко активизировали диверсионно-террористическую деятельность; таким образом немецкая разведка надеялась подорвать устойчивость Красной Армии[4]. Правда, здесь, как впоследствии признавали сотрудники немецких спецслужб, особого успеха достичь не удалось: деятельность таких «партизан» сводилась преимущественно к убийствам председателей сельсоветов и колхозов, школьных учителей и работников клубов, порою весьма зверским, но на обороноспособность СССР никак не влиявшим[5]. Советская госбезопасность меж тем действовала весьма эффективно, и националистам пришлось перебираться на территорию генерал-губернаторств - под крылышко к нацистским спецслужбам[6].

Час националистов настал после оккупации. Как только немецкие войска захватывали очередной город и уходили дальше на Восток, националисты выползали из подполья и устраивали жесточайшие погромы, уничтожая всех, кого им только заблагорассудится. Немецкие вла-

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 267-270.

2 Преступные цели... С. 48-49.

3 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 181.

4 Там же. Т. 3. С. 426, 530-531; ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 409, 412; Кн. 2. С. 80, 85-86, 163.

5 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 242.

6 *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным... С. 38. См.: ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 613; Кн. 2. С. 563; *Бухгайт Г.* Абвер - щит и меч III Рейха. С. 254.

сти смотрели на эти действия сквозь пальцы; когда устанавливался жестокий оккупационный порядок, из отведавших крови националистов получались прекрасные каратели - такие, что вызывали отвращение даже у сотрудников айнзатцгрупп.

А каратели были очень нужны нацистам...

25 августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, латышей и эстонцев и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для контрпартизанской борьбы[1].

Это было признанием исключительных заслуг прибалтийских националистов в осуществлении карательных акций. Отчет действовавшей в Прибалтике айнзатцгруппы «А» показывает, сколь большую пользу приносили нацистам местные каратели:

«Обзор ситуации показывает, что служащие тайной государственной полиции (гестапо), крипо (уголовной полиции) и СД, которые приданы специальным отрядам, действуют активно главным образом в Литве, Латвии, Эстонии, Белоруссии и в меньшей степени - близ Ленинграда... Операции там значительно упрощаются, потому что специальные отряды в Литве, Латвии и Эстонии имеют в своем распоряжении местные полицейские отряды, а также по той причине, что в Белоруссию на данном этапе отправлено в порядке пополнения 150 латвийских отрядов»[2].

Прибалтийские подразделения вспомогательной полиции стали отборными карательными частями, которые использовали на всей оккупированной советской территории. В 1941-1942 годах только в Латвии было сформировано 22 полицейских батальона. Девять из них осуществляли карательные акции на Украине, пять - жгли деревни в Белоруссии и еще восемь - «работали» на территории оккупированной Ленинградской области и собственно Латвии[3].

Рейху необходимо было все больше карателей. «Количество «инородных вспомогательных войск» быстро увеличивалось, - пишет один из современных германских исследователей. - Это был единственный способ не только отстранить немцев от этого изуверского мероприятия, но и повысить его эффективность. Коллаборационистов снабжали всем необходимым для массового истребления людей»[4].

Осознав всю полезность прибалтийских карателей, нацисты даже готовы были согласиться на то, чтобы признать прибалтийские народности «ценными вспомогательными народами» (которых, впрочем, в конечном итоге ждала та же судьба, что и всех недочеловеков). «В СССР немецкому солдату противостоит не единый народ, - указывали нацистские идеологи. - СССР - это государственное формирование, объединяющее множество славянских, кавказских и азиатских народов, единство которых поддерживается с помощью силы стоящих у власти большевиков»[5].

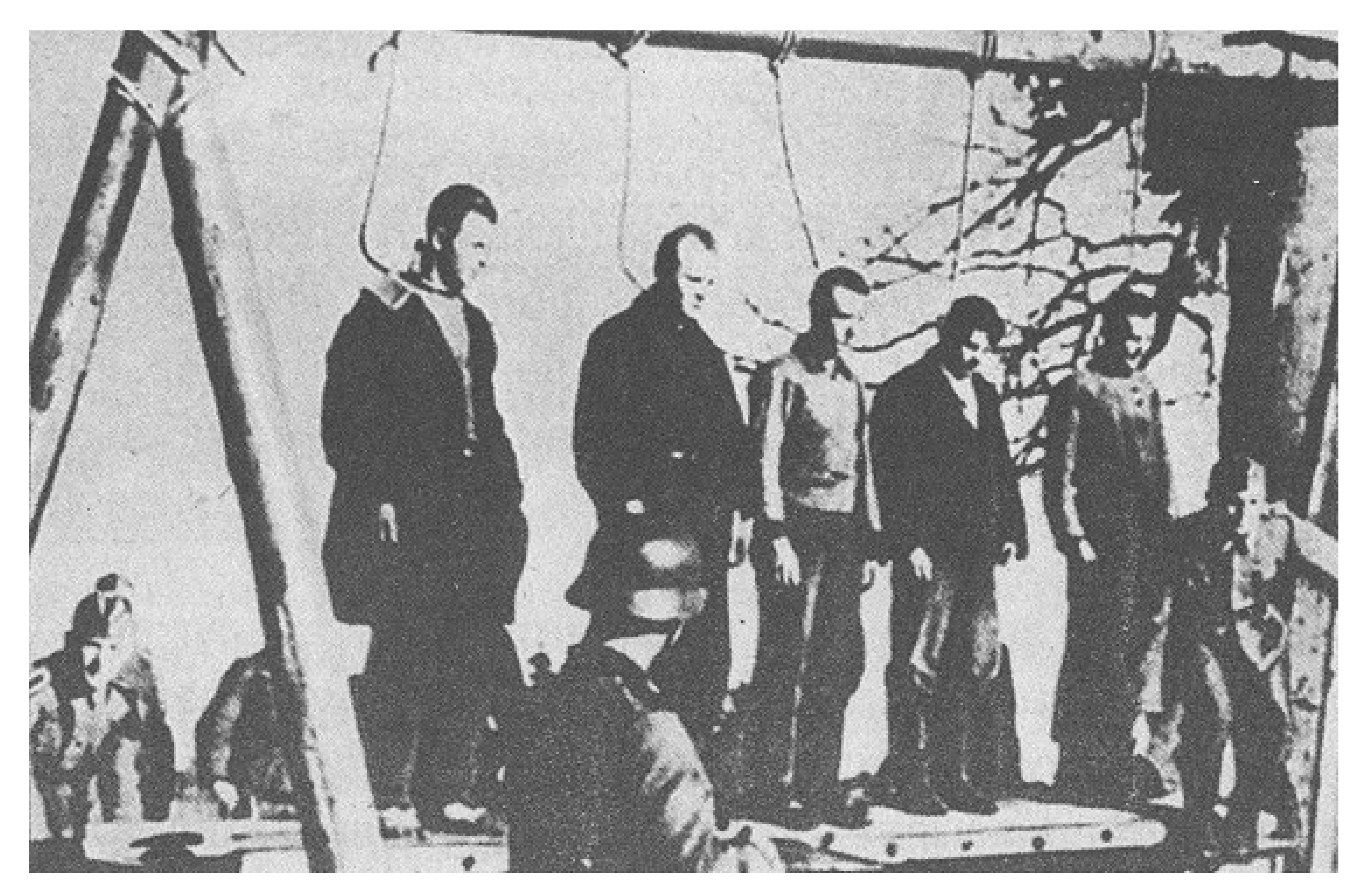
1 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 87; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945. - М.: Эксмо, 2004. - С. 42.

2 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 183.

3 В 1941-1942 гг. были сформированы батальоны, получившие нумерацию с 16-го по 28-й и с 266-го по 274-й. 17-й, 22-й, 23-й, 25-й, 27-й, 28-й, 268-й, 270-й, 272-й батальоны действовали на Украине; 18-й, 24-й, 26-й, 271-й, 274-й - в Белоруссии; 16-й, 19-й-21-й, 266-й, 267-й, 269-й, 273-й - на территории Латвии и Ленинградской области. О деятельности литовских карательных подразделений на Украине см.: *Винокурова Ф.* Литовская коллаборация в Украине в период нацистской оккупации (1941-1944 гг.): На основании анализа документальных источников Государственного архива Винницкой области // Голокост і сучасність (Киев). - 2003. №1. С. 11-13.

4 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 135.

5 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 348.

В Берлине заговорили о том, что необходимо стремиться к сотрудничеству «по крайней мере с теми группами населения, которые, в отличие от русских, могут расцениваться как расово более ценные вспомогательные народы и которые могли бы в рамках расово-политической дезинтеграционной политики помочь окончательно овладеть многонациональным государством СССР»[1].

Однако и сформированной из националистов вспомогательной полиции не хватало для подавления партизанского движения; тогда в руководстве Рейха стали склоняться к весьма нетривиальной идее. А что, если карательные подразделения формировать не только из прибалтов или украинцев, но и из русских? Пусть недочеловеки с присущей им жестокостью уничтожают сами себя.

Начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель отнесся к подобным планам крайне скептически, заметив, что «силы из местного населения не годятся для проведения насильственных мероприятий. Увеличение этих сил создаст повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться»[2].

Тем не менее, ОКВ заинтересовалось подобной возможностью и чуть позже заказало подробное антропологическое исследование русских. Профессор Абель, занявшийся этим исследованием, зимой 1941/42 года выдал итоговый отчет. «Абель видел только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти очень серьезные предложения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с

1 *Ветте В.* Образ врага... С. 113-114.

2 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 3. С. 575.

центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности расово-биологической, точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится опасность, которую представляет для нас русский народ»[1]. Как видим, среди псевдонаучного бреда в отчете содержалась идея, оправдывавшая создание русских карательных подразделений: «Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». А что может лучше послужить этой цели, как не натравливание одной части народа на другую?

Более прагматичные причины, по которым было необходимо создавать русские части, были впоследствии озвучены на организованной Альфредом Розенбергом конференции. «В ней приняли участие начальники оперативных тыловых районов Восточного фронта и представители центральных военных управлений, ответственные за проведение оккупационной политики и осуществление хозяйственной деятельности на захваченной территории Советского Союза. Обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству, немецкие военные представители высказывали мнение, что вермахт нуждается в непосредственном использовании жителей оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава войск, а также успешной борьбы со все усиливающимся партизанским движением. Поэтому было решено пойти на определенные уступки в обращении с населением. Вместе с тем открыто заявлялось, что речь идет лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после окончания войны могут и будут подвергнуты любой ревизии»[2].

Красивые и дипломатически построенные высказывания не могли скрыть понятный всем смысл. «Мы пока нуждаемся в помощи этих свиней; как только нужда отпадет, мы сразу продолжим их истребление».

9 января ОКХ приказом 1-го обер-квартирмейстера генштаба генерала Паулюса разрешило командованию групп армий Восточного фронта «формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части («сотни») из военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относящихся к советской власти»[3]. В зоне гражданской администрации еще в конце ноября отряды вспомогательной полиции были реорганизованы. Абвер передал в создаваемые батальоны националистов из своих диверсионных частей; вермахт - офицеров из охранных подразделений. Подчинялись эти части местным начальникам СС и полиции и, в конечном итоге, рейхсфюреру Гиммлеру[4]. Именно на реорганизованную вспомогательную полицию и «охранные сотни» впоследствии должно было лечь выполнение карательных «контрпартизанских» акций.

Естественно, что сразу поручать столь ответственные задачи свежесформированным частям было нельзя; для начала новоиспеченных полицейских тренировали на евреях. «Уничтожение еврейского населения было избрано также, как метод вербовки сторонников фашизма для осуществления их преступных планов. Именно по таким соображениям немцы не расстреливали евреев всюду повсеместно, а проводили акции уничтожения в течение всей первой военной зимы, стараясь привлечь к этому местное население в широких масштабах, - писал впоследст-

---

1 Там же. С. 34-35.

2 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 96-97.

3 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 46.

4 Там же. С. 47.

вии командир советского партизанского соединения Г.М. Линьков. - Таким образом поступили в деревне Кащенко Холопнического района Витебской области. Вызвали людей в помещение школы и объявили, что они назначены полицейскими. Тут же предложили вызванным взять винтовки. Назначение спрыснули самогоном. Затем вновь испеченных полицейских повезли в м. Краснолуки и приказали расстрелять еврейскую семью. А когда была «успешно завершена первая боевая операция», перед полицейскими раскрыли сундуки расстрелянных»[1].

Сначала подразделения вспомогательной полиции расстреливали евреев; потом начинали уничтожать своих соплеменников. Повязанные кровью, они больше не имели выбора и, какие бы соображения ни заставляли их изначально брать из рук оккупантов оружие, становились не более чем палачами. «Так как местные жители, участвующие в борьбе с партизанами, не могут ожидать пощады, если попадут им в руки, - отмечалось в отчете гестапо, - для них нет отступления назад. Поэтому понятно, что они охотно выполняют данные им задания...»[2]

Широкое создание карательных подразделений вспомогательной полиции для осуществления карательных «контрпартизанских» акций стало вторым важным решением, принятым нацистским руководством зимой сорок первого. Третьим стало «окончательное решение еврейского вопроса» - *«endlosung».*

Изначально нацисты не собирались уничтожать евреев поголовно. Уничтожать евреев предполагалась так же, как и представителей других советских народов, - много, но не всех. Главным отличием евреев от русских, белорусов или украинцев должна была стать их изоляция в гетто; там евреи должны были вымирать в тесноте и голоде. За пределами гетто на свободе от того же голода вымирали бы все остальные неарийцы.

Однако логика истребительной войны неумолима. Евреи повсеместно становились первой жертвой оккупационных властей; постепенно в Берлине поняли, что «еврейский вопрос», над которым они безуспешно бились, начиная со своего прихода к власти, может быть разрешен не путем выселения евреев в соседние страны, на Мадагаскар или на Луну, а гораздо более просто.

Евреев можно просто уничтожить - всех до одного.

Идея «окончательного решения еврейского вопроса» родилась снизу. Сначала прибалтийские националисты превзошли в палаческом рвении своих хозяев из айнзатцгрупп; потом айнзатцгруппы стали уничтожать евреев под видом борьбы с партизанами - задним числом, без внятных распоряжений сверху. Уже к началу осени сорок первого речь шла о поголовном уничтожении всех советских евреев; в Берлине внимательно наблюдали за этим процессом и задумывались: не распространить ли практиковавшиеся на Востоке методы «решения еврейского вопроса» на всех евреев вообще?

К концу сорок первого решение было принято.

29 ноября шеф РСХА Гейдрих пригласил представителей СС и всех заинтересованных ведомств на специальную встречу для обсуждения проблемы «окончательного решения еврейского вопроса». Совещание должно было состояться 9 декабря; из-за поражения под Москвой его пришлось перенести. На некоторое время нацистскому руководству стало не до евреев; на Восточном фронте следовало спасать все, что можно было спасти.

К «еврейскому вопросу» вернулись только 20 января 1942 года, когда в пригороде имперской столицы, на берегу живописного даже в зимнюю пору озера Ванзее, наконец состоялась подготовленная Гейдрихом встреча.

---

1 *Линьков Г.М.* Война в тылу врага: Рукопись.

2 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 82; Антипартизанская война... С. 11.

Шеф РСХА был достаточно осторожен в формулировках. Уничтожение советских граждан и тем более советских евреев в сколь угодно массовых количествах не вызывало ни у кого из присутствовавших никаких возражений. А вот массовое уничтожение европейских евреев - это было новшество весьма сомнительного свойства.

Новую концепцию endlosung Гейдрих изложил следующим образом.

«Следующей возможностью решения надлежит считать теперь, после соответствующего предварительного согласия фюрера, не эмиграцию, а эвакуацию евреев на Восток. Эти мероприятия надлежит рассматривать лишь как одну из возможностей с точки зрения важного практического опыта, имея в виду предстоящее окончательное решение...

В ходе окончательного решения евреев надлежит использовать на Востоке под соответствующим руководством для выполнения работ. Большими партиями, раздельно по признаку пола, работоспособные евреи должны строить в этих областях дороги; при этом, несомненно, большинство из них в силу естественной убыли выйдут из строя.

С возможным остатком - это будут, несомненно, наиболее стойкие - надлежит поступить соответственно, ибо элита, если ее освободить, станет зародышем нового еврейского возрождения»[1].

Методы, предлагаемые Гейдрихом, уже прошли апробацию: они широко применялись против советских евреев, военнопленных и мирного населения. Единственным новшеством было применение подобных методов против европейских евреев.

К тому времени первые эшелоны с депортированными из Германии евреями прибыли в Минск. Вильгельм Кубе (памятный своим жестоким отношением к советским гражданам), узнав о том, что с германскими евреями следует поступать так же, как с советскими, был буквально шокирован.

«Дорогой Генрих! - писал он своему непосредственному начальнику, рейхскомиссару «Остланда» Лозе. - Я прошу тебя дать официальную директиву о позиции официальных властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию».

Среди прибывших, отмечал Кубе, есть герои Первой мировой войны и даже «на 3/4 арийцы»; как можно поступать с ними так же, как с советскими евреями!

«Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев, отличающихся от русских евреев и своей чистоплотностью, есть квалифицированные рабочие, способные за день сделать в пять раз больше, чем русские евреи...

Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса, но эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных»[2].

Возражения Кубе, которого нельзя было заподозрить в излишней гуманности, носили, насколько можно понять, типичный характер. Гитлер, испытывавший патологическую ненависть к евреям (хотя несколько меньшую, чем к Советскому Союзу), на подобные сомнения ответил весьма характерно:

«Если они [евреи] откажутся уйти добровольно, я не вижу иного решения, кроме их уничтожения. Почему я обязан видеть в еврее что-то иное по сравнению с русскими военнопленными? В лагерях

1 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана. С. 86-87.

2 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С. 208; *Бройнингер В.* Противники Гитлера. С. 222.

для военнопленных многие умирают. Это не моя вина. Зачем евреи спровоцировали эту войну?»[1]

Параллель между советскими военнопленными и евреями была выбрана не случайно. «Концлагеря смерти Освенцим-Биркенау и Майданек первоначально были построены для размещения советских военнопленных, - замечает германский историк Кристиан Штрайт. - Но так как в Освенциме из первоначально 10 000 советских военнопленных в январе 1942 года содержалось лишь несколько сотен (остальные были зверски уничтожены или умерли от голода), Гиммлер спустя неделю после совещания в Ванзее приказал депортировать в концлагеря 150 000 немецких евреев. Таким образом, с перестройкой эсэсовских лагерей для военнопленных была создана часть инфраструктуры, необходимой для осуществления геноцида. Методы уничтожения людей, применявшиеся при геноциде евреев, также были опробованы при «особом обращении» с советскими пленными»[2].

...Решение, принятое на Ванзейской конференции, было вполне предсказуемо. Для эсэсовцев оно давало возможность «задним числом» оформить уже уничтоженных по личной инициативе несоветских евреев. Уже через несколько дней руководитель «еврейского» отдела гестапо Эйхман получил от Гейдриха задание подготовить приказ для руководителя СС и полиции дистрикта Люблин Отто Глобочника. «Я уполномочиваю вас, - говорилось в приказе, - подвергнуть окончательному решению еще 150 тысяч евреев». Эйхман прекрасно знал, что на самом деле эти евреи уже были уничтожены[3].

Для советских евреев решение об endlosung означало лишь то, что отныне их будут истреблять более организованно - уже в контексте «окончательного решения» еврейского вопроса в самой Германии и в Европе в целом.

...Министерство доктора Геббельса достойно отыграло «окончательное решение». Скрыть массовые убийства евреев было невозможно. Зато без труда можно было врать, что русским, украинцам и белорусам не грозит уничтожение. «Товарищи! - говорилось в одной из бесчисленных немецких листовок. - Видели ли вы когда-нибудь сами эти «немецкие зверства» по отношению к русскому народу, о которых денно и нощно твердит советская пропаганда, все эти Эренбурги?.. Да! Немцы безжалостно уничтожают жидов. Туда им и дорога!»[4]

Эти нацистские лозунги повторяют и шестьдесят лет спустя...

* * *

После поражения под Москвой и крушения последних надежд на победоносный «блицкриг», германское руководство вынуждено было сформулировать новые планы войны на Востоке. Отказаться от истребительной войны нацисты не могли; единственным послаблением, на которое согласились пойти в Берлине, стал переход от уничтожения военнопленных и мирного населения путем массовых расстрелов к более рациональному «уничтожению трудом». Одновременно были приняты решения о расширении акций, направленных на истребление максимально большего количества недочеловеков. Но поскольку немецкие войска стали нуждаться в хотя бы минимальной лояльности местного населения, отныне массовые акции следовало проводить не столь демонстративно, как прежде. Их следовало проводить под предло-

---

1 ЗРГ. Вар. 2. С. 237-238.

2 *Штрайт К.* Советские военнопленные... С. 240.

3 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана. С. 88.

4 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 426.

гом борьбы с партизанами и евреями.

Морозной зимой сорок первого года все это казалось лишь временными мерами. За зимой, столь любезной русским, непременно наступят благоприятные для вермахта весна и лето. Рейх вырвет победу у большевиков - и тогда уничтожение недочеловеков можно будет продолжить без всяких ограничений, во всевозрастающих масштабах.

...Каждое утро командующий 4-й армией генерал Готтгарт Хейнрици выходил из теплого штаба на свежий воздух. Прогулявшись по морозцу, он возвращался обратно и садился писать письмо своей любимой и, увы, столь далекой супруге. В этих ежеутренних прогулках генерал всегда проходил строго определенное расстояние. Ориентиром ему служил непохороненный труп русского солдата. То, что погибший противник заслуживает захоронения, даже не приходило Готтгарту Хейнрици в голову. В конце концов, это был всего лишь русский недочеловек[1].

Живые голоса (4):
«Я ВИДАЛ ТОЛЬКО УЖАСНУЮ СМЕРТЬ...»

После освобождения Ржева местным школьникам предложили написать сочинение о продолжавшейся два бесконечных года оккупации. Выдержки из этих сочинений приводятся в книге Елены Ржевской «Ближние подступы».

«Это было в дер. Шандалово Ржевского района. В избе, где нас приютили хозяева, расположились на ночлег фашистские бандиты. Среди ночи мой брат шести лет настойчиво что-то все просил у матери. Он даже плакал, нарушая покой фашистских извергов. Они взяли моего брата, увели за сарай и там расстреляли».

Ученица Колчанова

«Когда немцы заняли город, они начали проявлять свою власть с того, что стали ходить и ездить по уцелевшим домам и отнимать у жителей все то, что кому понравится. А когда настала зима, они снимали теплые сапоги прямо с ног, где б ты ни находился - на улице или на дороге вдали от жилья.

Однажды мы услышали крик. Я выскочил на улицу и увидел, что немцы бьют прикладами какого-то старика. Оказывается, старик шел за водой в валяных сапогах. И хоть сапоги его были уже старые, но немцы, увидев их, обрадовались и такой находке. Долго стаскивали они сапоги с сопротивлявшегося старика. Сдернули они сапоги с дедушки и пошли, посмеиваясь над ним, своей подлой дорогой. Старик в одних портянках побежал по снегу. Он подбежал к нашему дому. Мы впустили его в квартиру, дали ему носки и лапти, и дедушка пошел к себе. «Хуже всякого лишения - это терпеть унижения от проклятых собак», - говорил дедушка».

Хренов Владимир, ученик 4-го класса

«Напишу еще один случай в Ржеве. Однажды рано утром я пошла за водой, в это время гнали наших пленных. Голодные пленные хватали гнилые кочерыжки, а за это их били палками и прикладами. У меня в кармане была лепешка. Я дала одному бойцу. Немецкий патруль прикладом ударил бойца, и боец упал. Я от такого зверского поступка бросилась бежать».

А. Новикова, ученица 4-го класса

---

1 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 260.

«В сентябре 1942 года, когда наши войска начали приближаться к Ржеву, по приказу комендатуры все население с Советской стороны обязано было немедленно выселиться. Народ не хотел идти. Их били плетками, прикладами, выгоняли насильно из домов, сажали на машины и увозили в Германию. Так был увезен и мой отец. Где он теперь? Что с ним? Жив ли? Мы с мамой ушли в деревню. Там староста собирал на работу на немцев. Один колхозник, наш сосед, однажды на вызов старосты не вышел на работу: он сказал, что болен. Староста вызвал полицейского, который явился с плеткой. Колхозник опять отказался выйти на работу. Тогда собранные вооруженные полицейские согнали весь наш народ на улицу. Привели больного и приказали ему лечь на принесенную скамейку. Тот отказался. Ему связали руки, раздели, привязали к скамейке и на глазах народа плетью хлестали 25 раз.

Он уже не мог стонать. Отвязали его. Его свезли в немецкий штаб, там снова пороли. Скоро его из штаба куда-то увезли накрытого. Мы больше не видели этого колхозника».

Иванов Павел, ученик 6-го класса

«Мы жили в деревне Тимофееве. Немцы поймали моего дядю - брата папы. Дядя был комсомольцем. Фашисты повели его в комендатуру. Он ничего не ответил немецкому офицеру на допросе. Его отвели за сарай и там расстреляли, а труп закопали в снег. Бабушка моя пошла разыскивать тело своего сына, несмотря на запрещение. Долго потихоньку от немцев разрывала она везде снег и разыскивала милого сына. Но немцы об этом узнали. Они застрелили бабушку в тот момент, когда она своими старыми руками уже коснулась дорогой находки».

Кудрявцев Анатолий, ученик 4-го «б» класса

«У моего двоюродного брата - двенадцатилетнего мальчика - умерла тогда мать, отца убило бомбой, и он остался кормилец младших детей. Нечем кормить рты, и он решил утащить немного хлеба из немецкой машины. Немцы схватили его и произвели с ним жестокую расправу. Сначала его избили, потом посадили под пол на лед. Каждый день приходил комендант и приказывал своим солдатам давать мальчику десять розог утром, пять днем и десять вечером. Получая только сто граммов хлеба в день, отсидел он в подвале десять суток. Потом комендант решил, что не стоит «возиться» с русским щенком, и приказал мальчика повесить. Для повешения даны были 4 солдата, которые сначала избили его в сарае, а потом долго таскали его по навозной весенней талой луже. Когда тащили его вешать, не выдержал народ. Собравшиеся у сарая русские разгневанные люди кричали, плакали, грозили паразитам и с криком направились к сараю, у которого совершалась расправа. Услышав такой протест народа, явился комендант и приказал отпустить. Мы толпой бросились к нему. Он был настолько избит и окровавлен, что к нему нельзя было прикоснуться, а не только снять с него одежду. Пришлось все на нем разрезать. Мы не надеялись на его выздоровление».

Лапина Тамара, ученица 6-го класса

«Когда немцы были в Ржеве, они насильно выгоняли всех наших матерей на работу. Многим удавалось спрятаться. Но ведь нужна была вода и пища. Когда женщины выходили за водой, в них стреляли из винтовок или автоматов: Один раз я видела, как убили сразу несколько женщин, вышедших за водой. Среди убитых была мать одного знакомого мне мальчика, Вити. Когда Витя увидел, что его мама убита и лежит на улице, он заплакал и побежал к ней. Но не пришлось ему добежать до мамы, он упал на камни пустой улицы, а не на труп мамы. В него выстрелил немец из винтовки».

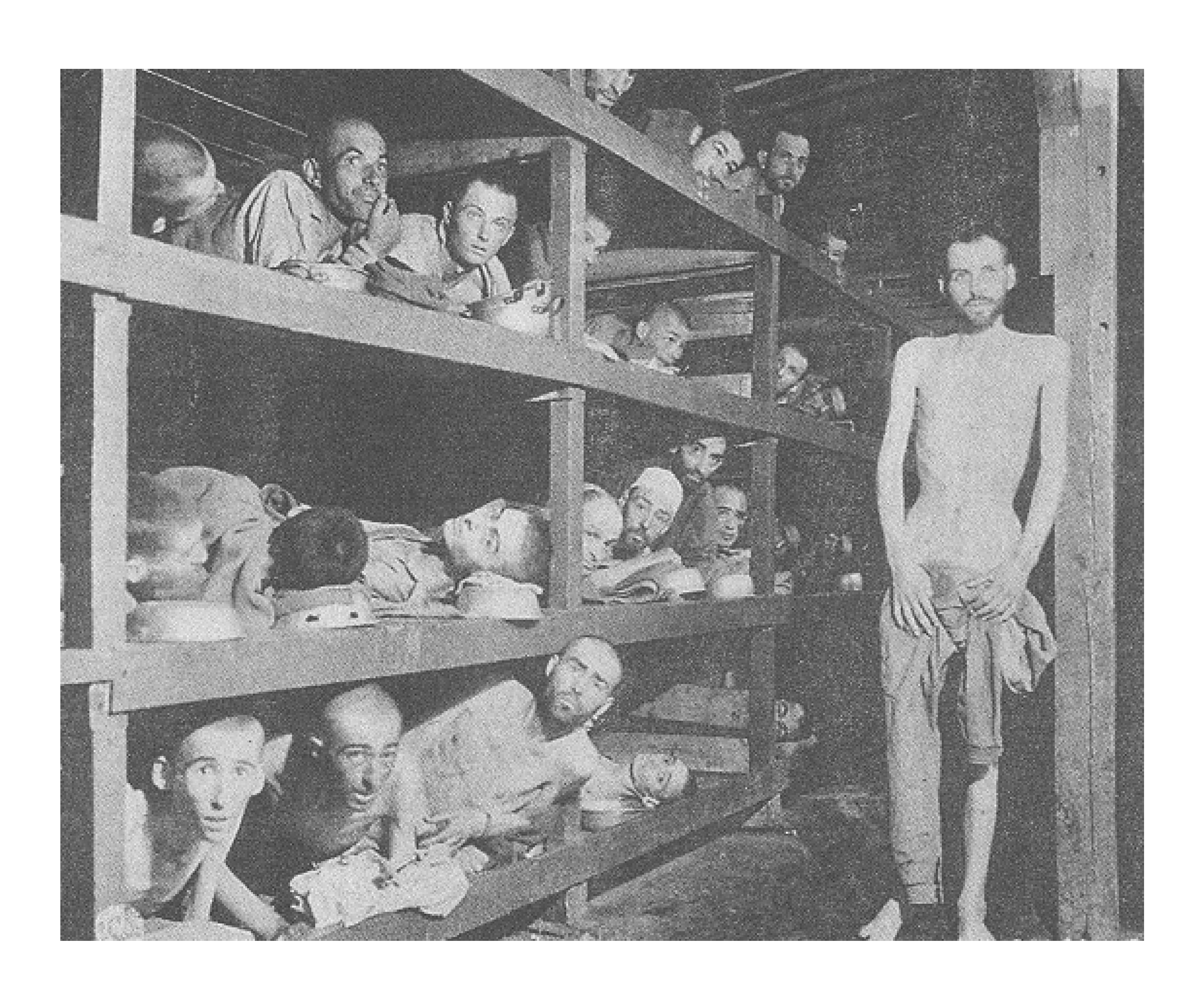
Ковалева Галина, ученица 4-го «б» класса

«Я видал только ужасную смерть.

В январе 1942 г. в нашу квартиру пришел немец и стал выгонять на работу маму. Она отказалась. Немец со всей силы ударил ее прикладом по спине. Даже не охнув, мама упала навзничь. Мы заплакали, но тихо: в квартире находился немец. Мама поболела неделю и умерла. Остались мы с бабушкой. Через месяц после смерти мамы пошли мы с бабушкой в деревню искать продуктов, так как нам совсем было нечего есть. Достали мы немного ржи и семян. На обратном пути догнала нас женщина с мальчиком еще меньше меня, и мы все пошли вместе. Она несла за плечами картофель. У входа в город остановил немецкий солдат, который стал отнимать у той женщины ее дорогую ношу: она несла детям пищу. Немец схватил у нее мешок и бросил в снег. Мальчик бросился к мешку, лег на него и не хотел отдавать немцу. Но немец ударил мальчика по голове прикладом. Тот покатился мертвым. Обезумевшая мать набросилась на немца с кулаками. От выстрела врага из винтовки оборвалась жизнь этой несчастной женщины».

Меркурьев Виктор, ученик 4-го «б» класса

VII
ВОСТОЧНЫЕ РАБЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей.

И. Сталин, 6 ноября 1942 г.

...Немецкая семья: улыбающийся пожилой немец в шляпе, в рабочем переднике и полосатой сорочке с галстуком-бабочкой, с сигарой в руке, и белокурая, тоже улыбающаяся моложавая полная женщина в чепчике и розовом платье, окруженная детьми всех возрастов, начиная от толстого годовалого с надутыми щеками мальчика и кончая белокурой девушкой с голубыми глазами. Они стоят у двери сельского домика с высокой черепичной крышей, по которой гуляют зобатые голуби. И этот мужчина, и женщина, и все дети, из которых младший даже протягивает ручонки, улыбаются идущей к ним девушке в ярком сарафане, в белом кружевном переднике, в таком же чепчике и в изящных красных туфельках - полной, с сильно вздернутым носом, неестественно румяной и тоже улыбающейся так, что все ее крупные белые зубы наружу. На дальнем плане - рига и хлев под высокой черепичной крышей с прогуливающимися голубями, кусок голубого неба, кусок поля с колосящейся пшеницей и большие пятнистые коровы.

Внизу плаката написано по-русски: «Я нашла здесь дом и семью».

А ниже, справа: *«Катья»*[1].

Такие плакаты висели на стенах домов во всех захваченных немцами городах и поселках. Немецкая семья с целлулоидными улыбками смотрела на русскую девушку Катью, Катья улыбалась в ответ. Ветер гнал пыль по безлюдной улице, трепал вывешенный над комендатурой флаг с черным пауком свастики, ерошил волосы повешенного на перекрестке саботажника, не поверившего плакату. Чуть дальше виднелись скелеты сожженных домов.

Любой, увидевший эту картину, понимал: здесь прошла добровольная вербовка рабочей силы для отправки в Рейх.

«1 октября была проведена новая вербовка рабочей силы. Я опишу тебе только важнейшие события. Ты не можешь себе представить эту жестокость. Ты, может быть, помнишь, что нам говорили. Тогда мы этому не верили, таким же невероятным это кажется теперь. Был дан приказ представить 25 рабочих, но никто из них не явился. Все убежали. Тогда явилась немецкая полиция, и начали поджигать дома тех, кто убежал. Огонь сильно распространился, так как два месяца не было дождя. Кроме того, недалеко находились склады зерна, которые также загорелись. Ты можешь себе представить, что там было. Люди, которые прибежали, чтобы тушить огонь, разгонялись, их били и арестовывали. 7 домов сгорели дотла. В то же время полицейские продолжали поджоги. Люди падали на колени и целовали полицейским руки, но полицейские били их дубинками и угрожали сжечь всю деревню... В течение пожара полиция ходила по соседним деревням, хватала рабочих и арестовывала их... Те, которые не появились вовремя, должны были быть расстреляны... Они охотятся на людей так, как отлавливают собак, уже в течение недели, и им это недостаточно. Заключенных запирают в школьном здании, и они даже не могут отправить своих естественных потребностей и должны делать это, как сви-

1 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 26-27.

ньи, в той же комнате»[1].

Если бы каким-то невероятным образом это письмо попало бы в руки Фрицу Заукелю, он, вероятно, испытал бы лишь легкую досаду. Что за ложная сентиментальность! Фюрер поручил обеспечить Рейх рабочими, и долг генерального уполномоченного по трудоиспользованию - выполнить задание.

Заукель делом доказал, что фюрер не ошибся, назначив генеральным уполномоченным именно его. Уже спустя месяц после назначения он представил фюреру «Программу по трудоиспользованию». Согласно программе вербовке на оккупированных территориях подлежали мужчины и женщины в возрасте от 17 до 35 лет; за полгода в Рейх планировалось вывезти 1 миллион 600 тысяч человек[2]. Цифра казалась фантастической и потому очень заманчивой.

- Если вы выполните намеченное в полном объеме, это будет лучшим подарком к дню моего рождения, - улыбнулся фюрер, утверждая программу. Спустя полгода выяснилось, что ведомство главного уполномоченного даже перевыполнило план, вывезя в Рейх столько, сколько планировалось, и еще 200 тысяч сверх нормы.

В свое время Заукель организовывал концлагерь Бухенвальд под Веймаром - и потому менее всего ему была свойственна гуманность. Любимым выражением Заукеля было «Без ложной сентиментальности!». Конечно, в принципе генеральный уполномоченный предпочел при вербовке рабочей силы обойтись без особой жестокости; однако было ясно, что без жестокости на Востоке нельзя. «Если число добровольцев не оправдает ожиданий, - распоряжался Заукель, - то, согласно приказанию, следует применять самые строгие меры»[3].

Добровольцы находились в европейских странах. Рабочих из Голландии, Франции и Бельгии привлекала в Германии хорошая зарплата и возможность покончить, наконец, с положением безработных. Французов привлекали тем, что за каждые пять уехавших в Рейх рабочих из немецкого плена отпускался один французский солдат. Условия работы европейцев в Рейхе практически не отличались от условий, в которых трудились сами немцы, а максимум принуждения, который допускался вербовщиками Заукеля в Европе, - это снижение пособия по безработице[4].

На советских землях добровольцев практически не было. За время, проведенное под оккупацией, местные жители увидели достаточно, чтобы понять: ничего хорошего от нацистов ожидать не следует. И если оккупанты обещают завербовавшимся в Рейх молочные реки и кисельные берега - значит, людей ждет каторга. Уверенность в этом была столь непреложна, что вся мощь германской пропаганды не могла с ней ничего поделать.

«Вербовка рабочей силы доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию, - докладывал начальник СД в Харькове. - Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки... О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи»[5].

«Из шести миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже двести

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 553.

2 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 162.

3 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 39.

4 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 115; МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 614-615, 619.

5 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 537.

тысяч не прибыли добровольно», - признается впоследствии Заукель[1].

Впрочем, ведомство главного уполномоченного не особенно и надеялось на добровольную вербовку в областях, населенных недочеловеками.

В инструкции по вербовке восточных рабочих - «остарбайтеров» - указывалось, что при обращении с советскими недочеловеками следует исходить из принципов, неприменимых в европейских странах.

«...В течение десятков лет они находились под большевистским господством и воспитывались систематически в духе вражды к национал-социалистической Германии и европейской культуре. Нет необходимости в проверке рабочих по национальной принадлежности, поскольку для дальнейшего обращения с рабочей силой это никакого значения не имеет»[2].

Историк Павел Полян, приведший в своей монографии эту инструкцию, не смог удержаться от изумления и расцветил ее многочисленными восклицательными знаками. Документ и в са-

Колонна жителей одного из населенных пунктов в районе Сталинграда перед отправкой в Германию

1 Там же. С. 560, 576.

2 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 92.

мом деле более чем любопытный. Надо знать, насколько нацистское руководство было помешано на вопросах расы, чтобы оценить все значение такого неизбирательного подхода к советским гражданам.

Недочеловеками можно управлять лишь жестокостью! И потому с самого начала насильственная вербовка на оккупированных советских землях проводилась столь дикими методами, что вызвала ошеломление даже у гражданской администрации.

«Мероприятия, проводимые Заукелем, вызвали большое волнение среди гражданского населения, - жаловались представители министерства по делам оккупированных восточных территорий. - Мужчины производили санитарную обработку русских девушек, насильно снимались фотографии с голых женщин, медсестры запирались в товарные вагоны для утехи командиров транспорта. Женщин в ночных сорочках связывали и насильно тащили через русские города к железнодорожным станциям и т.д.»[1]

Гауляйтер Украины Эрих Кох был недоволен этой критикой. «Вполне понятно, - писал он Розенбергу, - что вывезти 1,5 миллиона человек из моего рейхскомиссариата в Германию невозможно без применения германской администрацией определенной суровости... В своем распоряжении от 20 мая 1942 г. я предложил, чтобы на лесистых территориях северной Волыни, где дело дошло до открытого сопротивления вербовочной комиссии, были использованы для поддержания германского авторитета средства принуждения вплоть до сожжения хозяйств»[2].

По городам и поселкам шли облавы; немцы называли их «охотой за черепами». Людей ловили на рынках, на улицах, в церквах. «Жестокая и безжалостная охота за людьми... ведется везде: в селах, в городах, на улицах, площадях, железнодорожных станциях и даже церквах, по ночам в жилых домах, - с ужасом писал один из представителей коллаборационистских органов. - Всякий подвергается опасности быть схваченным в любом месте и в любое время полицейскими внезапно и неожиданно и быть привезенным на сборный пункт. Никто из его родных не знает, что с ним случилось, и только по прошествии недель или месяцев тот или иной из схваченных имеет возможность сообщить о себе почтовой открыткой»[3].

Тех, кто пытался убежать, расстреливали, остальных сгоняли в какое-нибудь здание побольше - ждать отправки в Рейх. На станции Виры в облаву попалась девушка Прасковья Ширнова, ставшая свидетелем страшной, но обыденной сцены. «Одну женщину-инвалида (она не двигалась) привез ее брат на тачке к коменданту, чтобы ее дочку не увозили в Германию, потому что за больной мамой некому ухаживать. Комендант выслушал переводчицу и переспросил: это за ней некому ухаживать? Сидя в кресле, поднял автомат и расстрелял несчастную. А потом продолжил: вот и не надо больше ухаживать. А дочь должна работать на великую Германию»[4].

Полицейские окружали деревни и забирали всех работоспособных людей. При малейшем намеке на сопротивление - убивали всех. 5 февраля 1943 года каратели сожгли белорусское село Жаулки, убив 512 человек. В двух километрах от Жаулок стояла деревня Кудиновичи. Если не найдутся добровольцы для работы в Рейхе, сказали крестьянам, вас ждет та же участь, что и соседей. Естественно, «добровольцы» нашлись[5].

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 433.

2 *Орловский С., Острович Р.* Эрих Кох перед польским судом. С. 185.

3 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 547-548.

4 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 40.

5 Там же. С. 43.

К вербовке остарбайтеров привлекались части СС; в одной из инструкций, посвященных набору рабочей силы, внимание эсэсовцев обращалось на то, что

«если есть необходимость, следует сжигать деревни, все население должно быть предоставлено в распоряжение начальника по набору рабочей силы.

Как правило, детей не надо больше расстреливать»[1].

Очень часто между «набором добровольцев для работы в Рейхе» и карательными операциями невозможно было найти отличия. «В результате мер по набору рабочей силы, - подводил печальный итог Розенберг, - целые области стали безлюдными»[2].

Однако, несмотря на все усилия подчиненных Заукеля, лето 1942 года оказалось для них не слишком удачным. Планы вербовки не выполнялись; население любыми способами пыталось избегнуть отправки в Рейх, партизаны нападали на эшелоны и освобождали угнанных. А главное - еще не был отлажен сам механизм «набора добровольцев». Это позднее облавы и массовые операции в сельской местности будут проводиться со все более возрастающей эффектив-

Советские граждане под охраной немецких солдат на станции Ковель перед отправкой в Германию

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 556.
2 Там же.

ностью, а пока все расположенные в тылу немецкие части брошены на фронт. Там, на огромных степных просторах южной России развивается наступление, которое положит конец большевистскому государству. Русские не в силах противостоять войскам вермахта, рвущимся на Сталинград и на Кавказ. Победа близка! Но немецкие тыловые части слишком малочисленны, чтобы массово угонять «добровольцев» в Рейх, а коллаборационистские формирования еще не прошли должной выучки. Лишь отборные батальоны «вспомогательной полиции» можно без опасений использовать в этих полукарательных операциях; остальных нужно еще натаскивать на кровь...

Казалось, что утвержденные фюрером планы вербовки будут все-таки сорваны; тут, однако, подчиненным Заукеля пришла в голову счастливая мысль. После взятия Керчи в городе немедленно открылась «служба труда». Это было обычной практикой; однако на сей раз вербовщики не смогли собрать даже минимального урожая. Население, включая женщин и детей, пряталось в каменоломнях, а тех, кто спрятаться не успел, уже угнали в лагеря военнопленных - согласно приказам армейского командования военнопленными считались не только военнослужащие, но и все лица мужского пола, кроме маленьких детей и глубоких стариков.

Созданный под Керчью лагерь для военнопленных представлял собой печальное зрелище. На огороженное колючей проволокой пространство были согнаны десятки тысяч красноармейцев и местных жителей. Раздетые и разутые, люди умирали от холода и голода. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирали по нескольку дней. Жителей, передававших пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали[1].

На смену умершим гнали новых пленных. Жители Керчи в ужасе наблюдали, как конвоиры пристреливали тех, кто не мог идти от истощения или болезней. Вся дорога от переправы до города расстоянием 18-20 километров была усеяна трупами красноармейцев[2].

В Севастополе, после долгой осады взятом войсками генерала фон Манштейна, вербовщики Заукеля также не смогли выловить достаточно людей. Зато уцелевших жителей города массово уничтожали военные: расстреливали, вешали, топили в море. «Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети, - вспоминал один немецкий обер-ефрейтор. - Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стоял плач и вой. Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команды этих барж я узнал, что всех выбросили за борт»[3].

Территориальному уполномоченному по трудоиспользованию было очень неприятно смотреть на то, как военные уничтожают тех, кого можно отправить на каторжные работы в Рейх. В лагерях под Керчью в ужасающих условиях погибало не менее 150 тысяч пленных; если бы хотя часть из них отдали вербовщикам, план набора рабочих был бы перевыполнен...

Эта великолепная идея пришлась по вкусу Заукелю. 26 мая генеральный уполномоченный отправился в поездку по Украине. Посетив Киев, Днепропетровск и Николаев, он прибыл в Полтаву. Полтава была главной целью поездки Заукеля: в этом городе располагался штаб группы армий «Юг». Командующий группой армий фельдмаршал фон Бок любезно принял генерального уполномоченного; однако просьба передавать некоторую часть пленных для от-

1 Там же. С. 122.
2 Там же. С. 123.
3 Там же. Т. 5. С. 150.

правки в Рейх не вызвала у военных особого энтузиазма. Армейское командование упирало на то, что нужды вермахта в рабочей силе уже не покрываются в достаточной мере; Заукель указывал на важность и неотвратимость поставленной самим фюрером задачи вербовки рабочей силы для Рейха. Возразить на столь весомый аргумент было нечем[1].

(Если бы армейское командование не вымаривало военнопленных голодом, недостатка рабочей силы бы не возникало. В то время, когда в штабе группы армий «Юг» принимали Заукеля, в лазарете лагеря в Острогожске Воронежской области больным «утром и вечером давали несколько ложек теплой воды с просом или ржаной мукой. Иногда варили дохлую конину, издававшую зловоние. Врач лагеря Штейнбарх заявлял: «Для русских собак это мясо вполне хорошего качества»[2].)

Военнопленные составили значительную долю вывозимых в Рейх; однако еще больше вывозили гражданских. От массовых мероприятий по вербовке - то есть облав - никто не собирался отказываться.

Весной 1943 года в Орле объявили о вывозе в Германию всего женского населения от 16 до 26 лет. Для женщин это стало страшной трагедией; всеми силами они пытались избежать угона в Рейх. «Девушки, для того чтобы не уехать в Германию, перед их освидетельствованием на медицинской комиссии, курили чай, делали уколы, которые создавали опухоль, умышленно заражались кожными заболеваниями (чесотка, экзема). В городе до сих пор очень много девушек, больных экземой. Дело даже доходило до того, что некоторые умышленно обваривали себе руки кипятком, а некоторые, которым все это не помогало, - кончали жизнь самоубийством (зафиксировано несколько таких случаев)»[3].

Конечно, никто в Орле не знал, что женщины вывозятся в Германию в соответствии с прямым распоряжением фюрера. «Для того чтобы заметно разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, - хвастался Заукель, - фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400-500 тысяч отборных, крепких и здоровых девушек»[4]. Зато всем известно было другое: с самого начала оккупации военнослужащие вермахта - еще без всяких на то разрешений начальства - вывозили красивых девушек в Рейх[5]. Теневая экономика - вещь, которую не может извести ни один режим в мире; похищенных доблестными солдатами вермахта девушек ждали бордели по всей Европе.

Теперь женщин собирали уже официальные органы; однако то, как проводилась вербовка, не позволяло сомневаться в их дальнейшей судьбе. «Мне сообщили о следующих злоупотреблениях в душевых и пунктах санобработки для женщин и девушек, - писал один из представителей Восточного министерства. - Эти душевые обслуживают мужчины. Мужчины фотографировали женщин во время душа. В последние месяцы главным образом вывозились украинские крестьянки. Женщины эти были высокой морали и целомудрия и поэтому рассматривали такое обращение как унижение их национального достоинства...»[4]

Конечно же, управление генерального уполномоченного не планировало для вывезенных женщин заведомо низших рас никакой иной судьбы, кроме как использование в качестве сель-

---

1 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 165.

2 *Шнеер А.* Плен... С. 287.

3 «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Предисл. Н. Абина, В. Христофорова. - М.: Московские учебники, 2003. - С. 119.

4 МНП. Вар. 1. Т. 1. С. 608; Т. 4. С. 572-573; Вар. 2. Т. 1. С. 493.

5 Там же. Вар. 1. Т. 6. С. 212.

4 Там же. Т. 4. С. 562.

скохозяйственных рабынь; однако простые подданные Рейха не столь трепетно относились к «законам о расе», как окружение фюрера...

После того как пойманных «восточных рабочих» набиралось достаточно, их загоняли в эшелоны и отправляли в Германию. Перевозили людей примерно в тех же условиях, как и военнопленных, - разве что в вагон загоняли немного поменьше народа. А вот до железнодорожной станции их гнали точно так же: пешим ходом, практически без еды, пристреливая отстающих. «По пути многие не выдерживали, - вспоминал один из угнанных, - падали, их расстреливали. По пути, где приходилось ночевать, были сараи. Нас набивали палками, вплотную один к другому, битком, стоя»[1]. На утро в сараях оставались тела задохнувшихся, а выживших гнали дальше.

По железным дорогам толпы людей везли сначала на перевалочные пункты. Там врачи проверяли здоровье остарбайтеров: Рейху нужны лишь здоровые рабы! Впрочем, больные имели мало шансов дожить до медосмотра. Больных и слабых угоняли вместе с остальными. Те из них, кому удавалось выжить при перевозке в Германию, признавались негодными для работы. Вместе с потерявшими работоспособность остарбайтерами из предыдущих партий они отправлялись обратно. «Обратные эшелоны», на которых из Рейха увозили больных, производили ужасающее впечатление. Умирающие лежали в вагонах на голом полу даже без соломы. Случалось, что женщины рожали прямо в поезде; тогда охранники на ходу выбрасывали новорожденных из окон. Когда очередной больной умирал, труп без всяких церемоний выбрасывали из вагона[2].

Гражданская администрация пыталась добиться, чтобы хотя бы трупы из эшелонов не выбрасывались где попало; в конце концов, это могло привести к эпидемиям. Однако трупы выбрасывались не только из «обратных эшелонов»; не в меньшем количестве приходилось очищать эшелоны, идущие в Рейх. Даже самые здоровые люди с трудом выдерживали перевозку. Больных и умирающих от голода людей выгружали на каждой станции, трупы выбрасывали прямо в пути[3].

Зато немецкие солдаты, охранявшие угнанных, развлекались, наблюдая за страданиями советских свиней. Издевательства охранников крепко запомнились большинству угнанных.

«Увозили нас из Сталино, набив битком вагоны. Только на третьи сутки надумали покормить. Раздали бумажные стаканчики и черпаками разливали бурду. Эти же стаканчики фашисты с гоготом предложили использовать по нужде. Но на этом наши мучения не кончились. Все только начиналось.

Однажды поезд остановился на полустанке. Всех выгнали из вагонов. Девушки и парни умоляли разрешить им разойтись по разные стороны эшелона, но наши мольбы не действовали. Делать нечего... А они, цивилизованные звери, ходили с фотоаппаратами и снимали наш позор. Да при этом еще приговаривали: «швайн»[4].

Впрочем, как иначе представитель высшей расы может смотреть на лишь напоминающих людей недочеловеков? Только так.

Конечно, военнопленных перевозили в гораздо более жутких условиях. Даже немецкие солдаты - особенно те из них, что были переброшены на Восточный фронт из оккупированных западных стран, - приходили в ужас от представавших им картин. В воспоминаниях рядового

1 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 162.
2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 562-563.
3 Там же. С. 538.
4 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 42.

вермахта Ги Сайера есть описание сцены, которая поразила его до глубины души. Внимательно вчитайтесь в это описание.

«То, что я увидел, ужаснуло меня. Хотел бы я быть гениальным писателем, чтобы во всех красках описать представшее перед нами зрелище. Вначале появился вагон, наполненный железнодорожным оборудованием. Он шел впереди локомотива и скрывал и без того неяркий свет фар. Затем последовал сцепленный с ним локомотив, затем вагон - на крыше которого была проделана дыра - судя по всему, полевая кухня. Из короткой тубы ее шел дым. Вот еще один вагон с высокими поручнями; в нем едут до зубов вооруженные немецкие солдаты. На остальной части состава - открытых платформах - перевозился совсем иного рода груз. Вначале я с непривычки даже не смог разобрать, что же это, и лишь через несколько мгновений понял, что платформа переполнена человеческими телами, за которыми сидели или стояли скорчившись живые люди. Самый осведомленный из нас коротко пояснил: «Русские военнопленные»...

На меня взглянул Гальс. Его лицо было смертельно бледным, лишь красные пятна проступали кое-где от холода.

- Видал? - прошептал он. - Они выставили мертвецов, чтобы защититься от мороза.

От ужаса я и слова не мог вымолвить. Трупы были на каждой платформе: бледные лица, ноги, закостеневшие от мороза и смерти. Я стоял, не в силах отвести глаз от отвратительного зрелища.

Мимо нас проезжал девятый вагон, когда произошло нечто еще более ужасное. Четыре или пять тел съехали с платформы и упали в сторону от путей. Похоронный поезд не остановился...

С каждой минутой становилось все холоднее. Меня переполняло чувство отвращения»[1].

Увиденное запомнилось семнадцатилетнему Сайеру на всю жизнь. Такого нельзя было даже представить; это напоминало картины ада, каким его рисовали средневековые живописцы.

Но этот ад воплощен нацистами на советской земле.

Конечно, по сравнению с подобным все ужасы перевозки остарбайтеров казались несущественными. Впрочем, едва ли жители деревень, расположенных вдоль железных дорог, различали эшелоны с военнопленными и остарбайтерами. И после тех, и после других на железнодорожных насыпях оставались трупы - наглядное напоминание о тех, кого увозили на немецкую каторгу.

Для тех же, кого довозили в Германию, настоящим шоком - возможно, даже большим, чем все предыдущие издевательства, - становилось понимание, что их просто не считают за людей.

Все начиналось сразу после прибытия в Германию. Третий Рейх - это не дикая большевистская страна, здесь существует частная собственность. Привезенных с Востока рабов выставляли на продажу. Крупные фирмы: Круппа, Сименса, Юнкерса, Геринга - закупали остарбайтеров десятками тысяч - оптовыми партиями. Но фюрер позаботился, чтобы и простой немец мог купить себе рабочего, а то и несколько.

«Моя соседка на днях приобрела себе работницу, - писала фрау Бок своему воюющему на Востоке сыну Вильгельму. - Она внесла в кассу деньги, и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России»[2].

...Конечно, эти русские дикари мрут как мухи - но ведь всегда можно приобрести новых. «Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт, - писали из дома обер-ефрейтору Рудольфу

---

1 *Сайер Г.* Последний солдат Третьего рейха: Дневник рядового вермахта, 1942-1945 / Пер. с англ. С.А. Данилина. - М.: Центрполиграф, 2003. - С. 31-32.

2 МНП. Вар. 1. т. 4. с. 539.

Ламмермайеру. - Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы-польки говорила, что фрау Ростерт все била, ругала русскую. Покончила та с собой, вероятно, в минуту отчаянья. Мы утешали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу...»[1]

«...В среду опять похоронили двух русских, - писала другому солдату его невеста. - Их теперь здесь на кладбище похоронено уже пятеро, а двое уже опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить...»[2]

«Я со своими русскими разговариваю только ногами», - хвастался один немецкий хозяин. «Если бы я хоть на минуту представил, что это люди, я б с ума сошел», - признавался другой, и даже немецкие дети, увидев русских рабов, бросали в них камни. Это немецкое чувство расового превосходства бывшие рабы германского Рейха помнили до конца жизни; как кошмар в памяти воскресали, казалось, прочно забытые сцены.

«...Нас гонят по улице небольшого рурского городка. Только что мы носили мебель в какое-то здание, и полицейские, сопровождающие нас, даже довольны нами. По тротуару идут две нарядные молодые женщины с нарядными детьми. Дети кидают в нас камни, и я жду, когда женщины или полицейские остановят их. Но ни полицейские, ни женщины не говорят детям ни слова»[3].

Конечно, далеко не все немцы были одурманены идеями расового превосходства. Были те, кто делился с остарбайтерами пищей, кто закрывал глаза на проступки и даже саботаж, помогал им работой или просто - добрым словом или улыбкой. Но как мало было таких немцев! И как хорошо, что они все-таки были...

Но хороший человек не пойдет покупать себе раба; привезенные в Германию остарбайтеры видели совсем другие лица.

«Один за другим к нашему строю подходили респектабельные господа. Присматривались, выбирая самых крепких, сильных. Ощупывая мускулы, деловито заглядывая в рот, о чем-то переговаривались, ничуть не считаясь с нашими чувствами. Я был маленького роста, хилый и остался среди десятка таких же нераспроданных заморышей.

Но вот высокий покупатель в потертой куртке презрительно оглядел нас, что-то пробурчал себе под нос и пошел в контору платить деньги. За всех оптом»[4].

«Ох, и скрупулезно они отбирали себе рабов, особенно те, кому нужно было мало людей, человек по 10-15. Одна фрау раза три требовала выставить в ряд человек 50 и выбирала. Сразу отобрала тех пятерых девчонок из Бобруйска, которых я видела на вокзале у вагона. Они были чистенькие, явно городские, сопровождал их немецкий офицер. Чьи они были дети, что пережили до этого и как сложилась их судьба после - Бог весть. Одна из них прижимала к груди подушку и вытирала об нее слезы. Лицо этой девушки я запомнила надолго.

Я приметила немца, который стоял в сторонке и спокойно ждал своей очереди. Мне показалось, что лицо у него доброе и неплохо было бы попасть к нему. Так и вышло - он забрал всех, кто остался, человек 200, и повез в сопровождении охранников в небольшой лагерь в городе Бланкенбурге... Уже по дороге мы поняли, с кем предстоит иметь дело. Мое первое впечатление «о добром шефе» оказа-

---

1 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 55-56; *Ортенберг Д.И.* Год 1942: Рассказ-хроника / Предисл. Л. Лазарева. - М.: Политиздат, 1988. - С. 288-289.

2 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 310.

3 Там же. С. 312.

4 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 56.

лось ложным. На правой руке у него висела резиновая дубинка, и она то и дело прохаживалась по нашим спинам, когда кто-то позволял себе заговорить чуть погромче»[1].

Военнопленных не выставляли на торгах; их покупали оптом по крайне низким ценам. Имперское угольное объединение даже добилось того, что цена, которую предприятия отрасли уплачивали государству за труд военнопленных, оказалась *ниже* той, которую запрашивал Гиммлер за работу узников своих лагерей[2]. Естественно, что столь дешевую рабсилу использовали «на износ».

Карта Рейха покрыта, словно сыпью, лагерями: трудовыми, для военнопленных и концентрационными. Русских оптимально содержать в концлагерях; однако места в них не хватает. Приходится идти на компромиссы: советских недочеловеков размещают в тех же лагерях, что и добропорядочных европейских военнопленных.

...Со времен победоносной войны на Западе в немецких лагерях находилось множество военнослужащих европейских стран. Поскольку это были европейцы, а не советские недочеловеки, их содержали практически в идеальных условиях. Военнопленные получали регулярную помощь от Красного Креста, переписывались с родными. Проблем с питанием военнослужащие европейских стран также не испытывали: «Шкафчики были полны еды, а плитки шоколада они просто не успевали съедать...»[3]. В некоторых лагерях имелись даже площадки для занятий физкультурой и теннисные корты, а также парк для прогулок, обнесенный, правда, колючей проволокой. И уж чтобы никто не мог упрекнуть германскую империю в невыполнении международных законов и обычаев войны, ОКВ выделяло деньги на специальное обучение слепых британских военнопленных.

Images des Grandes Vacances («Изображение больших каникул») - именно так назвал свой фотоальбом, посвященный почти 5-летнему пребыванию в немецких лагерях для военнопленных, бывший французский военнопленный Франсис Амбриер. Для большинства западных военнопленных пребывание в плену и оказалось именно такими «каникулами», куда более безопасными, чем пребывание на фронте[4].

Когда в этот маленький рай привозили советских недочеловеков, западные военнопленные испытывали настоящий шок. Кто бы мог подумать, что столь цивилизованные и благородные немцы могут так поступать с людьми?

«Я не могу рассказывать здесь обо всех этих несчастных русских, выживших в Раве-Русской, не испросив разрешения Трибунала воспроизвести здесь страшное зрелище, представшее перед всеми нами, французами, которые находились осенью - зимой 1942 года в концентрационном лагере в Германии, обо всем, что мы увидели, когда стали прибывать первые партии русских пленных. Что касается меня, то я присутствовал при этом зрелище однажды в воскресенье; все это казалось мне неправдоподобным. Русские шли в колонне по пять человек, держась за руки, так как никто из них не в состоянии был передвигаться самостоятельно. Они были очень похожи на бродячие скелеты.

Мы видели много фотографий концентрационных лагерей и лагерей смерти, наши несчастные русские товарищи были в таком же положении с 1941 года. Их лица были даже не желтыми, а зелеными, у них не было сил двигаться, они падали на ходу целыми рядами. Немцы бросались на них, били прикладами ружей, избивали кнутом. Так как это происходило в воскресенье, в полдень, то заключенные,

---

1 Там же. С. 57.

2 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 18.

3 *Шнеер А.* Плен... С. 34.

4 Там же. С. 37, 55, 65.

в общем, пользовались некоторой свободой, внутри лагеря, разумеется. При виде всего этого французы начали кричать, и немцы заставили нас возвратиться в бараки. В лагере русских тотчас же распространился тиф, из 10 тысяч прибывших в ноябре к началу февраля осталось 2500.

Русские военнопленные, еще не будучи мертвыми, были брошены в общую могилу. Мертвых и умирающих собирали между бараками и бросали в тележки. Первые дни мы еще видели трупы в тележках, но так как германскому коменданту было не очень приятно видеть, как французские солдаты приветствовали своих павших русских товарищей, впоследствии трупы прикрыли брезентом...»[1]

Это показания, сделанные на Нюрнбергском трибунале французом Полем Розеном. Однако поражены были не только содержавшиеся в тепличных условиях военнопленные из европейских стран. Даже узники концентрационных лагерей - Освенцима, Дахау, Маутхаузена - приходили в ужас, увидев обращение с советскими военнопленными. Испанец Франсуа Буа рассказывает о не менее чудовищной картине:

«...Как только военнопленные вошли в лагерь, стало ясно, что они находятся в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли понять. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Их тогда поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели 7 метров в ширину и 50 метров в длину. У них была отобрана почти вся одежда, которой у них и без этого было очень мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре месяце. В Маутхаузене было 10 градусов мороза. По прибытии оказалось, что 24 человека из них умерло в то время, когда они шли 4 километра, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции... Через несколько недель они были совершенно без сил, и тогда к ним стали применять систему истребления. Их заставляли работать в самых ужасных условиях, избивали, били палками, над ними издевались. Через три месяца из 7000 русских военнопленных осталось в живых только 30»[2].

Режим содержания советских и европейских военнопленных устанавливается разный - даже в одном и том же лагере.

В распоряжении командования 6-го военного округа по обращению с военнопленными на это обращается специальное внимание. Вот два положения одного и того же приказа. Первое касается военнопленных европейских стран.

«Военнопленные, которые подозреваются в участии в подпольных организациях или движении Сопротивления, должны по требованию гестапо передаваться для допроса. Они остаются военнопленными, и с ними следует обращаться как с таковыми».

Русских ждет более строгая кара за гораздо меньшее преступление.

«Советские военнопленные... отказывающиеся работать, проявляющие себя агитаторами и оказывающие нежелательное влияние на готовность других военнопленных работать, должны быть направлены соответствующим лагерем в ближайшее отделение гестапо и исключены из категории военнопленных»[3].

В приказе по лагерю №44 указывается: «В тех особых случаях, когда военнопленные в результате того, что их жилые помещения находятся внутри места работы, не имеют возможно-

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 200.
2 Там же. Т. 5. С. 562.
3 Там же. Т. 7. С. 219-220.

Лагерная Голгофа

В наказание за проступок военнопленных привязывали к столбам с колючей проволокой под безжалостным солнцем

сти пользоваться свежим воздухом, их можно для сохранения трудоспособности выводить на свежий воздух».

Когда в лагерь привозят русских, немедленно издается дополнение к приказу: «Разъясняется, что он не относится к советским военнопленным»[1].

Даже свежего воздуха и того не достается советским недочеловекам! Они мрут как мухи, однако темпы их уничтожения не удовлетворяют Берлин. 25 ноября 1943 года Борман в циркулярном письме призывает к большей жестокости по отношению к советским военнопленным. «Отдельные администрации гау в своих отчетах указывают, что охрана слишком мягко обращается с военнопленными... Начальник управления по делам военнопленных при верховном

1 Там же. Т. 5. С. 345-346.

командовании вооруженных сил теперь издал всем комендантам лагерей недвусмысленный приказ... В тех случаях, если будут получены новые жалобы о нежелательном обращении с военнопленными, они должны немедленно передаваться комендантам лагерей для военнопленных»[1].

Но как бы ни ужесточался режим, советские люди сопротивлялись. Ломали станки, на которых должны были работать, бежали из лагерей, калечили сами себя - лишь бы не работать на ненавистный Рейх. И не менее важным, чем саботаж, оказывалось духовное сопротивление. Проданная фермеру девушка по ночам в хлеву шептала русские слова - она не желала потерять родной язык. В бараках остарбайтеров и военнопленных по ночам вполголоса пели советские песни - они, несмотря ни на что, верили в грядущую Победу. И порою эта вера вырывалась наружу.

Как описать духовный подвиг? В одном из концлагерей советские женщины-военнопленные всем бараком отказались выполнять какой-то приказ. Они знали, что согласно Женевской конвенции имеют право не выполнять подобных приказов; но знали они и то, что в войне с Советским Союзом немцы нарушали международные конвенции на каждом шагу, что попасть в концлагерь для женщины-военнопленной было большой удачей, что обычно их насиловали и убивали сразу, не доводя даже до пересыльных пунктов. Они знали, что за саботаж полагается смерть; трубы крематория были хорошим тому напоминанием. Но они отказались - и ошеломленное лагерное начальство не решилось отправить в крематорий всех. Женщин лишь лишили обеда и заставили полдня маршировать по главной улице лагеря - Лагерштрассе.

То, что случилось дальше, известно из рассказа узниц лагеря.

«Помню, как кто-то крикнул в нашем бараке: «Смотрите, Красная Армия марширует!» Мы выбежали из бараков, бросились на Лагерштрассе. И что же мы увидели?

Это было незабываемо! Пятьсот советских женщин по десять в ряд, держа равнение, шли, словно на параде, чеканя шаг. Их шаги, как барабанная дробь, ритмично отбивали такт по Лагерштрассе. Вся колонна двигалась как единое целое. Вдруг женщина на правом фланге первого ряда дала команду запевать. Она отсчитала: «Раз, два, три!» И они запели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Я и раньше слышала, как они вполголоса пели эту песню у себя в бараке. Но здесь она звучала как призыв к борьбе, как вера в скорую победу.

Потом они запели о Москве»[2].

Наказание было превращено в демонстрацию силы - и сколько мужества и веры требовалось иметь, чтобы сделать подобное!

Конечно, у каждого остарбайтера, и у каждого военнопленного имелся способ вырваться из ада лагерей, спасти свою жизнь. Однако немногие соглашались заплатить требуемую цену за освобождение. А ведь и цена-то, по сравнению с жизнью, вроде бы была невысока. Всего-навсего: предать свою страну.

Создаваемые нацистами коллаборационистские формирования нуждались в людях; по лагерям постоянно разъезжали вербовщики, агитировавшие взять в руки оружие и воевать против

1 Там же. Т. 6. С. 207-208.
2 *Шнеер А.* Плен... С. 323-324.

своей страны. Однако совершить предательство, воевать на стороне палачей соглашались немногие. Если бы солдат американской, британской или французской армии держали практически без еды, заставляли работать по 12-14 часов в сутки, постоянно избивали, убивали за малейшую провинность - словом, если бы с ними поступали как с советскими недочеловеками, а потом бы пообещали жизнь, относительную свободу и армейский паек, тогда бы мир стал свидетелем по-настоящему массового сотрудничества с нацистами. А советские граждане, находясь в тяжелейших условиях, в большинстве своем достойно выдержали этот искус. Да и многие согласившиеся делали это в надежде бежать и уже в скором времени переходили к советским партизанам: целыми подразделениями, с оружием и пленными немецкими офицерами.

Летом 1944 года в концлагерь Дахау привезли целую партию старших советских офицеров: генералов, полковников, майоров. «В последующие недели их допрашивали в политическом отделе, то есть их доставляли после каждого такого допроса в совершенно истерзанном состоянии в госпиталь, так что я мог видеть некоторых из них, - вспоминал впоследствии один из узников концлагеря. - Это были люди, которые неделями могли лежать только на животе, и мы должны были удалять отмиравшие части кожи и мускулов оперативным путем. Некоторые не выдерживали подобных методов допроса и погибали, остальные 94 человека по распоряжению из Берлина, из главного управления имперской безопасности, в начале сентября 1944 года были доставлены в крематорий и там, стоя на коленях, были расстреляны выстрелом в затылок»[1].

Так умирали советские офицеры. Не только командиры вермахта - даже эсэсовцы проявляли уважение к подобному мужеству. «Почему, например, русских офицеров долго не держали в одном лагере? - вспоминал штурмбаннфюрер Авенир Беннигсен. - Потому что они начинали пакостить немцам»[2].

Что такое честь, знали не только военные. В лагерях остарбайтеров, куда добирались власовские пропагандисты, их ожидал неласковый прием. Узник рабочего лагеря Крюммель под Гамбургом Л. Ситко хорошо запомнил тот день, когда остарбайтеров собрали на площади и на трибуну перед ними вылез бывший советский генерал в немецкой форме - Малышкин.

«Все происходило как во сне. Проволока, вахманы, люди в немецких мундирах говорят на чистом русском языке о великой России. В двухтысячной толпе были и женщины. Они первые закричали: «Позор! Позор!» - возглас, подхваченный мужчинами. Под эти крики Малышкин и его спутники ретировались в комендатуру, а нас разогнали вахманы. Наши показали гостям, с кем они...

Генерал со свитой уехал. Капитан Бережков остался и несколько дней ходил по лагерю, останавливая то одного, то другого остовца, уговаривая вступать в русскую армию. Нашлись, нашлись добровольцы, всего несколько человек, их освободили от работы, выделили отдельную штубу, где они стали ждать отправки»[3].

А ведь режим в «рабочих лагерях» был не менее ужасающ, чем в лагерях военнопленных, и вырваться из них хотелось не меньше. Но - не любой ценой.

...Лагеря для восточных рабочих рассеяны по всему Рейху. Большие - при крупных предприятиях и маленькие, на два-три барака. Непременная охрана и колючая проволока. Если охрана не справляется и обеспечить должную производительность труда не удается, в дело всту-

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 579.

2 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно. С. 93.

3 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 113; *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 82.

пает гестапо. Об этом четко говорится в инструкции: «Борьба против нарушений дисциплины, включая отказ от работы и бездельничанье, будет вестись исключительно тайной государственной полицией... В случаях серьезных нарушений, то есть тогда, когда средства, которыми располагает начальник охраны, недостаточны, должна вмешиваться государственная полиция, используя те средства, которые находятся в ее распоряжении. В таких случаях, как правило, будут применяться только строжайшие меры, как то: перевод в концлагерь или особая мера»[1].

«Особая мера» применяется регулярно. «Я думаю, что я буду недалек от истины, - вспоминал доктор концлагеря Дахау Франц Блахи, - если скажу, что из всех казненных лиц в этом лагере примерно 75 процентов составляли русские граждане, и это касалось главным образом мужчин и женщин, которых присылали из других мест для казни»[2].

В заводских цехах, куда остарбайтеров пригоняют на работы, их встречают плакаты, напоминающие об их статусе: **«Славяне - это рабы».**

...В сорок втором году еще не все остарбайтеры работали в лагерях. Некоторым повезло: они трудились на фермах, «у бауэра». Там столь же много работы, больше произвола, но, по крайней мере, нельзя умереть с голоду: всегда можно съесть предназначенное для свиней варево. А на заводах остарбайтеры обгрызают кору с деревьев.

Сорок третий год принес столь долгожданную победу под Сталинградом. Рейх оделся в траур. В концлагере Равенсбрюк заключенных выгнали из бараков, построили в колонны и привели к бане. Баня располагалась рядом с крематорием. Людям приказали раздеться догола и оставили стоять. На февральском морозе они стояли, сбившись в кучу, согревая друг друга, ожидая смерти. Потом их завели в баню, облили горячей водой и отвели обратно в барак. Три дня не давали есть[3].

Остарбайтерам тоже аукнулось немецкое поражение. После капитуляции армии Паулюса вышло специальное указание: все восточные рабочие должны содержаться в лагерях[4]. Отныне каждый мог ощутить, что лагерь для остарбайтеров немногим отличается от лагеря для военнопленных. Это сходство специально подчеркивается в распоряжении рейхсмаршала Геринга: «Использование и обращение с советскими русскими на практике не должно отличаться от обращения с военнопленными»[5].

Уже после войны специальная комиссия конгресса США будет обследовать бесчисленные лагеря по всей Германии. В отчете комиссии указывается:

«Обращение с этими заключенными... обычно заключалось в следующем: они содержались в деревянных бараках, которые в нормальных условиях должны были бы вмещать в десять раз меньше людей. Они были вынуждены спать на деревянных нарах в три или четыре этажа, грязное тряпье служило и постелью и одеялом.

Их пища обычно состояла из полуфунта черного хлеба в день и водянистого супа в полдень и вечером, а иногда они и этого не получали. Ввиду скученности и недостатка питания увеличивались вшивость и грязь, распространялись болезни; те из заключенных, которые быстро не умирали от истязаний и болезней, медленно и мучительно умирали от голода.

Несмотря на преднамеренную программу умерщвления заключенных голодом, мы не нашли никаких признаков, что германский народ в целом страдал от недостатка пищи или одежды. Этот контраст

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 573-574.

2 Там же. Т. 5. С. 578.

3 Я это видел... С. 109.

4 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 584.

5 Война Германии против Советского Союза. С. 207.

был столь разительным, что мы могли прийти только к одному выводу - доведение до голодной смерти было преднамеренным»[1].

Выводы комиссии могли стать откровением лишь для наивных американцев. Любой советский гражданин, побывавший на нацистской каторге, знал: от лагерей смерти и лагеря военнопленных, и лагеря остарбайтеров отличает лишь отсутствие газовых печей и крематориев.

Как правило, лагеря остарбайтеров переполнены. «Условия во всех этих лагерях были ужасны... В некоторых лагерях было в два раза больше людей, чем допускали жилищные условия, - вспоминал старший лагерный врач Вильгельм Егер. - Несмотря на то, что санитарными органами был установлен минимум расстояния между кроватями в 50 см, он совершенно не соблюдался, и кровати стояли на расстоянии 20-30 см друг от друга»[2].

Впрочем, это значительное послабление: в барак, рассчитанный на сто пятьдесят человек, запихивают лишь две с половиной сотни остарбайтеров. В расположенных неподалеку лагерях военнопленных в таком же бараке размещаются восемь сотен человек.

Те, кто видит, в каких условиях существуют остарбайтеры, приходят в ужас. «Много русских женщин и девушек работают на фабриках «Астра Верке», - пишет сыну немка. - Их заставляют работать по четырнадцать и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что они буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетьми. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права»[3].

Скверная пища - это очень мягко сказано. Остарбайтеры получают на тысячу калорий меньше минимума, установленного для немца. Там, где немецкие рабочие, занятые на тяжелой работе, получают 5 тысяч калорий в день, восточные рабочие получают только 2 тысячи. Впрочем, официальные нормы питания часто не соблюдаются: пища разворовывается охранниками и персоналом лагерей[4].

На заводах Круппа раз в день выдается суп. Если, конечно, это можно назвать супом. «Собственно говоря, это была вода, в которой плавали кусочки турнепса, - писал своему другу немецкий мастер. - И больше всего она походила на помои... Эти люди обязаны работать на нас - отлично, но следует позаботиться, чтобы они получали хотя бы минимум необходимого. Мне приходилось видеть кое-кого в лагере, и у меня буквально мурашки по коже бегали...»[5]. Старому рабочему невдомек, что все развивается по плану. Из остарбайтеров выжимают все, что возможно, а когда они умирают, никто об этом не сожалеет. Разве можно сожалеть о смерти недочеловеков? Тем более что ведомство Заукеля привозит в Рейх все новые миллионы рабов. Первая вербовочная кампания увенчалась успехом; за ней следуют вторая, третья и четвертая...

Во время очередной вербовочной кампании по чьему-то недосмотру в Запорожье пришло письмо от угнанных в Германию сестер. Не стандартное, заранее отпечатанное в типографии, где надо лишь проставить имя адресата, написать несколько теплых слов и расписаться. Письмо подлинное, читать которое больно, особенно если его писали родные тебе люди.

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 586.
2 Преступные цели... С. 266.
3 МНП. Вар. 1. Т. 4, С. 539.
4 Преступные цели... С. 267-268.
5 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 40.

«...Живем мы совсем плохо. Дорогие родные, пишу письмо, а сама и бумаги не вижу за слезами. Пришла с работы, еле в барак залезла. Я шла, а голова у меня болит и кружится, и такая тяжелая, что падает с плеч, руки и ноги болят, в сердце колет, горло заложило, что я еле дышу, а смотрю будто сквозь туман.

Дорогие родные, шли мы на работу, выпили по одной кружке чая, чуть сладенький, и 200 граммов хлеба. Всего хлеба нам дают 300 граммов. Родная мамочка, разве я у тебя так когда-нибудь кушала летом, когда теперь есть помидоры, огурцы и разные фрукты и разные другие продукты! А мы не то что не кушаем их, но абсолютно и не видим. В такой прекрасный летний день очень долго ждать такого обеда. Придешь в барак, скушаешь кусочек хлеба и черпак силоса, то так печет в груди, что места не находишь. А работать заставляют, а не работаешь, в затылок так дадут, что и в глазах засверкает, хотя в них сверкает и без него. Нас считают тут самыми последними, смеются как только кто хочет. За что мы так мучаемся в наши молодые годы! Некому пожалеть, никто не спросит - кушали ли вы, здоровы ли вы! Когда украинцы здесь болеют, то говорят, что они притворяются и не хотят работать. Для нас у них врача нет. От такой жизни, от такого климата мы не гарантированы, что проживем зиму. Хоть домой поедем на зиму, а хоть подохнем. Хлеб нам дают ржаной, по 300 граммов, только он смешан с сосновыми опилками, а муки лишь 25%, кушаешь его как полову, - так и шелестит. Мамочка, готовят нам такое, что наша свинья не ела бы такого супа и такого картофеля. И больше абсолютно никакого приварка не видим. Сегодня как раз три месяца, как мы здесь работаем, и нам чем далее, все хуже и хуже.

Ваши дочери Шура и Галя»[1].

«Чем дальше, тем хуже и хуже». Проходит несколько месяцев, максимум полгода - и восточные рабочие превращаются в шатающиеся от ветра тени. Исследования, проведенные на заводах Круппа, показали: у некоторых рабочих не хватает сил даже на то, чтобы поднять кусок металла и положить его на станок. «Такие же условия, - говорится в отчете, - существуют во всех других местах, где работают русские рабочие»[2]. Голод - основное чувство, которое испытывают люди. От голода теряют сознание, от голода умирают.

Умирают, впрочем, и от болезней.

В лагерях остарбайтеров бушуют эпидемии. Особенно широко распространен туберкулез; согласно отчетам немецких врачей, больных туберкулезом вчетверо больше, чем обычно. «Татары и киргизы, - докладывал немецкий врач Карл Егер, - умирали как мухи: из-за плохих жилищных условий, из-за плохого качества и малого количества пищи, из-за переутомления, изза того, что они не могли достаточно отдыхать»[3]. Русские, украинцы и белорусы умирали по тем же причинам.

Некоторым остарбайтерам улыбалась удача: их признавали негодными раньше, чем они погибали. И тогда, пережив ад «обратных эшелонов», они возвращались домой. Даже родные с трудом узнавали в вернувшихся еще недавно молодых парней и девушек. Возвратиться, конечно, удавалось немногим - однако в этой призрачной возможности заключалось еще одно отличие остарбайтеров от военнопленных. Тех не отпускали на волю; это было запрещено специальным распоряжением ОКВ. Тех, кого уже нельзя было использовать: нетрудоспособных, раненых и больных, передавали полиции безопасности и СД «для решения их судьбы». Решение было стандартным - смерть[4].

---

1 Запорожская область в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Сборник документов. - Запорожье: Запорожскиздат, 1959. - С. 80.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 564-565.

3 Преступные цели... С. 266-268.

4 *Шнеер А.* Плен... С. 295.

Впрочем, обычно больные не доживали ни до обратных эшелонов, ни до передачи их в руки СД. Они просто умирали - мучительно, обыденно и незаметно. «Анатолий прожил до 25 декабря 1944 года. К этому времени он настолько исхудал, что остались буквально одни кости и кожа, да и то вся синяя от побоев. В этот день после четырех часов дня Анатолий спокойно, как будто засыпая, умирает. Когда он упал, я подполз к нему и взял его за руки. Посадил и старался с ним поговорить, но голова его уже не держалась, и он не произнес ни одного слова перед смертью. Только один раз, очевидно, набравшись последних сил, посмотрел на меня, глаза его наполнились слезами, и голова снова опустилась. Сколько я ни старался ее держать, разговаривать с ним, но с каждой минутой силы его покидали, и его голова смертельно осталась лежать на моих руках»[1].

Когда хоронят восточных рабочих, об их смерти составляют свидетельство. Порядок прежде всего! В последнем лагерном документе уничтоженных людей записывают номер и фамилию. В графе «преступная деятельность» указывается: «советский русский»[2]. Военнопленных хоронят безымянными.

* * *

После войны в европейских странах стали считать могилы советских военнопленных и ос-

Трупы узников русского лагеря №344 в городе Ламсдорфе

1 Я это видел... С. 120-121.

2 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 53.

тарбайтеров. Только в Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии и Румынии насчитали 36 104 захоронения, многие из них - общие, большая часть - в Германии. Самые большие захоронения насчитывают сотни тысяч «уничтоженных трудом» людей[1].

И по сей день историки не могут подсчитать, сколько же советских граждан было угнано на работы в Рейх. Современные вычисления дают цифры, колеблющиеся в районе 8-10 миллионов (включая 2 миллиона военнопленных). Однако точно известно: назад вернулись лишь 5,35 миллиона[2].

Остальные были уничтожены.

Живые голоса (5): «ВОТ ТАКОЙ БЫЛА ДОБРОВОЛЬНАЯ ОТПРАВКА»

Угон советских граждан на принудительные работы в Германию осуществлялся с крайней жестокостью. Рассказы очевидцев об этом приведены в книгах Светланы Алексиевич «Последние свидетели» и Виктора Андриянова «Архипелаг OST».

«Угнали меня из родного села зимой сорок второго. Полицай (говорят, он жив) заставил родителей привести детей на колхозный двор. Мне было 14 лет. И повезли нас в Золотоношу.

Помню, как мама бежала за санями, хотела дать мне в дорогу сухарей торбочку и упала в снег, потеряв сознание. А нас увезли. И осталась мама с малолетним сыном, моим братишкой. Ведь старшую сестру Таню угнали в Германию еще раньше».

Зинаида Моисеенко, г. Киев

«На товарных вагонах фашисты развешали лозунги: «Украина посылает лучших своих сыновей и дочерей в прекрасную Германию в благодарность за освобождение». В тот же майский день 1942 года мы узнали, что в Киеве на площади Богдана Хмельницкого повесили саботажников, которые отказались ехать в Германию. Вот такой была добровольная отправка».

Екатерина Луценко, с. Сунки, Черкасская обл.

«Играли мы во дворе с мальчишками в «палочки-стукалочки». Въехала большая машина, из нее выскочили немецкие солдаты, стали нас ловить и бросать в кузов под брезент. Привезли на вокзал, машина задом подошла к вагону, и нас, как мешки, побросали туда.

Вагон набили так, что первое время мы могли только стоять. Взрослых не было, одни дети и подростки. Два дня и две ночи везли нас с закрытыми дверьми, слышали только, как колеса стучат по рельсам. Днем еще свет как-то пробивался сквозь щели, а ночью становилось так страшно, что все плакали: нас куда-то далеко везут, а наши родители не знают, где мы. На третий день открылась дверь, и солдат бросил в вагон несколько буханок хлеба. Кто был ближе, успел схватить, и в одну секунду этот хлеб проглотили. Я был в противоположной стороне от двери и хлеба не видел, только мне показалось, что на минуту почувствовал его запах».

Володя Ампилогов, 10 лет

---

1 *Земсков В.Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1944-1956) // Война 1941-1945 годов: Современные подходы. - М.: Наука, 2005. - С. 513.

2 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 131-132, 140; *Земсков В.Н.* Проблема советских перемещенных лиц. С. 513.

«28 августа 1943 года из села Меловое угнали всех парней и девушек 1926 года рождения. Мне эта дата врезалась в память как никакая другая. На всех дверях висели списки жителей и приказы: «Если завербованный сбежит, вся семья будет расстреляна».

Наталья Мирошниченко, г. Северодонецк

«Стали нас отбирать для вывоза в Германию. Отбирали не по годам, а по росту, и я, к несчастью, была высокого роста, как отец, а сестренка, как мать, маленького. Подошли машины, вокруг немцы с автоматами, меня загнали в машину с соломой, сестра кричит, ее отталкивают, под ноги стреляют. Не пускают ко мне. И так нас разлучили...

Полный вагон... Битком набитый... Полный вагон деток, не было никого старше тринадцати лет. Первый раз остановились в Варшаве. Никто нас не поил и не кормил...

Привезли на санитарный, видимо, пункт. Раздели всех догола, вместе и мальчиков, и девочек, я плакала от стыда. Девочки хотели в одну сторону, мальчики в другую, нас сбили в одну кучу, наставили шланг с каким-то непонятным запахом... Не обращали внимания: глаза не глаза, рот не рот, уши не уши, - провели санобработку. Затем раздали полосатые брюки и пиджаки типа пижам, на ноги - деревянные сандалии, а на грудь прикрепили железные бирки «Ost».

Валя Кожановская, 10 лет

«Выдали мне рабочий номер - 2054, потом завели в барак. Двухъярусные нары, бумажные матрасы, вместо подушек - рвань со стружками.

В три ночи (или утра) полицай оглушительно орал:

«Подъем!» За малейшее промедление безжалостно бьют палкой или куском кабеля. Первая смена в шахту спускалась в 6 часов, голодная. Есть нам давали один раз в сутки, после работы.

Еда готовилась так: в котел на 350 литров бросали одно ведро картошки, три ведра картофельных очистков с брюквой и пачку маргарина».

Василий Соколик, г. Докучаевск, Донецкая обл.

«Кто-то стонал, кто-то кричал во сне, где-то разговаривали шепотом. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, сердце вроде не билось... Постепенно прояснилось сознание, я понял, что жив, лежу на своих нарах. Кругом также лежат голые люди. Они сняли с себя лохмотья, чтобы избавиться от кишащих в них вшей. Но множество этих насекомых шевелится, шуршит в листьях папоротника. Шел сентябрь 1942 года. Шел второй месяц моей жизни в лагере».

Георгий Кондаков

«В цехе был мастер Вилли. Страшный человек, никогда не снимал повязку со свастикой. Он с нами не разговаривал. Только бил. Особенно доставалось ночью, когда мы падали от усталости.

Почти каждый день кто-то умирал. Со мной рядом спала Тамара Варивода из Кировоградской области. На работу ее не водили несколько дней. Уже не могла вставать. Ночью она умерла. Так и лежали мы рядом до утра. Утром ее унесли».

Нина Чебердина, г. Москва

«Боже, думал, что не вынесу. 26 ударов кабельным шлангом. И еще - узкой дубовой доской. Боль была невыносимой. От удара кабелем лопается кожа, и струйки крови брызжут во все

стороны. А от ударов дубовой доской тело превращается в негнущуюся глыбу. К счастью, молодой организм выдержал. Я не сложил в лагере руки, я бодался, как мог, сколько хватало сил, энергии и знаний...

Как могли, поддерживали мы в себе силы. Тайком напевали свои любимые песни. На самодельных инструментах по вечерам играли народные мелодии. И ждали освободителей с Востока».

Иван Кривицкий, с. Гусарка, Запорожье

Интерлюдия (3):
КТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРЕДАЛ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Трагедия военнопленных, миллионы которых были уничтожены нацистами, стала, как ни странно, одной из тем, на которых паразитируют антисоветские пропагандисты. Общая концепция, которую перепевают на все голоса, такова: Сталин заявил, что у нас не может быть военнопленных, и не присоединился к Женевской конвенции; поэтому в 1941 году немцам ничего не оставалось, кроме как расстреливать пленных и морить их голодом. Так кровавый кремлевский диктатор убил миллионы собственных солдат; когда же выжившие возвратились из немецкого плена, их прямиком отправили в лагеря.

За долгие годы употребления подобные выкладки приобрели настолько совершенные формы и были повторены столько раз, что усомниться в них кажется невозможным. Однако на самом деле - это не более чем примитивная клевета.

Сейчас мы в спокойной обстановке с этой клеветой разберемся.

Для начала рассмотрим наиболее важный вопрос: действительно ли из-за позиции советского руководства военнопленные красноармейцы были поставлены вне рамок международного права?

Международные правила обращения с военнопленными были сформулированы во второй половине XIX века и закреплены Гаагской конвенцией 1899 года. В инструкции, разработанной германским генеральным штабом, в этой связи говорилось:

«Хотя военнопленные теряют свою свободу, но не теряют своих прав... Плен не есть акт милосердия со стороны победителя - это право обезоруженного. Военнопленные могут быть привлекаемы к умеренной работе, соответствующей их общественному положению. Во всяком случае, она не должна быть вредна для здоровья и не должна носить унизительного характера. Она не должна служить военным операциям против родины пленных»[1].

Даже если военнопленный пытался бежать, его могли подвергнуть лишь дисциплинарному наказанию; и хотя в разразившейся вскоре Первой мировой войне эти правила то и дело обходили или нарушали, однако под сомнение не ставили. В немецком плену за все время Первой мировой умерло от голода и болезней лишь 3,5% военнопленных; надо полагать, даже среди мирных граждан смертность была несколько выше.

В 1929 году была заключена новая, Женевская конвенция об обращении с военнопленными, обеспечивавшая последним еще большую защиту. Германия, как и большинство европейских стран, подписала эту конвенцию. Советский Союз конвенцию не подписал, однако ратифицировал заключенную одновременно конвенцию об обращении с ранеными и больными на войне. Таким образом, Советский Союз ясно продемонстрировал, что собирается действовать в

---

1 МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 7; *Шнеер А.* Плен... С. 204.

рамках международного права.

«На случай войны между Советским Союзом и Германией это означало, - замечает историк Кристиан Штрайт, - что обе стороны, если отвлечься от упомянутого соглашения о раненых, считали себя связанными лишь общими международно-правовыми нормами ведения войны, имевшими обязывающую силу для всех государств, независимо от того, присоединились они к соответствующим соглашениям или нет. Эти нормы, естественно, не определены во всех деталях, однако основные совпадающие положения Гаагской и Женевской конвенций являются не чем иным, как кодификацией международно-правовых норм по общим вопросам ведения войны»[1].

Иными словами, даже без всяких конвенций уничтожать военнопленных, как это активно делали нацисты, было недопустимо. И согласие или отказ Москвы ратифицировать Женевскую конвенцию положения не менял. Именно на это обратил внимание глава абвера адмирал Канарис, который в протесте, направленном начальнику ОКВ, писал:

«Правовое положение следующее: Женевская конвенция о военнопленных не действует между Германией и СССР, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Эти последние сложились с XVIII столетия в том направлении, что военный плен не является ни местью, ни наказанием, а только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в войне. Это основное положение развивалось в связи с господствующими во всех армиях убеждениями, что с военной точки зрения недопустимо убивать или увечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, чтобы быть уверенным, что его собственные солдаты, в случае пленения, будут защищены от плохого обращения»[2].

Однако советские военнопленные были защищены не только общими международно-правовыми нормами, о которых писал адмирал Канарис; они попадали под действия Гаагской конвенции, которую Россия в свое время подписала. Эта конвенция сохраняла свою силу и без подписания Женевской конвенции, о чем были осведомлены все, в том числе и немецкие военные юристы. В немецком сборнике международно-правовых актов, изданном в 1940 году (то есть именно тогда, когда планировалось нападение на Советский Союз), указывалось, что Гаагское соглашение о законах и правилах войны действительно и без Женевской конвенции[3].

Но и это было не все; подписавшие Женевскую конвенцию государства принимали на себя обязательства нормально обращаться с военнопленными **вне зависимости** от того, подписали ли их страны конвенцию или нет[4]. В случае германо-советской войны беспокойство могло вызвать положение немецких военнопленных - ведь Советский Союз Женевской конвенции не подписал! - а попавшие в плен красноармейцы могли быть спокойны за свою судьбу.

Таким образом, советские военнопленные никоим образом не были поставлены вне рамок международного права, как то утверждают сейчас на каждом углу; они были гарантированно защищены общими международными нормами и Гаагской конвенцией, чья действенность была доказана Первой мировой. Существовала также и возможность, что к ним будут применены нормы Женевской конвенции.

---

1 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 28.

2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 209; Война Германии против Советского Союза. С. 111-112; РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 24.

3 *Пленков О.Ю.* III Рейх. Война. Кн. 1. С. 271.

4 РАВО. Т. 24 (13). Кн. 2. С. 34.

Пытаясь обеспечить своим пленным солдатам максимально надежную защиту, советское правительство сразу после немецкого вторжения сделало недвусмысленный жест. Уже на четвертый день войны, 27 июня, Советский Союз выразил желание сотрудничать с Международным комитетом Красного Креста. Еще через несколько дней, 1 июля, было утверждено «Положение о военнопленных», которое строго соответствовало положениям как Гаагской, так и Женевской конвенции. Немецким военнопленным гарантировались достойное обращение, безопасность и медицинская помощь. Это «Положение» действовало всю войну, причем его нарушения преследовались в дисциплинарном и уголовном порядке[1].

Признавая Женевскую конвенцию, советское правительство совершенно очевидно надеялось на адекватную позицию Берлина; однако нацисты не собирались применять к советским военнопленным ни Женевскую, ни Гаагскую конвенцию, ни даже элементарные международные нормы. Для них пленные красноармейцы были не людьми, а недочеловеками, которых следовало как можно скорее уничтожить.

Лапидарнее всего эту позицию сформулировал оставшийся безымянным немецкий солдат, захваченный в плен летом 1942 года. Английский корреспондент Александр Верт спросил его: «Как вам не стыдно так зверски обращаться с пленными красноармейцами?» - на что получил спокойный ответ: «На то они русские...»[2]. Вермахт был буквально пропитан подобными людоедскими воззрениями.

После войны, когда перед немецкими генералами отчетливо замаячила петля за осознанное уничтожение советских военнопленных, они стали оправдываться и лгать. Их ложь была достаточно примитивна, однако ее и сейчас активно используют для оправдания нацистских преступлений.

Во-первых, говорили гитлеровские генералы, мы были не готовы к тому, что в наших руках окажется так много советских военнопленных; мы просто не смогли их обеспечить должным снабжением[3].

Это ложь, рассчитанная на идиотов. Как известно, немецкое руководство намеревалось к концу 1941 года оккупировать *всю* европейскую территорию России; из этого с неизбежностью следовало, что в немецком плену окажутся огромные массы бойцов и командиров разгромленной Красной Армии.

Второе оправдание гитлеровских генералов не менее глупо. Советские военнопленные, говорят они, сотнями тысяч умирали от голода только потому, что были изможденными доходягами - как и все советские граждане, за исключением комиссаров[4]. Именно от этого они и умирали, а вовсе не оттого, что их неделями гнали пешком по 25-40 километров в день, кормили помоями и морили непосильной работой.

До третьего оправдания не додумались даже гитлеровские генералы; первооткрывателем стал одиозный германский историк Йохим Гофман, заявивший, что немецкая охрана лагерей и команды СД массово расстреливали военнопленных потому, что к этому их подталкивала со-

---

1 *Лужеренко В.К.* Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. - М.: Наука. 1999. Кн. 4: Народ и война. С. 169-170; *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 238-239.

2 *Эренбург И.Г.* Война, 1942-1943. - С. 17.

3 Итоги Второй мировой войны: Сборник статей / Пер. с нем. Л.К. Камоловой; предисл. И.Н. Соболева. - М.: Издательство иностранной литературы, 1957. - С. 505; *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 62; *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. С. 381.

4 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 62-63.

ветская агентура[1].

К сожалению, весь этот изобретенный оправдывающимися нацистскими преступниками бред в нашей стране повторяют до сих пор. Антисоветским пропагандистам так хочется обличить преступный сталинский режим, что они идут даже на оправдание нацистов. Однако многочисленные немецкие документы, попавшие после войны в руки стран антигитлеровской коалиции, неопровержимо показывают: уничтожение советских военнопленных было спланировано заранее, и никакие действия советских властей помешать этому преступлению не могли.

Теперь перейдем к следующему пункту: о том, что освободившихся из плена солдат и офицеров немедленно гнали в лагеря. Эта тема весьма популярна, причем толкуют ее чрезвычайно упрощенно: дескать, советский тоталитарный режим приравнивал плен к измене Родины.

На самом деле это, конечно, не так.

Согласно довоенному советскому законодательству преступлением считалась лишь сдача в плен, *не вызванная боевой обстановкой.* Если, например, красноармеец выпрыгивал из окопа и пытался бежать к противнику, ему светил расстрел с конфискацией имущества. А вот военнопленные, попавшие в плен по не зависящим от них обстоятельствам, в условиях, вызванных боевой обстановкой, преследованию не подлежали[2].

Собственно говоря, усилия, предпринятые советским правительством в самом начале войны, ясно свидетельствовали о том, что в плене не виделось ничего страшного или тем паче преступного. Плен был трагедией, а никак не изменой Родине.

Восприятие проблемы плена Кремлем изменилось к середине августа 1941 года. Череда непрерывных и страшных поражений сделала весьма правдоподобной немецкую пропаганду, непрерывно кричавшую о том, что бойцы и командиры Красной Армии массами сдаются в плен, не желая защищать жидобольшевистскую власть.

На самом деле советские войска сражались стойко, до последнего защищая свои позиции и не сдаваясь в плен; об этом есть множество свидетельств германских генералов. Однако в Кремле в тяжелые дни августа сорок первого поверили в навязываемую пропагандой противника картину.

16 августа на свет появился знаменитый приказ Ставки Верховного Главнокомандования №270. В тексте приказа слышались железные сталинские интонации:

«Можно ли терпеть в Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу или сдающихся в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя. Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать»[3].

Сдача в плен была приравнена к измене Родины; за нее даже предписывалось карать родных военнопленных. Конечно, если принять во внимание время, в которое был опубликован этот приказ, то понять его появление можно. Однако, вне всякого сомнения, издав этот приказ, советское командование допустило серьезную ошибку, немедленно использованную вражескими пропагандистами.

Вас уже списали, говорили немецкие вербовщики содержащимся в аду лагерей для военно-

---

1 *Гофман Й.* Власов против Сталина: Трагедия Русской освободительной армии, 1944-1945 / Пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа; предисл. С.И. Дробязко. - М.: АСТ; Астрель, 2005. С. 165.

2 *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных. С. 254 - 255.

3 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 485.

пленных красноармейцам. У вас нет пути назад; на родине вас ждет лишь Сибирь. А вот пойдя на сотрудничество с нами, у вас есть шанс выжить; германский Рейх умеет быть благодарным. На эти посулы купились сравнительно немногие - но пошедших на измену было бы еще меньше, если бы злосчастный приказ №270 не появился на свет.

Следует отдать должное Кремлю: там достаточно быстро разобрались в ошибочности принятого решения. По счастью, на практике предписанные приказом №270 жестокие меры применялись чрезвычайно редко, поскольку учет попавших в плен налажен не был[1]. А уже с начала ноября советский наркомат иностранных дел стал снова предпринимать усилия по облегчению жизни находившихся в немецком плену советских военнопленных[2]. Согласимся, что подобные дипломатические демарши не имели бы места, если всех военнопленных в духе приказа №270 продолжали считать изменниками Родины.

Правда, при освобождении из немецкого плена военнопленных направляли в спецлагеря НКВД для проверки. С октября 1941 по март 1944 года через проверку прошло 320 тысяч бывших военнопленных, подавляющее большинство которых вскоре было направлено в армию, войска НКВД или оборонную промышленность. Арестовано было лишь 4% от общего числа подвергнувшихся проверке; уже из этого видно, что проверяли весьма объективно.

С началом большого наступления Красной Армии подход к проверке военнопленных был еще более либерализован. Директива от 10 марта 1943 года, подписанная заместителем наркома обороны Щаденко, гласила:

«В местностях, освобожденных от немецких захватчиков, выявляются бывшие военнослужащие, которые в свое время без сопротивления сдались в плен или дезертировали из Красной Армии и остались на жительство на территории, временно оккупированной немцами, или, оказавшись окруженными в месте своего жительства, остались дома, не стремясь выходить с частями Красной Армии.

Таких лиц после быстрой проверки направлять в штрафные части...

В спец. лагеря направлять только лиц, на которых имеются серьезные данные для подозрения в антисоветской деятельности»[3].

Теперь проверка становилась формальностью и могла уложиться в один день[4]. Свою верность Родине бывшие военнопленные доказывали с оружием в руках. (Упоминание о штрафных частях не должно пугать читателя; в рамках ликбеза следует заметить, что уровень потерь в штрафных батальонах и ротах был примерно таким же, как в обычных фронтовых частях, а через два месяца «штрафник» возвращался в обычные части.)

Часто обходились и вовсе без проверки. В воспоминаниях командующего 21-й армией генерала М.И. Чистякова есть характерный эпизод:

«У Гумрака оказался лагерь наших военнопленных. Мне было приказано всех наших бойцов, бывших военнопленных, хорошо одеть, обуть, подлечить, накормить, дать им отдых 10-15 дней, а затем направить в тыл. Я побеседовал с этими воинами и убедился, что настроение у этих людей такое, что они готовы в любую минуту идти драться с фашистами насмерть, чтобы отомстить за свое унижение и муки, за гибель своих товарищей... Я отобрал из бывших военнопленных 8 тысяч человек, сформировал из них восемь батальонов, вооружил их и отпра-

---

1 Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939-март 1946: Документы. - М.: Материк, 2006. - С. 349; *Лужеренко В.К.* Плен: трагедия миллионов. С. 171.

2 МНП. Вар. 2. Т. 3. С. 9; РАВО. Т. 24(13). Кн. 2. С. 28-29, 33-35.

3 РАВО. Т. 15 (4). Кн. 3. С. 49.

4 Там же. С. 242-243.

вил в дивизии»[1].

С ноября 1944 года практика направления освобожденных военнопленных сразу в части, минуя спецлагеря, была узаконена постановлением ГКО.

К слову сказать, отношение к бывшим пленным на фронте было совершенно адекватным. «Никто за все время службы на передовой, на фронте ни словом, ни намеком не упрекнул, что я был в плену, - вспоминал, например, Артем Антонович Смидович. - А вот после войны упрекали. Не раз»[2]. Однако вызвано это было не каким-то преследованием со стороны властей, а исключительно нанесенной войной тяжелой психологической травмой: выжившие в страшной войне люди с крайним подозрением относились ко всем, кто был «по ту сторону». А власти закрыли эту страницу еще 7 июля 1945 года, когда на свет появился указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией», согласно которому помилованы оказались даже попадавшие под статьи довоенного советского законодательства (то есть те, кто сдавался в плен без серьезных на то оснований)[3].

Таким образом, ни о каких лагерях, в которые якобы гнали освобожденных военнопленных, не идет и речи; это всего лишь политические спекуляции[4].

Однако на самом деле военнопленных, чудом выживших в нацистских лагерях, действительно предали. Произошло это так.

После войны Германия должна была выплачивать СССР репарации. Установленный объем репараций был распределен между ГДР и ФРГ. ГДР свою долю выплатила уже к началу 60-х, а ФРГ, будучи по другую сторону баррикад «холодной войны», платила в час по чайной ложке и к концу 80-х заплатила чуть больше половины. Оставшуюся половину долга ФРГ Горбачев простил - хотя ими можно было возместить как минимум часть набранных кредитов на перестройку и новое мышление. (К ФРГ по этому поводу претензий быть не может, а вот к Горбачеву они просто обязаны быть.) Казалось бы, на этом вопрос о возмещении Германией нанесенного СССР ущерба был закрыт.

Однако вскоре европейские правозащитники добились, чтобы Германия выплатила компенсации всем тем, кого угоняла к себе работать и держала по концлагерям. Первоначально речь шла о европейцах; лет через пять практика была распространена и на жителей бывшего СССР.

В любой нормальной стране правительство создало бы общественную организацию, профинансировало ее и добилось, чтобы все пострадавшие получили компенсацию. У нас, однако, доказывать, что их угоняли на немецкую каторгу, морили голодом и непосильным трудом, пришлось самим узникам.

Более того, в число пострадавших не были включены военнопленные!

После воплей о преступлениях сталинского режима и добрых немецких генералах наша власть согласилась, что военнопленные не имеют право на компенсацию. Как будто советские военнопленные жили так же, как американцы в немецком плену или сами немцы в советском! Как будто нацисты не уничтожили почти 60% попавших к ним в плен советских солдат!

Соответствующее межправительственное соглашение российские власти подписали с Гер-

---

1 *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных. С. 257.

2 Я это видел ... С. 106.

3 *Земское В.Н.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 338

4 Начаты эти спекуляции были еще в 1956 году при Хрущеве; к сожалению, в них оказался замешан и маршал Жуков, возглавивший комиссию, заложившую основы мифа о «репрессированных военнопленных». Подробнее см.: *Земсков В.Н.* Репатриация перемещенных советских граждан. С. 350 (сноска), 357 (сноска).

манией 20 марта 1993 года[1]. И старикам, которым после развала СССР и так пришлось очень трудно, не досталось ничего.

Вот настоящее, а не выдуманное предательство.

Кто его совершил?

Сталин?

Советский тоталитаризм?

Нет.

Предательство совершили - вместе с тогдашней российской властью - именно те, кто кричал о страшных сталинских преступлениях и обелял нацистов.

* * *

...Когда вам снова начнут рассказывать о том, что советских военнопленных бросили на произвол судьбы и гнали в Сибирь, подойдите к этому человеку и напомните, кто и когда *на самом деле* предал советских военнопленных.

---

1 *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур... С. 667.

VIII
«БОРЬБА С ПАРТИЗАНАМИ»

Achtung! Partisanengefahr!
Betreten westlich der Strasse
Karatschew-Resseta für Zivil
und Militär streng verboten.
Wer angetroffen wird, wird
rschossen.

Ortskommandantur
Karatschew.

ВНИМАНИЕ!
ОПАСНОСТЪ - ПАРТИЗАНЫ!

ТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО НАС
ЕНИЯ, А ТАК ЖЕ ВОЕННЫМ ПОЯВЛЯТЬСЯ В
АЙОНЕ ЗАПАДНЕЕ ДОРОГИ КАРАЧЕВ-РЕСЕТА.
СЯКИЙ, КТО ПОЯВЛЯЕТСЯ В ЗАПРЕТНОМ РАЙОНЕ
УДЕТ РАССТРЕЛЯН.

Местная [illegible] Карачев

Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города...

И.Сталин, 6 ноября 1943 г.

Когда весной 1943 года партизаны соединения Ковпака - одного из самых удачливых и талантливых партизанских генералов - подошли к селу Тонеж в Полесье, то на месте жилых домов обнаружили пепелище. Уцелевшие жители обитали в землянках в лесу; кладбище на окраине села разрослось могилами, а посреди бывшего села одиноко торчала обгоревшая церковь: остов на каменном фундаменте да простой деревянный крест.

Каратели пришли в село давно, сразу после Нового года. Они окружили деревню и приказали всем жителям срочно прийти в церковь для перерегистрации паспортов. Через час в церкви скопилось человек сто. Их тут же расстреляли из автоматов. Остальных стали прикладами загонять в церковь. Попутно насиловали женщин. Части населения удалось убежать в лес. В церкви избиения и расстрелы продолжались до утра. Утром немцы церковь подожгли, и там живьем сгорели 379 человек, в большинстве своем - женщины и старики. Кинооператор Михаил Глидер записал в своем дневнике впечатления об одной из чудом уцелевших жительниц некогда благополучного села. «Татьяна Андреевна Боровская, которой прострелили обе руки, уползла в огород. Здесь ее подобрали убегавшие в лес и унесли с собой - идти она не могла. В церкви немцы расстреляли ее четверых детей. Ей 33 года, но выглядит она 60-летней старухой.

Говорит безжизненно-глухим голосом, медленно и равнодушно, как будто не о себе...»[1]

Трагедия Тонежа была обыденной, привычной; за годы оккупации в России, Украине и Белоруссии карателями были уничтожены тысячи сел и деревень. Нацистская пропаганда утверждала, что это делалось исключительно в целях борьбы с разрастающимся, как лесной пожар, партизанским движением - однако во внутренних документах представители военной и гражданской администрации не скрывали, что главная цель была несколько другой. Об этой цели некоторые писали равнодушно, некоторые одобряюще, а кое-кто даже и с возмущением; однако для любого мало-мальски информированного германского офицера было ясно: карательные операции осуществляются ради уничтожения недочеловеков.

«Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу, - указывал своим соратникам Гитлер. - Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас. Огромное пространство нужно усмирить как можно быстрее; этого лучше всего можно добиться расстрелом каждого, кто посмотрит на немца косо»[2].

Оккупанты действовали в полном соответствии с этим указанием. Деревни горели уже летом сорок первого, когда немецкие войска еще практически не сталкивались с партизанами - горели просто потому, что захваченные земли на Востоке необходимо было очищать от тузем-

---

1 *Глидер М.М.* С киноаппаратом в тылу врага. С. 33.

2 МНП. Вар. 2. Т. 2. С. 582; ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 609; Преступные цели... С. 52; Откровения и признания. С. 275-279; «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. - М.: Наука, 1967. - С. 105; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. С. 585.

цев. Ефрейтор 4-й авиапехотной дивизии Ле-Курт, получивший досрочное звание и «Восточную медаль» за расстрелы военнопленных, теперь участвовал в «борьбе с партизанами». Захваченный впоследствии советскими войсками, на допросах он показал:

«Я участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню... поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я загонял их обратно в дом или расстреливал. Таким образом мной было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины и дети...»[1]

...Партизанская война, полыхнувшая в тылу германских армий осенью, стала для оккупантов неприятной неожиданностью лишь своими масштабами. В остальном она была вполне ожидаемой. Когда человека убивают, он сопротивляется; когда убивают народ - народ сопротивляется с утроенной силой. Оккупанты это понимали; на выступления партизан они ответили ужесточением карательных акций. От сожжения отдельных деревень подразделения полиции и вермахта перешли к опустошению целых областей. «Борьба, которую мы ведем там с партизанами, очень похожа на войну в Северной Америке против краснокожих, - повторял фюрер германской нации. - Победа достанется сильному, а сила - на нашей стороне. Любой ценой мы там установим закон и порядок»[2].

Когда читаешь, каким образом оккупантами устанавливались «закон и порядок», по коже пробегает мороз.

«Вокруг все горело, жгли деревни вместе с людьми. Жгли людей на больших кострах... В школах... В церквах... У меня моя маленькая племянница спросила: «Тетя Маня, когда я сгорю, что от меня останется? Только ботики...»

Я сама огарки собирала. Собирала подруге семью. Косточки находили, и где оставался кусочек одежды, хоть окраечек какой, узнавали, кто это. Подняла я один кусочек, она говорит: «Мамина кофта...» И упала. Кто в простынку, кто в наволочку косточки собирал. Что у кого было чистое. И в могилку общую клали. Только косточки белые. Или костная зола. Я ее уже узнавала... Различала... Она - белая-белюсенькая...»[3]

Борьба с партизанами в действии

«Борьба с бандами, - протестовал рейхскомиссар «Остланда», - принимает в высшей степени вызывающие формы, если только целью нашей политики является умиротворение и эксплуатация отдельных областей. Так, подозреваемые в принадлежности к бандам убитые... по моему разумению, за небольшим исключением были бы пригодны для использования на трудовых работах в Рей-

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 99.

2 ЗРГ. Вар. 2. С. 569.

3 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 61.

хе... Запирать мужчин, женщин и детей в амбарах и затем поджигать их не кажется мне пригодной мерой для борьбы с бандами даже при желании истребить население»[1].

«Здесь дело идет о столкновении между Европой и Азией, - отвечал на подобные выпады Генрих Гиммлер. - Происходит столкновение между германским Рейхом и ублюдками-недочеловеками. Мы должны победить их, и мы победим их! А скольких жертв это будет стоить в каждом отдельном случае - безразлично. Речь идет о жизни всей нации»[2].

Рейхсфюрер СС не хуже других понимал, сколь шатко было положение тыла вермахта, наступавшего в те летние дни на Сталинград и Кавказ. Под контролем Рейха оказались гигантские территории - больший и лучший кусок европейской части Советского Союза. Украинские степи и белорусские леса, среднерусские равнины и болотистые земли Прибалтики и Ленинградской области - все они отныне принадлежали Германии. Однако война все никак не заканчивалась, и установить плотный контроль над захваченными восточными территориями не хватало сил.

Немецкие гарнизоны стояли в превращенных в крепости городах, в деревнях и селах вдоль протянувшихся от города к городу железных и шоссейных дорог. На городских складах сосредоточивалось оружие, боеприпасы и обмундирование, необходимые вермахту; по дорогам они доставлялись воюющим частям. В городах и придорожных деревнях немецкий контроль ка-

Патрульный полевой жандармерии расстреливает подозреваемого

1 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 321.

2 Откровения и признания. С. 284.

зался прочным; однако чем дальше от городов, тем реже можно было встретить немецкие гарнизоны. Несколько десятков полицейских «службы порядка», вооруженных немцами, да деревенский староста - вот и вся оккупационная власть. Куда как ненадежная: старосты прячут предназначенное для вывоза в Рейх продовольствие, полицейские то и дело перебегают к партизанам.

Когда партизаны Ковпака приблизились к одной белорусской деревне, то, к своему удивлению, не обнаружили в ней жителей. Дома носили следы поспешного бегства; когда часа через полтора крестьяне вернулись, выяснилась весьма характерная вещь. Партизан приняли за немцев и, только удостоверившись, что это свои, советские люди, вернулись. «Появился и староста и тотчас начал принимать меры к тому, чтобы накормить нас, предложил даже ночевать у него в избе, - вспоминал один из партизан. - Староста, назначенный немцами, бежал от них и вернулся, как только узнал, что в селе партизаны!»[1]. Такова была лояльность к оккупантам; лишь войска вермахта, время от времени перебрасываемые на фронт через эти места, напоминали: отныне это германская земля.

В прифронтовой зоне власть принадлежит уже не гражданской администрации и местным начальникам СС и полиции; здесь распоряжаются командующие групп армий и начальники их тыла. Для жителей, впрочем, разница между гражданской и военной зоной оккупации невелика. В гражданской зоне по городам и селам идут облавы: собирают людей для отправки на работы в Рейх. В военной зоне набор «восточных рабочих» практически не ведется: трудоспособных угоняют специальные армейские команды. При каждой немецкой дивизии есть трудовой лагерь, в котором содержится рабочая сила: копать окопы, наводить дороги, разминировать. Лагеря размещают в открытом поле, лишь огородив колючей проволокой. Люди работают по 12 часов в сутки; питания недостаточно, и они гибнут как мухи. Когда людей в лагере становится мало, специальные команды снова отправляются на охоту[2].

Подобные лагеря есть и в гражданской зоне; правда, находятся они не в ведении военных, а в ведении гестапо. «Летом 1942 года в зоне действий группы армий «Центр» и, в частности, в районе Смоленска гитлеровцами были организованы так называемые «трудовые лагеря». Они находились в ведении гестапо и преследовали двоякие цели. Во-первых, в них согласно немецкой инструкции интернировались лица, уличенные в антигерманской деятельности, «действия которых не требуют смертной казни». Во-вторых, здесь собирались содержать и использовать на тяжелой физической работе людей, уклоняющихся от трудовой повинности»[3].

И тут, и там людей «уничтожают трудом».

В гражданской зоне крестьяне обязаны сдавать собранный урожай; в противном случае в села приходят подразделения полиции, выгребают все подчистую и сжигают вместе с домами тех, кто пытается сопротивляться. Это называется «сбор налогов».

В военной зоне немецкие солдаты приходят в деревню, увозят продовольствие и животных, а сопротивляющихся расстреливают. Это называется «реквизиция».

Разница между сбором налогов и реквизицией - лишь в адресате; сущность одна. «Население плакало и умоляло, а женщины и дети бросались солдатам в ноги, - вспоминал одну из таких акций обер-ефрейтор Арно Швагер. - Солдаты били их прикладами, топтали ногами. Я сам видел в деревне Волочанка, как солдат избивал женщину так долго, пока она не потеряла

---

1 Гл*идер М.М.* С киноаппаратом в тылу врага. С. 69-70. См. также: *Ваупшасов С.А.* Партизанская хроника. С. 22, 24-25.

2 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 245.

3 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 65.

сознание. Тогда он, больше не обращая на нее внимания, увел последнюю корову, хотя здесь оставалось шестеро детей, которые были обречены на голод»[1].

Правда, в гражданской зоне, где сбор налогов поставлен на регулярную основу, неплательщику не скрыться: наказание непременно настигнет виновного. «В 1943 году я был полицейским, - рассказывал В.И. Степанов. - Меня вызвали в немецкую комендатуру и спросили, кто является злостным неплательщиком налогов... Их было 15 человек, среди которых были и женщины. После чего немцы всех 15 человек расстреляли»[2].

С другой стороны, в военной зоне чаще случаются «самовольные реквизиции», а попросту говоря - грабежи. Командующий тылом 2-й танковой армии генерал фон Шенкендорф докладывает:

«Возрастает самовольная реквизиция немецкими солдатами под Навлей. Из Гремячего (28 км югозападнее Карачева) солдаты из местности Карачево увели 76 коров без справки, из Пластового (32 км юго-западнее Карачева) - 69 коров. В обоих местах не осталось больше ни одной головы скота. Кроме того, в Пластовом была разоружена русская служба охраны порядка; на следующий день населенный пункт был занят партизанами. В местности Синеозерко (25 км западнее Брянска) солдаты командира взвода фельдфебеля Себастиана диким образом реквизировали скот, а в соседнем населенном пункте стреляли в деревенского старосту и его помощников.

...О подобных случаях сообщается все чаще»[3].

Картину одной из таких реквизиций нарисовал в своих воспоминаниях итальянец Эудженио Корти, чья часть воевала на юге России.

«Зрелище, представшее передо мной, было ужасным. На полу в комнате в большой уже постепенно густеющей луже крови лежал огромный старик с длинной седой бородой. В сенях испуганно жались к стене люди. Среди них - три или четыре женщины и, по-моему, шестеро детей. Обращенные ко мне худенькие, бледные лица русских ребятишек казались мертвенно-бледными. За столом, где стояло несколько разнокалиберных мисок, сидел солдат и невозмутимо поедал вареную картошку... Как восхитительно тепло в этом убогом доме!»[4]

В прифронтовом тылу солдаты и офицеры вермахта ведут себя так, как подобает вести себя в покоренной стране. Они грабят деревни и насилуют женщин, а если им сопротивляются - в ход идет оружие. Зимней ночью в один из домов расположенного на юге России поселка вошли двое солдат: немец и итальянец. «В доме были только женщины самого разного возраста и дети. Они в ужасе прятались в углу. Немец выбрал самую симпатичную девушку, оставил ее в доме, остальных вывел на улицу и тут же за дверью пристрелил всех, включая детей. Затем он вернулся в избу, бросил девушку на постель и изнасиловал ее... Затем немец заставил девушку приготовить ему еду, после чего уложил ее рядом с собой в постель и вынудил всю ночь лежать рядом с собой. Он еще трижды насиловал ее. Утром он вывел ее на мороз и пристрелил»[5].

В Курске обер-ефрейтор Арно Швагер стоял на посту, когда из расположенного напротив

1 Истребительная война на Востоке. С. 46-47.

2 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 225.

3 Война Германии против Советского Союза. С. 63.

4 *Корти Э.* Немногие возвратившиеся... С. 92-93.

5 Там же. С. 143-144.

дома, где жил высокопоставленный военный чиновник Бенер, послышались крики и ругань. Когда обеспокоенный ефрейтор с оружием вошел в занимаемое Бренером помещение, то стал свидетелем картины, будто сошедшей со страниц романов де Сада. «Я увидел, - рассказывал Швагер, - как офицер хлестал верховой плетью девочку лет 13-14, которая полураздетая была привязана к столу»[1].

Под Смоленском партизаны захватили грузовик, перевозивший почту немецких солдат. Когда эти письма перевели на русский, гневу не было предела. «Пошарив в сундуках и организовав хороший ужин, мы стали веселиться, - писал своему другу ефрейтор Феликс Капдельс. - Девочка попалась злая, но мы ее тоже организовали. Не беда, что всем отделением...» «В маленьком городке мы пробыли три дня, - рассказывал матери ефрейтор Георг Пфалер. - Можешь представить себе, сколько мы съели за три дня. А сколько сундуков и шкафов перерыли, сколько маленьких барышень перепортили... Веселая теперь наша жизнь, не то что в окопах...»[2]

Каждый отдыхает по-своему: в поселке Краматорск немецкие солдаты, проходя по Славянской улице, развлекались тем, что вызывали из квартир жильцов и тут же расстреливали их. «Всего в поселке таким способом было убито за несколько дней не менее 50 человек, - вспоминал поселковый священник. - Трупы убитых запрещали убирать в течение 15 дней. Только после этого срока мне пришлось их отпевать и хоронить»[3].

Не мотивированные ничем, кроме жажды крови, убийства совершаются в военной зоне оккупации повсеместно. В сентябре 1942 года в с. Березовка Больше-Полянского района немецкие солдаты, заподозрив девятилетнего мальчика Деханова в краже одной коробки папирос и 10 конфет, повесили ему на грудь надпись: «Я вор, ограбил немецких солдат, украл конфеты и папиросы», целый день водили его по селу, затем избили до потери сознания и расстреляли[4].

В городе Россошь за принадлежность к пионерской организации были расстреляны ученики средней школы Нина Гладская и Аркадий Сигаев. В селе Шелякино Ладомировского района была расстреляна двенадцатилетняя Антонина Сидоренко только за то, что на ней был пионерский галстук[5].

В городах гражданской зоны больше порядка, но зато здесь свирепствует гестапо. На этой земле у Рейха слишком много врагов; долг тайной государственной полиции - выявить их и покарать. В первые месяцы оккупации подозрительных свозили в тюрьмы в таких количествах, что не хватало грузовиков; потом репрессии стали более выборочными, не став, впрочем, менее массовыми.

«Когда фашисты вступили в наш Кокос, мы, дети, воспринимали их как врагов. И не зря. Вскоре наступило самое страшное, горькое утро в моей жизни. Немецкий карательный отряд окружил поселок. Не прошло и часа, как они ворвались в дом. В руках их старшего был листок с фамилиями. Они закричали на маму: «Ты есть дочь старого большевика, ты и он есть партизан!» Им скрутили руки и автоматами вытолкали из дому. Вместе с ними я оказалась на улице. Мама крикнула: «Вернись в дом!», но я не отцепляла рук от маминой юбки. Немец повернулся и ударил сапогом мне в живот, я

---

1 Истребительная война на Востоке. С. 47.

2 *Ортенберг Д.И.* Год 1942-й. С. 308.

3 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 407.

4 «Огненная дуга». С. 249.

5 *Филоненко Н.В.* Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах, июль 1942 г. - февраль 1943 г.: Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. - Воронеж, 2003. - С. 17.

упала. Мама вырвалась, бросилась ко мне, поцеловала в правую щеку. Вот и все, что осталось мне от мамы.

Назавтра их расстреляли в Гремячем. Очень много тогда расстреляли людей, могила вздыхала волной от еще живых»[1].

Особенно напряженно трудиться гестаповцам приходится в столице Белоруссии - Минске. Здесь существует обширное и разветвленное подполье, досаждающее оккупантам. Гестаповцы выявляют новые и новые ячейки, однако подпольная сеть раскинута очень широко. Минские тюрьмы забиты заключенными; некоторым из них удается бежать, и тогда становятся известными страшные подробности...

«В тюремные камеры, где с трудом могли поместиться пятнадцать человек, фашисты вталкивали по семьдесят. Люди задыхались, некоторые стоя умирали. Многих заключенных, чтобы быстрее лишить физических и моральных сил, раздевали донага и держали на залитом водой цементном полу.

Тюрьмы зимой не отапливались. Среди заключенных были беременные женщины, грудные дети и старики. Арестованным один раз в день выдавалось 100 граммов смешанного с опилками хлеба и поллитра кипятку. Заключенным не разрешали пользоваться баней и умываться. В местах заключения свирепствовал тиф. Больных не лечили, а уничтожали. Поэтому заключенные принимали все меры, чтобы скрыть заболевание. Смерть косила людей; ежедневно умирал каждый десятый»[2].

Весной 1942 года немецкие спецслужбы нанесли сокрушительный удар по минскому подполью; было казнено 405 подпольщиков и партизан, в том числе 28 руководящих работников во главе с секретарем подпольного горкома. Однако и дальше казни продолжались во всевозрастающих масштабах. Очередную годовщину Октябрьской революции оккупанты отметили массовыми казнями. В центральном сквере Минска качались тела повешенных, в минской тюрьме был организован массовый расстрел. «Людей выводили по сто человек. Тех, у кого была хорошая одежда, раздевали и бросали в машину голыми. Зарывать трупы немцы заставляли самих заключенных, ожидавших расстрела»[3].

В руки гестапо мог попасть любой - по малейшему навету или подозрению. И все же действия тайной полиции в городах казались образцом законности и правопорядка по сравнению с действиями карательных отрядов в сельской местности.

Одной из первых «контрпартизанских» операций стала операция под кодовым названием «Болотная лихорадка», проведенная в феврале - марте сорок второго. По немецким данным, за это время было уничтожено 398 партизан и около 9500 «подозрительных» и «нежелательных» лиц[4]. На самом деле число убитых партизан систематически завышалось, а число уничтоженных мирных жителей определялось «на глазок»; однако даже немецкая статистика наглядно демонстрирует сущность «борьбы с партизанами». На каждого уничтоженного партизана приходится двадцать четыре мирных жителя! Так против кого же проводилась эта операция?

По подсчетам германского историка Эриха Хессе, всего с начала сорок второго и до конца весны сорок четвертого оккупантами было проведено 49 крупных карательных операций, масштабы которых все увеличивались[5]. Хессе очень сочувственно относится к «борьбе с партиза-

---

1 Я это видел... С. 216.

2 *Ваупшасов С.А.* Партизанская хроника. С. 268.

3 Там же. С. 268-269.

4 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 182.

5 Антипартизанская война... С. 97-102. Эта цифра явно занижена: советские исследователи называют 132

нами» и пытается не упоминать о методах, которыми проводилась эта борьба. Однако даже он вынужден признать, что отчеты о карательных операциях «превратились в циничный подсчет ужасов и откровенных зверств, в котором одно страдание среди тысяч теряло всякое интеллектуальное значение»[1].

Оккупантами проводились не только масштабные операции, подобные «Болотной лихорадке»; от регулярно проводимых в сельской местности карательных акций не застрахован был никто. Два-три десятка немецких полицейских, полсотни местных из «вспомогательной полиции» - более чем достаточно против любой деревни.

На Западе, столкнувшись с действиями движения Сопротивления, немецкие власти прибегали к системе заложничества. Заложников набирали из числа заключенных или евреев, после чего объявляли населению, в каких случаях заложники будут расстреляны[2]. На советских землях, согласно показаниям фон-дем Бах-Зелевски, подобная система вообще не применялась[3]. Здесь каждый был заложником.

Связная одного из партизанских отрядов пришла в село к жене местного учителя, воевавшего в лесу. И - случайно попала в облаву. Облава носила профилактический характер. «В село въехали две машины с карателями, - рассказывала потом женщина. - Всех жителей выгнали на улицу, в том числе и меня. Построили в один ряд, и немец отсчитывал каждого десятого и убивал. Десятыми были не только взрослые, но и дети... Я была шестая»[4].

В сентябре 1942 года в одной из деревень Ленинградской области были задержаны скрывавшийся от оккупантов председатель колхоза «Новый труд» Е. Алексеев и его жена. Их казнь была превращена в наглядный урок для сельчан: сначала немецкие полицейские отрубили обоим руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли[5].

В те же самые дни в поселок Погорелый Михайловского района прибыл карательный отряд: несколько десятков немцев и столько же местных полицейских. Каратели оцепили поселок и согнали женщин и детей в один из домов, а мужчин и подростков - в более надежный подвал. Проведя таким образом селекцию, каратели вывели женщин и детей на околицу и стали расстреливать из пулеметов. Крестьянка Капустина была лишь ранена; потеряв сознание, она лежала среди трупов до вечера, а потом уползла в лес. На околице остались убитыми четверо ее детей. Над селом пахло горелым мясом: немцы сожгли дом, в подвале которого сидели мужчины и подростки. Там, вместе с другими односельчанами, сгорели муж Капустиной Афанасий и двое сыновей - Дмитрий и Степан.

В поселке не осталось живых, тогда каратели отправились дальше - в села Веретино, Звезда и Разветье, сжигать дома и расстреливать жителей[6].

В январе 1943 года в деревнях Слободка, Кривицы и Пуничи Лепельского района Белоруссии каратели выбрасывали грудных детей в сильный мороз на снег, а ребятишек постарше и

крупные карательные операции, проведенные только в Белоруссии в период с лета 1941 по июнь 1944 г. См.: Нацистская политика геноцида... С. 241-258.

1 Антипартизанская война... С. 78.

2 21 августа 1941 г. командующий оккупационными войсками во Франции генерал фон Штюльпнагель издал приказ, согласно которому в понятие «заложник» входили «все французы, задерживаемые немецкими инстанциями или в интересах немецких инстанций». - *Бухгайт Г.* Абвер - щит и меч III Рейха. С. 263.

3 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 203, 269; Т. 8. С. 143. См. специальное указание ОКХ; ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 641-642.

4 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Т. 1. С. 112.

5 Обзор мероприятий германских властей... С. 46; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 68.

6 «Огненная дуга». С. 344.

их матерей - загоняли в прорубь[1].

Даже своих пособников не жалели оккупанты: при убийстве деревень местные полицейские уничтожались вместе с остальными жителями. «Полицейские свои семьи пособирали и привезли к школе, - вспоминала чудом уцелевшая жительница белорусского села Борки. - И тут их тогда заперли в сарай школьный и подожгли. Вот они живые и погорели. Нас они хоть жгли неживых, убивали, а их живыми спалили...»[2]

После таких операций на дорогах появлялось много сумасшедших: человеческий мозг не выдерживал ужаса произошедшего. На одну из таких несчастных наткнулась маленькая группа партизан.

«Мы подобрали на дороге женщину, она была без сознания. Она не могла идти, она ползла и думала, что уже мертвая. Чувствует: кровь по ней течет, но решила, что это она чувствует на том свете, а не на этом. И когда мы ее расшевелили, она пришла немного в сознание, а мы услышали... Она рассказала нам, как вели на расстрел ее и пятерых детей с ней... Пока вели их к сараю, детей убивали. Стреляли и при этом веселились... как на охоте... Остался последний, грудной мальчик. Фашист показывает: подбрасывай, я буду стрелять. Мать бросила ребенка так, чтобы убить его самой... Своего ребенка. Чтобы немец не успел выстрелить... Она говорила, что не хочет жить... Не может после всего жить на этом свете, а только на том...»[3]

Каратели тоже с трудом выдерживали напряжение непрерывных убийств. Водка становилась единственным средством, позволявшим не сойти с ума. «Каждый пил до тех пор, пока не становился веселым, - вспоминал служивший в одном из полицейских подразделений латыш Петрас Целенка. - Нам давали шнапса столько, сколько душа принимала. А когда алкоголь начинал действовать, все становились храбрыми и начинали операцию»[4].

Карательные мероприятия нацистов вызвали к жизни весьма специфическое явление: создававшиеся в труднодоступных для оккупантов районах партизанские края. Там над сельсоветами развевались красные советские флаги. Там базировались крупные соединения, насчитывающие по нескольку тысяч человек, оттуда же они выходили в рейды по немецким тылам. Но удобными партизанские края казались лишь на первый взгляд. Необходимость защищать достаточно обширные территории сковывала подвижность партизан, вынуждала их принимать самый невыгодный - прямой бой. Конечно, вместе с вооруженной крестьянской самообороной партизаны были способны отбить нападение, но только если оно не предпринималось значительными силами. Немецкий тыл был как тришкин кафтан, охранных войск и батальонов «вспомогательной полиции» не хватало всюду, и, для того чтобы ликвидировать партизанский край, нужно было обращаться к военному командованию: просить выделить на время перебрасываемую к фронту дивизию. Просить людей, артиллерию и, если возможно, танки: партизаны заранее подготовились к обороне и воевать с ними приходится по-настоящему. Но рано или поздно командование групп армий давало согласие на масштабные операции - и тогда партизанские края уничтожались без особых проблем.

Для партизан выгоднее иметь небольшие базы, опираясь на которые можно было вести маневренную войну: сегодня бить врага в одном месте, а завтра уже совсем в другом, легким осиным роем перелетать с места на места: попробуй поймай! Во все времена и во всех стра-

1 Обзор мероприятий германских властей... С. 46.

2 *Адамович А., Брыль Я., Колесник В.* Я из огненной деревни... С. 410.

3 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 253.

4 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 136.

нах подвижность была для партизан залогом успеха; однако советские партизаны были вынуждены ею жертвовать ради спасения людей.

В партизанских краях находили убежище десятки тысяч. Восточные рабочие, бежавшие от угона в Германию, крестьяне, уцелевшие после карательных операций оккупантов, евреи, чудом выбравшиеся из ликвидируемых гетто - все они искали спасения у партизан, и бросать людей на произвол судьбы было немыслимо.

...После Ванзейской конференции нацисты деятельно приступили к «окончательному решению еврейского вопроса». Европейских евреев вывозили в огромные лагеря уничтожения: Освенцим, Треблинку, Дахау. На оккупированных советских территориях евреев убивали все больше по старинке, устраивая в ликвидируемых гетто жестокие побоища. Впрочем, использование получили и новые машины-«душегубки», выхлопные трубы которых выводились в надежно изолированные кузова. Достаточно было проехать на такой машине несколько километров - и все люди, набитые в кузов, задыхались. Оставалось лишь извлечь трупы.

28 июля 1942 года «душегубки» были применены в минском гетто. Сначала с помощью вспомогательной полиции был устроен массовый погром, продолжавшийся четверо суток и унесший тысячи жизней. Потом нацисты задействовали «душегубки». Картина, свидетельницей которой стала сумевшая добраться до партизан подпольщица, была ужасающа.

«К десяткам «душегубок» были установлены бесконечные очереди женщин и стариков. Детей отделили от взрослых и с поднятыми руками поставили на колени. Так они должны были стоять до своего конца.

Маленькие дети не выносили долго такой пытки и опускали усталые ручонки. Изверги подхватывали детей и, подняв высоко над головой, бросали на камни или резали их кинжалами.

Матери, стоявшие в очереди у «душегубок» и видевшие такую расправу над детьми, в ужасе заламывали руки, рвали волосы, сходили с ума.

Беззащитных женщин изверги хладнокровно оглушали ударами резиновых дубинок по голове или прикладами.

...Только поздно осенью закончили курсировать «душегубки»[1].

Когда подпольщица рассказывала об увиденном партизанам, она не могла удержаться от слез:

- Минское гетто - сущий ад: там каждый камень пропитан слезами и кровью советских людей. За что? За то, что они евреи... Сколько было знакомых, товарищей...

«Когда Анна закончила рассказ, - вспоминал затем командир партизанского отряда полковник Станислав Ваупшасов, - в землянке воцарилась мертвая тишина. Хотя это и не было для нас новостью, минские подпольщики уже сообщали нам об этом, и все же рассказ Анны произвел на нас потрясающее впечатление. Губы Анны дрожали.

- С ума можно сойти, - прошептал подавленный рассказом Максим»[2].

Уничтожая евреев, нацисты утверждают, что таким образом борются с партизанами. «Вдохновителями партизанского движения являются асоциальные элементы, в основном из числа прибывших сюда великороссов и евреев. Когда летом прошлого года мы приступили к решению еврейской проблемы, впервые начав переселение евреев в гетто, то сразу и началось партизанское движение. Часть евреев вырвалась из гетто, ушла в леса и усилила все более развивающееся партизанское движение: с этим следует считаться», - заявляет гауляйтер Белоруссии

1 *Ваупшасов С.А.* Партизанская хроника. С. 265-267.

2 Там же. С. 267.

Кубе[1].

«Если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или курьер, - соглашается со своим начальником глава СС и полиции Белоруссии бригаденфюрер Курт фон Готтенберг. - Судя по обнаруженным бандитским записям, все сведения основываются на деятельности евреев. Мне думается, что если в Белоруссии не останется в живых ни одного еврея, то этим будет избавлен от смерти не один порядочный немец»[2].

В чем-то нацисты правы: евреи, как и представители всех других народов Советского Союза, конечно же, воевали в партизанских отрядах. Это неудивительно: советские партизаны были единственной организованной силой на оккупированной территории, спасавшей подвергающихся геноциду евреев. Нам, сегодняшним, трудно даже вообразить те чувства, которые испытывали узники гетто, добравшиеся, наконец, до партизан. «Перед нами появилась группа верховых партизан, одетых в гражданскую одежду, только на головных уборах - красные ленточки со звездочками, - вспоминал Арон Плоткин. - Мы выскочили на дорогу. Лошади остановились, мы бросились целовать ноги партизанам, обнимали лошадей, плакали и смеялись. Мы нашли партизан, мы спасены!»[3]

В дневнике Михаила Глидера мы находим не менее красочный эпизод. Когда партизанское соединение генерала Федорова отправляло в советский тыл оказавшихся под его защитой мирных жителей, среди эвакуируемых были и евреи.

«Мы подходим к подводам, на которых сидят спасенные соединением евреи. Высокий старик встает во весь рост на подводе.

- И сказал пророк, - говорит он распевным дрожащим громким голосом, - придет человек высокого роста с сияющими глазами, с доброй улыбкой. И будет это мой посланник. И возвестит он народу моему радостную весть и принесет ему спасение...

Старик вдруг обрывает распевную мелодию, открывает глаза, показывает на Федорова и кричит:

- Вот он! Вот этот человек!

Тут тоже поднимается плач. Старухи и старики во весь голос призывают благословение бога на голову Федорова, который, кстати, ни одного слова не понимает»[4].

Впрочем, не меньшую радость при виде партизан испытывали и русские, украинские, белорусские крестьяне. Даже там, где не было партизанских краев, где вроде бы существовала оккупационная власть, не приходилось сомневаться, на чьей стороне симпатии населения. «Русские к немцам и венграм относятся с неприязнью, по меньшей мере, сдержанно, к партизанам отношение очень дружественное, - пишет в отчете, датируемом 7 июля 1942 года, командир 703-го охранного батальона. - Большая часть их в партизанах; даже женщины и дети со времени боев 1941 г. поддерживают связь с партизанами, постоянно снабжают их продовольствием, как правило, добровольно; поставляют им сведения, бегут при приближении немецких и венгерских войск, потом долго скрываются в лесах, постоянно используются в качестве разведчиков, что облегчается полевыми работами. В зимнее время в местах расположения штабов пар-

---

1 *Альтман И.А.* Жертвы ненависти... С. 349.

2 Там же. С. 349-350.

3 *Плоткин А.С.* Подвигов не совершал... (Записки партизана). - М.: Фонд «Холокост», 2000. - С. 54. Подобные эпизоды без труда можно найти и в других воспоминаниях. См., напр.: *Долинко А.* Так погибли общины Пинска и Карлина... / Пер. с иврита М.А. Векслер; предисл. Г. Горбовицкого; З. Ливне; примеч. Г. Горбовицкого. - М.: Воскресение, 2005. - С. 116.

4 *Глидер М.М.* С киноаппаратом в тылу врага. С. 103.

тизаны проводили для жителей праздники - танцевальные, музыкальные и развлекательные вечера»[1].

В словах командира охранного батальона не было никакого преувеличения. Немецкий офицер совершенно четко представлял себе настроения населения. Пусть в инструкциях, издаваемых Берлином, говорится о том, что безбожная советская власть чужда религиозным русским[2], - те, кто служит на восточных территориях, знает обстановку гораздо лучше, чем давным-давно бежавшие из России эмигранты. Религиозное чувство - не помеха советскому патриотизму; партизаны празднуют Пасху, а сельские священники не хуже комиссаров вдохновляют людей на выполнение гражданского долга.

В начале 1943 года в украинскую деревню Студенок под Путивлем вошел отряд: полсотни полицейских из «вспомогательной полиции» под командованием гауптштурмфюрера СС. Отряд был переодет в партизан; оккупационные власти хотели узнать, насколько население поддерживает партизан. Отчет об этом эксперименте привел в своей книге германский историк Эрих Хессе.

«Уже при вступлении в деревню обнаружилась необычная картина: обычно пустые при входе не-

Колхозница отправляет своего сына в партизанский отряд

1 Война Германии против Советского Союза. С. 150.

2 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 348.

мецких войск, улицы теперь были заполнены народом. Женщины и девушки стояли у ворот и возгласом «наши!» приветствовали команду. Жители сразу же угостили их водкой, молоком и хлебом; предложили дать с собой значительное количество продовольствия и привели лучших лошадей.

Одна женщина громко сожалела, что ее муж бежал из деревни, приняв команду за венгров, а он очень хотел уйти в партизаны. Она подарила группе лошадь. 23-летняя девушка вступила в «партизанскую группу»... Позже она заявила, что была горда сознанием того, что хоть два часа чувствовала себя партизанкой. Другие женщины жаловались, что партизаны берут к себе только молодых и красивых девушек, но они тоже хотят уйти в партизаны, хотя бы готовить пищу.

58-летний мужчина, руководитель местной коммунистической организации, сиял от радости... Другой житель выразил желание рубить немцев топором, так они его замучили своими налогами. С разных сторон раздавались пожелания скорейшего возвращения Красной Армии»[1].

Настроение населения было совершенно ясно; после ухода лжепартизан в деревню пришли каратели.

«На Востоке мы, несомненно, столкнулись с чудовищно упорным сопротивлением, - писал министр восточных территорий Розенберг. - Это едва ли можно рассматривать иначе, чем обычное, старое славянское упрямство, связанное с фанатичным мировоззрением. Это мировоззрение... им довольно равномерно проникнуто русское население сверху донизу, причем проводником его является большевистская партия. Эти люди действительно верили, что они могут принести спасение миру, что они самые передовые люди и обладают самой прогрессивной системой в Европе... Можно думать об этом и расценивать это как угодно, во всяком случае, нам противопоставлена сила»[2].

...В нескольких десятках километров от места дислокации 703-го охранного батальона партизаны соединений генералов Федорова и Бегмы вошли в большое село, находившееся на контролируемой оккупантами территории. До партизанского края было далеко; однако партизан здесь встретили хлебом и солью. В дневнике уже встречавшегося нам Михаила Глидера осталась зарисовка этой встречи.

«Навстречу нам вышли старики, женщины и дети. Старики несли поднос с хлебом-солью, накрытый белой салфеткой.

Федоров, Бегма, Дружинин и комиссар Бегмы Кизя сошли с коней, подошли к старикам, сняв фуражки, поблагодарили за встречу. Затем состоялся митинг.

Открыл его священник Михаил Грибинка. Я записал несколько фраз из его речи.

- Отрадно и радостно душе смотреть на боевые дела народных мстителей. Не немец ищет партизана, а партизан - немца. Вы для нас - советская власть. Вы для нас - православное воинство. Вы для нас - Россия. Вы защитники наши, вы лучшие дети наши. Слава вам, герои родины, слава вашим командирам, слава отцу народа нашего - Сталину. Примите наш земной поклон за то, что не дали родину на поругание, за то, что скоро вызволите нас из рабства...

Когда мы решили ехать дальше, оказалось, что дорога закрыта: улица перегорожена столами. Хозяйки вынесли столы, накрыли их белыми скатертями, и каждая старалась, чтобы ее стол был красивее и богаче других.

Старики пригласили всех нас на обед.

...Вскоре все перемешалось. Партизаны подсели к местным девушкам, местные парни окружили наших партизанок. Только старики и священники чинно беседовали с нашими командирами.

После обеда начались танцы. Партизаны плясали только с местными девушками, а партизанки - с

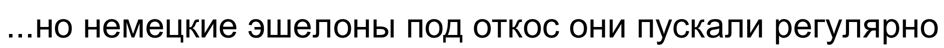
---

1 Антипартизанская война... С. 81-82.

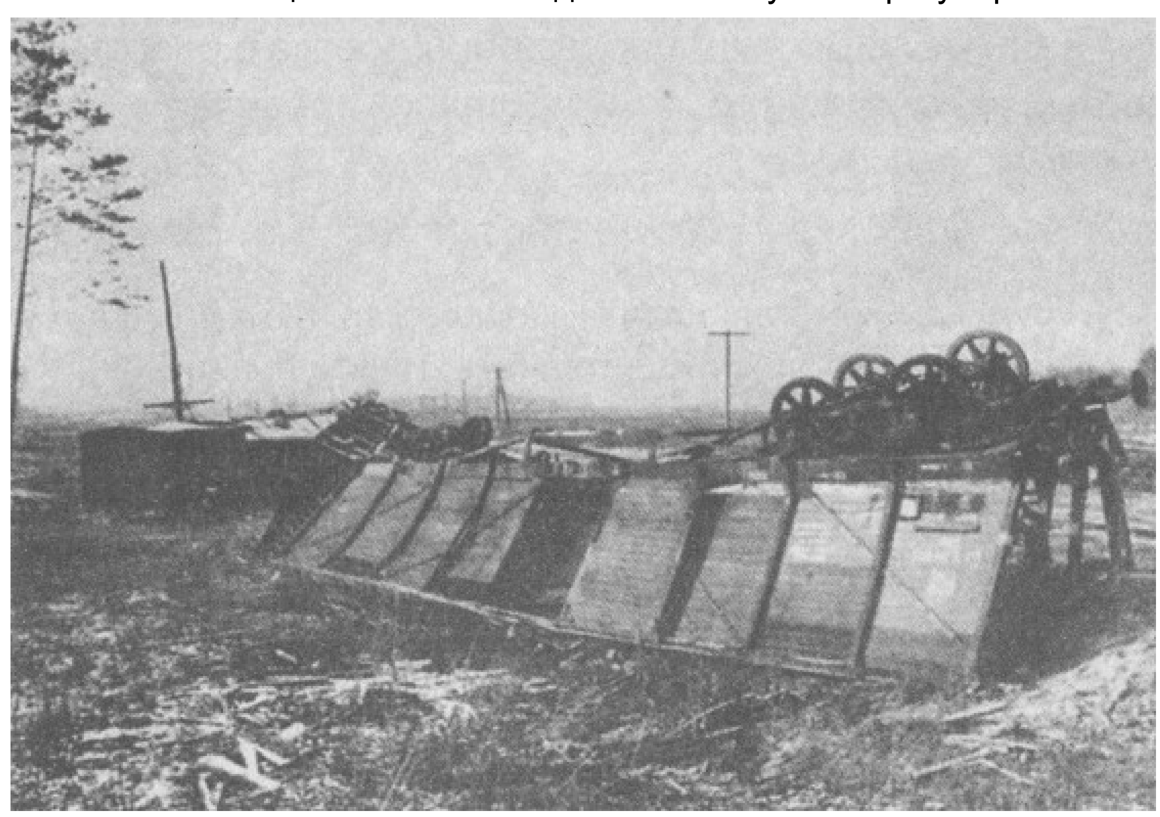
2 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 663.

Нечасто советским партизанам выдавалась возможность устроить праздник...

...но немецкие эшелоны под откос они пускали регулярно

местными парнями. Я видел, как трудно было Федорову удержаться, чтобы не станцевать своей любимой «полечки». Не будь священников, может быть, наш генерал и не утерпел бы. Но он продолжал степенный разговор и только одним глазом косился на танцующих»[1].

Этот праздник был, конечно, редкостью. Партизанам предстояло уходить в дальний рейд, уходить от стягиваемых для их уничтожения немецких частей, бить вражеские гарнизоны и прорываться из окружения. Впереди были месяцы страшного напряжения, непрерывных боев и голода - и разве можно упустить возможность отпраздновать, как до войны? Крестьяне, выставлявшие на накрытые белыми скатертями столы нехитрую снедь, знали: скоро в деревню придут немцы и выгребут собранный урожай мало что не подчистую. Тех, кто попытается сопротивляться, - сожгут вместе с хатами. Зимой людям придется голодать. Но как не накормить своих защитников?

Даже в самые тяжелые времена люди помогали партизанам: делились едой, рискуя жизнью, прятали раненых и больных. Об этом после войны всегда с благодарностью вспоминали те, кому пришлось воевать в партизанах.

«Народ нам помогал. Если бы не помогал, то партизанское движение не могло бы существовать. Народ вместе с нами воевал. Иной раз со слезами, но все-таки отдают:

- Деточки, вместе будем горевать. Победу ждать.

Последнюю дробненькую бульбу высыпят, дадут хлеба. В лес мешки соберут. Один говорит: «Я столько-то дам», тот - «Столько». - «А ты, Иван?» - «А ты, Мария?» - «Как все, так и я, но у меня ж дети».

Что мы без населения? Целая армия в лесу, но без них мы бы погибли, они же сеяли, пахали, детей и нас выхаживали, одевали всю войну»[2].

Особой поддержкой населения советские партизаны, конечно, пользовались в России, Белоруссии и в восточных областях Украины. «Местное население ненавидело врага и во всем нам помогало, - вспоминали действовавшие в тех областях партизаны, - и мы не чувствовали, что мы в тылу врага, мы были дома»[3].

Однако и на «западных территориях», присоединенных незадолго перед войной, многие жители приветливо встречали партизан. В Литве случился забавный случай: журналисты коллаборационистской газеты «Карие», пользуясь тем, что в прибалтийских республиках оккупационный режим позволял некоторые вольности, в марте сорок третьего решили узнать отношение населения к партизанам. И тут случилась неприятность, о которой журналисты честно написали: люди о партизанах упорно молчали, «а по их враждебному поведению можно было скорее понять, что представители газеты являлись для них нежелательными гостями»[4].

«Теперь население относится к партизанам хорошо, - сообщалось в отчете латышских подпольщиков в Москву. - Население рассказывает партизанам все, что известно о противнике, указывает, кто предатель, и охотно дает продовольствие... Когда на нас напали «добровольцы», нельзя было достать продуктов, мы через своих агентов обратились к населению и предложили закопать для партизан продовольствие. Теперь выяснилось, что для нас в Латгалии у крестьян появились небольшие склады с продовольствием. О том, что и в других округах по-

1 *Глидер М.М.* С киноаппаратом в тылу врага. С. 55-56.
2 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 254.
3 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Т. 1. С. 112.
4 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 264.

ложение для нас не плохое, показывает то, что о нас там знают, радуются нашим проделанным операциям и оттуда люди ищут нас, чтобы связаться с нами»[1].

Народ был лучшей базой партизан, делавшей их непобедимыми. Оккупационные власти это прекрасно понимали. «Именно в России коммунизм показал свое истинное лицо, - рассуждал Гитлер. - Необходимо провести кампанию чистки, квадратный метр за квадратным метром, и это вынудит нас прибегнуть к упрощенному судопроизводству. Самое важное в войне с партизанами - и это необходимо довести до сведения каждого - заключается в том, что все средства хороши»[2].

За десять дней до Рождества, 16 декабря 1942 года, глава ОКВ фельдмаршал Кейтель, выполняя указания своего фюрера, издал новый приказ о борьбе с партизанами. Специальным пунктом он окончательно освободил карателей от всякой ответственности за любые преступления.

«Если борьба против банд, как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющихся в распоряжении сил окажется недостаточно, чтобы справиться с этой чумой.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения, также против женщин и детей, если это только ведет к успеху.

Любое проявление мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, которому приходится испытывать на себе последствия наносимых бандитами ударов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников...

Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, не может быть привлечен к дисциплинарной или судебной ответственности за свое поведение в бою против бандитов и их сообщников»[3].

Новый приказ Кейтеля выделялся даже на общем фоне «преступных директив», определявших правила войны на Востоке. Указ «О военном судопроизводстве», выпущенный в июне сорок первого, по крайней мере, предписывал карать за преступления, «свидетельствующие об одичании войск»; теперь снято даже такое призрачное ограничение. Командующий войсками безопасности в районе группы армий «Центр» генерал Макс фон Шенкендорф не сразу понял смысл пришедшего из ОКВ приказа. Генерал полагал, что убивать все-таки следует не всех, и потому через некоторое время издал распоряжение, в котором уточнить попытался понятия «операции по очистке и усмирению» и «карательные меры». Шенкендорф писал:

«В последнее время участились случаи, когда в ходе операций по очистке и усмирению применялись так называемые «карательные меры», которые находятся в противоречии с моими взглядами на то, что важно привлечь население на свою сторону и обеспечить спокойствие и порядок во взаимодействии с ними. Террористические акты, такие как сжигание и расстрел жителей, особенно женщин и детей, дают обратную реакцию. Карательные меры затронули слишком большое число жителей, которые не были на стороне партизан и не оказывали им поддержку...

Посему с согласия верховного фюрера СС и полиции я отдаю следующее распоряжение полиции безопасности и порядка:

1. Массовые карательные меры, включающие расстрел жителей и сожжение населенных пунктов, в основном должны осуществляться по приказу офицера в должности не ниже командира батальона, и

---

1 Латвия под игом нацизма. С. 291-292.

2 ЗРГ. Вар. 2. С. 617; *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. С. 315.

3 Преступные цели... С. 132-133; ВДГЭ. С. 134-135.

только если однозначна помощь партизанам со стороны населения или отдельных лиц...

2. Я запрещаю расстрел женщин и детей, за исключением женщин с оружием в руках. О случаях, когда предлагаются карательные меры со стороны полиции порядка и безопасности против женщин и детей, приказываю доводить до моего сведения через верховного фюрера СС и полиции и фюрера полиции для моего решения.

3. Нарушение приказа в пунктах 1 и 2 будет преследоваться в судебном порядке»[1].

Пленных партизан ждала страшная смерть. Если их просто вешали - это была большая удача

Однако подобные распоряжения слишком явно противоречили общей концепции войны с Советским Союзом. Получив втык за самоуправство, фон Шенкендорф был вынужден уже спустя десять дней внести в приказ новый пункт, обесценивавший все предыдущие: «Тем самым распоряжение, переданное верховным командованием вермахта, по которому опергруппы или команды имеют право проводить экзекуционные меры против гражданского населения в рамках своих задач и под свою ответственность, **не затрагивается**»[2].

С именем генерала фон Шенкендорфа связана еще одна попытка наладить борьбу с партизанами, не прибегая к поголовному уничтожению мирного населения.

Наиболее непримиримые представители вермахта и СС считали, что последовательная реализация политики обезлюживания, столь удачно начатой в сорок первом, рано или поздно приведет к тому, что партизан некому будет поддерживать: большая часть недочеловеков будет уничтожена. Поскольку подобные мероприятия великолепно укладывались в общую стратегию освоения восточных земель, они получали всемерную поддержку в Берлине и ставке фюрера. Для их выполнения привлекались самые отборные карательные подразделения - уголовники Дирлевангера и прибалтийская полиция.

Гражданская администрация и некоторые представители вермахта склонялись к более умеренной политике, полагая возможным отказаться от массовых операций по «обезлюживанию» и даже в некоторых местах передавать функции борьбы с партизанами формированиям из местного населения и навербованных в лагерном аду военнопленных. Сторонники этого подхода обращали внимание на то, что таким образом высвобождаются собственно немецкие войска, так необходимые на фронте. А уж после победы над Советским Союзом, собравшись с силами, можно будет вернуться к массовым акциям...

Генерал фон Шенкендорф был, несомненно, сторонником второго подхода - равно как и командующий 2-й танковой армией генерал-полковник Рудольф Шмидт. В зоне ответственности фон Шенкендорфа партизанское движение было особенно сильно - то были знаменитые Брянские леса. В партизанский край, укрывшийся в реликтовых чащобах, отступали порой даже рейдовые украинские и белорусские соединения; сказать, что такое соседство чрезвычайно донимало командование 2-й танковой армии, - значит не сказать ничего.

1 Война Германии против Советского Союза. С. 132-133.

2 Там же. С. 134.

И тогда Шмидт и фон Шенкендорф решились на рискованный эксперимент. В небольшом поселке Локоть, расположенном в Орловской области, как и во всех других оккупированных населенных пунктах, существовала местная администрация, набранная из ненавистников советской власти, и небольшой батальон «народной милиции», задачей которого было поддерживать порядок и бороться с партизанами. От остальных городов и поселков Локоть отличала лишь повышенная активность бургомистра Константина Воскобойника и его заместителя Бронислава Каминского, умудрившихся объявить о создании «Народной Социалистической Партии России «Викинг», созданной по образу и подобию гитлеровской НСДАП. Узнав о таком соседстве, брянские партизаны 8 января 1942 года попытались штурмом взять казармы локотской «народной милиции» и дом бургомистра. Операция не увенчалась успехом: коллаборационисты отбились. Правда, жизнь раненого Воскобойника не смогли спасти даже вызванные из Орла немецкие медики, и новым бургомистром поселка стал Каминский.

Генерал Макс фон Шенкендорф пытался перейти от уничтожения мирного населения к борьбе с партизанами и привлечь к этому местных жителей. Его намерения потерпели крах

Всю весну Каминский вел борьбу с окрестными партизанами; успехи были не то чтобы особо значительными, но достаточно заметными - особенно если учесть, что велась борьба с партизанами исключительно силами «народной милиции». Летом сорок второго командование 2-й танковой армии передало Каминскому в управление 8 районов с населением в 600 тысяч человек. Немецкие штабы и комендатуры были выведены за пределы свежесозданного Локотского округа, а Каминскому разрешили увеличить свою «армию».

К 1943 году бригада Каминского (с пафосом названная «Русской освободительной народной армией») насчитывала около 8 тысяч человек, большей частью мобилизованных, 12 танков, две танкетки и три бронемашины. Такая численность позволяла при поддержке немецких и венгерских частей вести ожесточенные бои с партизанами.

Теперь Шмидту и фон Шенкендорфу было что предъявлять вышестоящему начальству; правда, немецкие инспекторы от бригады Каминского приходили в тихий ужас. «У Деккера была возможность осмотреть все батальоны, - писал Альфред Розенберг. - Четыре батальона носят старую немецкую форму. Остальные батальоны внешне выглядят как дикая банда...»[1]

Постепенно сущность бригады Каминского стала приходить в соответствие с внешним видом. Попадавший в это формирование приличный человек рано или поздно переходил к партизанам; расстрелы были единственным способом поддержания «чистоты рядов» - и они осуществлялись постоянно. Расчет генерала фон Шенкендорфа на то, что местные формирования в борьбе с партизанами обойдутся без массового уничтожения собственных сограждан, не оправдался. Каминцы жгли поддерживавшие партизан деревни ничуть не хуже немцев - с той же достойной увековечивания безжалостностью[2]. Лучшей же характеристикой бригады стал тот

1 *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты. - М.: Эксмо; Яуза, 2004. - С. 122.

2 Антипартизанская война... С. 148.

факт, что, когда немцы начали проводить на территории Локотского округа «вербовку восточных рабочих», части Каминского приняли в угоне крестьян весьма деятельное участие[1]. А ведь «вербовка добровольцев» осуществлялась столь мерзко, что даже прибалтийские коллаборационисты подобные мероприятия всячески саботировали, спасая своих соотечественников[2].

Однако отборным карателям Каминского подобные сантименты были чужды. Они выполняли распоряжения своих немецких хозяев так хорошо, что, когда летом 1943 года советские войска начали победное наступление на запад, освобождая все новые и новые города и деревни, немецкое командование сочло бригаду Каминского слишком ценной карательной единицей, чтобы ее можно было бы бросить на произвол судьбы. В тяжелейших условиях немцы сумели выделить для бригады несколько эшелонов и перебросить ее под Витебск - жечь белорусские деревни в тылу 3-й танковой армии.

Успехи Каминского на этом поприще были столь велики, что его лично принял рейхсфюрер Гиммлер. Бригада Каминского вошла в состав войск СС, а ее командир получил чин бригаденфюрера.

А потом была восставшая Варшава. Кроме обычных войск, на подавление восстания были брошены эсэсовские бригады Каминского и Дирлевангера. То, что эти отборные головорезы устроили в Варшаве, поразило даже эсэсовцев. «Сначала немецкое начальство терпело «обычные для русских грабежи» как неизбежное зло и старалось не замечать массовых изнасилований польских женщин, грабежей, пыток и убийств. Но когда в одной из больниц были изнасилованы и убиты немецкие медсестры, то эти эскапады даже эсэсовцам пришлись не по нутру. Бригаденфюрер СС Фегелейн, связной Гиммлера при Гитлере, на запрос последнего вынужден был признать: «Да, мой фюрер, это действительно отпетые бандиты»[3].

Согласно информации польских исследователей, только за один день 5 августа было уничтожено 15 тысяч жителей Варшавы[4]. Эту трагедию поляки помнят до сих пор и считают исключительной; но на самом деле русские эсэсовцы Каминского действовали так же, как привыкли в России и Белоруссии.

История «бригады Каминского» наглядно продемонстрировала, что даже из мобилизованных парней при более или менее длительном их использовании в «контрпартизанских» операциях получаются отборные каратели, своими действиям способные привести в ужас кого угодно. Царь Мидас превращал все, до чего дотрагивался, в золото; все, кто воевал бок о бок с нацистами, рано или поздно превращались в зверей.

...В отличие от генерала фон Шенкендорфа его коллега в гражданской зоне оккупации, начальник СС и полиции Белоруссии бригаденфюрер Курт фон Готтенберг, не испытывал никакой симпатии к местным недочеловекам. Он лично руководил карательными операциями. Одна из них, проводившаяся с 22 июня по 3 июля 1943 года, носила кодовое название «Коттбус». Под руководством фон Готтенберга эсэсовцы, вспомогательная полиция и части вермахта - без малого 17 тысяч солдат - пробили оборону партизан и вышли к Березине. Успех принес новаторский метод, о котором рассказал в отчете сам фон Готтенберг: «Проникновение в болотистую местность стало возможным только потому, что подозреваемых в связях с партизанами местных жителей гнали впереди войск по сильно заминированным участкам террито-

---

1 Преступные цели... С. 246-247.

2 Там же. С. 254-259.

3 *Кнопп Г.* СС: Черная инквизиция. С. 220.

4 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 105.

рии»[1].

По самым скромным подсчетам, на минах подорвались свыше трех тысяч женщин и стариков. Этим, однако, дело не кончилось. Прорвавшись в партизанский край, каратели устроили настоящую резню. Убитых партизан насчитали около пяти сотен, уничтоженных мирных жителей - около десяти тысяч. Еще две с половиной тысячи человек угнали на работы в Рейх. Гражданская администрация была поражена жестокостью, с которой проводилась операция, это ясно слышится в докладной записке, поданной рейхсминистру Розенбергу.

«...Особенно известен тем, что он уничтожает множество человеческих жизней, батальон Дирлевангера. Среди подозреваемых в принадлежности к бандам, которые расстреляны, имеется много женщин и детей... Политическое воздействие этой крупной акции на мирное население в результате расстрела множества женщин и детей ужасающее...»[2]

Бригаденфюрер фон Готтенберг не обращал внимания на подобные жалобы. «Задача вверенных мне соединений, - говорил он, - состоит в том, чтобы напасть на бандитов и уничтожить их. Врагом считать каждого бандита, еврея, цыгана и всех подозреваемых в связи с бандами»[3]. Подобная точка зрения, безусловно, находилась в полном соответствии с декабрьским приказом Кейтеля. Это было важно, поскольку приказы ОКВ подлежали исполнению не только в вермахте, но и в ваффен-СС. На этот момент впоследствии указывал начальник штаба рейхсфюрера СС генерал-майор Эрнст Роде: «Приказы, которые через верховное командование вермахта и верховное командование сухопутных войск были доведены до сведения и, разумеется, подлежали исполнению как в армии, так и в войсках СС и полиции. Солдат в армии был таким же озлобленным по отношению к врагу, как солдат СС и полицейский... Как доказательство можно упомянуть приказ ОКВ и ОКХ, который гласил, что все пойманные бандиты, такие как евреи, агенты и политкомиссары, должны немедленно передаваться войсками в СС для «особого обращения». Этот приказ содержал также распоряжение, что при борьбе с бандитами пленных не брать, кроме вышеназванных... Сейчас мне ясно, что борьба с бандами постепенно стала ширмой для систематического истребления евреев и славян»[4].

Оберфюрер СС Оскар Дирлевангер был самым кровавым карателем на Востоке. Даже эсэсовцы сторонились уголовника, ставшего командиром карательной бригады

Уже в сентябре 1942 года жители советских территорий были официально приравнены к евреям и цыганам (чье поголовное уничтожение шло полным ходом). Согласно соглашению рейхсфюрера СС с имперским министром юстиции Тираком, евреи, цыгане, русские и украинцы

1 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 113-114; Антипартизанская война... С. 34.
2 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 322-323; Т. 7. С. 184-185.
3 Война Германии против Советского Союза. С. 137.
4 Война Германии против Советского Союза. С. 135-136.

«более не должны предаваться обычным судам, поскольку это будет касаться подлежащих наказанию преступлений, а будут передаваться рейсхфюреру СС»[1]. А несколькими месяцами спустя в Смоленске провели специальную акцию против детей, родившихся от смешанных браков с евреями. Русских матерей нацисты уничтожали вместе с детьми, объясняя населению, что смешение славянской и еврейской крови дает «самые ядовитые и опасные всходы»[2].

Из высказываний руководителей Рейха становится ясно: борьба с партизанами должна проводиться теми же способами, что и «окончательное решение еврейского вопроса». И то и другое - лишь неизбежное проявление борьбы рас: высшей арийской против недочеловечьих. «Если возникнет вынужденная необходимость действовать в какой-то деревне против партизан и против еврейских комиссаров, - указывал высокопоставленным эсэсовцам Гиммлер, - то я отдал приказ убивать также детей и жен этих партизан и комиссаров. Я был бы слабак и преступник в глазах наших потомков, если бы позволил вырасти преисполненным ненависти сыновьям этих ублюдков, убитых в борьбе человека против недочеловеков... Мы должны постоянно все более осознавать, в какой примитивной, первобытной, естественной расовой борьбе мы находимся»[3].

Эту расовую борьбу ведут не только подразделения ваффен-СС и полиции; их слишком мало, и потому в карательных операциях более чем активное участие принимают части вермахта[4]. Они проявляют не меньшую жестокость, чем эсэсовцы.

Вот составленный по свежим следам одной из подобных карательных операций документ. Вчитайтесь в эти скупые строки; морально это очень тяжело, но необходимо. Таких документов в наших архивах - сотни и тысячи.

«Ворвавшись в деревни, гитлеровцы сжигали все дотла, убивали стариков, женщин и детей, насиловали женщин и несовершеннолетних девочек, чинили зверскую и кровавую расправу. Надругались над христианскими храмами и их служителями. В лесах за людьми, как за зверьми, охотились целые полчища. Угоняли и убивали скот, уничтожали посевы с целью оставления населения (укрывавшегося в лесах) без продуктов питания. Из 62 населенных пунктов сожжены все, 22 населенных пунктов (в том числе городской поселок Лельчицы) сожжены во второй раз. Убито и замучено лиц мужского пола 103, женского - 105, детей - 105. Всего 313. Угнано 532 человека...

Деревня Забережница, Синицко-Польский сельсовет:

1) Дорошук Евдокия Ивановна, в возрасте 60 лет, зверски замучена: вырезана грудь, выколоты глаза, отрезаны уши.

2) Левковская Антонина Ивановна, в возрасте 34 лет, зверски замучена: вывернуты руки и ноги, а затем убита. 3) Барановская Маланья, в возрасте 72 лет, вырезана грудь, выколоты глаза, вывернуты руки, череп головы разломан. 4) Левковская Елена, 75-летняя старуха, обнаружена в колодце с завязанными глазами.

Село Буйновичи того же сельсовета: 1) Малец Анна Ивановна - 17-летняя девушка, изнасилована

---

1 МНП. Вар. 1. Т. 4. С. 582. В соглашении упоминалось, что в руки СС должны передаваться и поляки, однако не все: те, чьи «фамилии объявлены или занесены в германские расовые списки», могли не беспокоиться. Это важное ограничение показывает, что в отличие от перечисленных выше недочеловеков поляки имели более высокий и расово-ценный статус. И потому поголовно не уничтожались. Как отмечают современные польские историки, «во время оккупации примерно 2,8 миллиона граждан Польши оказались в так называемом «списке граждан Рейха», из которых меньшинство составляли немцы, а значительное большинство было поляками». Zycie Warszawy. 01.12.2001. Цитируется по переводу ИноСМИ.Ру.

2 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 248.

3 Откровения и признания. С. 280.

4 МНП. Вар. 1. Т. 5. С. 264.

группой гитлеровцев, после чего заживо изрезана на куски. 2) Малец Мирон Алексеевич, в возрасте 32 лет, посажен на землю, вокруг него разложен костер, после того, как были обожжены волосы и кожа, убит. В Буйновичах осквернена церковь: окна выбиты, оборудование разбито, пол взорван, превращена в уборную. Все церковные книги и архивы разбросаны и разорваны.

Деревня Крупка, Буйновичского сельсовета. Мишура Иван, 83-летний старик, заживо брошен в огонь своей горящей избы. Корбут Мария Степановна, 32 лет, изнасилована группой гитлеровцев на глазах своей матери. Обыход Мария Марковна - изнасилована группой гитлеровцев, после чего вывернуты руки, избита до потери сознания, а затем убита. Мишура Мария, 83-летняя старуха, изнасилована фашистами.

Деревня Берестяный завод, Буйновичский сельсовет. Акулич Иосиф Антонович, 82-летний старик. Руки и ноги вывернуты, глаза выколоты, зубы выбиты, головной череп расколот, после долгих мучений старик скончался. Акулич Антонина Григорьевна, 20-летняя девушка, изнасилована фашистами, умирала в долгих мучениях, грудь вырезана, вывернуты ноги и руки.

Деревня Зарубаны, Буйновичский сельсовет. Щербаченя Михаил Самуилович. Зверски убиты его трое детей: отрубили головы, вывернуты руки. Саванович Григорий. Его мальчик зверски замучен: руки изломаны, живот разрезан.

Деревня Воронов, Гребеневский сельсовет. Заживо брошена в огонь Навмержицкая Серафима Григорьевна со своим ребенком Ульяной. Навмержицкая Ульяна Григорьевна, 32 лет, заживо брошена в огонь со своими детьми Дуней, Марфой и Иваном.

Деревня Ольховая, Гребеневский сельсовет. Безсен Владимир Макарович, 28 лет, зверски замучен: был подвешен за руки в течение многих часов, загоняли иглы под ногти, вывернуты руки и ноги. Издевательства продолжались в течение полутора суток. Немцы пытались получить от него сведения о партизанах, но ничего не добились. Пытки проводились на глазах односельчан. Его стойкость и самообладание во время пыток поражали земляков и приводили в бешенство фашистов. В конце он сказал, что «советский народ еще с вами (фашистами) сведет счеты», после чего был убит...

Деревня Дуброва, Лельчицкого сельсовета. Колос Марию Васильевну, 47 лет, и ее дочерей Прасковью и Анастасию, по 12 лет (близнецы), дочь Ольгу, 8 лет, и сына Адама, 2 лет, искололи штыками и сложили на воз, на котором они постепенно умирали. Дочь Анну, 5 лет, ранили и посадили на воз, на умирающих родных, которая тоже скончалась на трупах своих родных. Колос Афанасий Степанович, 35 лет, его жена Варя, 32 лет, мать Варвара, 75 лет, и дети - Евдокия, 9 лет, Ольга, 7 лет, Павел, 3 лет и племянница Лида, 12 лет, были брошены живыми в огонь. Щуколович Сильвестр Никитич, 87 лет, и Остапович Евдокия Ивановна, 80 лет, зверски замучены.

Деревня Липляны, Лельчицкий сельсовет. Халяву Василия Васильевича, 52 лет, и девушку 20 лет Лось Ольгу Евсеевну фашисты резали, снимали кожу, а затем бросили заживо в огонь. Павлечко Митрофана Феодосьевича, 75 лет, гитлеровцы били прикладами до тех пор, пока старик не скончался. В этой деревне в церковь зашел один паршивый фашист в головном уборе, с папиросой в зубах. Нашел ризу священника и заставлял согнанных туда стариков, чтобы они молились за его жизнь. Старики отказались. Пьяный дикарь начал стрелять по старикам, а потом закрыл дверь и сжег церковь и людей.

Городской поселок Лельчицы. Журович Максим Александрович, 40 лет, его жена и шестеро детей зверски замучены и брошены в огонь. Подольский Семен Александрович, 43 лет, жена и шесть детей, Сапожников Василий, 43 лет, жена и пять детей, Журович Дуня Ларионовна, 36 лет, и ее сын, 3 лет, загнаны в сарай и сожжены заживо. Воронович Афанасию Филипповичу, 73 лет, и Воронович Христиане, 78 лет, живыми резали и сшивали животы, снимали с головы кожу, а затем убили...

Деревня Глушковичи Лельчицкого сельсовета. Швед Григорий Ефремович, 45 лет, отрезали уши, пальцы на руках и ногах, резали ножом тело на спине, отрезали язык и еще живым бросили в огонь. Радиловец Моисею Степановичу, 52 лет, резали тело ножами, после чего повесили. Акулич Макару Ивановичу, 45 лет, отрезали нос, уши, половой орган, резали ножом тело, после долгих мучений сожгли. Бурим Василию Михайловичу, 39 лет, рвали волосы на голове, ломали руки и ноги, простреливали тело, умер под пытками. Гапанович Феодосии Григорьевне, 45 лет, резали ножами тело, избива-

ли камнями и заживо зарыли в землю. Бурим Есенин Андреевне, 52 лет, резали ножами тело, избивали камнями и палками, заживо зарыли в землю. Бурим Прасковью Макаровну, 22 лет, и Бурим Теклю Евдокимовну, 22 лет, гитлеровцы изнасиловали, после чего посадили на колья и расстреливали.

Деревня Картыничи того же сельсовета. Герман Марию Петровну, 20 лет, и ее ребенка, 2 лет, фашисты заживо зарыли в землю. Возле деревни Картыничи зарыты в землю живьем 28 человек...

Село Стодоличи Картыничского сельсовета. Крупник Прасковья изнасилована группой фашистов в 8 человек в присутствии ее детей и односельчан. Жогло Феодосия Ивановна, девочка 13 лет, изнасилована группой фашистов (7 человек) в присутствии бабушки. Жогло Анна, девочка 13 лет, изнасилована группой фашистов в присутствии матери. Шур Дмитрий Фомич, 59 лет, зверски замучен, простреливали руки, избивали, заставляли себе яму рыть. Шур Александра Дмитриевна, 17 лет, избивалась целую неделю, фашисты требовали сведения о трех братьях-партизанах, но ничего не получили.

Примечание: в акте указаны злодеяния одной экспедиции. Помимо этого в Лельчицком районе расстреляно мирных жителей от начала немецкой оккупации около 7500 человек»[1].

Карательные экспедиции опустошали целые области. Зимой сорок третьего под Полоцком можно было наблюдать ужасающую картину. «Все деревни в округе были сожжены, оставшееся в живых население жило в окрестных лесах и землянках. Питались люди тем, что удалось вынести из горящих домов. Кое-кому, может быть, одной семье из двадцати, удалось даже сохранить какую-нибудь скотину, в частности, коров. Скотина тоже находилась в землянках, отделенная от людей перегородкой из жердей. Из жердей же были сделаны нары, застланные соломой. На нарах днем и ночью ютились взрослые и дети. Люди откровенно бедствовали»[2].

Уничтожение деревень сказывалось на жителях городов. Больше не у кого было достать продовольствия, и горожане умирали от голода и тифа. Зимой 1943 года в некоторых городах прифронтовой полосы полностью прекратили выдачу хлеба. «Пока у некоторых жителей оставались коровы и куры, им можно было иногда выменивать у немецких солдат хлеб на молоко и яйца. На втором году оккупации ни скота, ни домашней птицы ни у кого не осталось. Многие люди питались отбросами, подбираемыми около немецких кухонь, древесной корой, листьями. Смерть от голода стала заурядным явлением»[3]. В находившихся в глубоком тылу городах до такого не доходило, однако и там голодная смерть была реальностью, не отступавшей ни на шаг.

(С эпидемиями в городах оккупанты боролись в своей неподражаемой манере. Под Ржевом 28 февраля 1943 года полицейские согнали в дом 57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки под предлогом оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли[4].)

Но жестокость карателей оказывается неспособной предотвратить нападения партизан. Она лишь разжигает лютую ненависть к оккупантам. «Моя ненависть! - рассказывает девушка-партизанка. - У меня до сих пор стоит в ушах крик ребенка, которого бросают в колодец. Слышали вы когда-нибудь этот крик? Ребенок летит и кричит, кричит, как откуда-то из-под земли, с того света. Это не детский крик и не человеческий... А увидеть разрезанного пилой молодого парня... Разрезали, как бревно... Это наш партизан...»[5]. Фашисты не должны жить - вот сим-

---

1 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 152-156.

2 *Утехин Г.М.* Записки партизана. - СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001. - С. 50.

3 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 193. См., напр.: РАВО. Т. 15(4). Кн. 3. С. 39.

4 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 405.

5 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 249.

вол веры, который повторяют по всей оккупированной советской земле.

Партизанские отряды действуют повсюду. На железных дорогах летят под откос эшелоны; на шоссейных в засады попадают не только одиночные машины, но и небольшие караваны. Партизаны нападают на села, где стоят немецкие гарнизоны, и на железнодорожные станции, захватывают их, уничтожают склады - и исчезают бесследно. Крупные отряды, вырываясь из партизанских краев, уходят в глубокие рейды. Полноценная советская кавалерийская дивизия, попади она в глубокий немецкий тыл, не сможет принести столько ущерба, сколько приносят врагу рейдирующие соединения Ковпака, Федорова, Сабурова.

Имена партизанских командиров на слуху и у немцев, и у населения. Их вызывали в Москву; сам Сталин встречался с народными мстителями, присваивал генеральские звания, вручал награды. И, возвратившись к своим соединениям, партизанские генералы продолжали бить немцев. Москва не забывает о своем «втором фронте»: на импровизированных партизанских аэродромах садятся самолеты АДД, из которых выгружают оружие, взрывчатку, лекарства и боеприпасы. В помощь партизанам сбрасывают диверсантов; подготовленные полковником Стариновым парни рвут немецкие эшелоны и мосты, и в далеком Берлине начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель записывает: «В сорок втором году ситуацию с железными дорогами можно было назвать не иначе как катастрофической... Партизаны постоянно разрушали железнодорожные пути, неоднократно производя до 100 взрывов за ночь»[1].

Из-за нападений партизан у нацистов даже нет возможности заниматься одним из своих любимых дел: уничтожением евреев. «Я был бы весьма благодарен, - пишет гауляйтер Белоруссии Кубе, - если бы г-н рейхскомиссар счел возможным приостановить поступление новых еврейских транспортов в Минск по крайней мере до того времени, когда окончательно будет снята угроза партизанских выступлений. Мне нужны 100 процентов войск СД для борьбы с партизанами»[2]. Но даже все охранные войска не могут справиться с разрастающимся партизанским движением.

В городах - свои партизаны; русские зовут их «подпольщиками». На стенах домов появляются возмутительные листовки, то тут, то там обнаруживается тело убитого немецкого солдата. Убийц найти легко; но есть те, кто не выдает своей ненависти, кто прилежно работает на вокзалах или в оккупационной администрации, собирая разведданные. Информация тоненькими ручейками уходит к партизанам, а оттуда - полноводным потоком в Москву; советский Генштаб знает о практически каждом передвижении немецких войск.

От партизан нет спасения! Они заводятся даже в солдатских шинелях: «маленькие партизаны» - так немцы называют досаждающих им вшей.

6 января 1943 года Гиммлер отдает новый приказ о борьбе с партизанами: «При проведении акций по борьбе с бандами всех подозреваемых в связях с бандитами мужчин, женщин и детей следует собирать вместе и специальными эшелонами отправлять в лагерь Люблин или Освенцим»[3].

Так для жителей оккупированных областей открывается новая страница ужасов; теперь тех, кто уцелел после бесчинств карателей, гонят прямо в лагеря смерти. Вот воспоминания ребенка, угнанного в один из таких лагерей и чудом выжившего:

«Однажды мы увидели приближающиеся военные части. У всех была одна и та же мысль: должно

1 Откровения и признания. С. 376.

2 Преступные цели... С. 119.

3 Откровения и признания. С. 294; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... *С.* 228-229.

быть, это войска СС, которых все так боялись. Крестьяне бросились бежать, забрав с собой скотину и все, что могли унести, но немцы стали нас настигать, началась стрельба. На одной из телег была женщина с ребенком, ее подстрелили; она упала с телеги, но никто даже не обратил на нее внимания.

Немцы нас окружили и под ружьем повели обратно в деревню. Мертвые и раненые так и остались лежать. А когда мы подошли к деревне, мы не могли поверить глазам, какой там был ужас: немцы подожгли все избы, кроме одной. Вокруг все горело, носились обезумевшие лошади, повсюду летали искры. Нас подвели к уцелевшей избе, в которой сидели немецкие военные. Нам было сказано занять место в трех очередях и предъявить документы. В первой очереди были женщины и дети, в другой - старики, в третьей - евреи. После проверки документов группу стариков оставили в избе; ее заперли и тут же подожгли. Нашу группу под ружьем отвели в сторону, оттуда мы видели, как эта изба горит. Первую группу, в которой были и дети, заставили рыть яму. Земля была замерзшей, и яму вырыли неглубокую. Евреям приказали выстроиться перед ямой, и каждый из них получил по одной пуле. Они падали в яму, крича и плача. Даже после того, как солдаты набросали в яму землю, мы еще долго слышали эти ужасные стоны. А старики живьем сгорели в запертой на замок избе. Забыть это нельзя»[1].

Когда женщин и детей гонят в лагеря - это ужасное зрелище. Пожилые немецкие солдаты, воспитанные в нормальной стране, а не в нацистском Рейхе, на коротких стоянках, таясь от офицеров, суют ребятишкам что-нибудь съедобное и подбадривают: не отставайте, а то вас убьют. «Я видела, - вспоминала одна из угоняемых девчушек, - как эти солдаты, когда могли, гладили наших детей незаметно по головкам и худым плечикам, хотя за жалость могли поплатиться. Когда нас погнали к Лепелю, один старый немец, который говорил по-русски, сказал мне, чтобы я исхитрилась и бежала. Мне удалось это сделать»[2].

Но бежать удается немногим. И лагеря гостеприимно встречают своих новых узников. «Машина остановилась, и мы, нас было человек двадцать, не могли слезть с машины, настолько были истерзаны. Нас, как мертвых собак, сбросили на землю, и комендант приказал ползти к баракам. Подгонял плеткой... Стоит возле одного барака женщина и кормит грудью ребенка. И как-то, знаете... И собаки здесь, и охрана, все остолбенели, стоят и не трогают. Комендант увидел эту картину... Подскочил. Выхватил из рук матери ребенка... И, знаете, там была колонка, колонка воду качать, он этого ребенка бьет об это железо. Мозги потекли... Молоко... И я вижу: мать падает, я вижу, понимаю, я ведь врач... Я понимаю, что у нее разорвалось сердце...»[3]

Мужчин и подростков угоняют в лагеря военнопленных. Об этом специально распорядился начальник ОКВ Кейтель: «Мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, захваченные при борьбе с бандами в зоне военных действий, фронтовых тылах, комиссариатах восточных областей, генерал-губернаторстве и на Балканах, отныне считаются военнопленными»[4]. И погибают в аду соответствующих лагерей.

Рейхсфюрер СС ориентирует своих подчиненных: «Фюрер приказал, чтобы бандитские территории северной Украины и серединной России *были окончательно и без остатка очищены от населения»*[5].

Каратели активизируются. В приказе по 293-й пехотной дивизии подробно расписывается,

---

1 *Джолли Т.С.* Из партизанского края в Белоруссии // Под оккупацией в 1941-1944 гг.: Статьи и воспоминания. - М.: Посев, 2004. С. 90.

2 Я это видел... С. 201.

3 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 283.

4 Преступные цели... С. 112-114.

5 *Адамович А., Брыль Я., Колесник В.* Я из огненной деревни... С. 455. Со ссылкой на документы Glowenej komisji badania zbrodni hitlerowskih w Polsce. Документ датируется 20 июля 1943 г.

как следует уничтожать деревни вместе с жителями:

«Подготовка разрушения населенных пунктов должна проводиться так, чтобы:

а) до объявления об этом у гражданского населения не возникло никаких подозрений;

б) разрушение должно начаться сразу, одним ударом, в назначенное время, в соответствующий день;

в) в населенных пунктах строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого пункта, особенно с момента объявления о разрушении»[1].

Деревня Солободка под Полоцком - одна из сотен, уничтоженных оккупантами зимой сорок третьего. «Когда вошли в деревню, картины ужаса стали сменяться одна страшнее другой, - вспоминал один из партизан. - Среди дороги лежала женщина, и на ее груди ребенок, проколотый вместе с матерью штыком. Возле них валялась разорванная красная гармоника. Неужели кто-то из карателей играл на этом пожарище? Недалеко двое, старик и мальчик, зарывшиеся лицами в снег, оба сильно обгоревшие, видно, выбежали из горящего дома и были убиты. Немцы запирали жителей в домах и зажигали избы, кто выбегал, тех расстреливали. Прошли еще немного и увидели возле сарая обезглавленные трупы стариков, головы валялись тут же. Они заставляли стариков ложиться и рубили головы людям топором на обыкновенном березовом бревне, как дрова. Еще дальше, у столбика сгоревшей изгороди, лежал обнаженный труп парня, весь черно-синий от ожогов. Запах гари, траурные хлопья сажи, носившиеся в воздухе и оседавшие на снег, усиливали жуткое зрелище»[2].

Но партизанское движение не исчезает; напротив, оно все ширится. Основным источником пополнения соединений неожиданно становятся вооруженные немцами люди: к партизанам массово переходят местные полицейские и военнослужащие сформированных из военнопленных «восточных батальонов». Под Брянском в апреле сорок третьего рота добровольческого батальона «Припять» со всем вооружением ушла к партизанам; на следующий день немцы расстреляли оставшихся и разоружили полицию г. Мглина[3]. Под Полоцком на сторону партизан переходит 1-я Русская национальная бригада СС под командованием подполковника Гиль-Родионова: несколько тысяч солдат (разные историки дают цифры от двух до семи тысяч), 10 орудий, 23 миномета, 77 пулеметов. Соединение ушло в лес после того, как немецкое командование приказало сжечь крупное село и уничтожить все его население от мала до велика. Отныне это - 1 -я Антифашистская партизанская бригада, с успехом воюющая с карателями и даже нанесшая серьезное поражение подразделениям Дирлевангера[4].

Те же, кто по тем или иным причинам сохраняет верность оккупантам, не испытывают оптимизма. «Мы знаем, что народ нас ненавидит, что он ждет прихода Красной Армии, - неожиданно говорит на праздничном банкете заместитель начальника полиции одной из брянских волостей. - Так давайте спешить жить, пейте, гуляйте, наслаждайтесь жизнью сегодня, потому что завтра все равно нам поотрывают головы»[5].

Из ОКВ приходит грозный приказ:

«Случаи бегства, группового перехода на сторону противника, предательских нападений на свои

---

1 Там же. С. 434. Со ссылкой на Партархив Института истории партии при ЦК КПБ. Ф. 4. Оп. 33-а. Д. 222. Л. 12.

2 *Обрыньба Н.* Судьба ополченца. С. 426.

3 «Огненная дуга». С. 253-254.

4 Латвия под игом нацизма. С. 230; *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты. С. 240-241.

5 *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты. С. 102.

оперативные пункты, выступления против начальников и т.д., происходящие в национальных восточных соединениях среди добровольцев, заставляют принимать строгие и неотложно действенные меры для подавления подобных явлений и наведения порядка в подразделениях, где они возникают.

Случаи открытого возмущения любого вида немедленно подавлять оружием и в корне пресекать... Части, в которых обнаруживается разложение и ненадежность, необходимо немедленно и безжалостно расформировывать, а личный состав направлять либо в штрафные лагеря для тяжелой работы, либо на работы в Германию, либо зачислять в другие надежные подразделения»[1].

Вотще! Насильно мобилизованные солдаты «восточных батальонов» переходят к партизанам, и даже из бригады Каминского, переброшенной в Белоруссию, в леса уходят сотни солдат. Партизаны не дают покоя врагу. Диверсанты соединения Федорова точно рассчитанными ударами блокируют Ковельский железнодорожный узел. Эту операцию спланировал сам полковник Старинов; отныне немцы теряют возможность оперативно перебрасывать войска из Белоруссии в Украину. Соединение Ковпака выходит за советскую границу - в генерал-губернаторстве немецкие чиновники в ужасе читают сообщения о появлении советских партизан. На всей оккупированной советской земле сильнее и сильнее бушует партизанская война; в ответ захватчики усиливают репрессии.

«Я считаю, что мероприятия полиции безопасности, проводимые в больших масштабах за последнее время, - пишет представитель действовавшей на Украине айнзатцгруппы «С», - необходимы по следующим причинам:

1. Положение на фронте в моем секторе стало очень серьезным, так как население, находящееся отчасти под влиянием венгров и итальянцев, которые хаотически отступают, открыто выступает против нас.

2. Усилились налеты партизан, специально пришедших из брянских лесов. Кроме этого, другие партизанские группы, сформированные населением, внезапно появились во всех районах. Снабжение вооружением, очевидно, не представляло трудностей. Было бы неразумным, если бы мы пассивно наблюдали эту деятельность, не принимая никаких мер. Очевидно, что такие меры будут сопровождаться жестокостью.

Я хочу предложить ряд таких жестоких мер:

1. Расстрелы венгерских евреев.
2. Расстрелы агрономов.
3. Расстрелы детей.
4. Сожжение целых деревень.
5. Расстрелы «при попытке к бегству» заключенных полицией безопасности и СД.

Начальник айнзатцгруппы «С» подтвердил еще раз правильность проведенных мер и выразил свое мнение в пользу жестких энергичных действий»[2].

Энергичные действия не замедлили себя ждать. Близ украинского города Сумы недавно призванный в вермахт рядовой Иоганн Шмидт стал свидетелем очередной контрпартизанской операции. «Я видел, как действовала против партизан дивизия СС, - вспоминал он. - Я видел, как они окружили населенный пункт, как они открыли бешеный огонь по всему живому в этом населенном пункте, как, наконец, они подожгли его, так что часть гражданского населения погибла в пламени. Я слышал рев горящих животных, а также и вопли несчастных лю-

1 «Огненная дуга». С. 377-378.
2 МНП. Вар. 1. Т. 7. С. 209-210.

дей...»[1]

Деревню Пышно под Полоцком каратели взяли, лишь сосредоточив значительные силы. Партизаны, оборонявшие деревню, погибли, прикрывая эвакуацию населения, однако уйти сумели не все. Когда люди вернулись, они увидели пепелище.

«Дошли до середины деревни, - вспоминал один из них, - все тихо. Решили напиться. Подошли к колодцам, смрадный запах сильно ударил, но мы не думали, что это из сруба, заглянули в колодец, а там, почти у поверхности, тело молодой женщины, зверски замученной и брошенной в колодец поверх других тел после глумления над ней. Это немцы, когда взяли Пышно, всех, кто остался из населения, ловили и убивали.

Прошли еще по дороге, черной от золы, прибитой дождями, и вышли на площадь. Было тихо, только чуть скрипели колеса нашей телеги. Остановились возле лип, на которых болтались концы проволоки. Здесь вешали захваченных во время боя. Немцы вешали партизан не за шею, а продевали толстую проволоку в щеки, и живой человек висел долго»[2].

В Белоруссии действуют не только немецкие части, но и отборные карательные соединения - прибалтийские части СС. Офицер тыла формируемой немцами «Русской освободительной армии» поручик В. Балтинш, имевший возможность наблюдать за действиями своих соотечественников, пришел в ужас, ясно проступающий в строках доклада.

«В середине декабря 1943 г. по делам службы пришлось мне (с несколькими сотрудниками) быть в районе Белоруссии (быв. Витебской губернии), в деревнях Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Эти деревни занимали немецкие части и вполне терпимо относились к населению, но когда им на смену пришли латышские части СС, сразу начался беспричинный страшный террор. Жители вынуждены были по ночам разбегаться по лесам, прикрываясь простынями (как маскировка под снег во время стрельбы). Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. От жителей я выяснил, что этими бесчинствами занимались латышские СС.

23 апреля 1944 г. пришлось мне быть в д. Морочково. Вся она была сожжена. В погребах жили эсэсовцы. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни трупов непогребенных, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: «Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских». После этого сержант подвел меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых полузасыпанных тел. «А этих, - сказал он, - мы сжигали живьем». Когда эта латышская часть уходила, они взяли с собой в качестве наложниц несколько русских женщин и девушек.

...В начале мая в районе д. Кобыльники в одной из ложбин мы видели около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались «люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные флажки на левом рукаве» - латышские СС. Не помню названия деревни, в которой мое внимание привлекла куча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы. Некоторые были с усами и бородами. Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьян. После разговора с уцелевшими жителями у нас не оставалось сомнений в том, что и здесь также действовали латышские СС, показавшие свое мужество и неустрашимость в расправах над беззащитным населением. Все остальное, творимое ими, кажется ничтожным по сравнению с той страшной бочкой и сожженными в хате женщинами»[3].

---

1 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 404-405.

2 *Обрыньба Н.* Судьба ополченца. С. 496-497.

3 Уничтожить как можно больше русских / Публ. С. Кудряшовой // Источник. - 1998. - №2. - С. 74-75; *Чернов В.Е., Шляхтунов А.Г.* Прибалтийские Waffen-SS... С. 81-82; *Крысин М.Ю.* Прибалтийский легион СС. С. 135-136.

...Точное число мирных граждан, уничтоженных в рамках «борьбы с партизанами», навсегда останется неизвестным. Оценочные данные дают около четырех - пяти миллионов убитых, преимущественно женщин, детей и стариков. Кроме того, около полутора миллионов советских евреев были уничтожены в рамках «окончательного решения еврейского вопроса»; нацисты утверждали, что это также делается для борьбы с партизанами. От организованного оккупантами голода, начиная с весны 1942 года, погибло еще более трех миллионов человек[1].

Живые голоса (6):
«МЫ МЕРТВЫХ НЕ БОЯЛИСЬ, ЭТО ВСЕ БЫЛИ ЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ»

В рамках «борьбы с партизанами» немецкие каратели уничтожали целые семьи. Рассказы детей, чудом уцелевших в ходе этих бесчеловечных акций, приведены в книге Светланы Алексиевич «Последние свидетели».

«Вот согнали всех нас, всю нашу деревню. Поставили впереди пулеметы и приказали отвечать, где партизаны, к кому они заходили. Все молчали. Тогда они отсчитали каждого третьего и вывели на расстрел. Расстреляли шесть человек: двух мужчин, двух женщин и двух подростков...

Скоро немцы вернулись... Через несколько дней...

Собрали всех детей, нас было тринадцать человек, поставили впереди своей колонны - боялись партизанских мин. Мы шли, а они за нами ехали. Если надо было, например, остановиться и взять воду из колодца, они сначала запускали к колодцу нас. Мальчишки не так боялись, а девочки шли и плакали. А они за нами на машинах... Помню, что мы шли босиком, а еще только начиналась весна... Первые дни... Хочу забыть...

Немцы ходили по хатам... Собирали тех, у кого дети ушли в партизаны... И отрубили им головы посреди деревни... Нам приказали: «Смотрите». В одной хате никого не нашли, поймали и повесили их кота. Он висел на веревочке как ребенок».

Люба Александрович, 11 лет

«Как нас расстреливали...

Согнали к бригадирской хате... Всю деревню... Теплый день, трава теплая. Кто стоял, а кто сидел. Женщины в белых платках, дети босиком. На этом месте, куда нас согнали, всегда собирались в праздники. Песни пели...

Из тех, что стояли впереди, отсчитали четырнадцать человек. Дали им лопаты и приказали копать яму. А нас подогнали ближе смотреть, как они копают. Копали быстро-быстро. Я помню, что яма была большая, глубокая, на полный человеческий рост. Такие ямы копают под дом, под фундамент.

Расстреливали по три человека. Поставят у края ямы - и в упор. Остальные смотрят... Не помню, чтобы с детьми родители прощались или дети с родителями. Одна мать подняла подол платья и закрыла дочке глаза.

Расстреляли четырнадцать человек и стали закапывать яму. А мы опять стояли и смотрели, как забрасывают землей, как утаптывают сапогами. А сверху еще лопатками похлопали, чтобы было красиво. Аккуратно. Понимаете, даже углы срезали, почистили. Один пожилой немец вытирал платком пот со лба, как будто он в поле работал. Понимаете? Не забыть...»

---

1 Россия и СССР в войнах XX века. С. 233: Население России в XX веке. Т. 2. С. 58-59.

Леонид Шакинко, 12 лет

«Уже солнышко взошло...

Пастухи собирали коров. Каратели дали время выгнать стадо за речку Грезу и стали ходить по хатам. Заходили со списком и по списку расстреливали. Читают: мать, дед, дети такие-то, по стольку лет. Проследят по списку, если одного нет, начинают искать. Под кроватью ребенка найдут, под печкой...

Когда всех найдут, тогда стреляют...

У нас в хате собралось шесть человек: бабушка, мама, старшая сестра, я и два младших братика. Шесть человек... Увидели в окно, как они пошли к соседям, побежали в сени с братиком самым маленьким, закрылись на крючок. Сели на сундук и сидим возле мамы.

Крючок слабенький, немец сразу оторвал. Через порог переступил и дал очередь. Я разглядеть не успел, старый он или молодой? Мы все попадали, я завалился за сундук...

Первый раз пришел в сознание, когда услышал, что на меня что-то капает... Капает и капает, как вода. Поднял голову: мамина кровь капает, мама лежит убитая. Пополз под кровать, все залито кровью... Я в крови, как в воде... Мокрый...

Вернулось сознание, когда услышал страшный женский голос...

Крик висел и висел в воздухе. Кто-то кричал так, что, мне казалось, он не останавливается. Полз по этому крику как по ниточке, и приполз к колхозному гаражу. Никого не вижу... Крик откуда-то из-под земли идет...

Встать я не мог, подполз к яме и перегнулся вниз... Полная яма людей... Это были все смоленские беженцы, они у нас жили в школе. Семей двадцать. Все лежали в яме, а наверху поднималась и падала раненая девочка. И кричала. Я оглянулся назад: куда теперь ползти? Уже горела вся деревня... И никого живого... Одна эта девочка... Я упал к ней... Сколько лежал - не знаю...

Слышу - девочка мертва. И толкну, и позову - не отзывается. Один я живой, а они все мертвые. Солнце пригрело, от теплой крови пар идет. Закружилась голова...»

Леонид Сиваков, 6 лет

«Как нашу деревню жгли... Все запомнила... Они сначала нас расстреляли, а потом сожгли... Я вернулась с того света...

На улице они не стреляли, а заходили в хаты. Стоим все возле окна:

- Вон Аниську пошли расстреливать...

- У Аниськи кончили. К тетке Анфисе идут...

И мы стоим, мы ждем - придут и нас расстреляют. Никто не плачет, никто не кричит. Стоим...

Помню, как горели у убитой мамы волосы... А у маленького возле нее - пеленки... Мы переползли через них со старшим братом, я держалась за его штанину: сначала - во двор, потом в огород, до вечера лежали в картофлянике. Вечером заползли в кусты. И тут я расплакалась...»

Тоня Рудакова, 5 лет

«Я видел то, что человек не может видеть... Ему нельзя...

Я видел, как ночью пошел под откос и сгорел немецкий эшелон, а утром положили на рельсы всех тех, кто работал на железной дороге, и пустили по ним паровоз...

Я видел, как запрягали в брички людей... У них - желтые звезды на спине... И весело ката-

лись... Погоняли кнутами...

Я видел, как у матерей штыками выбивали из рук детей. И бросали в огонь. В колодец. А до нас с матерью очередь не дошла...

Я видел, как плакала соседская собака. Она сидела на золе соседской хаты: Одна...»

Юра Карпович, 8 лет

«Война... А пахать надо...

Мама, сестра и брат поехали в поле. Лен сеять... Они поехали, а через час, больше не прошло, бегут женщины:

- Твоих, Дуня, постреляли. На поле лежат...

Осталась я одна с маленьким своим племянником. Моя сестра недавно родила, а ее муж был в партизанах. Вот с этим мальчиком...

Маленький ко мне лезет... Грудь просит... Молока... Оттяну ему сосок, цокает, цокает и заснет. Где он простудился? Как заболел? Сама малая, что я понимала. Кашляет, кашляет. Есть нечего. Коровку уже полицаи забрали.

И мальчик умер. Стонал-стонал и умер. Слышу? Тихо стало. Подняла тряпочки, он черный лежит, только лицо белое, чистое осталось. Белое личико, а сам весь черный».

Дуня Голубева, 11 лет

«Выгнали из сарая колхозных коров, а туда затолкали людей. И нашу маму. Мы с братиком сидели в кустах, ему два годика, он не плакал. И собака наша с нами сидела.

Утром пришли домой, дом стоит, а мамы нет. И людей никого нету. Одни мы остались. Я иду за водой, надо печь топить, братик кушать хочет. На колодезном журавле висели наши соседи. Повернула в другой конец деревни, там Криничный колодец был, самая лучшая вода. Самая вкусная. И там люди висят. С пустыми ведрами вернулась. Братик плакал, потому что голодный: «Хлеба дай. Дай корочку». Один раз я его укусила, чтобы не плакал.

Так мы жили несколько дней. Одни в деревне. Люди лежали или висели мертвые. Мы мертвых не боялись, это все были знакомые люди».

Мария Пузан, 7 лет

«Наша хата стояла как раз посередине деревни. К ней всех сгоняли. Все быстро делалось. Связанные люди стояли, опустив головы. По списку пересчитали их и погнали за деревню. Было много деревенских мужчин и учительница.

Женщины и дети за ними побежали. Гнали их быстро... Мы отстали... Добежали до последнего сарая, слышим выстрелы. Люди начинают падать, то упадет, то поднимется. Быстро их постреляли и садятся уезжать. Один немец с мотоциклом разворачивается и объезжает этих убитых людей. У него в руках что-то тяжелое... Или дубинка, или заводная ручка от мотоцикла... Не запомнил... Он, не слезая с мотоцикла, на тихом ходу раскалывает всем головы... Другой немец хотел из пистолета дострелить, этот махнул головой, что не надо. Все поехали, а он не уехал, пока всем головы не расколол. Я еще никогда не слышал, как трещат человеческие кости... Мне запомнилось, что они трещали, как спелые тыквы, когда отец рубил их топором, а я выбирал семечки.

Мне так стало страшно, что я бросил маму, бросил всех и куда-то побежал. Один. Спрятался не в хате, а почему-то в сарае, меня мать долго искала. Я два дня не мог слова выговорить. Ни одного звука».

Яков Колодинский, 7 лет

«Немцы тащили меня в сарай... Мама бежала следом и рвала на себе волосы. Она кричала: «Делайте со мной что хотите, только не трогайте дитя». У меня еще было два младших брата, они тоже кричали...

Родом мы из деревни Меховая Орловской области. Оттуда нас пешком пригнали в Беларусь. Гнали из концлагеря в концлагерь... Когда меня хотели забрать в Германию, мама подложила себе живот, а мне дала в руки меньшего братика. Так я спаслась. Меня вычеркнули из списка...

Собаки рвали детей... Сядем над разорванным дитяткой и ждем, когда сердце у него остановится... Тогда снегом прикроем... Вот ему и могилка до весны...»

Аня Павлова, 9 лет

«Черный немец навел на нас пулемет, и я поняла, что он сейчас будет делать. Я не успела даже закричать и обнять маленьких...

Проснулась я от маминого плача. Да, мне казалось, что я спала. Приподнялась, вижу: мама копает ямку и плачет. Она стояла спиной ко мне, а у меня не было сил ее позвать, сил хватало, только чтобы смотреть на нее. Мама разогнулась передохнуть, повернула ко мне голову и как закричит: «Инночка!» Она кинулась ко мне, схватила на руки. В одной руке меня держит, а другой остальных ощупывает: вдруг кто-нибудь еще живой? Нет, они были холодные...

Когда меня подлечили, мы с мамой насчитали у меня девять пулевых ран. Я училась считать. В одном плечике - две пули и в другом - две пули. Это будет четыре. В одной ножке две пули и в другой - две пули. Это будет уже восемь, и на шейке - ранка. Это будет уже девять».

Инна Старовойтова, 6 лет

«Помню, что каратели черные все, черные... У них даже собаки были черные...

Мы жались к матерям... Они не всех убивали, не всю деревню. Они взяли тех, кто справа стоял, и разделили: детей - отдельно, родителей - отдельно. Мы думали, что родителей будут расстреливать, а нас оставят. Там была моя мама... А я не хотела жить без мамы... Я просилась к ней и плакала. Как-то меня пропустили. А она, как увидела... Как закричит:

- Это не моя дочь!

...Вот это я запомнила. Глаза у нее не слез были полны, а крови. Полные глаза крови:

- Это не моя дочь!

Куда-то меня оттащили. И я видела, как сначала стреляли в детей. Стреляли и смотрели, как родители мучаются. Расстреляли двух моих сестер и двух братьев. Когда убили детей, стали убивать родителей. Стояла женщина, держала на руках грудного ребеночка, он сосал водичку из бутылочки. Они выстрелили сначала в бутылочку, потом в ребенка, и потом только мать убили.

Как после всего жить?»

Фаина Люцко, 15 лет

«...В школе в тот день сорвались занятия - все пришли посмотреть на нашего папу. Это был первый папа, который приехал с войны... А папа у нас особенный - кавалер ордена Ленина, Герой Советского Союза - Антон Петрович Бринский...

Папа не хотел быть один. Не мог. Ему было плохо одному. Он всюду таскал меня за собой.

Однажды я услышала... Он рассказывал кому-то, как партизаны подошли к деревне и увидели много свежей, вскопанной земли... Остановились... Стоят на ней... Вдруг замечают: эта земля под ними шевелится... Живая земля...

А через поле бежит мальчик и кричит, что тут расстреляли их деревню и закопали... Всю деревню...

Папа оглянулся, видит - я падаю. Больше он никогда при нас о войне не рассказывал...»

Вера Бринская. 12 лет

Живые голоса (7):
«ВСЕ ЭТО НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ ОЗВЕРЕВШИХ БАНДИТОВ»

Местечко Понары было литовским Бабьим Яром. Здесь нацистами и их пособниками из числа местных националистов были уничтожены десятки тысяч невинных людей. Перед отступлением нацисты попытались уничтожить следы своих преступлений; в Понарах запылали костры, на которых жгли трупы. «Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года, - говорится в отчете советской Чрезвычайной государственной комиссии. - За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тыс. трупов». Для грязной работы из ближайших лагерей пригнали рабочих. Их тоже ждала смерть, однако одному из узников, Юлию Фарберу, удалось бежать к партизанам. Его воспоминания о Понарах хранятся в Центральном архиве ФСБ России; в конце апреля 2005 года отрывки из них были напечатаны в газете «Время новостей».

«Слева от шоссе, у колючей проволоки, часовые. На воротах надписи: «Не подходить. Опасно для жизни. Мины». В центре, за двойной колючей проволокой, круглая яма диаметром 24, глубиной 4 метра. Крупные камни образуют совершенно отвесные стены. На дне ямы - деревянная хижина - бункер, в котором мы будем жить. Нас заковывают в цепи, которые плотно обжимают ноги чуть пониже колен и не дают возможности сделать шаг более полуметра. После этого шеф - штурмфюрер держит речь: «Вы будете работать на специальной работе государственного значения, поэтому во избежание побега вы закованы в цепи. Бежать не пытайтесь, так как никто никогда не убежал из Понар и не убежит. За попытку снять цепи - расстрел. Работайте хорошо. Иначе за саботаж - расстрел. Всякие распоряжения выполнять безоговорочно, иначе расстрел...» И далее длинное перечисление всех возможных нарушений порядка, за которые - смерть. Невольно возникает мысль: «А возможно ли вообще выбраться отсюда живым?» Ответ ясен. Если и возможно, то, во всяком случае, не следуя указаниям штурмфюрера, а, наоборот, нарушив основные из них.

Идем на работу. Котлован диаметром до 100 метров засыпан песком. Если снимешь пару лопат песка, то обнаруживаются... разложившиеся трупы людей; по немецкой терминологии «фигуры». Рядом с котлованом сооружен очаг. Этот деревянный помост 7 на 7 метров с трубой посредине. Нужно очистить фигуры от песка. Из плотно слежавшейся массы фигур железными крюками вырывают одну. На носилках перенести фигуру на очаг, где они укладываются елями, плотно, одна к другой. Когда слой готов, его обкладывают сверху еловыми ветвями, сухими поленьями и поливают горючим маслом. Сверху кладут следующие слои. Когда костер содержит 3500 фигур, его обкладывают по бокам сухими термитными шашками и поджигают. Фигуры горят более трех суток - до тех пор, пока не останется груда пепла с пере-

жженными костями. Кости эти толкут трамбовками до состояния порошка. Порошок лопатами перебрасывают через мелкие железные сетки для того, чтобы пепел не содержал ни одной крупной частицы. Просеянный пепел смешивается с большим количеством песка так, чтобы песок даже не изменил цвета, и засыпается в котлован, из которого уже извлечены все фигуры.

Смысл «особой работы государственного значения» ясен. Убийцы пытаются скрыть следы своих преступлений. Штурмфюрер не скрывает этого. Он говорит: «Вражеская пропаганда распространяет слухи о том, что в Понарах лежит 80 тыс. расстрелянных. Чепуха. Пусть через пару месяцев ищет, кто хочет и как хочет, ни одной фигуры здесь не найдут». Возразить ему нечего. Какова емкость понарских ям, точно сказать невозможно. Немцы называли цифру 80 тыс. Из них 55 тыс. евреев. Несколько тысяч (до 10 тыс.) русских, литовцев и людей различных национальностей. Остальные поляки.

Одна из ям содержала 250 трупов совершенно голых женщин. На станции Понары все мужчины были из вагонов удалены. Оставшимся женщинам предложили раздеться, вплоть до нижнего белья. Женщины отказались. Тогда палачи вошли в вагон и избивали несчастных до тех пор, пока они не вынуждены были подчиниться чудовищному требованию извергов. Вагон открыли, и обнаженных женщин под улюлюканье стоявших в две шеренги гестаповцев гнали от железнодорожного полотна до ямы (расстояние не менее 400 метров). Перед ямой был ров, в котором с женщин посрывали бюстгальтеры и последние вещи туалета... Все плавало в крови. Там же валялось около полусотни толстых палок. Палки по рукоятки были в крови, волосах, кусках кожи и даже человеческого мяса.

В одной из ям несколько сотен духовных в рясах, в облачениях, с крестами с изображениями Божьей Матери в руках. Было несколько сотен советских военнопленных, в большинстве командный состав. Встречались среди трупов матери с грудными детьми на руках. Попадались костыли, протезы... У малых детей часто совершенно размозжен череп. Убийцы для экономии пуль, взяв детей за ноги, разбивали им головы о деревья.

Начав работу в 1941 году, немедленно по приходе немцев, понарская бойня функционировала и в 1944 году. «Экзекуции», выражаясь языком штурмфюрера, продолжались и при нас. Группа безоружных людей, часто со связанными за спиной руками, подгоняется к краю ямы и расстреливается из автоматов. Оставшиеся в живых «одиночки» добиваются из пистолетов. Таким способом за последнюю неделю марта 1944 года было ликвидировано: 450 евреев (мужчин и женщин), 50 цыган (5 мужчин, остальные - женщины и дети) и 15 поляков (мужчин и женщин).

За декабрь 1942-го и январь 1944 года было сожжено всего 18 тыс. фигур. За время по 15 апреля 1944 года, при участии автора этих строчек, сожжено 38 тыс. фигур, сколько их еще осталось - неизвестно, но точно известно, что все это невинные жертвы озверевших бандитов. Всего в понарском крематории работало в последнее время 80 человек... Смрад разлагающихся нескольких тысяч фигур был непереносимым. Фигуры 1941 года разложились до состояния кашеобразной массы. Берешь за голову - череп разваливается и руки покрываются человеческими мозгами. Берешь руку, она ползет как студень и отрывается от туловища. Ноги чуть ли не до колен проваливаются в массу гниющих останков.

Многие фигуры приходилось собирать чуть ли не по косточкам, часто навалишь на носилки какую-то груду и не можешь определить, сколько же в ней фигур. Свежие фигуры 1943 года не так разложились. Кто-либо из рабочих-виленцев по платью, по волосам распознает в фигурах своих знакомых или родных. Один из активных участников побега, виленский рабочий

Догим, ныне находящийся в партизанском отряде Невского, бригада Ворошилова, собственными руками вытащил из земли и отправил на костер тела жены, матери и двух сестер. Многие находили жен, детей, родителей.

Особого напряжения достигала работа, когда приходил штурмфюрер. Этот аристократ был всегда щеголевато, с иголочки одет. Белые перчатки чуть ли не до локтя, сапожки блестят. Опрыскан духами так сильно, что духи заглушают даже зловонные ямы. Он становился наверху и наблюдал за каждым из нас, выбирая кандидатов в «лазарет». Когда человек заболевал и не был в состоянии работать, то его отправляли в «лазарет». Обыкновенно в воскресенье снимут с человека цепи, выведут наверх из жилой ямы, отведут недалеко, мы слышим выстрел, и... больной «излечен».

Но штурмфюрер не удовлетворялся. Дабы держать рабочих в надлежащем страхе и повиновении, он сам стал назначать «больных» и «на другую работу». Одному «больному» еще в субботу объявили: «Завтра ты поедешь в лазарет». Обреченный пробыл с нами весь вечер. Был спокоен. Желал нам дожить до свободы, дождаться Советов. В воскресенье утром нас выстроили. Долго ходили вдоль шеренги и отобрали еще одного больного и двух - «на иную работу». Со всех сняли цепи и вывели наверх. Четыре выстрела прекратили их страдания.

Особенно ненавидят немцы интеллигенцию. В группе военнопленных был молодой, способный советский инженер Юрий Гудкин. К несчастью, в лагере военнопленных, отправляя Гудкина в Понары, упомянули об этом. Штурмфюрер был доволен чрезвычайно. «Ага! Здесь есть инженер?! Кто инженер? Выйдите вперед! Здесь, знаете, работа не для вас! У нас работа грязная, для культурного человека не подходит. Мы вам дадим работу по специальности!» С Гудкина сняли цепи, вывели наверх. Выстрел. Все. Такая же участь постигла и двух студентов из числа военнопленных. К Москве штурмфюрер также питал особые симпатии. Во всяком случае, при приходе всякого рода обозревателей он неизменно подводил их к автору этих строк и рекомендовал: «А вот этот прибыл к нам из люксус-города Москвы».

Он, обойдя ряды, приветливо спрашивал: «Хорошо ли вам живется? Всем ли довольны? Все ли здоровы? Не надоела ли кому работа?» И все должны рассыпаться в благодарностях... Конвоиры были проще и, несмотря на запрещение вступать с нами в какие бы то ни было переговоры, время от времени проговаривались и открыто называли нас фигурами. Проходишь с фигурой мимо конвоира, а он ободряет: «Неси, неси, скоро тебя так понесем».

Как-то еще в феврале штурмфюрер поставил задачу вынести 800 фигур за день. Шефы напрягли все усилия, чтобы ускорить рабочий процесс и увеличить производительность. Выбивающихся из сил рабочих подгоняли беспрерывно. Удлинили рабочий день на полчаса, затем на час, до темноты... Но в один из дней «счастье» улыбнулось штурмфюреру. Песка на фигурах было еще меньше обычного. Фигуры - чуть ли не все подряд - малые дети, такие, что их можно было класть на носилки по две. Шефы подгоняли немилосердно. И уже вскоре после обеда выяснилось, что желанная цифра будет достигнута. Штурмфюрер ходил как триумфатор.

Вообще гестаповцы и эсэсовские чины любили наше производство. Картина тысяч разлагающихся в земле и горящих на костре человеческих трупов была, очевидно, отрадна их взорам. Ужасающее зловоние ям приятно их сердцам. Во всяком случае, достаточно нас посещали всякие обозреватели, наблюдатели, экскурсанты... Нас выстроили в две шеренги. Штурмфюрер произнес речь. Главное, оказывается, было в том, что благодаря блестящей организации работ была достигнута цифра 800 фигур в день, что является наилучшим достижением для всех многочисленных рабочих площадок всей Литвы. Значит, наивысшее областное на-

чальство лично занимается вопросом сожжения трупов, сокрытием следов немецких зверств. Значит, не только в Понарах, по всей Литве (да и только ли в Литве?!) одновременно действуют аналогичные рабочие площадки. Многочисленные!!!

Походив два месяца, изо дня в день, по колено в человеческих трупах - перестанешь бояться смерти. Когда мы жгли еще теплые, истекающие кровью трупы людей, крики которых мы слышали еще вчера, переход от жизни к смерти казался незначительной мелочью. Но поглядишь на вылощенную фигуру штурмфюрера, и в сердце закипает ненависть. Умирать - пусть. Но не как баран, не у ямы со связанными руками. «Никто никогда не уйдет». Уйти. Рассказать первому встречному, кричать на весь мир о том, что мы видели в Понарах. Разоблачить перед всем человечеством гнусность всех этих штурмфюреров...»

IX
ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

> Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые сами не верят в свою победу. И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах.
>
> *И. Сталин, 6 ноября 1943 г.*

Гигантские просторы, равные половине Европы, тысячи городов, десятки тысяч сел и деревень в течение долгих, складывавшихся в годы, месяцев жили ожиданием. Миллионы людей ловили слухи о положении на фронтах, вчитывались в сброшенные с самолетов листовки и размноженные партизанами сводки Совинформбюро - пытаясь найти ответ на главный, мучающий каждого вопрос: скоро ли?

Скоро ли наступит конец нацистскому правлению?

Скоро ли придет Красная Армия?

Надежда на освобождение помогала людям выжить. Спасаясь от угона на каторгу, прячась в лесах от карателей, борясь с голодом и болезнями, помогая тем, кому приходилось еще хуже, люди мечтали о том дне, когда оккупационный ужас останется позади, когда по улицам на запад пройдут усталые, запыленные, незнакомые, но такие родные солдаты, когда закончится выживание и вернется жизнь.

Неистовая, страстная вера в освобождение не обманула, да и не могла обмануть. 19 ноября 1942 года советские подразделения, из последних сил защищавшие развалины Сталинграда, услышали далекий гул канонады. Словно раскаты грома доносились с севера и с юга, и солдаты в прижатых к Волге развалинах некогда цветущего города плакали от радости, слушая эту прекрасную музыку. Так началось *Освобождение.*

Донской фронт генерала Рокоссовского и Юго-Западный фронт генерала Ватутина, пробив слабую немецкую оборону, ушли на запад, замыкая кольцо вокруг прикованной к Сталинграду немецкой группировки. Фронт в излучине Дона был прорван; под угрозой оказался Ростов-на-Дону - ключевой пункт, закрывавший пути на Кавказ. Если бы в Ростов вошли советские войска, немецкие подразделения на Кавказе оказались бы в ловушке, и рухнул бы уже весь южный фронт.

Спасать положение был спешно вызван фельдмаршал Эрих фон Манштейн, прославившийся победами в Крыму и Прибалтике. Назначенный командующим сформированной им самим группой армий «Дон», он удержал Ростов и восстановил фронт. Но большее было сделать не в человеческих силах: 6-я армия генерала фон Паулюса погибала, окруженная в Сталинграде, а с Кавказа немецким войскам пришлось отступать как можно быстрее.

Кавказ и Кубань стали первыми областями, освобожденными в ходе зимнего наступления сорок второго и сорок третьего. Хоть и недолго пробыли тут оккупанты, а все правление их запомнилось надолго. В Минеральных Водах после ухода немцев в известковой яме найдено много незарытых трупов взрослых и детей, умерщвленных неизвестным способом. «Говорят, что убитых немцами жителей очень много. Две с половиной тысячи убили в Армянском лесу, у стекольного завода и еще многих у места дуэли Лермонтова за кирпичным заводом...» Воен-

ный корреспондент Константин Симонов, записавший в своем дневнике эти строки, ехал в освобожденный Пятигорск. Там в дневнике появляется новая запись:

«Стою в толпе, собравшейся на траурный митинг. Люди истощенные, оборванные. А митинг идет долго. В городе много расстрелянных и повешенных немцами, и то одних, то других снова перечисляют то в одной, то в другой речи. Под конец выступает девочка на вид лет тринадцати в солдатской шинели с обрезанными полами. У нее немцы повесили отца и мать, и она рассказывает об этом, говоря о них как о живых: мама и папа.

Не знаю, может быть, все-таки не надо было давать говорить на митинге этому ребенку. Она рассказывает ровным, тонким, хорошо слышным голосом, и слушать ее нестерпимо страшно. Толпа вокруг меня до этого стояла неподвижно, а сейчас шевелится и всхлипывает»[1].

В освобожденный Краснодар Симонов попал практически сразу после ухода немцев. Следы преступлений оккупантов оставались повсюду. На перекрестках снимали тела повешенных; около трупов на снегу лежали дощечки, висевшие у них на груди.

«У одного, на углу улицы Ворошилова и улицы Шаумяна: «За распространение ложных слухов». У другого, мальчишки лет шестнадцати: «Я воровал имущество немецкой армии». У третьего, пожилого человека, на углу Красной улицы, у сквера: «За агитацию против германской армии».

Какая-то женщина говорит про мертвеца, что это ее знакомый врач.

Еще один труп, женщины. На сорванной дощечке написано: «Я отравила двух солдат германской армии и двух своих детей». Гляжу на эту дощечку и думаю, что, может быть, так все оно и было, как написано. За надписью на дощечке трагедия, о которой теперь уже никто не расскажет»[2].

При отступлении из города немцы сожгли раненых военнопленных. Пока дом горел, армейские патрули не подпускали к нему жителей; те смотрели на погибающих в огне красноармейцев - и не могли помочь. Впрочем, позади здания женщины разломали забор и вытащили нескольких обгорелых раненых. «А когда стали вытаскивать еще, - рассказывали очевидцы трагедии, - немцы их заметили и двух женщин застрелили»[3].

В городе было столь много горя, что люди даже не плакали. Но для жителей Краснодара и освобожденных кубанских станиц все уже было позади. А в оккупированном Острогожске горожанка Мария Кайданникова видела, как венгерские солдаты загнали группу пленных в подвал магазина на ул. Медведовского. Вскоре оттуда послышались крики. Мария осторожно заглянула в окно. «Там ярко горел костер. Два мадьяра держали за плечи и ноги пленного и медленно поджаривали его живот и ноги на огне. Они то поднимали его над огнем, то опускали ниже, а когда он затих, мадьяры бросили его тело лицом вниз на костер. Вдруг пленный опять задергался. Тогда один из мадьяр с размаху всадил ему в спину штык»[4].

* * *

Ставка Гитлера в Восточной Пруссии носила название «Вольфшанце» - «Волчье логово». Ранним утром 2 февраля 1943 года личный камердинер фюрера Гейнц Линге увидел своего

---

1 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 183.

2 Там же. С. 188.

3 Там же. С. 189.

4 *Шнеер А.* Плен... С. 232.

патрона выходящим из бункера. Вид фюрера поразил камердинера: потухшие глаза, сгорбленная фигура, поднятый воротник шинели. Через несколько часов на совещании с военными Гитлер тихим голосом сказал: «Сегодня ночью у меня было чувство, что русские взяли Паулюса в плен»[1]. Предчувствие немного обмануло фюрера: на самом деле командующий окруженной под Сталинградом 6-й армии Фридрих Паулюс вместе со своим штабом сдался в плен утром 31 января. В плен Паулюс, прошедший всю войну генералом, попал уже фельдмаршалом; соответствующий приказ фюрер подписал в ночь на 31 января. 2 февраля в плен сдались последние немецкие подразделения в Сталинграде. Советское командование было поражено количеством попавших в их руки пленных.

Во всем Рейхе был объявлен трехдневный траур по погибшей 6-й армии. «Доблестные солдаты германской армии под командованием фельдмаршала Паулюса сражались до последнего патрона и все погибли», - объявило германское информационное агентство[2]. Траур ознаменовался массовыми убийствами военнопленных и мирных граждан. В расположенных на территории Рейха лагерях русских свиней расстреливали, заставляли раздетыми проводить на морозе ночь; на Востоке немецкие солдаты мстили беззащитным людям за свое поражение не менее безжалостно.

В украинском Мариуполе больных и раненых военнопленных заперли в восемнадцати товарных вагонах, вывезли в Старо-Крымский тупик и оставили там - замерзать. Чтобы население не могло оказать помощь, на вагонах нарисовали череп и кости и написали: «Не подходить, заразно»[3].

В курском селе Ефросимовка 15 пленным красноармейцам выкололи глаза, вспороли животы и отрезали пальцы. 65-летнюю колхозницу М.А. Голубятникову, у которой в Красной Армии воевали двое сыновей, облили бензином и сожгли заживо, а 70-летнюю М.П. Барановскую, напротив, раздели и голую закопали в снег, где она замерзла насмерть[4].

В селах под Курском начались массовые аресты. Подозрительных хватали целыми семьями и свозили в райцентр Сребное. Районная школа стала тюрьмой для семи сотен человек. «Ни еды, ни воды не давали, дышать нечем, - вспоминал один из пленных. - Люди стали выбивать окна. Одна женщина попросила полицая, чтобы кинул в окно лопату снега - детям попить, но тут же получила в ответ пулю.

В ночь на 23 февраля открыли двери и приказали выходить. Те, кто находился поближе к ним, вышли на улицу. Их построили по трое в ряд и повели к вырытой могиле. В этой группе было примерно 90 человек. Здесь, у могилы велено было раздеться и разуться, после чего подводили по трое к яме и в упор расстреливали из автоматов.

Стрельба была хорошо слышна в школе. Чем могли забаррикадировали двери и, вооружившись кирпичом из разобранных печей, вступили в неравную борьбу с охраной.

Сперва в окна полетели гранаты, стреляли из автоматов и пулеметов. Но этого показалось мало. Облили школу бензином и подожгли. Деревянная, прошитая тесом, она запылала как факел.

Там был ад... Многие бросались в окна, но их тут же расстреливали, у окон образовались горы трупов...»[5]. Всего в Сребном было уничтожено 682 человека, включая грудных младен-

---

1 Неизвестный Гитлер. С. 145.

2 *Андриянов В.И.* Архипелаг OST. С. 65.

3 *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 408; *Шнеер А.* Плен С. 293-294.

4 «Огненная дуга». С. 249.

5 Я это видел. С. 199-200.

цев.

Однако расправы над беззащитными людьми не могли остановить наступления Красной Армии; дела на фронте у немцев шли все хуже и хуже.

* * *

В надежном бункере «Вольфшанце» фюрер выслушивал доклад начальника генштаба Курта Цейтлера о положении на Восточном фронте. «Положение у Нижнего Донца еще больше обострилось. Курск, Харьков и Ростов - под непосредственной угрозой. На Кубани положение стало крайне критическим. Основные силы наших войск на Кубани находятся под угрозой быть отрезанными». На картах, принесенных начальником генштаба, трудно было найти линию фронта: всюду окружения, вклинивания и прорывы русских. Быстрота советского наступления поражала:

- От Сталинграда до этого пункта почти 500 километров. Откуда русские берут такие силы? По моим расчетам, они давно уже должны были выдохнуться. Я этого не понимаю, - недоумевал фюрер. Потом он неожиданно впадал в ярость:

- Эти генералы! Хоть бы они взрывали все при своем отступлении! У меня такое чувство, что они бегут без оглядки, оставляя многое русским в неразрушенном виде. Я требую, чтобы все было разрушено и сожжено! Каждый дом!

Цейтлер успокоил фюрера: приказы уничтожать все на пути отступления, конечно же, выполняются[1].

Это было действительно так. Армейский корпус СС, прикрывающий Харьков, под натиском советских войск вынужден был отступить. В докладах командования советских частей отмечалось: эсэсовцы в точности выполняют приказ Гитлера. «Отступая, части СС чинили невероятные зверства по отношению к мирному населению: убивали мужчин, стариков и детей, взрывали и разрушали все промышленные постройки и жилые дома в городах, сжигали целые села»[2].

Не отставали от эсэсовцев и солдаты вермахта. «При отступлении из Курска, - вспоминал обер-ефрейтор 9-й танковой дивизии Арно Швагер, - мы получили приказ все оставляемые нами пункты сжигать. Если городское население отказывалось оставлять свои дома, то таких жителей запирали и сжигали вместе с домами»[3].

Местных немецкие войска старались угонять с собой - равно как и военнопленных. Если угонять не удавалось, людей уничтожали. Сведения об этом в изобилии сохранились в архивах. «При отступлении из Чернянского района немецко-мадьярские воинские части угоняли с собой содержащихся в концлагере 200 человек военнопленных бойцов Красной Армии и 160 человек советских патриотов. В пути следования фашистские варвары всех этих 360 человек закрыли в здании школы, облили бензином и зажгли. Пытавшихся бежать расстреливали»[4].

Но удержать наступающую Красную Армию это не могло. Под угрозой нового окружения 14 февраля немцы отступили из Ростова; еще через два дня советские части вошли во вторую столицу Украины - Харьков.

На следующий день после потери Харькова, 17 февраля, Гитлер прилетел в ставку коман-

---

1 Неизвестный Гитлер. С. 148-149.

2 РАВО. Т. 15(4). Кн. 3. С. 119.

3 Истребительная война на Востоке. С. 46.

4 «Огненная дуга». С. 75.

дующего группы армий «Юг» фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса, в Запорожье. Но только фюрер начал совещание, как в комнату ворвался его адъютант.

- Русские танки появились у аэродрома Запорожья! Надо спешить!

На самом деле танкисты 1-й гвардейской армии находились в 60 километрах от города; однако после трехмесячного непрерывного наступления от русских ждали всего, что угодно. Скомкав совещание, Гитлер немедленно улетел в свою ставку под Винницей. Там он назначил генерал-майора Штахеля комендантом Запорожского укрепрайона. Штахель был известен своей безжалостностью к местным жителям; именно потому на него и пал выбор фюрера.

- Летите туда немедленно, - сказал Гитлер. - Запорожье вы должны держать! Стяните всех солдат на позиции! Сгоните все русское население и заставьте их строить укрепления так, чтобы у них из-под ногтей брызгала кровь!

- Какие я имею полномочия? - спросил генерал.

- Все! - ответил фюрер. - Делайте все, что хотите. Не допускайте никаких сентиментальностей![1]

* * *

В берлинском Дворце спорта перед членами партии выступает министр пропаганды Геббельс. Он говорит о тотальной войне, которую отныне надо вести на Востоке.

- Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальной войны?!

- Да! - ревет толпа, но Геббельс не останавливается:

- Хотите ли вы вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?

- ДА!!![2]

От рева толпы дрожат стены.

Оберштурмбаннфюрер СС Авенир Беннигсен - советский разведчик Борис Гоглидзе - стоит среди толпы. Ему очень хочется достать пистолет и убить беснующегося на трибуне коротышку, сулящего его родине неисчислимые беды. Но Беннигсен понимает: до президиума слишком далеко, да и выстрелить он не успеет - не дадут[3].

* * *

Но как бы ни сильна была пропаганда, исход войны все же решают войска. Выждав момент, командующий группой армий «Дон» фельдмаршал фон Манштейн попытался остановить советское наступление мощным контрударом. Получив новые танковые дивизии, он бросил их вместе с частями СС в обход Харькова. 10 марта город был атакован с трех сторон. Силы были не равны; командующий 3-й танковой армией докладывал командующему Воронежским фронтом:

«Положение создается критическое, город силами 19-й стрелковой дивизии и 17-й бригады НКВД, к тому же небоеспособных, я не удержу. Резервов нет.

Противник может перерезать все пути отхода. Боеприпасы на исходе, горючего нет.

---

1 Неизвестный Гитлер. С. 150-151.

2 Откровения и признания. С. 428.

3 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно. С. 35.

В городе имею более 3000 раненых. Вывезти не имею возможности»[1].

13 марта немецкие части снова ворвались в Харьков. Первой их жертвой стали раненые, которых так и не смогли эвакуировать. «Три грузовика с солдатами из дивизии «Адольф Гитлер» подъехали к госпиталю (1-й общий эвакуационный госпиталь 69-й армии). Они выбили двери восьмого корпуса и бросили внутрь зажигательные гранаты. Когда раненые пытались спастись, выпрыгивая из окон, их расстреливали из автоматов. На следующий день прибыло девять эсэсовцев, которые выгнали медперсонал из помещений и расстреляли всех находившихся в палатах». Жена одного из раненых, пришедшая в госпиталь 15 марта, нашла «окровавленное и изувеченное тело мужа, лежащее между койками. Голова его была разбита, один глаз выбит, руки сломаны, а кровь еще сочилась из ран». Всего эсэсовцами только в одном госпитале было убито 800 человек[2].

Получив от фон Манштейна доклад о взятии Харькова, начальник генштаба с облегчением признался рейхсмаршалу Герингу:

- Еще совсем недавно я думал, что меня хватит удар, если придется услышать хорошие вести[3].

Генералу Цейтлеру больше не доведется попробовать победу на вкус. Наступление фон Манштейна под Харьковом оказалось последним, в котором ставились осмысленные задачи. И - безрезультатным. Манштейн взял Харьков, однако дальше пробиться не смог, остановленный на реке Северный Донец. После весны сорок третьего надежд на победу над Советским Союзом у германского командования уже не оставалось. Имелась лишь исчезающе маленькая возможность не проиграть.

* * *

Несколько месяцев спустя советские войска, отбив немецкое наступление под Курском, вступали в Орел. Радость, с которой горожане встречали своих освободителей, была столь велика и неподдельна, что запоминалась на всю жизнь.

«Я въехал в Орел утром 5 августа, - рассказывал журналистам будущий комендант города генерал Собенников. - Представьте себе картину: светает, кругом еще горят дома, наши орудия и танки вступают в город - они покрыты цветами, из громкоговорителей несутся звуки «Священной войны», старухи и дети бегут среди солдат, суют им в руки цветы, целуют их. Кое-где еще продолжается перестрелка. Я запомнил старую женщину. Она стояла на углу Пушкинской улицы и крестилась, а по ее морщинистому лицу текли слезы. Другая пожилая женщина, образованная, судя по разговору, подбежала ко мне, протянула цветы и, обняв меня за шею, говорила, говорила, говорила без конца. Из-за шума вокруг я не мог расслышать, что она говорит, понял только, что о сыне, который в Красной Армии»[4].

Все жители города были на улицах: с цветами, улыбками, мокрыми от счастья глазами. Оборотной стороной радости было горе; отступая, немецкие войска практически разрушили город. «Первая же улица вслед за железнодорожным полотном поразила большим количест-

---

1 РАВО. Т. 15(4). Кн. 3. С. 115.

2 *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. С. 182. См. также: *Шнеер А.* Плен... С. 293-294; *Мельников Д. Е., Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 408.

3 Неизвестный Гитлер. С. 153.

4 *Верт А.* Россия в войне... С. 418.

вом сожженных и взорванных домов, - записывал вечером в дневнике замначальника 2-го Управления НКГБ Л.Ф. Райхман. - Почти все улицы представляли собой развалины. Этого не было даже в Курске, где немцы с особенным ожесточением все разрушали перед отходом... Немцы вывезли все, в том числе и мебель из некоторых учреждений. Характерно, что в домах, которые были взорваны ими перед отходом, сняты ручки, шпингалеты и прочее металлическое оборудование»[1].

Но вот следы своих преступлений нацисты спрятать не могли. Из 114 тысяч жителей Орла к моменту освобождения в городе осталось лишь 30 тысяч; остальные были уничтожены, угнаны в Германию, выморены голодом[2]. Каждый уцелевший житель города мог бесконечно долго рассказывать о преступлениях оккупантов, и от рассказов этих кровь стыла в жилах даже у очень информированных людей.

«Я внимательно читал за последние полтора года тысячи сводок из освобожденных районов о зверствах, чинимых немцами, но рассказы живых людей ярче любой сводки, - писал Райхман. - В деревнях царил страшный произвол. Комендант расстреливал без всякого повода, по своему усмотрению, кого угодно... Пожилая женщина показала мне 80-летнюю старуху, которую изнасиловал немец, и рассказала при этом ряд совершенно страшных подробностей».[3]

Кроме рассказов свидетелей были доказательства и иного, неоспоримого рода: множество братских могил, в которых покоились жертвы оккупантов. Места массовых расстрелов евреев, военнопленных, простых горожан было нетрудно обнаружить.

«Сегодня профессор Бурденко начал раскопки этих рвов. Днем, когда я туда приехал, уже докопались до трупов. Разрытый ров (всего таких рвов за зданием тюрьмы 5-6), длиной до 20 м, на большую глубину весь завален трупами. Точное количество трупов трудно определить, но их очень много», - записывал Райхман, стараясь держаться протокольного тона. Потом чекист не выдержал и описал собственные впечатления: «...Вообще же это совершенно страшное зрелище. В яме в беспорядке лежала груда трупов мужчин, женщин и детей. На некоторых еще полностью не разложившихся лицах видны следы ужасных мук, которым подвергались эти люди перед расстрелом»[4].

То, что подобные преступления не могли остаться безнаказанными, понимали все. На нацистские убийства Советский Союз не ответил ни уничтожением военнопленных, ни истреблением немецких мирных граждан. От мести отказались во имя правосудия; зимой 1943 года в освобожденном Харькове состоялся первый процесс над военными преступниками. Попавшие на скамью подсудимых офицеры вермахта и СС, как и местные предатели-коллаборационисты, были мелкой сошкой; на их счету были лишь сотни, а не тысячи и десятки тысяч убитых. Но, как бы то ни было, начало было положено.

«...Было такое чувство, что мы ухватились за самый кончик безмерно страшного, остававшегося где-то там, за захлопнутой еще для нас дверью, - вспоминал один из аккредитованных на процессе журналистов. - Тянем за этот кончик, но больше пока вытянуть не можем! Уже после этого в мою память вошло и то, что я увидел своими глазами - Майданек и Освенцим, - и то, о чем слышал и читал, - тома Нюрнбергского процесса, десятки книг, тысячи и тысячи метров пленки, снятых операторами почти во всех местах главных массовых убийств - в Рос-

---

1 «Огненная дуга». С. 100-101.

2 *Верт А.* Россия в войне... С. 416.

3 «Огненная дуга». С. 123.

4 Там же. С. 108.

сии, на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, в Польше. Печи, рвы, черепа, кости, панихиды, эксгумации...

Но тогда в Харькове был только этот куцый кончик всего раскрытого потом: не Гитлер и не Гиммлер, и не Кальтенбруннер, а какой-то капитан Вильгельм Лангхельд, у которого на совести были не миллионы, а всего несколько тысяч жизней, и какой-то унтер-штурмфюрер СС Ганс Риц, который не помнил в точности, сколько по его приказу убито людей в Таганроге - не то двести, не то триста. Старался добросовестно отвечать на вопросы и все-таки не помнил - двести или триста. И шутка кого-то еще не пойманного, сказанная одному из пойманных над трупами в овраге: «Вот лежат пассажиры вчерашней газовой камеры». И морщины на лбу, и недоуменно растопыренные пальцы человека, честно силящегося вспомнить, кто именно был им убит: «Нет, я не помню этих русских имен». И уважение к находившейся в руках газовой технике: «Я считал, что эта казнь гуманная». И поголовный расстрел четырехсот пятидесяти душевнобольных, и крик оттуда, из толпы расстреливаемых: «Сумасшедшие, что вы делаете!»...

Потом, в сорок четвертом и сорок пятом годах, мы сделали столько страшных открытий, что иногда тупели от ужасающей привычности невероятного.

...Корреспонденции с процесса я писал с трудом, никак не мог выразить того, что чувствовал, не мог найти слов, и вообще не хотелось ни говорить, ни писать, ни корреспонденции, ни дневников - ничего»[1].

...Когда журналисты, присланные из центральных газет, ехали на Харьковский процесс, они впервые увидели побывавшую под оккупацией землю. Пораженный Константин Симонов писал в своих воспоминаниях:

«Сразу же за Тулой пошла земля, где побывали немцы, и так тянулась до самого Харькова - сожженные города, разбитые вдребезги станции, взорванные водокачки, остовы сброшенных с путей горелых вагонов, вывихнутые столбы, перекрученные взрывами рельсы, трубы взорванных заводов, трубы сожженных домов.

Всего этого я повидал предостаточно и раньше, но сейчас все это шло подряд, без перерыва, все время, пока мы ехали и пока подолгу стояли на станциях и полустанках. Было такое чувство, будто на долгом пути до Харькова все это вышло по обе стороны дороги на бесконечный мрачный парад необозримого горя и разорения. Я ехал мимо этого всего, а где-то на дне души отстаивалась тяжелая злоба на немцев. Отстаивалась, как тогда казалось, навеки, до смертного часа. Потом, уже в Харькове, Толстой в первое же утро, когда мы очутились вместе в гостинице, вспомнив эту дорогу, сказал, что чувствует себя после нее прогнанным сквозь строй, битым не до крови, а до мяса и костей, и мрачно, грубо выругался. И я понял, что не только я, а и другие ехали, испытывая то же самое, что и я»[2].

Ни Симонов, ни Алексей Толстой еще не знали, что на землях, которые они проезжали, нацисты не успели в полной мере реализовать тактику «выжженной земли». Это были обычные разрушения, нанесенные оккупацией и войной; «выжженная земля», которую солдатам Красной Армии вскоре пришлось увидеть, выглядела гораздо страшнее.

* * *

...Время импровизаций кончилось; отныне тактика «выжженной земли» проводилась отсту-

1 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 292-294.

2 Там же. С. 292.

павшими войсками вермахта с присущей немцам аккуратностью и педантичностью. Города разрушались, села сжигались, население угонялось с собой или уничтожалось. Предпринимавшиеся войсками мероприятия были столь масштабными, что даже после войны немецкие генералы не могли обойти их в воспоминаниях. Приходилось беззастенчиво лгать. В своих мемуарах фельдмаршал фон Манштейн, чьи войска в это время отступали с Левобережной Украины, громоздит одну ложь на другую.

«В зоне 20-30 км перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжать свое наступление на широком фронте по ту сторону реки, то есть все, что могло явиться для него при сосредоточении сил перед нашими днепровскими позициями укрытием или местом расквартирования, и все, что могло облегчить ему снабжение, в особенности продовольственное снабжение его войск.

Одновременно, по специальному приказу экономического штаба Геринга, из района, который мы оставляли, были вывезены запасы, хозяйственное имущество и машины, которые могли использоваться для военного производства. Это мероприятие, однако, проводилось группой армий только в отношении военных машин, цветных металлов, зерна и технических культур, а также лошадей и скота. О «разграблении» этих областей, естественно, не могло быть и речи. В немецкой армии - в противовес остальным - грабеж не допускался. Был установлен строгий контроль, чтобы исключить возможность вывоза какого-либо незаконного груза. Вывезенное нами с заводов, складов, из совхозов и т.п. имущество или запасы, между прочим, представляли собой государственную, а не частную собственность.

Так как Советы в отбитых ими у нас областях немедленно мобилизовывали всех годных к службе мужчин до 60 лет в армию и использовали все население без исключения, даже и в районе боев, на работах военного характера, Главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население. В действительности эта принудительная мера распространялась, однако, только на военнообязанных, которые были бы немедленно призваны. Но значительная часть населения добровольно последовала за нашими отступающими частями, чтобы уйти от Советов, которых они опасались. Образовались длинные колонны, которые нам позже пришлось увидеть также и в восточной Германии. Армии оказывали им всяческую помощь. Их не «угоняли», а направляли в районы западнее Днепра, где немецкие штабы заботились об их размещении и снабжении. Бежавшее население имело право взять с собой и лошадей, и скот - все, что только можно было вывезти. Мы предоставляли населению также, поскольку это было возможно, и транспорт. То, что война принесла им много страданий и неизбежных лишений, нельзя оспаривать. Но их же нельзя было сравнить с тем, что претерпело гражданское население в Германии от террористических бомбардировок, а также с тем, что позже произошло на востоке Германии. Во всяком случае, все принятые немецкой стороной меры объяснялись военной необходимостью»[1].

В действительности штаб группы армий «Дон» еще в январе 1943 года приказал подготовить полное разрушение всех хозяйственных построек и немедленно отправить в тыл весь скот. Через два месяца штаб 6-й армии, которой было поручено выполнение этого приказа, докладывал: особое внимание уделялось повсеместному проведению мероприятий по сплошному разрушению, причем уничтожались как промышленные, так и все ремесленные и сельскохозяйственные предприятия. Все значительные запасы зерна и других продуктов питания, которые нельзя было выдать войскам, уничтожались. Даже самые маломощные мельницы и мелкие склады зерна были взорваны или сожжены. «В целом, - с чувством выполненного долга докладывал штаб 6-й армии, - можно сказать, что ничего существенного неразрушенным не осталось».

---

1 *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. С. 573-574.

Далее подчиненные Манштейну войска действовали в том же духе. «Если при отходе войска встречают на своем пути скот и не имеют возможности отправить его в тыл, они обязаны расстрелять его. Неразрушенные населенные пункты и жилые убежища уничтожать огнем», - приказывал фельдмаршал[1].

Слова фон Манштейна о том, что «никакое разграбление» не имело места, и вовсе звучат как циничное издевательство. По данным начальника сельскохозяйственного отдела рейхскомиссариата «Украина» Гельмута Кернера, было угнано более миллиона голов крупного рогатого скота. Из Донбасса и других восточных областей Украины в Германию было отправлено около 3 тысяч эшелонов с заводским оборудованием, машинами и сельскохозяйственными продуктами[2].

Этим, кроме командования группы армий, занимался генерал Отто Штапф, возглавлявший экономический штаб «Ост». Ему помогали эсэсовцы. Гиммлер указывал руководителю СС и полиции Украины: «Генерал пехоты Штапф имеет особые указания относительно Донецкой области. Немедленно свяжитесь с ним. Я возлагаю на вас задачу всеми силами содействовать ему. Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остался в целости ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого...»[3]

Совместными усилиями эсэсовцы, Штапф и фон Манштейн добились немалых успехов. Советские войска наступали среди руин, трупов людей и скота. «На обочинах дорог много убитых коров, - записали в дневнике советские офицеры. - Немцы не смогли их угнать с собой и пристрелили. Около нескольких убитых коров сидели на корточках женщины и жутко голосили, проклиная немцев»[4].

Что же касается местных жителей, то их оккупанты уводили с собой.

«Я хочу сказать и думаю, что те, кому я это говорю, и без того понимают, что мы должны вести войну и наш поход с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы - живыми или мертвыми? - указывал незадолго до отступления Гиммлер. - Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету, абсолютно неправильно. Такое нельзя себе допустить.

И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекут кровью»[5].

Именно этот угон фон Манштейн пытается представить как «добровольную эвакуацию». Операции по угону населения проводились следующим образом: полицейские батальоны и

---

1 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 306-307.

2 Там же. С. 310.

3 *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера... Т. 4. С. 14; Война Германии против Советского Союза. С. 232; Откровения и признания. С. 297-298.

4 «Огненная дуга». С. 248.

5 Война Германии против Советского Союза. С. 103-104.

части вермахта регистрировали эвакуируемых жителей, а потом, собрав в колонны примерно по тысяче человек, гнали в так называемые «приемные лагеря». «Предполагается, что в каждой колонне будет находиться 50% трудоспособных. Детей от десяти лет и старше считать рабочими»[1]. Цитируемый приказ принадлежит командующему группой армий «Север» фельдмаршалу Георгу фон Кюхлеру; однако нет сомнений, что фон Манштейн поступал так же, как его коллега. При этом, как следует из документов штаба 6-й армии, угоняемых женщин, детей и стариков не кормили, оставляли ночевать под открытым небом - словом, обращались с ними так же, как с предназначенными для уничтожения пленными красноармейцами в сорок первом году[2].

А вот что видели советские войска, наступавшие вслед подразделениям фон Манштейна:

«Отбили деревню... Ищем, где набрать воды. Вошли во двор, где заметили колодезный журавль. Резной деревянный колодец... Лежит во дворе расстрелянный хозяин... А возле него сидит его собака. Увидела нас, начала поскуливать. Не сразу до нас дошло, а она нас звала. Повела нас в хату... Пошли за ней. На пороге лежит жена и трое деток... Собака села возле них и плачет. По-настоящему плачет. По-человечески...»[3]

«13-го ночью взяли село и наутро увидели, что они там натворили: мирных жителей расстреляли, раненых сожгли, хаты набиты трупами детей, стариков»[4].

Это напоминало картины ада, неожиданно воплотившегося на земле. Там, где раньше были цветущие села, - теперь остались лишь пепелища, руины с трупами невинных людей.

«О том, что здесь была деревня, напоминают только стоящие как памятники над могилами - холмами куч головешек большие полуразрушенные и закопченные дымом глинобитные печи с широко разинутыми ртами и квадратными глазницами... Вокруг печек кое-где валяются искореженные в огне пожарища самодельные железные кровати с ажурными искривленными спинками. Там же валяются большие и маленькие чугунные и глиняные горшки. А на боках и спереди печек сквозь копоть просматриваются наивные и забавные рисунки, написанные химическими чернилами: «Корзинки подсолнухов», «Парубок со своей дивчиной», «Котята с мячом», «Петухи-драчуны» и «Хохлатки с цыплятками»... Мы медленно продвигаемся вдоль улицы.

В центре деревни, как и в любой, стоит журавель с высоко поднятым пустым деревянным ведром. Мы поспешили к колодцу с надеждой глотнуть свежей и прохладной воды... Опускаем деревянную бадью вниз. Бадья ударяется о что-то непонятное, но не о водную поверхность, словно колодец высох. Вытаскиваем бадейку и видим на ней кровь... Все ясно, в колодец немцы сбросили трупы...

Неподалеку от колодца опять видны трупы совершенно обнаженных женщин и даже малолетних девочек. Мы накрыли их своими плащ-палатками и пошли, совершенно подавленные, дальше...

В одной из печек я увидел крупного и слегка опаленного серого кота. Он лежит на животе в классической позе, подобрав под себя лапы и положив рядом пушистый хвост. Его печальный взгляд совершенно безразличен ко всему окружающему миру.

Кот не обращает на меня никакого внимания и не собирается удирать. У меня возникло сомнение: «А живой ли он?» И вдруг вижу, как у него из глаз текут слезы. Значит, живой... Мне очень хотелось погладить этого кота, но я не посмел, так как не заслужил этого...

---

1 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 320.

2 Там же. С. 322.

3 *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. С. 133.

4 Я это видел... С. 141.

В конце пепелища мы увидели почти призрачную женскую фигуру, которая в дыму внезапно появляется и также исчезает. Она, видимо, давно тут нас поджидает на краю дороги. Подходим к ней вплотную и останавливаемся... Женщина хоть до крайности истощена, но стоит прямо. Ее пепельно-седые, густые и волнистые волосы, до пояса, говорят о том, что она еще

молода. Ее голова и лицо - пергаментная кожа, натянутая на череп. Заостренный и тонкий нос-клюв и глубоко запавшие глаза, бессильно опущенные костлявые руки и ноги-спички наводят на мысль, что перед нами человек, вышедший нам навстречу с того света. Мы боимся спрашивать ее о чем-либо потому, что в ней еле-еле теплится жизнь. Один из пожилых пехотинцев, у которого сохранилась еще вода, наливает в стаканчик и подает ей. Она взяла стаканчик в свои тонкие и дрожащие пальцы и медленно с наслаждением выпила. Затем вернула пустой стаканчик, произнося по слогам: «Спа-си-бо-чки, но вы запоздали». Выговорив эти слова, она свалилась на руки пехотинца, который стоял ближе всех возле нее. Ее голова отвисла назад с открытыми глазами, а руки свесились как пустые рукава. Мы поняли, что она мертва...

Наконец мы оказались на окраине деревни и подумали, что все уже позади. Но самое страшное мы увидели только тут. Вот они - все жители от мала до велика лежат рядом с дорогой. Пехотинцы, обнажив свои головы, медленно двигаются мимо нескольких сотен расстрелянных женщин, стариков, детей. Нам тяжело и стыдно. Я плачу навзрыд, задыхаясь от злости и ярости»[1].

На этой злости, на ненависти к убийцам, советские войска в начале октября сорок третьего с ходу форсировали Днепр, объявленный немецким командованием «зимним оборонительным рубежом». Потом пленные немецкие офицеры жаловались: русские переправлялись «не по правилам». На плотах, сделанных из бочек, на рыбацких лодках, на бревнах, на воротах изб плыли через широкую реку советские солдаты; и когда немцы опомнились, передовые части уже твердо стояли на правобережье. Освободителей ждала столица Украины - прекрасный Киев.

...Фельдмаршал Эрих фон Манштейн в конце войны будет арестован англичанами. Военный трибунал приговорит его к восемнадцати годам тюрьмы - недопустимо мало, если учитывать количество уничтоженных под руководством фельдмаршала мирных граждан. Но и те фон Манштейн не отбудет полностью; через два с половиной года его освободят «по состоянию здоровья». На свободе фон Манштейн немедленно обретет богатырское здоровье и проживет еще двадцать один год. Когда западные союзники создадут ФРГ, одним из консультантов при создании новой западногерманской армии - бундесвера - станет гитлеровский фельдмаршал. В конце концов, он был не только палачом, но и лучшим германским военачальником Второй мировой[2].

---

1 *Абдулин М.* От Сталинграда до Днепра. С. 216-218.

2 Коснувшись вопроса о спасении нацистских преступников от заслуженной кары, следует привести некоторые фактические данные. Уже в 1951 году верховный комиссар американских оккупационных войск в Германии Джон Маккой объявил об амнистии, под которую попадали нацистские преступники, получившие менее 15 лет. В 1952 году, после создания ФРГ, по стране прокатилась новая волна амнистий. В последующем попытки покарать нацистских преступников неизменно пресекались властями ФРГ. Было прекращено более 90 тысяч заведенных дел на нацистов, а до суда дошли только 200, причем обвиняемые получали минимальные сроки. Один из карателей, обвиняемый в убийстве 526 человек, получил три года - суд учел, что при расстрелах он «сохранял приличную форму». Другой, убивший 423 человека, получил четыре года, так как у него, по мнению судей, уже в детские годы был «неустойчивый характер» *Дрожжин С.* Призрак неонацизма: Сделано в Новой Европе. - М.: Алгоритм. 2006. - С. 146-154). Как видим, ни о каком правосудии не приходится и говорить. Поэтому популярные среди отечественных ревизионистов рассуждения «суд оправдал такого-то (Манштейна, Гудериана, Оберлендера) - значит, он не совершал преступлений» можно смело выбрасывать в корзинку. Оправдали - потому что «свой», а уничтоженные им советские граждане - «чужие».

* * *

Ранней осенью сорок третьего над все еще удерживаемым немцами Киевом стоял черный, пахнущий человечиной дым. В Бабьем Яру, где лежали сотни тысяч убитых советских граждан, горели костры, на которых сжигали трупы. Эсэсовцы уничтожали следы своих преступлений.

Штандартенфюрер Пауль Блобель в сорок первом командовал солдатами, осуществлявшими убийства киевских евреев. Спустя два года он снова появился в городе - на сей раз как командующий зондеркоманды 1005. Рейхсфюрер СС был предусмотрительнее генералов вермахта, заваливавших пути отступления убитыми женщинами и детьми. Гиммлер не хотел, чтобы совершенные СС преступления стали известными; для уничтожения следов он создал зондеркоманду Блобеля. «Блобель имел задание найти все массовые захоронения на Востоке, организовать их вскрытие, сжигание трупов и уничтожение следов, - вспоминал оберштурмбаннфюрер Адольф Эйхман. - С этой целью он и двигался перед постепенно отступающим на запад фронтом и делал свое дело»[1].

В зондеркоманде 1005 было с полдюжины эсэсовцев, они лишь надзирали за работами. Всю грязную работу должны были выполнять заключенные концлагерей, охраняла их местная вспомогательная полиция. По завершении работ полицейские расстреливали заключенных; после этого эсэсовцы уничтожали самих полицейских[2].

Штурмбаннфюрер Авенир Беннигсен столкнулся с командой Бломбеля весной 1944 года под Новгородом-Волынским. Под городом было место массового уничтожения евреев; именно его приехали уничтожать эсэсовцы.

«Зимой трупы не разлагались. Когда вскрыли могилы, только-только началось разложение. И вот могила, в которой несколько тысяч женщин. Только женщины, женский транспорт, видимо, был. Когда землю вскрыли, пар оттуда пошел. И вот эта сволочь стоит и изволит шутить: «Какие горячие!» А перед нами лежит девчоночка лет 17-18... изумительной красоты, ну, гнить еще не начала, но пар идет. «Какие горячие, если бы знал, я бы на несколько дней продлил ее жизнь».

От этих слов советского разведчика - а именно им был Беннигсен - просто затрясло. Это чувство он не забыл даже много лет спустя: «Понимаете, что я в этот момент чувствовал! Я близок был к провалу. Если бы он на меня посмотрел, то увидел бы, что рука моя потянулась к пистолету. Думаю, сейчас хлопну тебя и скажу: «Ну, лежи, сволочь, рядом», причем в живот, как они любили делать. Четыре пули в живот - эсэсовский квадрат назывался»[3].

В тот день, среди копоти сжигаемых трупов, смерть прошла мимо Блобеля. Его в сорок восьмом году повесят американцы.

* * *

Смоленск, старинная крепость, защищавшая страну от нашествий с Запада, был освобожден 25 октября 1943 года. Это был лишь один из сотен городов, освобожденных в ходе летнего наступления. Немецкие пропагандисты утверждали, что русские войска умеют воевать лишь средь зимних снегов и морозов. Что ж! Красная Армия наглядно продемонстрировала

---

1 *Ланг Й. фон.* Протоколы Эйхмана. С. 253-254.

2 Там же.

3 *Шнеер А.* Из НКВД в СС и обратно. С. 17.

обратное.

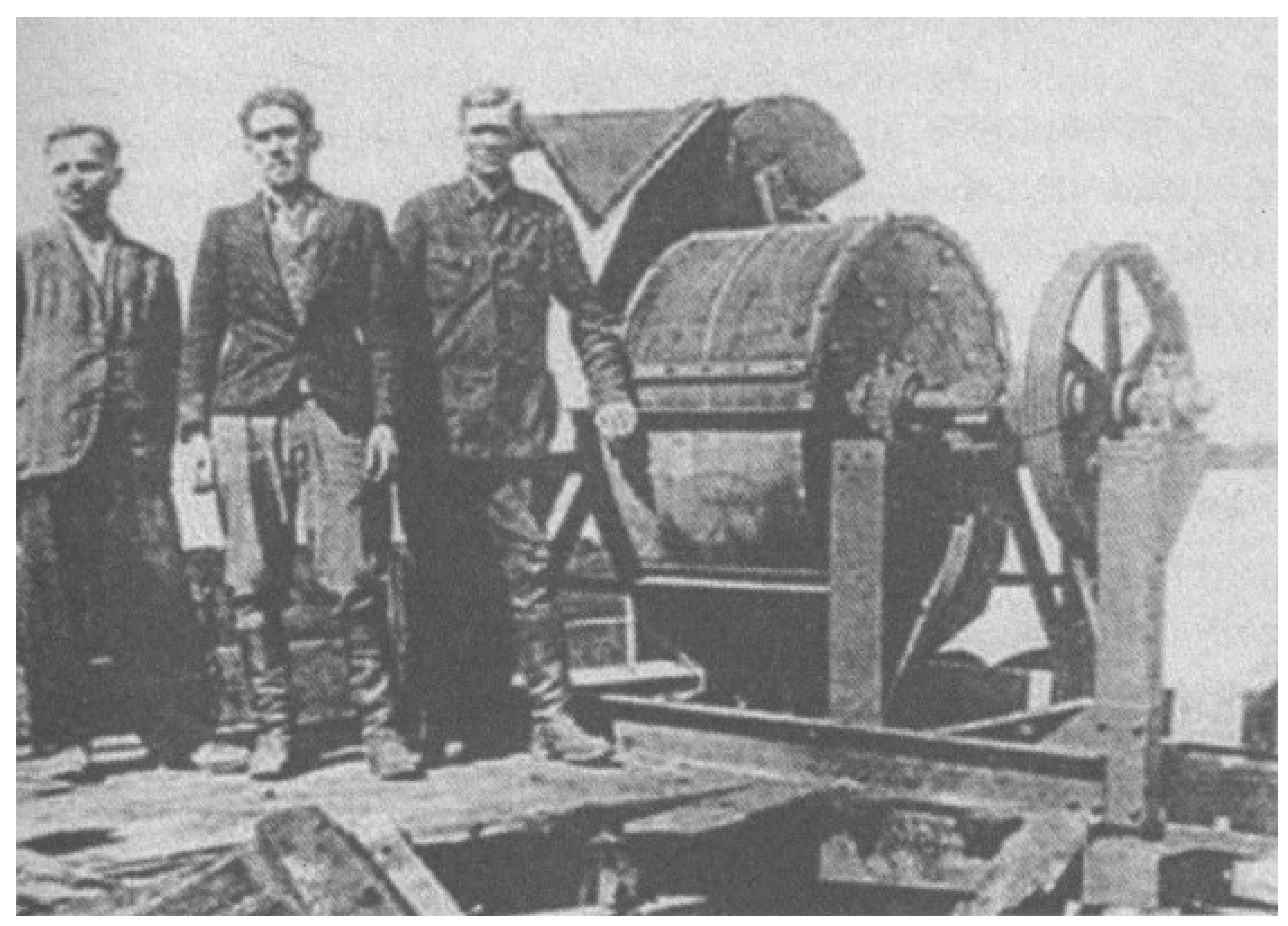
Но и под Смоленском, и под другими освобожденными городами советские войска видели одну и ту же картину.

«Мы едем по изуродованному, взорванному и сожженному миру, по земле, изуродованной взрывами мин, по полям, словно оспой, обезображенным воронками, по дорогам, которые немцы, отступая, разрубили, как человеческое тело, на куски, взорвав все мосты.

Земли Смоленщины стали пустыней. Редко-редко на дороге попадется согнувшаяся старуха, везущая за собой санки, на которых сложены два узла и торчит крышка самовара.

Проезжаем одну деревню за другой, и те, кто остался жив, стоят посреди своих опустевших домов, над развалинами своих изб»[1].

Мотивы, по которым отступающие немецкие войска оставляли за собой выжженную и опустошенную землю, четче всего изложил безымянный унтер-офицер вермахта. «Если мы отойдем до границы, - записал он в дневнике, - то у русских от Волги до немецкой границы не останется ни одного города, ни одного села. А этого они, наверное, не выдержат. Да, здесь

В предчувствии поражения нацисты пытались скрыть следы своих преступлений. Костедробилка, в которой размалывались тела уничтоженных советских граждан

1 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 210.

господствует «тотальная война» в высшем ее совершенстве. То, что здесь происходит, - это нечто невиданное в мировой истории. И, несомненно, это является решающим для исхода войны, а именно - в нашу пользу»[1].

«Позавчера мы оставили Новгород-Северский, - писал домой немецкий солдат. - Город сожгли. Сжигаем также все деревни, которые оставляем. Сегодня мы снова спалили большое село. Жители стоят рядом и должны смотреть, как горят их дома».

«Дорогая жена, - писал другой, - ночью, отступая, мы все сжигаем. Горят целые деревни. Весь урожай на полях также должен быть сожжен. Дома мы грабим, так как жители уходят из деревень. Как ты думаешь, что лучше - таскать добро с собой или отправлять тебе?»[2]

Но главным в тактике «выжженной земли» было не уничтожение домов, не сожжение посевов. Главным было убийство мирных жителей. Конечно, нацисты предпочли бы угнать людей на принудительные работы, но Красная Армия наступала слишком быстро.

«Во время отхода у нас много хлопот, все время надо быть начеку, - писал брату фельдфебель 6-й пехотной дивизии Герман Штольц. - Возле Гомеля мы заметили в лесу кучку женщин. Они вздумали прятаться. При других обстоятельствах мы погнали бы их на сборный пункт, но здесь положение было напряженным, и я приказал моей роте ликвидировать женщин. Мои автоматчики не заставили себя долго просить, все было разрешено в три-четыре минуты»[3].

Отступая из-под Ржева, немецкие солдаты загнали население одного из сел в церковь. Вокруг гремели взрывы, горели дома и люди, за два с лишним года четко понявшие, что такое оккупанты, точно знали: сейчас храм сожгут. Сейчас придет смерть. Кто-то кричал, кто-то плакал. Люди обнимались, прощая друг другу давние обиды, прощаясь с жизнью.

А потом вдруг стало тихо. Люди подумали, что это пришла смерть, и бросились к заколоченным окнам. Но огня не было; по снегу в белых маскировочных халатах к храму шли солдаты. Они шли беззвучно, словно ангелы, и на их шапках светились красные звезды.

«Это было воскресение, - вспоминала одна из женщин. - Обнимались, целовались. Слезы и плач. Очень торжественно. Воскресли из мертвых. Это - Воскресение»[4].

Но так везло немногим.

В деревне под Вязьмой красноармейцы, сняв шапки, смотрели в овраг. В овраге лежали убитые немцами старики и женщины, незакопанные. Одна с ребенком.

- Робеночка не пожалели, - шептал немолодой сапер. - Робеночка не пожалели[5].

При отступлении из деревни Драчево Гжатского района помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в один из домов двести человек из окрестных сел, закрыл двери и поджег дом. Среди сгоревших было мало мужчин - все больше старики, женщины и дети[6].

Когда близ деревни появились немецкие факельщики, 95-летний старик Кирилл Матвеевич Кривенков отказался убегать. «Я ему говорю: «Пойдем со мной в лес, а то они тебе хату запалят». - «А я их вилами, коли придут! Потом нехай палят», - рассказывала потом соседка. - Когда немцы зажигали деревню, люди побежали в топь. Немцы подошли к его хате, а он вышел

---

1 Преступные цели... С. 144.

2 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 503.

3 Там же. С. 548.

4 *Ржевская Е.М.* Ближние подступы. С. 178.

5 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 211.

6 *Мельников Д.Е.. Черная Л.Б.* Конвейер смерти. С. 405.

Жители возвращаются в освобожденный Смоленск, сентябрь 1943 г.

со двора с вилами. Навстречу ему немец с соломой - поджигать. Он ударил его в живот вилами. Другие немцы его схватили. Он минут пятнадцать кричал: «Ратуйте!» Они ломали ему руки и сломали в костях, а потом застрелили его из нагана в ухо. И дом спалили...»[1]

...Много лет спустя мальчишка, живший в одной из таких деревень, вспоминал, как с матерью и соседками сидел в овраге недалеко от деревни. «Из оврага была видна деревня, и было видно, как отступавшие немцы жгут хату за хатой. И женщины, глядя на это зрелище, молились богу и крестились. Это была благодарность за то, что они сами остались целы, что их миновала смерть, а о домах уже не думали»[2].

Когда, наконец, приходили советские войска, их встречали люди, обитающие в развалинах собственных домов. «Деревушка на Брянщине, только-только освобожденная, - вспоминал один из красноармейцев. - Погреб, на нем крыша из кукурузных стеблей, и там, в земле, живут «сводные» семьи, то есть те, кто остался жив, - чей-то ребенок, чей-то старик. Женщина из погреба показала мне рукой на мужика - он был полицаем. На глазах селян вырезал на груди ее четырнадцатилетнего сына звезду, выколол глаза, а когда стал рубить по одному пальцу,

1 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 275.
2 Там же. С. 257.

мальчик умер. Женщина говорила и - не плакала»[1].

Наступившая зима была безжалостной к потерявшим жилье людям, гревшимся у собственных развалин. Ни теплой одежды, ни еды. И, несмотря на помощь армейских и гражданских властей, многие из тех несчастных не пережили зимы.

«Напрасно гитлеровцы пытаются говорить о военном значении «зон пустыни», - возмущенно писал Эренбург. - Подожженные деревни не остановили русских танков, которые прошли от Льгова до Житомира. Красная Армия привыкла ночевать в лесах: спокойней - нет мишеней для вражеской авиации. Русские солдаты тепло одеты. Они обойдутся без изб. Погибнут старики и дети.

Украина славилась яблоками. Я видел срубленные и спиленные плодовые сады. Военное значение? Какая глупая шутка! Срубить в селе сто яблонь - и это задержит Красную Армию?

Я видел тысячи молочных коров, застреленных немцами... Неужели убийство коров, овец, свиней может задержать Красную Армию? Ведь корова - это не цистерна с горючим. Но коровы - это молоко для детей»[2].

А германское командование изобретало все новые и новые способы ослабить русских. Можно, например, угонять не только военнообязанных, не только женщин и стариков, но и малолетних детей: от десяти и младше. В документах вермахта указывается: «При проведении этой акции речь идет не только о недопущении непосредственного увеличения военной мощи противника, но и об уменьшении его биологической силы на далекое будущее. Кроме того, вывезенные дети являются удобным средством обеспечения организованной эвакуации взрослого населения»[3].

* * *

Военнопленных, которых можно было уничтожать, уже не оставалось: не немцы брали в плен красноармейцев, а красноармейцы - немцев. Но уж если в руки солдат вермахта попадался пленный, его ждала лютая смерть.

На Витебском направлении советские части выбили немцев из очередной деревни; идя среди разрушенных домов, разведчик Евгений Черепанов заметил, что у немецкого блиндажа чуть поодаль стоят солдаты.

«Когда я подошел к ним, то сразу заметил их хмурые лица

- Что у вас тут, ребята? - бойко спросил я.

- А зайди в блиндаж, сержант, - сказал кто-то из солдат. - Зайди и все узнаешь сам...

Я быстро сошел в хорошо оборудованное помещение с толстым, в три наката, перекрытием и осмотрелся. На обитых тесом стенах висели немецкие плакаты и портрет Гитлера. У правой стены я увидел большой деревянный крест, а на нем распятого человека. Голова, руки и ноги его были прибиты к доскам крестовины большими гвоздями. Он был догола раздет, грудь его исколота штыком или кинжалом, а лицо страшно изувечено жестокими побоями. Ясно, что его зверски пытали...

Как ты знаешь, разведчики - люди не трусливого порядка, но, поверь мне, увидел я все это - и мурашки побежали у меня по спине»[4].

---

1 Я это видел... С. 253.

2 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 524.

3 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 323.

4 Сквозь огонь великой битвы... С. 104-105.

Разведчики шли впереди войск и поэтому первыми видели ужасные картины нацистских преступлений; если же они попадали в руки к немцам, на пощаду им рассчитывать не приходилось. Офицер военной разведки Василий Князев вспоминал, как однажды в разведывательном поиске пропал его подчиненный. Его нашли лишь через несколько дней. «Выбив фашистов из укреплений, мы нашли труп героя-разведчика. У него были выломаны руки в плечах, отрезано ухо, на спине выжжена звезда, вырваны ногти»[1].

...В приднепровском Кременчуге советские войска освободили лагерь военнопленных. Виселицы здесь были необычные - людей подвешивали на железные крючья: за ребро, за ногу, за руку, за все конечности одновременно, за челюсть. Когда в лагерь ворвались красноармейцы, на этих крючьях висело около сотни человек. И, несмотря на все усилия, живыми удалось снять лишь двенадцать - пятнадцать[2].

* * *

На немецкий тыл сыпались листовки, обращенные к разным мастям коллаборационистов. Их содержание было примерно одинаковым.

«Полицейские! Красная Армия скоро будет здесь. Смывайте с себя позорное пятно, искупайте вину перед Родиной, не бойтесь партизан, а бойтесь немцев. Они вас обманут. Не давайте немцам угонять ваш народ в Германию и увозить добро, срывайте мобилизацию, помогайте населению укрываться от нее, организуйте население - вы вооружены, защищайте население от расправ немецких, перебейте немецких холуев, вместе с населением и обозами приходите к нам, к партизанам. Если не сможете связаться с нами, действуйте самостоятельно. Смелее на подвиги во имя советской Родины!»[3]

На кого-то действовали напоминания о необходимости спасения жизни, на кого-то - патриотические призывы вспомнить о Родине; как бы то ни было, полицейские и солдаты «восточных батальонов» бежали от оккупантов столь массово, что партизаны с трудом принимали всех.

На фронте «восточные части» также особой устойчивости не демонстрировали. От перехода к советским войскам их удерживал лишь страх: обозленные фронтовики еще могли удержаться при виде пленного немца, но уж изменников Родины уничтожали немедленно - несмотря на все усилия политработников и терявших ценные источники информации «смершевцев»[4].

Однако когда самосуд удавалось предотвратить, результаты оказывались потрясающими. Уже в начале сорок третьего Военный совет Юго-Западного фронта указывал:

«В прошедших боях против наших частей немцы, ощущающие громадные недостатки в людских ресурсах, а также с целью сохранения своих собственных остатков, бросили в бой охранные отряды и отдельные формирования из бывших русских военнопленных, казаков и предателей. Изучение этого вопроса показывает, что эти формирования в большинстве случаев созданы немцами путем запугивания и обмана. Некоторая устойчивость, проявленная в боях отдельными отрядами, как стало известно из показаний пленных, объясняется угрозами со стороны немцев и боязнью быть расстрелянными на-

1 Там же. С. 138.

2 *Абдулин М.* От Сталинграда до Днепра. С. 230.

3 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация... С. 135.

4 «Огненная дуга». С. 314.

ми при захвате в плен...

В районе деревни Поповка Богучарского района майор Татаренко заслал пленного обратно в отряд. Последний вскоре привел на нашу сторону 130 человек.

В деревне Верлюдовка подполковник Лобанов заслал пленного обратно, который привел с собой 63 человека...

Приказываю: ...Отдельные отряды после проверки и изъятия из них организаторов и предателей испробовать в боях на наиболее трудных участках»[1].

К сорок четвертому на советскую сторону стали переходить даже прибалтийские подразделения, бывшие до того самыми верными союзниками немцев. Конечно, карателям, залившим кровью всю оккупированную территорию, рассчитывать на пощаду не приходилось; однако мобилизованные прибалты в 1943-1944 годах отдавать свои жизни за германский Рейх не желали.

«Эстонский глава правительства, генерал Данкерс, выразил полную поддержку в борьбе за свободу своей родины. Правда, он не мог воспрепятствовать тому, что все больше эстонских солдат, в том числе целые подразделения полиции, стали перебегать к противнику», - иронизирует летописец группы армий «Север» Вернер Хаупт[2]. Только за один месяц из 4-го и 6-го эстонских пограничных полков на советскую сторону перешло 6 офицеров и 923 рядовых[3].

Не лучше обстояло дело и в Латвии. Здесь командование группы армий «Север» вместе с абвером задумало создать специальное подразделение для масштабных диверсионных действий в советском тылу. Командовать подразделением назначили латвийского генерала Курейльса, имевшего с абвером давние и прочные связи. Однако уже вскоре после своего создания подразделение расформировали. Причина оказалась тривиальной: среди изъявивших желание сражаться в советском тылу добровольцев большинство хотело лишь как можно быстрее оказаться на «той стороне». Немцы арестовали 595 офицеров и солдат, а генерала Курейльса отослали в Рейх[4].

В мае 1944 года немцам пришлось арестовать и разоружить всю литовскую полицию «ввиду ее абсолютной ненадежности». Гебитскомиссар белорусского города Новогрудок писал: «В дни эвакуации тыловая оборона полностью отказала. Большая часть сил с оружием в руках перешла на другую сторону. То же самое относится и к белорусским охранным подразделениям. Лишь небольшой процент вместе с немецкими полицейскими силами ушел на запад»[5].

Впрочем, немало натасканных абвером прибалтов остались в лесах - воевать в советском тылу. Готовились воевать с Советами и бандеровцы на Западной Украине. Хотя отношение рядовых бандеровцев к оккупантам было весьма негативным, планы националистов очень хорошо вписывались в немецкую стратегию.

В ожидании прихода Красной Армии бандеровцы устроили в подконтрольных им районах чистку, уничтожая подозрительных. Первой жертвой украинских националистов стали бывшие военнопленные, осевшие в селах. Некоторые из них были отпущены из лагерей в сорок первом, некоторые бежали - но в любом случае эти люди могли разрушить систему и методы действий бандеровских организаций. Поэтому краевой провод приказал уничтожить всех. «Убийства носили самый зверский характер, - пишет историк Арон Шнеер. - Только в одном

1 РАВО. Т. 15(4). Кн. 3. С. 208-209.

2 *Хаупт В.* Группа армий «Север». С. 267.

3 Там же. С. 255.

4 Там же. С. 343.

5 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация... С. 297.

Гощанском районе Ровенской области было замучено и убито около 100 пленных. Трупы погибших, а в ряде случаев и живых людей с привязанным на шею камнем бандеровцы бросали в реку Горынь. Так были уничтожены тысячи пленных бойцов и командиров Красной Армии, в том числе и из украинцев восточных районов»[1].

* * *

Киев был освобожден к ноябрьским праздникам. Золото куполов, сады, дома и цветы. Советские солдаты идут по улицам ликующего древнего города. Это - вершина беспрерывного пятимесячного наступления. От Харькова до Днепра теперь снова советская земля, и скоро свободной будет вся Украина.

Советские войска остановились, подтягивая тылы, принимая новую технику и пополнения; готовясь к новому наступлению. Зимняя кампания принесла успехи, поразившие даже советское командование: к апрелю сорок четвертого вся Украина, кроме расположенных вокруг Львова областей, снова стала советской.

Когда войска вступали в очередное освобожденное украинское село, им навстречу вышли женщины.

«Особенно запомнилась одна: невысокого роста, лицо изрезано глубокими морщинами, совершенно седая.

- Бабушка, напиться бы? - попросили бойцы.

- Какая я бабушка. Мне двадцать пять лет.

Все так и ахнули! Оказалась, что эта украинка работала в Германии, на химическом заводе... Принесла она из хаты фотографию. Показывает, какой была до фашистской каторги. На карточке молодое, полное лицо, весело глядят на мир карие глаза. А сейчас ей на вид дашь пятьдесят, не меньше.

- Работала по 16-17 часов в сутки. Кормили плохо, били. Подруга, Маруся, повесилась. Не выдержала издевательств... - глухо говорила седая девушка»[2].

* * *

Настала очередь Белоруссии. В начале зимы сорок четвертого войска маршала Рокоссовского попытались пробиться на Витебск и Полоцк, однако немцы парировали удар, перебросив дивизии из группы армий «Север». Этот успех аукнулся под Ленинградом; там под напором советских войск фельдмаршалу фон Кюхлеру пришлось оставить тщательно возведенные за почти три года оборонительные рубежи и отступить к Пскову. Блокада Ленинграда была снята.

Наступавшие на севере советские войска то и дело натыкались на лагеря, в которых содержались угнанные оккупантами люди. «Более тысячи человек сидело под открытым небом. Их нужно было где-то разместить, накормить, помочь собраться с силами для предстоящего возвращения на родину, - вспоминал один из советских офицеров. - Преимущественно это были жители Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Более трех лет их терзали гитлеровцы, воспитывая в них рабский дух «нового порядка». Страшно было смотреть на эту изуродованную фашистскими садистами человеческую массу. Люди были настолько вымуштро-

---

1 *Шнеер А.* Плен... С. 204. См. также: Без права на реабилитацию. Кн. 2. С. 122.

2 *Демин Н.С.* Война и люди: Фронтовые записки. - Ташкент: Узбекистан, 1966. - С. 153.

ваны в подобострастии, забиты, запуганы, что мы даже задавали себе вопрос: «А наши ли это люди? Советские ли это люди?» - не верилось, что за такое исторически короткое время можно настолько изуродовать человека. Наши, советские люди, встречая нас, советских офицеров, по инерции продолжали пугливо вскакивать, снимать шапки и подобострастно, унизительно сгибались - они пытались кланяться нам!»[1]

Впрочем, не это было самым страшным. Освобожденные города и села Ленинградской области оказались обезлюженными мало что не под корень. Лишь менее трети населения, жившего здесь до оккупации, дожило до прихода советских войск. Уничтожено и угнано на каторгу было около одного миллиона двухсот тысяч человек[2]. И солдаты плакали, то тут, то там натыкаясь на массовые захоронения...

Тем временем в Белоруссии Рокоссовский, перегруппировав свои войска, в конце февраля взял Рогачев и Быхов, явно нацеливаясь на Могилев.

Под Рогачевом еще продолжались бои, когда несколькими десятками километров южнее жителей города Жлобина собрали на железнодорожной станции. Молодых отобрали и увели; что с ними стало, не узнал никто. Остальных загнали в теплушки. «Куда нас везли, мы не знали, но все предчувствовали недоброе, - вспоминала одна из женщин. - Разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты поочередно стреляют в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом... Немцы застрелили их»[3].

Лагерь, в который гнали жителей Жлобина, был одним из многих, созданных для угоняемых советских граждан. Несколькими днями позже в Полесье на передовом крае немецкой обороны советские части обнаружили сразу три лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч человек. Доклад, посланный в Москву, позволяет составить впечатление об этом новом изобретении оккупантов.

«Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагеря не было. Заключенные помещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных...

Среди освобожденных из этих лагерей детей до тринадцатилетнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин - 13 072 и стариков - 4448...»[4]

---

1 *Ляшенко Н.И.* Война от звонка до звонка. С. 430.

2 *Иванченко Н.Ю.* Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. - СПб., 2005. - С. 18.

3 МНП Вар. 1. Т. 5. С. 170-171.

4 Там же. С. 170; Вар. 2. Т. 3. С. 299-300. См. также: МНП. Вар. 2. Т. 1. С. 484-485.

Советские партизанки в освобожденном Минске

Удачно начавшееся наступление Рокоссовского прекратила оттепель. Завязнув в болотистой белорусской местности, советские войска остановились до лета.

Наконец, час настал. Через три года после немецкого вторжения, 23 июня 1944 года, Красная Армия приступила к освобождению Белоруссии. Продвижение советских войск в сорок четвертом было даже более стремительным, чем вермахта в сорок первом. Под Бобруйском немецкие войска попали в котел; через неделю после начала наступления пленных там считали десятками тысяч. Немецкий тыл был дезорганизован многочисленными партизанами, взрывавшими мосты и железные дороги, блокировавшими станции и громившими гарнизоны. Советские танки наступали там, где, казалось, пройти было невозможно; пути указывали партизаны и местные жители. Пройдя лесами, танкисты Ротмистрова неожиданно появились в Минске, к северу и к югу от которого уже замыкались советские клещи. К востоку от белорусской столицы не успевшие отступить немецкие войска попали в новый котел. На двенадцатый день битва за Белоруссию была фактически закончена.

Страшную картину увидели освободители. Хоть наступление и было столь стремительным, что отступавшие немецкие части не успевали превращать оставляемые ими земли в «зону пустыни», следы продолжавшейся бесконечные три года оккупации были повсюду. Выжженные деревни, полуразрушенные города и могилы. Очень много братских могил.

«Когда наши вошли в Борисов, они увидели гору обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там немцы держали полторы тысячи жителей - мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июня, накануне отступления, немцы сожгли обреченных. Часть они погнали к Березине на баржу, и баржу, облив бензином, подожгли... В Борисове бойцы шли мимо Разуваевки, где немцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев - женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских людей в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек... Вот деревня Брусы. Была деревня, теперь пепел. Бойцы обступили старика Алексея Петровича Малько. Он рассказывает: «Вчера... Сожгли, проклятые... Двух дочек сожгли - Лену и Глашу».

...Возле Минска есть страшное место - Большой Торостянец. Там немцы убили свыше ста тысяч евреев. Их привозили в душегубках. Желая скрыть следы преступлений, немцы в Большом Торостянце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, не дожгли. Я видел полуобугленные тела - голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов. Я многое видел в жизни, но не скрою - я не мог шелохнуться от боли и гнева»[1].

Это описанное Эренбургом чувство испытывали все советские солдаты. Родная земля была освобождена, немецкие войска - выбиты за границу, и уже ясно виделся впереди тот счастливый день, когда над поверженным Берлином взовьется красное знамя Победы.

Но даже долгожданная Победа не могла исправить то, что сотворили на советской земле ок-

---

1 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 627-628. См. также: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 404-410.

купанты. Тогда, в сорок четвертом году, точных цифр никто не знал. Но каждый солдат и офицер, с боями прошедший от Сталинграда и Москвы до границы, знал о немыслимом, непредставимом страдании и горе, которые принесла людям нацистская оккупация. Можно отстроить дома, можно отомстить убийцам - но как вернуть к жизни всех тех, кто покоится в бесчисленных расстрельных рвах, чей пепел мешается с золой сожженных жилищ, всех тех, кого умертвили пулей, газом и голодом?

Никогда уже не научится говорить младенец, чью голову разбили об угол дома.

Не засмеется мальчишка, погибший на каторжных работах в Рейхе.

Не встретит своего суженого девушка - после изнасилования солдаты вермахта перерезали ей горло.

Седой старик не побалует своих внучат - в огненном аду уничтоженной карателями деревни погибли и старый, и малый.

Деревни сожжены вместе с жителями. Колодцы набиты трупами. На городских перекрестках не светят фонари - там висят покойники. Вокруг поселков и городов проседает земля, указывая на места массовых захоронений.

Увидеть все это было слишком невыносимо для человека.

«У нас умер один капитан в день, в первый день, когда мы ступили на немецкую землю, - вспоминала много лет спустя медсестра Тамара Кураева. - У него все родные погибли. Это был храбрый человек, он так ждал... Этот день... Когда он увидит их землю, их несчастье, их горе. Как они плачут. Их руины... Он умер просто так, не раненый, ничего. Дошел, посмотрел - и умер...»[1]

Красный флаг над домом в освобожденном Орле - символ победы и свободы

Живые голоса (8):
«ЭТИ ЛЮДОЕДЫ ИМЕЮТ ЗДОРОВЫЙ ВИД...»

В августе 1944 года по улицам Киева были проведены пленные немецкие солдаты. В отчете об этом мероприятии, направленном в Москву, приводятся высказывания, типичные для киевлян о захватчиках. Документ опубликован в юбилейном номере журнала «Родина», посвященном 60-летию Победы.

1 *Алексеевич С.* У войны не женское лицо. С. 302.

«МОСКВА
товарищу СТАЛИНУ И.В.

О КОНВОИРОВАНИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕРЕЗ ГОР. КИЕВ

16 августа с.г. через гор. Киев было проведено конвоирование группы немецких военнопленных в количестве 36 918 человек, в том числе 549 офицеров. Из этого количества пленных было: захвачено войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов 21 249 человек; войсками 1 -го и 2-го Белорусских фронтов 7927 чел.; войсками 1-го Прибалтийского фронта 2700 чел., а остальные 5042 чел. направлялись из лагерей НКВД.

Колонны военнопленных проходили по улицам гор. Киева в течение пяти часов - с 10 часов утра до 15 часов дня. Общая длина маршрута по городу от места сосредоточения до места погрузки в эшелоны составляла 21 километр.

При движении военнопленных все улицы, окна и балконы зданий были заполнены местными жителями. Во время появления на улицах колонн военнопленных, по маршруту их движения, собралось свыше 150 тысяч жителей города. <....> Жители города, потерпевшие много бед от фашистских захватчиков, сопровождали военнопленных возгласами ненависти и проклятий по адресу немцев.

Привожу отдельные характерные высказывания:

Одна старая женщина сказала: «Их поганые руки, обагренные нашей кровью. Теперь пусть поработают».

Инвалид Отечественной войны Рыбалов в толпе кричал: «Собаки! Убийцы проклятые! За что вы повесили жену и дочь, за что отрезали руки племяннику Володе и бросили его живым в шахту? Теперь вы за все ответите!»

Профессор института зоологии Академии наук УССР Маркович говорил: «С ненавистью смотришь на этих мерзавцев, причинивших нам столько горя, виновников стольких разрушений и смертей. Эта процессия назидательна для многих. Жители Киева теперь увидели в другом облике немцев, хозяйничавших в Киеве в качестве повелителей».

Врач Горожай сказала: «Я себя сдерживала, чтобы не кричать по адресу этих зверей. Когда вдумаешься, что эти проклятые мерзавцы натворили, ненависть кипит против них».

Член-корреспондент Академии наук УССР Рол, обмениваясь впечатлениями с другими научными работниками, подчеркнул: «Жалкий вид имеют эти «победители» Европы. Приятно думать, что часть из них побывала в Киеве в качестве победителей, а теперь снова попала в качестве пленных. Это заставит их призадуматься».

Санитарка поликлиники Власова, стоя на улице, говорила другим женщинам: «Единственным моим желанием в этот час бросить в них бомбу. Ведь сколько несчастных отцов и матерей смотрят на тех, кто убивал их детей и грабил».

Бухгалтер треста Укрфарфорофаянс Пиковская говорила: «Эти людоеды имеют здоровый вид. Я вспоминаю, как вели по улицам Киева пленных красноармейцев. Хотя они были похожи на мертвецов, раздетые, голодные и босые, но зато в каждом лице чувствовались сила и ненависть. А эти идут как стадо баранов. Где их прежний фасон».

Стенографистка Наркомместпрома УССР Гоман заявила: «Приятно смотреть на колонны укрощенных хищников, которым оторвали когти и посадили в клетку. Ведь они с нами обращались как с собаками. Жаль, что нельзя плюнуть в физиономию этим «освободителям».

Один старик кричал вслед проходившей колонне военнопленных: «Собаки, смотрите и дро-

жите, русские люди не рабы. Мы живы, мы покажем вам, грабители!»

Во многих местах, особенно на улице разрушенного Крещатика, слышны были возгласы: «Смотрите, сволочи, на результаты своей подлой работы. Мы заставим вас днем и ночью работать, чтобы на всю жизнь запомнили и забыли к нам дорогу!»

Подобных высказываний было очень много. Было также много таких возгласов и выкриков: «Объілися українського сала. Тепер воно вам боком вилізе», «Яйка не хотите?», «Смерть Гитлеру!», «Позор убийцам!», «Смерть фашизму!», «Мучители наши», «Довоевались», «Расстрелять их надо», «Как вам нравится Украина?».

Несмотря на окрики и угрозы, население держало себя очень выдержанно и прохождение военнопленных никакими эксцессами не сопровождалось.

Однако имели место попытки со стороны отдельных лиц и главным образом инвалидов Отечественной войны проникнуть через оцепление конвоя и нанести удары военнопленным.

Такие попытки настойчиво пресекались. Только четыре человека в разных местах маршрута нанесли удары костылем, камнем и палкой четырем военнопленным. Однако особого вреда им не причинили. Одна женщина, приблизившись к колонне, плюнула немецкому офицеру в лицо. Эти действия сопровождались одобрительными возгласами.

В районе базара молодые женщины бросали в колонну немцев яичную скорлупу с возгласами: «Вы хотели яйка - получите».

Некоторые жители города и военнослужащие выражали недовольство гуманным обращением с немецкими военнопленными. Одна старуха подошла к конвоиру и, протягивая руки в сторону немцев, крикнула: «Они наших людей и наших пленных мучили, а с ними нянчатся! Дайте их нам, мы их камнями научим».

Отдельные женщины, пытаясь пробраться к колонне военнопленных, с гневом выкрикивали: «Вы, гады, мучили и расстреливали наших», - и, обращаясь к конвоирам, говорили: «Бейте их, не жалейте!»

Член-корреспондент Академии наук УССР Соколов сказал: «Я сравниваю это зрелище с виденным мною в 1941 году, когда немцы вели советских военнопленных. Считаю, что наши неправильно поступают, допуская такое хорошее отношение к фрицам».

Сотрудник Наркомпроса Украины Копайлов высказался так: «Будучи в армии, я стремился побольше уничтожить немцев. Теперь я вижу, что немцев еще много в живых и о них наше правительство беспокоится: кормит, одевает. С ними нужно поступать построже, чтобы они помнили, как поступали с нашими красноармейцами».

Сотрудник треста «Металлоширпотреб» Кириченко сказал: «Зачем такую усиленную охрану выставили для этих подлецов. Будь она меньше, народ поговорил бы с ними иначе. Противно смотреть на эти тупые физиономии. Страшно подумать, как там у них живут наши люди. Бедняги умирают с голоду».

Священник Соболев в беседе с другими священнослужителями высказался: «Удивляюсь такой церемонии. Это жирно для наших врагов после того, как они оставили здесь на Украине столько горя и слез».

Присутствовавший при этом иеромонах Тимофей заявил: «Я возмущаюсь тем, что с ними так чинно поступают. А как они водили наших пленных? Нет, неправильно делает власть, их надо было бы вести, как они наших водили. Бить нагайками. Что заработали, то пусть и получают».

Один рабочий сказал: «Они наших раненых рысью гнали, а мы эти морды накормили, шажком водим, караул выстроили. Я бы с ними не цацкался, а платил бы десятерицей». На это од-

на женщина ответила: «Русский человек быстро обиды забывает». <....>

Н. ХРУЩЕВ
17 августа 1944 года».

Живые голоса (9):
«ТОГО, ЧТО СДЕЛАЛИ ФАШИСТЫ, ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ»

Статья Ильи Эренбурга «Говорят судьи», 3 ноября 1944 года опубликованная в «Красной звезде», стала ответом на раздававшиеся на Западе призывы «примириться» с немцами и оставить наказание нацистских преступников Богу. Статья полностью состоит из возмущенных откликов советских солдат, своими глазами видевших преступления оккупантов. Впоследствии письма фронтовиков составили книгу «Русские отвечают леди Гибб: Илья Эренбург и его читатели», выпущенную в 1945 году в Лондоне.

«Несколько недель тому назад в «Красной звезде» были опубликованы письмо леди Гибб и мой ответ. Леди Гибб выступала как защитник немцев, настаивая на «прощении». После этого я получил около ста писем от воинов Красной Армии, посвященных статье «Ответ леди Гибб». Часть писем обращены к самой леди, другие ко мне. Письма представляют большой интерес, так как являются голосами самих судей; поэтому я счел необходимым представить выдержки хотя бы из некоторых писем. Разумеется, все письма, адресованные леди Гибб, будут ей отосланы.

Танкист капитан Фоменко пишет: «Я воюю с первого дня войны. На моих глазах в 1941 г. под Барановичами немцы раздавили гусеницами около 70 женщин и детей. На моих глазах горели Минск, Рогачев, Бобруйск, Валуйки, Россошь, Воронеж, Сталинград, Орел, Киев, Фастов, Житомир, Бердичев, Шепетовка и много других городов... Мы, русские, вовсе не злые, как это думает леди, но сейчас, чтобы уничтожить зло на земле, мы должны быть злыми. Интересно, когда немцы громили Лондон, благодарила ли их леди Гибб за это?»

Старший лейтенант Ларин пишет в 150 метрах от немцев - у границы Германии. «Своими глазами я видел, как немцы, попав в кольцо, начали гранатами уничтожать наших женщин и детей, которых угоняли. Это было у Минска. Они сожгли местечко Круглое вместе с женщинами, с ребятами. Я хочу сказать то, что говорят все мои боевые друзья: мы должны побывать в Германии, мы должны покарать убийц своею собственной рукой».

Девушка, старший сержант Ксения Петренко пишет леди Гибб: «Для того чтобы понять нас, я посоветовала бы вам хоть на один-два дня приехать в те города и села, где побывали немцы... Нельзя жалеть зверя, зверя нужно уничтожить, чтобы люди жили спокойно. Такого мнения у нас весь народ, многоуважаемая леди».

А. Чеснокова также обращается к леди Гибб: «Спросите мою мать. Ей 72 года, она верит в бога и читает библию, она не читает статей Эренбурга, но она думает и говорит одно: «Неужели немцев не накажут?» В ту войну она потеряла двух братьев - их убили немцы, в эту войну погибли три ее сына - их убили немцы. А сколько таких семей? У вас, леди, наверное, не гибли любимые вами, а если гибли, тем хуже для вас - значит, вы предаете не только живых, но и мертвых. Вы и вам подобные обрекаете через 25 лет на гибель миллионы людей, а я, как и все русские женщины, не хочу, чтобы наших детей разрывали надвое».

Вот письмо Фоменко: «В прошлом я простой русский рабочий, в настоящем инвалид Отечественной войны. Прослужил в армии пять с лишним лет. Уважаемая леди, кому вы проповедуете милосердие? Нам, русским? Знайте, что никто не проявлял больше милосердия к побежденным, как русский солдат... Вы, наверное, знаете, леди, что сделали немцы в Майданеке, а вот где находится деревня Пятери, вы, конечно, не знаете. Есть такой населенный пункт, я его освобождал от немцев. В Пятерях было 200 домов, 300 семей. Когда немца вышибли, остались две баньки, и все. Остальное немцы со-

жгли, людей угнали. Недалеко от Пятерей расположена деревня Ермачки. Немцы, зная, что там нет наших войск, а одни жители, сделали сильный огневой налет. Уважаемая леди, вы закройте на минуту глаза и представьте себе картину: обезумевшие от горя и страха женщины с детишками среди огня, из крайнего дома показалась старушка без платка с обгоревшими волосами и пошла в нашу сторону, она вела на поводу белую козу. Немцы ее заметили. От первой мины упала коза с развороченным животом. Старушка перекрестилась и тут же упала. И за это простить? Леди, а знаете ли вы девушку Анну Терещенко из станицы Майская на Тереке? Нет, не знаете. А я был на ее похоронах. Когда два рыжих немца ворвались в ее чистую хату, она стирала. Они схватили ее, изнасиловали. Вы, воспитанная на лучших поэтах, представляете себе, что значит изнасиловать гордую казачку? Она наложила на себя руки. И это простить? Желаю вам всего хорошего и советую заняться полезной работой на благо своей страны, тогда вам не будут лезть в голову разные дурные мысли».

Красноармеец Брославский рассказывает: «Ведут женщин с детьми на расстрел, мать ведет свою шестилетнюю дочь. Девочка не понимает, она увидела на дороге коробочку, с улыбкой подходит к матери, показывает находку, не знает, что немец ее гонит на смерть. Что сделано вами, леди Гибб, для того, чтобы лилось меньше крови? Сколько людей вы спасли от виселицы и расстрела?»

Разведчик младший лейтенант Зинченко вспоминает, как в 1941 году немецкие летчики на бреющем полете расстреливали беженцев: «Один приземлился - его сбили, его спросили, зачем он убил детей, и трупы ему показали. Он ответил: «Фюрер и Германия с этим не считаются». Я был тогда необстрелянный дурак, но эти слова я запомнил... Эти гады ходили по моей Украине, как хозяева, и мне говорят, чтобы я жалел немца? Лепет изнеженной дамы, которая вообще не знает фрица! У меня есть превосходство над леди Гибб: я ненавижу немцев, и это помогло мне пройти тысячу километров по освобожденной земле, выручить тысячи людей... Моя мать тоже верует, и она во имя этой веры благословляет меня: «Убей немца!» Гвардии майор Загородный говорит: «Я надеюсь, что солдаты в Аахене и в Восточной Пруссии одного мнения - смерть немцам!»

Лейтенант Назмутдинов описывает немецкое лицемерие: «Когда их берешь в плен, они умоляют: «Русс, не стреляй! Работать будем. Новый Сталинград построим». Мы пленных не расстреливаем, а плачут они потому, что сами чувствуют, что они преступники... Я башкир и написал бы леди на своем языке, но боюсь, что не найдет переводчика».

Младший лейтенант Зумер говорит: «Моих родных немцы вывели на Каменец-Подольское шоссе, заставили выкопать ямы, потом расстреляли, а детишек живыми побросали в могилы... Когда после такого выступают открыто в защиту детоубийц, я скажу: это позор для нашей эпохи!» Фронтовик пишет: «Нас было три брата. Я чудом уцелел, был и в Спас-Демьянске, и под Сталинградом, а братья погибли на фронте, защищая Родину. Их семьи, включая детей, уничтожены немцами - все до единого... Мы благодарим леди Гибб за совет простить немцев, но он нам не подходит. Лучше будет и для нас, и для Англии, если она впредь воздержится от таких советов...» Лейтенант Рузов обращается к «сердобольной леди» с такими словами: «Немцы в Минске расстреляли моего сына. Ему было 16 месяцев от роду. Я хочу спросить достопочтенную леди: что этот ребеночек сделал против так называемой Третьей империи?.. Каждый красноармеец знает, что мы идем в Берлин не за добычей. Мы идем судить виновных, и это не только в наших интересах, но в интересах всех свободолюбивых народов». Младший лейтенант Гипш рассказывает: «Я штурман «Пе». После бобруйской победы мне дали кратковременный отпуск. Представьте себе мое состояние, когда я подошел к дому и вижу один битый кирпич. Соседи показали мне могилу, где лежат мои близкие - старушка мать, отец и четырехлетний племянник. Изверги не сразу их убили, долго издевались. Было это в городе Изяславль. До войны я учился, не думал о крови, а теперь только кровью убийц могу успокоить свое сердце...

При виде слез в защиту немцев я невольно презираю защитника».

Красноармеец Анна Игнатенко говорит: «Я не знаю, сколько лет леди Гибб, а мне всего 23 года. Немцы у меня отняли любимого мужа - балтийского моряка, они его убили. Во время блокады Ленинграда у меня на руках умерла от голода восьмимесячная дочурка. Когда от немцев освободили Смоленскую область, я написала родителям, но никого не нашла в живых. Скажите, леди, чем можно из-

мерить мое горе, горе дочери, жены и матери? Если в вашей груди бьется материнское сердце, вы не простите немцам их злодеяний. Правда, у женщин сердце доброе, мягкое, они способны простить многое, но того, что сделали фашисты, простить нельзя. И я не прощу».

Пишут два друга: «У меня, гв. сержанта Редина, немцы искалечили отца, у гв. сержанта Кучина немцы убили отца. Этого мы никогда не забудем!» Пишет офицер-артиллерист Гольденберг: «Иллюзии насчет судьбы родных я не питал, но где-то таилась надежда, что, может быть, черноглазой сестренке, застенчивой и красивой Нинке, удалось убежать. Но вот получил письмо от председателя сельсовета - мать, сестра и другие родственники расстреляны немцами. И за этих немцев вступается леди?!» Капитал Кириллов пишет: «Вот девушка Яд-вина Дембецкая, бежавшая из рабства. Она снимает с груди крест, а там в мешочке пузырек. Она говорит: «Это яд, и мы его называли «счастье жизни»... Я хотел бы, чтобы госпожа Гибб видела это».

Исповедь сержанта Воробьева: «Нас было пять братьев. После ранений Михаил умер, мы четверо сражаемся. Моя дочь Зоя училась в вузе на втором курсе, узнав о гибели Зои Космодемьянской, она пошла добровольцем на фронт и сейчас находится в Восточной Пруссии... В Москве живет семья Клерих. Дед Владимира Николаевича был англичанин - земляк леди Гибб.

Сын их Вовка пошел на войну. Это мой племянник. Он попал в окружение. Немцы его отправили в Майданек, они собирались уже сжечь Вовку Клериха (правнука англичанина), но помешала им Красная Армия, только успели они отрезать ему обе ноги. Это сделали ваши «миротворцы», леди Гибб!.. Проходя мимо деревни Клины, мы видели жуткую картину: под горкой были расстреляны деревенские парни, пули в затылок, поодаль лежали девушки, изнасилованные, с отрезанными грудями, отдельно в яме задушенные старик и старуха. За что, леди Гибб, они погибли? За то, что они русские? Я не знаю, есть ли у вас дети, но мы, отцы и матери русского народа, не можем простить. Я проходил через город Парафьянов в Литве, там я встретил еврейскую девушку, она случайно спаслась. Она мне рассказала, как немцы убили 25 тысяч человек. Я видел эти ямы. За что они погибли? За то, что они евреи? Должен вам сказать, леди, что мне 45 лет. Я хочу, чтобы вы поняли, что о прощении немцев не может быть речи».

Полковник Лопахин сообщает, что в его части опросили бойцов: «У кого к немцам кровавые претензии? Оказалось, из 700 опрошенных 685 ответили утвердительно - у кого немцы убили отца, у кого брата, у другого сестру, у третьего мать. Вот, например, у командира противотанковой бригады полковника Копелева немцы уничтожили всю его семью, состоявшую из семи человек». Гвардии старший лейтенант Бяков свидетельствует: «У нас в подразделении нет такого человека, который не потерял бы от немцев: у кого убиты на войне близкие, у кого немцы мать замучили, жену убили, у кого угнали родных на каторгу, а кто сам изранен - два-три раза. Спросите эту леди, знает ли она, что такое война, какие страдания она приносит народам? Понимает ли она, что мы желаем кончить войну? Нам не нужно «жизненного пространства». Но мы хотим наказать немцев, и наказать как следует. Это письмо я начал на советской земле, а кончаю его на немецкой».

Старшина Рыженький в негодовании восклицает: «Я думаю, что леди Гибб нужно было писать не Эренбургу в 1944 г., а Гитлеру в 1941-м. Знайте, все леди, которые хотят нас помирить с немцами, что мы себя считаем в мире только с мертвыми немцами. Мы не будем убивать детей, но немцев, которые хотели истребить нас, мы истребим».

Гвардии старшина Пронин пишет: «Читая письмо леди, я вспомнил, как мы вошли в только что освобожденную деревню Бухалово. Там не было живой души. В первом доме, куда зашли, мы увидели ребенка с вывернутыми ручонками, он лежал в луже крови, рядом с трупом матери... Если бы леди Гибб и ее единомышленники увидели эту картину, они не посмели бы писать о милосердии...»

Летчик младший лейтенант Романов отвечает леди: «Моего семидесятилетнего отца немцы убили. Он не был политиком. Он был верующим, как вы, леди Гибб. Он, как вы, читал Библию. Он был любимцем детей. Когда он приходил в парк, дети бежали к нему: «Дедушка, расскажи сказку о Бове-королевиче!» Мне пишут, что отец гордо принял смерть, он проклял палачей и плюнул им в лицо. Леди Гибб, я не оратор, но приезжайте ко мне. Я произнесу речь: все, что я видел. Запаситесь только ва-

лерьянкой и нашатырным спиртом...»

«Я родился на Кавказе, у моих предков была кровная месть, - пишет майор Бегизов, - я против такой мести. Но мы будем преступниками, если забудем душегубки. Я в ужас прихожу от одной мысли, что немцы не будут наказаны».

Рядовой Захаров напоминает: «Наш народ не мстит и не прощает, он судит. Если бы леди Гибб проживала в одном из оккупированных немцами городов, если бы она видела, как «милые» немцы насилуют ее дочь, если бы ее старушку мать разодрали танками, если бы ее папаша умер в застенках гестапо, что бы она тогда сказала? Нет, леди, у вас нет сердца, у вас нет уважения к вашему собственному народу, страдающему от ужасов войны».

«Я весь дрожал от гнева, у меня тряслись руки, когда я читал письмо леди Гибб, - признается старший лейтенант Глухов. - Как смеет она взывать к прощению? Кого прощать? Немцев? Да она не в уме! Простить немцев, которые залили кровью Европу?! Где она была утром 22 июня 1941 г.? Разве я могу забыть 12 сентября 1943 г., когда на Невском, против Гостиного двора, снаряд угодил в трамвайный вагон?.. Где тогда была леди Гибб?»

Старшина Тюриков весьма своевременно напоминает: «Леди Гибб, вы имеете возможность писать потому, что три года мы, вместо школьной тетради и карандаша, держим винтовки».

Я закончу этот далеко не полный обзор цитатой из письма младшего сержанта Юферева: «Теперь мы освободили почти всю нашу территорию, и советский солдат сражается за благо Европы и за мир. Казалось, надо нас поддержать, и все-таки находятся адвокаты бесчестья, заступники немцев. Русские отходчивы, но память у нас крепкая. Скоро в Кенигсберге я вспомню Великие Луки. И зло мы уничтожим».

Таков единодушный приговор нашей армии. Подзащитным леди Гибб придется расстаться с иллюзиями: Красная Армия не слезливая дама, это разгневанная совесть народа».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Война на Востоке была для нацистской Германии особой войной. Здесь, на населенных недочеловеками просторах, не действовали никакие моральные и юридические законы; лишь жестокостью можно было обеспечить безопасность Рейху и всей Европе. На закрытых совещаниях нацистское руководство прямо говорило о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. Эти планы не оставались на бумаге - они деятельно и непреклонно воплощались в жизнь.

Войска Красной Армии на фронте и партизаны в тылу не дали полностью реализовать нацистские планы *обезлюживания;* однако и то, что нацистам удалось сделать, было невероятно в своей чудовищности. По сей день неизвестно, сколько мирных граждан было убито на оккупированных территориях. Советские историки говорили о 10 миллионах[2], современные российские исследователи называют цифру в 13,5-14 миллионов мирных граждан, к которым следует прибавить 2,5 миллиона уничтоженных военнопленных (последняя цифра явно занижена)[3]. Существует, однако, другая, еще более ужасающая оценка. Согласно этим расчетам, до войны в областях, подвергнувшихся оккупации, проживало в общей сложности 88 миллионов человек, а к моменту освобождения в них осталось 55 миллионов человек[4]. Даже если сделать поправку на эвакуацию части населения, на призыв в Красную Армию, на тех, кому посчастливилось впоследствии вернуться из нацистских лагерей, цифра гражданских потерь составит более 20 миллионов.

Казалось, что о подобном ужасе забыть невозможно; однако не прошло и шестидесяти лет, как о геноциде советского народа было забыто, причем не где-нибудь на Западе, где об этом не очень-то и знали, а в нашей собственной стране.

Сегодня о хладнокровно проводившейся истребительной политике нацистов на советских землях у нас предпочитают не говорить. Более того - очень многие стараются сделать вид, что никаких преступлений германские оккупационные войска и вовсе не совершали, что место имели лишь неизбежные на войне случайности[5].

А коли уж и скажет кто сквозь зубы про «подвиги» нацистов, то тут же перескочит к обличению сталинизма в частности и советского тоталитарного строя в целом. Хотя, казалось бы, при чем тут советский строй?

«Подлинная историческая память намеренно стирается, - замечает в этой связи историк Наталья Нарочницкая, - геополитический проект Гитлера - уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни - забыт. Но, если мы никогда не забываем страдания

---

1 Первый вариант данной статьи опубликован в сборнике: Великая Отечественная война, 1941-1945 гг.: Опыт изучения и преподавания: Материалы межвузовской научной конференции. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. - С. 316-325. Печатается с исправлениями и дополнениями.

2 История КПСС. - М.: Политиздат, 1970. - Т. 5. - Кн. 1. - С. 251; Ни давности, ни забвения...

3 Россия и СССР в войнах XX века. С. 233, 463; Население России в XX веке. Т. 2. С. 50, 58-59.

4 *Боффа Дж.* История Советского Союза / Пер. с итальянск. - М.: Прогресс, 1980. - Кн. 2. - Вып. 1. - С. 121.

5 См., напр.: *Таратухин К.Л.* Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941-1944 гг.: Статьи и воспоминания. - М.: Посев, 2004. - С. 54-75.

евреев, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обагрены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?»[1].

Пропагандистская вакханалия, устроенная в зарубежных и ряде отечественных СМИ в преддверии 60-летия Победы, полностью подтверждает это предположение[2].

Впрочем, нельзя не признать, что в значительной мере подобная ситуация стала возможна из-за нашей собственной нераспорядительности.

Во время войны преступлениям нацистов были посвящены тысячи статей и десятки книг. Алексей Толстой и Михаил Шолохов, Илья Эренбург и Константин Симонов со всей силой писательского таланта рассказывали стране и миру об аде, воплощенном гитлеровцами на оккупированной советской земле. Реальность была страшнее любых выдумок; советские писатели и журналисты цитировали приказы командования вермахта и СС, дневники и письма немецких солдат и офицеров - и этого было более чем достаточно. Когда появилась возможность, в свет стали выходить основательные сборники документов; теперь даже самый большой скептик не мог обвинить советскую сторону в пропагандистском искажении фактов[3].

Сборники документов продолжали публиковать и пятнадцать, и тридцать лет спустя[4]. В научный оборот были введены крайне важные документы, однако использование их оставляло желать много лучшего. Причин тому было две.

Во-первых, психологический шок, который получило советское общество, был слишком силен. Исследовать его по свежим следам было все равно, что копаться в незажившей еще ране; должно было пройти время, прежде чем произошедшая трагедия могла стать предметом осмысления[5].

Во-вторых, послевоенный Советский Союз оказался не заинтересован в подобных исследованиях - потому, что в уничтожении мирного населения кроме немецких войск и полиции более чем деятельное участие принимали формирования коллаборационистов из национальных республик.

В свое время советская власть сделала очень многое для того, чтобы не дать прорасти семе-

---

1 *Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. С. 66.

2 См., напр.: *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: Победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти: Материалы к международному форуму (Москва, сентябрь 2005). - М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2005. - С. 147-161.

3 Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сличить опубликованные позднее документы с их изложением в статьях советских пропагандистов. Любой может увидеть: изменений практически не вносится, за исключением обоснованной редакторской правки. Документы говорят сами за себя. См., например: *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 304-310; *Павлов В.В.* Дневники гестаповца // Лубянка: Историко-публицистический альманах. - М., 2005. - Вып. 2. - С. 91-112.

4 Документы обвиняют, - М., 1945. - Вып. 1-2; Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. - М., 1946; Немецко-фашистский оккупационный режим, 1941-1944. - М., 1965; Мы обвиняем. - Рига, 1967; Преступные цели - преступные средства. - М., 1968; Преступные цели фашистской Германии в войне против Советского Союза. - М., 1987.

5 То же самое произошло с памятью о Холокосте, подробное изучение которого началось лишь в 70-х гг. См.: *Вельтцер Х.* История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 34.

нам межнациональной розни, посеянным нацистами. После войны Кремль проявил удивительную по любым меркам гуманность, амнистировав всех служивших на мелких должностях коллаборационистов и полицаев - если на них не было крови и если они не убежали с немцами. Тем, кто убежал, дали всего лишь по шесть лет ссылки[1].

Сделано это было по вполне прагматичным причинам: разоренная тяжелейшей войной страна нуждалась в мире, в единении, а не в расколе. По той же причине через некоторое время на исследования нацистской оккупации был наложен негласный мораторий: тщательные исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы.

В итоге политическая целесообразность оказалась выше исторической добросовестности. Ужасы нацистской оккупации остались в народной памяти, но не были зафиксированы историками, и лишь в работах, посвященных советскому партизанскому движению, можно было встретить небольшие разделы об оккупационной политике нацистов, разделы, носившие заведомо второстепенный и иллюстративный характер[2].

В Германии, Польше и Израиле исследования различных аспектов истребительной войны на Востоке носило гораздо более основательный характер, чем в Советском Союзе и впоследствии в России. В одной только Германии (по обе стороны Берлинской стены) за тридцать лет было опубликовано несколько десятков монографий по данной тематике. Ханс-Адольф Якобсен исследовал историю появления и реализации зловещего приказа «О комиссарах», Манфред Мессершмидт продемонстрировал, насколько вермахт был пропитан нацистской идеологией, Норман Мюллер и Андреас Хильгрубер рассказали об истребительной войне, Кристиан Штрайт - об уничтожении советских военнопленных, Хельмунт Краусник и Ханс-Генрих Вильгельмс - о преступлениях айнзатцгрупп[3].

Советская историческая наука высокомерно игнорировала эти исследования, при этом не ведя и собственных. Изредка, впрочем, разрешалось перевести какую-нибудь зарубежную мо-

---

1 *Полян П.М.* Депортация советских граждан в Третий Рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского освободительного движения. - М.: Архив РАО, 1999. - Вып. 4. - С. 396-397; *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба, 1944-1956 // Социологические исследования. - 1995. - №5. - С. 6-7; *Пыхалов И.* Великая оболганная война. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 340-345. Дело доходило до того, что в органах государственной власти союзных республик работали откровенные нацистские пособники, которых органам НКВД пришлось выявлять очень долго. Так, в наркомате земледелия Литвы на ответственных должностях трудились: бывший помещик Иозас Петрайтис, состоявший в карательном отряде, член Вильнюсского штаба ЛЛА (антисоветской «Литовской освободительной армии») Мечеслав Брашишкис, а также несколько бывших сотрудников гестапо и вспомогательной полиции (Лубянка. Сталин и НКВД... С. 528-529).

2 Эта тенденция оказалась характерной и для постсоветских исследований. См.: Великая Отечественная война. Т. 4. С. 115-167; Партизанское движение. С. 83-101; *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. - М.: Олма-пресс, 2003. - С. 69-77; Война и общество. Т. 2. С. 264-293. Значимым исключением стала лишь вышедшая незначительным тиражом книга «Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии» (Минск, 1984), носившая, однако, преимущественно справочный характер: почти 70% ее объема занимают росписи уничтоженных белорусских деревень, лагерей смерти, организованных на территории республики, и наиболее крупных «контрпартизанских» операций.

3 Истребительная война на Востоке. С. 9. См. также: *Борозняк А.* ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. - №2-3. - С. 61-63; *Кёнинг Х.* Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной республики Германия // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 96-103; *Штанг К.* Вина и признание вины: Продолжающиеся трудности при осмыслении старой проблемы // Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944. - М.: АИРО-XXI, 2005. - С. 70-88.

нографию. Русский перевод работы польского исследователя Ш. Датнера «Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных» был опубликован в 1963 году; следующей монографии - восточногерманского историка Н. Мюллера «Вермахт и оккупация» - пришлось ждать одиннадцать лет. Эти две работы надолго остались единственными доступными в Советском Союзе исследованиями по проблеме. Был, правда, еще сокращенный перевод блестящей монографии К. Штрайта «Солдатами их не считать» - однако, опубликованная под грифом «Рассылается по специальному списку», эта работа осталась недоступной не только для рядовых читателей, но даже для исследователей.

Неудивительно, что к началу перестройки об истребительной войне, которую вели нацисты против всего нашего народа, забыли. Забыли, конечно, историки и политики. Народная память об ужасе нацистского геноцида еще была жива, и когда писательница Светлана Алексиевич собирала рассказы о минувшей войне, респонденты рассказывали ей такие подробности преступлений оккупантов, от которых можно сойти с ума. Алексиевич могла стать первым отечественным исследователем истребительной политики нацистов[1]. Однако поведанные ей рассказы она сделала символом не преступлений оккупантов, а абстрактных ужасов войны. Никто не спорит с тем, что любая война страшна; однако важно понять, что миллионы уничтоженных советских граждан - это жертвы хладнокровной политики *обезлюживания,* а не войны[2].

К сожалению, это не было понято и осознано - и вскоре в уничтожении нацистами советских мирных граждан и военнопленных неожиданно стали обвинять советскую же власть, которая-де провоцировала добропорядочных немцев на жестокие и массовые убийства, а тех, кто выживал под оккупацией, гнала в сибирские лагеря. Все это было не более чем повторением тезисов геббельсовской пропаганды, однако добровольно разоружившаяся официальная историческая наука не смогла адекватно ответить на нападки антисоветских пропагандистов; нападки столь же агрессивные, сколь и лживые.

И вот уже нашу страну обвиняют в оккупации Прибалтики - и обвинения эти исходят из уст наследников тех самых карателей, которые уничтожили сотни тысяч евреев, русских, белорусов и украинцев, которые солили в бочках отрубленные головы крестьян и бросали в колодцы младенцев. От нас уже требуют миллиардных компенсаций и «покаяния» - а мы не можем достойно ответить.

Вот уже Советский Союз представляют таким же воплощением зла, как нацистский Рейх, и вскормленные перестройкой демократы упорно и ненавидяще бормочут: нет, у нас был фашизм почище гитлеровского!

Да знают ли они вообще, что такое фашизм и какое горе принес он нашей стране?

Вот уже недобитые власовцы голосят на все лады о мифических преступлениях советских партизан и Красной Армии. Еще бы им не голосить - ведь именно злодеяниям нацистов и их местных пособников так мешали бойцы советского Сопротивления!

Но и на эту злобную клевету мы не слышим возражений.

---

1 Справедливости ради следует упомянуть подготовленную Алесем Адамовичем, Янкой Брылем и Владимиром Колесником книгу «Я из огненной деревни...» (Минск, 1977). Эта книга также базировалась на воспоминаниях переживших оккупацию людей, однако по стилю изложения оказалась практически нечитаемой. Лично для меня представляется непостижимым, как можно сделать нечитаемым *такой* материал - однако факт остается фактом.

2 То, что не сделала Алексиевич, сделал германский исследователь Пауль Коль, собиравший рассказы переживших оккупацию в то же самое время. Его итоговая книга была посвящена именно нацистским преступлениям: *Kohl P.* «Ich wundere mich, dap ich noch lebe»: Sowjetishe Augenzeugen berichten. Glitersloh, 1990. Поистине, нет пророка в своем Отечестве!

Не потому что возразить нечего - потому что возразить *некому.*

В Израиле историей Холокоста занимаются многие специализированные научные институты; у нас же нельзя назвать ни одного исследователя, который бы систематически занимался разработкой истории нацистской истребительной политики на оккупированных советских землях - этого, по определению германских историков, *«другого Холокоста».*

Множество народу исследует сегодня проблему коллаборационизма, пишет о сражавшихся «под знаменами врага» «русских солдатах вермахта». Конечно, знание структуры и принципов комплектования коллаборационистских формирований очень полезно - однако разве не важнее знать, чем, собственно, занимались все эти восточные батальоны, прибалтийские СС и вспомогательная полиция? Но об этом предпочитают говорить невнятной скороговоркой - иначе вместо благородных борцов со сталинским тоталитаризмом люди увидят безжалостных палачей собственного народа[1].

Существует ряд книг и статей о трагедии советских военнопленных и остарбайтеров; однако слишком часто вместо исследования нацистской истребительной политики авторы этих работ начинают перепевать банальные и лживые антисоветские мифы. И не приходится удивляться, что вновь, как и в советское время, лучшей работой о судьбе советских пленных стала монография не отечественного, а зарубежного исследователя. Израильские историки по вполне понятным причинам всегда уделяли немецкой истребительной политике на Востоке большое внимание. Естественно, что, прежде всего, их интересовала история Холокоста; однако проводившееся нацистами «окончательное решение еврейского вопроса» настолько плотно вписано в общую концепцию истребительной войны на Востоке, что игнорировать эти связи невозможно. Именно это и продемонстрировал израильский историк Арон Шнеер в своем фундаментальном «Плене», вышедшем на русском языке в 2005 году.

Как ни парадоксально, зарубежным историкам обязан своим появлением и единственный отечественный сборник докладов по истребительной политике нацистов. В Германии ученые всегда старались не забывать о преступлениях нацистов на советской земле; после падения Советского Союза естественная научная добросовестность заставила немцев попытаться понять, как их исследования согласуются с работами российских коллег. С этой целью научный центр «Восток - Запад» университета Касселя организовал заседание «Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в Советском Союзе глазами российских ученых». Заседание состоялось в июне 1998 года; не то чтобы российские ученые смогли сказать что-то принципиально новое, однако как введение в проблему их доклады выглядели более чем достойно. Поэтому уже в следующем, 1999-м, материалы заседания были опубликованы на немецком. Российскую историческую науку исчерпывающим образом характеризует тот факт, что на русском языке это достаточно ценное издание вышло лишь шесть лет спустя - в мае 2005 года.

Для сравнения можно посмотреть, как обстоит дело в Белоруссии, где об устроенном оккупантами аде никто не собирался забывать. Там уже в постсоветское время за короткое время были подготовлены и опубликованы сборники документов «Немецко-фашистский геноцид в Беларуси в 1941 - 1944 гг.», «Белорусские остарбайтеры» (в 4 кн.), «Нацистское золото в Бела-

---

1 Даже такой объективный ученый, как Б.Н. Ковалев, поддался этой моде. В его замечательной монографии «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России» (2001, переиздание 2004) подробно описываются территориальное деление оккупированной территории, деятельность нацистских спецслужб, формирования коллаборационистских структур, экономическое «освоение» нацистами оккупированной территории, аграрная, налоговая, национальная и социальная оккупационная политика, способы идеологической обработки населения. Все, что угодно? - но только не истребительная политика оккупантов.

руси», «Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси» (два издания) и «Лагерь смерти Озаричи».

В России же «Истребительная война на Востоке» стала практически единственным постсоветским изданием по этой тематике. Можно еще вспомнить небольшой сборник документов «Латвия под игом нацизма», изданный в 2006 году. Больше не опубликовано ни монографий, ни сборников документов - ничего. В нашей стране и по сей день вместо исследования нацистской истребительной политики предпочитают заниматься ритуальным оплевыванием сталинского режима.

Однако такой подход делает нашу страну заведомо уязвимой для пропагандистского воздействия - неизбежного в мире глобальной конкуренции.

Задача историка - предоставить всем любящим свою страну людям факты, позволяющие защищать от клеветы свое прошлое, а значит - настоящее и будущее.

Книга, которую вы держите в руках, - первая отечественная работа, в которой относительно комплексно рассматриваются основные аспекты истребительной политики нацистов на оккупированной советской территории. Она ни в коем случае не является исчерпывающей; по сути, это лишь краткий и поверхностный набросок. Исследователям лишь предстоит проанализировать динамику и масштабы нацистской истребительной политики, ее особенности в различных республиках Советского Союза, степень участия в уничтожении советских граждан подразделений вермахта, СД, СС и (не в последнюю очередь) коллаборационистских формирований.

Все это - дело будущего (хочется верить, что недалекого); пока же следует обозначить основные направления исследований.

Во-первых, это так называемые *«контрпартизанские действия»,* в значительной степени сводившиеся к массовому уничтожению населения усмиряемого района. Следует знать, что немецкими войсками был разработан достаточно эффективный способ борьбы с партизанами. Специально сформированные «охотничьи команды» (ягдкоманды) вели незаметную лесную войну, уничтожая целые партизанские отряды; гражданское население при этом практически не страдало[1]. Крупномасштабные карательные акции, однако, проводились нацистами уже начиная с июля-августа 1941 года и были лишь косвенным образом связаны с контрпартизанской борьбой. При этом реальная задача подобных операций - уничтожение как можно большего числа советских «недочеловеков» - четко осознавалась нацистским руководством и исполнителями[2]. Отметим, что в оккупированных западных странах уничтожение мирного населения в рамках «борьбы с партизанами» началось лишь в 1944 году и имело незначительные масштабы.

Вторая проблема - *уничтожение нацистами советских граждан еврейской национальности* исследована гораздо лучше - пожалуй, лучше чем любое другое направление нацистской истребительной политики. Однако изучение проблемы уничтожения советских евреев в комплексе с другими истребительными мероприятиями нацистов позволит прийти к новым и

1 *Миддельдорф Э.* Русская кампания: тактика и вооружение / Пер. с нем. - М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. - С. 432-433; *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. С. 170-172; Малая война: Организация и тактика боевых действий малых подразделений. - Минск: Харвест, 1998. - С. 400-406, 427-456; Антипартизанская война... С. 103-116.

2 Немецкие историки пришли к подобным выводам достаточно давно. Напр.: *Heer H.* Die Logik des Vernichtungskrieges: Wehrmacht und Partisanenkampf // Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht, 1941-1944. Hamburg, 1995. S. 104-156.

весьма важным выводам. Так, например, «окончательное решение еврейского вопроса» стало одним из последствий принятых перед нападением на Советский Союз «преступных приказов», направленных на уничтожение советских военнопленных и обезлюживание оккупированных земель[1]. Необходимо также выявить пропагандистскую составляющую Холокоста; судя по некоторым высказываниям нацистского руководства, уничтожение евреев помогало рекрутировать новых союзников в борьбе с жидобольшевизмом, а также заявлять, что неевреям якобы ничего не грозит. В целом же следует согласиться с мыслью, высказанной Кристианом Штрайтом: «Хотя в сознании западногерманской общественности в значительной мере внедрилась склонность проводить грань между уничтожением евреев и войной против Советского Союза, - писал он, - на деле «гитлеровская война на Востоке» и «окончательное решение еврейского вопроса» были тесно связаны и по времени, и по существу»[2].

Достаточно хорошо исследована *политика нацистов по уничтожению советских военнопленных:* из четырех переведенных на русский язык монографий, имеющих отношение к истребительной политике нацистов, три посвящены именно судьбе военнопленных. Тем не менее, исследование этой проблематики продолжает оставаться актуальным, поскольку помогает по-иному взглянуть на происхождение так называемого «Русского освободительного движения». Не зря усилия таких историков-ревизионистов, как Йоахим Гофман, направлены на прямую фальсификацию положения советских военнопленных в нацистском плену[3].

Совершенно не исследовано так называемое *«молекулярное» насилие нацистских оккупантов.* Как известно, перед нападением на Советский Союз рядом приказов нацистское командование освободило германских военнослужащих от ответственности за уголовные преступления против советских граждан. Это привело к массовым убийствам мирных граждан, разнузданному и повсеместному насилию против женщин. Безнаказанные преступления приняли такие масштабы, что начали вызывать у германского военного командования серьезные опасения, отражение которых мы можем, в частности, найти в дневнике начальника германского генштаба генерала Гальдера; проявляемая при этих преступлениях жестокость обеспокоила даже Гитлера. Преступления этого рода фиксируются как в воспоминаниях очевидцев, так и в многочисленных документах советской разведки, органов госбезопасности и партизанских соединений.

Практически не исследованы мероприятия *по угону и уничтожению населения,* предпринимавшиеся нацистами в 1943-1944 годах в рамках стратегии «выжженной земли». Подобные операции зачастую получали говорящее о многом кодовое наименование: «Гетто». Описания лагерей, в которые сгоняли население, производит поистине жуткое впечатление; кроме того, повсеместно наступавшие войска Красной Армии встречали деревни с домами, набитыми трупами расстрелянных детей, женщин, стариков.

Прямое отношение к истребительной политике нацистов имеют предпринятые ими *меры по экономическому ограблению оккупированных территорий.* Эти меры исследованы совершенно недостаточно; насколько можно понять, они были направлены не только на «выкачива-

---

1 В этом смысле очень характерно следующее высказывание Гитлера, датируемое как раз январем 1942 года: «Я не вижу иного решения, кроме их уничтожения. Почему я обязан видеть в еврее что-то иное по сравнению с русскими военнопленными? В лагерях для военнопленных многие умирают. Это не моя вина. Зачем евреи спровоцировали эту войну?» - ЗРГ. Вар. 2. С. 237-238.

2 *Штрайт К.* Солдатами их не считать... С. 24. К выводу о том, что «истребление славянских «недочеловеков» и еврейский геноцид - единый процесс», приходят многие европейские историки. - La Libre Belgique. - 19.05.2005. Цитируется по переводу ИноСМИ.Ру.

3 *Гофман Й.* Власов против Сталина. С. 170-174.

ние» из оккупированных территорий необходимых материальных ресурсов, но и на целенаправленное разрушение советской социально-экономической структуры, деиндустриализацию захваченных областей и их экономическую фрагментацию. Результатом стал настоящий голод, в результате все население оккупированных областей, по выражению немецких документов, находилось «под угрозой голодной смерти», а миллионы от голода умерли.

Использование труда угнанных в Германию остарбайтеров также в значительной степени носило истребительный характер; этот аспект исследован недостаточно, хотя и затронут в ряде работ. В первую очередь следует упомянуть капитальную монографию Павла Поляна; однако само ее название - «Жертвы двух диктатур» - показывает идеологическую предвзятость автора. И, к сожалению, эта предвзятость порою серьезно влияет на адекватность выводов. Добрых слов заслуживает также «Архипелаг OST» Виктора Андриянова. Однако называть эту книгу исследованием нельзя: пересказ судеб угнанных на немецкую каторгу советских граждан - дело хорошее, однако не может заменить собой анализа.

А анализ необходим - ведь даже поверхностное ознакомление с проблемой позволяет сделать вывод об **исключительности истребительной политики, осуществлявшейся нацистами против наших сограждан.** «Немцы по-разному воевали с англичанами, французами и американцами, с одной стороны, и с русскими - с другой, - пишет директор Института русской истории РГГУ Андрей Фурсов. - Это бросалось в глаза. Как заметил известный немецкий философ и политический мыслитель Карл Шмитт, во Второй мировой войне Германия вела две войны: обычную - на Западном фронте и совсем другую, тотальную, - на Восточном. Первая война имела обычные военные цели; целью второй было физическое истребление представителей другой этнической группы, уничтожение противника как Враждебного Иного»[1].

В самом деле, пока вермахт воевал в Европе, нацисты обходились без массового уничтожения мирных граждан. В Польше командование вермахта по мере сил пыталось воспрепятствовать развертыванию масштабного оккупационного террора. Вступая на территорию Франции, Бельгии и Нидерландов, каждый солдат имел памятку с «10 заповедями о ведении войны германскими солдатами», в которой предписывалось вести себя лояльно по отношению к мирному населению и не нарушать международных правил ведения войны. Обращение же с военнопленными - французами и англичанами - вообще заслуживает отдельного разговора. 26 апреля 1940 года Гальдер записывает: «Я предупредил [Кейтеля] о нежелательности мероприятий по отношению к английским военнопленным. Это может отразиться на пленных немецких офицерах»[2]. Как вы думаете, о каких нежелательных мероприятиях идет речь? Быть может, англичан хотят произвольно расстреливать или давать миску баланды в день и заставлять работать с рассвета до заката? Ничего подобного.

«Нежелательные мероприятия» - это **допрос в присутствии журналистов.**

Исключением, подтверждающим правило, оказывается лишь Югославия, против населения которой нацистами и их пособниками была применена та же истребительная политика, что и на оккупированных советских территориях.

Об аде, устроенном нацистами на советской земле, невозможно молчать. В воспоминаниях Константина Симонова есть очень показательный эпизод. В освобожденных Черновицах писатель разговаривал с местным раввином о нацистском «окончательном решении еврейского вопроса». После встречи писателя проводил до машины синагогальный служка. «Он молчал

1 *Фурсов А.И.* Третий Рим и Третий Рейх: третья схватка (Советско-германский покер в американском преферансе) // Политический класс. - 2006. - №7. - С. 89.

2 *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 1. С. 449.

на протяжении двух часов, пока я говорил с раввином, а сейчас вознаграждал себя за это молчание. Он шел рядом со мной, размахивая руками и крича. На лицо его, которое сначала показалось мне добродушным и даже смешным, сейчас было страшно смотреть. Он одновременно и кричал и плакал. Кричал о том, как умирали от голода дети, от голода и болезней, косивших их в этой тесноте, в этом восьмидесятитысячном гетто, состоявшем из нескольких десятков домов. Кричал и плакал все время, пока мы шли до машины... И когда мы уже сели и поехали, он все еще не мог остановиться и продолжал кричать то же самое, что кричал мне, каким-то людям, которые толпились до этого возле нашей машины»[1].

Вот так - кричать и плакать - должны и мы, рассказывая о нацистском геноциде советского народа.

Это очень тяжело - но необходимо.

Без понимания того, *что* происходило на оккупированной территории, мы никогда не сможем понять события самой страшной и самой важной в нашей истории войны, не поймем, что ожидало наших предков в случае поражения.

Только помня о воплощавшейся на оккупированной территории жестокой истребительной политике, мы сможем адекватно понять явления партизанского движения и коллаборационизма, историческую роль препятствовавших нацистским преступлениям партизан и принимавших в этих преступлениях деятельное участие нацистских пособников.

Только зная о масштабах проводившегося нацистами уничтожения советских граждан, мы сможем восхититься нравственным подвигом Красной Армии, которая, вступив на немецкую землю, в общем и целом удержалась от мести.

В исследовании истребительной политики нацистов против нашего многонационального народа лежит ключ к пониманию всей Великой Отечественной войны. А история Великой Отечественной, в свою очередь, является «точкой сборки» и отечественной истории XX века, и современного российского общества[2]. Именно в этом - прагматическая актуальность подобных исследований.

Но наряду с прагматикой есть еще и моральный долг.

Уничтоженные на оккупированных территориях люди были разных национальностей, разной веры и разного возраста. Они были не похожи друг на друга ни характером, ни цветом глаз. Все они были гражданами нашей страны. За это нацисты приговорили их к смерти. И если бы в той войне победил Третий Рейх, уничтоженных считали бы не миллионами, а десятками миллионов.

Оторвитесь от книги и подойдите к окну.

Там, за стеклом, - люди.

Кто-то озабоченно спешит по своим делам. Смеются дети и целуются влюбленные. Неспешно прогуливаются старики.

Если бы шестьдесят лет назад наши деды и прадеды не победили, то никого из этих людей не было бы в живых.

Сегодня нельзя допустить, чтобы исчезла память о миллионах людей, хладнокровно уничтоженных только потому, что они были советскими гражданами. Мы должны помнить обо всех них - о русских и украинцах, о белорусах и евреях, о мужчинах и женщинах, о стариках и малолетних детях.

---

1 *Симонов К.М.* Разные дни войны. Кн. 2. С. 329-330.

2 См., напр.: *Кургинян С.* Точка сборки: Победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики // Россия XXI. - 2005. - №3. - С. 4-47.

Мы помним, пока мы живы.
Или, вернее, - мы будем жить, покуда помним все это.

Приложение I

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков была создана в ноябре 1942 года. В задачу комиссии входило расследование действий захватчиков на оккупированной советской территории, установление личностей преступников, определение материального ущерба, причиненного советским гражданам, колхозам, общественным организациям и государству. Во второй половине 1945 года комиссия была упразднена. Ниже публикуются выдержки из некоторых документов ЧГК. Подобных им в наших архивах - десятки тысяч.

1. Из акта Ленинградской городской Чрезвычайной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах

«За 900 дней беспримерной осады Ленинграда, за время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики чинили бесчисленные злодеяния и зверства над мирным населением...

29 месяцев немецко-фашистской оккупации города Пушкин (Царское Село) были сплошным надругательством над человеческим достоинством советских людей. Это было время полного бесправия и насилия, разорения и голода. Ни в чем не повинных людей немцы расстреливали и вешали. В наиболее оживленных пунктах (угол Октябрьской площади и Советского бульвара, Московская улица и улица 1-го Мая) были устроены виселицы, на них по многу дней висели трупы советских граждан с надписями на груди: «За саботаж», «За партизанство» и т.д.

Гитлеровцы систематически истребляли советских граждан. Без всякого повода, только за то, что они русские люди, повешены инженер Капустин, кладовщик Иванов, учитель Королев и другие. Директор Всесоюзного института растениеводства Ватган, идя с женой по улице, не остановился на окрик немецкого офицера. За это их расстреляли. Гражданка Бокова была свидетельницей кровавой расправы над 12-летним мальчиком. Гитлеровцы повесили его на шпагате за волосы и, стоя неподалеку, с часами в руках проверяли, сколько времени он промучается. В сентябре 1941 года немцы убили 50 детей, в октябре в Баболовском парке расстреляли 400 граждан, в феврале 1942 года сожгли 200 жителей города.

Ряд районов города гитлеровцы объявили «запретной зоной» и расстреливали каждого, кто там появлялся. Матери, спасая от смерти голодных детей, вынуждены были пробираться через «запретную зону» в ближайшие села и деревни за продовольствием. Их ловили и расстреливали. Свидетельница Тараканова зарегистрировала (будучи паспортисткой) 123 случая гибели мирных граждан, застреленных при проходе через «запретную зону». Всего в городе Пушкин расстреляно, замучено и погибло от артобстрела и авиабомбардировок 18 368 человек, угнано в Германию 17 968 человек.

В Петродворце погибло 4265 человек и угнано в Германию 30 783 человека. Укрываясь в убежищах, жители вынуждены были, время от времени, выходить оттуда за продуктами, за

водой и т.д. Этих людей немцы подстерегали и расстреливали. Например, 200 человек укрывалось в подвалах гранильной фабрики. Немцы все время обстреливали это место. Люди погибали от ран, голода и жажды. Тогда жители решили перейти в более безопасное место. Но немцы начали стрелять по безоружной толпе из автоматов, пулеметов и минометов. Большинство было убито. Более 200 человек скрывалось в подвале дома №13 по Ленинградской улице. Этот дом немцы зажгли и засыпали выход из подвала. Граждане, укрывавшиеся в подвале, задохнулись в дыму. Около 500 стариков, детей и больных погибло от артиллерийского огня в Троицкой церкви.

В мае 1942 года в Петродворцовой больнице, эвакуированной немцами в поселок Володарское, немцы впрыснули под кожу 80 больным яд, а затем больницу с находившимися там трупами сожгли. Свидетельницей этого чудовищного преступления была санитарка Екатерина Орлова, которой удалось бежать. Страшные злодеяния учинили немцы в больнице им. Кащенко, где они умертвили ядом 1250 человек и закопали трупы отравленных в противотанковом рву в деревне Ручьи.

Близ города немцы организовали лагеря для мирных советских граждан и военнопленных. В лагерях гитлеровцы установили режим сурового террора. Они подвергали советских людей неслыханным телесным наказаниям, мучили голодом и непосильным трудом. Свидетельскими показаниями установлено, что в лагерях в селах Рождественское и Выря только с мая по август 1942 года умерло около 3000 человек.

Свидетель Самоваров Сергей Иванович, врач, заявил, что «в Рождественском лагере в октябре 1941 года погибло 500 человек, в ноябре - 700, а в декабре - 1024 человека. В декабре открылась эпидемия сыпняка, и смертность намного увеличилась...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 52-55.

2. О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и Новгородском районе Ленинградской области

«...Специальная комиссия установила многочисленные факты планомерного истребления немецкими оккупантами мирных советских граждан и военнопленных.

В Колмовской психиатрической больнице находилось на излечении 800 человек больных. В ноябре-декабре 1941 года все эти больные были гитлеровцами умерщвлены. В октябре 1941 года фашистские изверги замучили и убили 250 человек больных Хутынской больницы. В деревне Кшентицы и Заолешье гитлеровцы уничтожили 30 человек жителей, среди них были женщины, старики и даже 2 грудных ребенка. Зарегистрированы многочисленные факты истребления также мирного советского населения. Так, в совхозе «Заверяжские покосы» весной 1942 года немцы расстреляли жителя города Новгорода Масальского Семена Васильевича вместе с его семьей и родными. В этом же совхозе немцы расстреляли еще 25 человек, в большинстве женщин и детей. В деревне Жестяная Горка немецкий карательный отряд истребил свыше 2000 мирных жителей.

В Новгородском районе немцами было организовано в бараках и сараях 10 лагерей для советских военнопленных. Эти лагеря были расположены на территории совхозов «Заверяжские покосы», «Чайка», на черепичном заводе, в деревнях Вяжище, Люболяды, Григорово и в других: военнопленные содержались здесь в тяжелых антисанитарных условиях, подвергались побоям и истязаниям.

В результате голода, непосильного труда, расстрелов только в 6 лагерях Новгородского района из 5000 человек военнопленных к концу 1943 года уцелело 336 человек.

Немецко-фашистские изверги подвергали советских людей и особенно попавших к немцам в руки советских военнослужащих жестоким пыткам и истязаниям. В деревне Осия комиссия обнаружила 30 трупов советских военнопленных, на телах которых имелись следы пыток...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 55-56.

3. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области городе Ржеве Калининской области

«Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистская армия беспощадно уничтожает советские города и села, применяя насилие, пытки, истязания и совершая убийства мирных граждан, а также советских военнопленных.

История еще не знает такого массового истребления людей, какое учиняют немецко-фашистские захватчики. Чувства жалости и милосердия им неизвестны. С чудовищной жестокостью они глумятся над беспомощными стариками. Их не останавливают ни слезы матерей, ни протянутые с мольбой о помощи детские руки. Воспитанная Гитлером немецкая армия истязает и умерщвляет всех, кто немцам не нужен, а тех, кто на них может работать, они увозят, как скот, в Германию, на рынки рабов.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии Н.М. Шверник и член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай, митрополит Киевский и Галицкий, лично установили в Вяземском, Гжатском, Сычевском и Ржевском районах факты чудовищных злодеяний немецких оккупантов, истязания, пытки, убийства, увод советских граждан в немецкое рабство, разрушение городов, сел и деревень.

Злодеяния немецких фашистов и их сообщников подтверждены показаниями советских граждан, проживавших во время оккупации в этих районах, а также актами, составленными комиссиями из представителей советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций и рабочих, служащих, колхозников, городской и сельской интеллигенции и военнослужащих.

Поставив своей целью уничтожить Советское государство, лишить советских людей крова и национальной культуры и превратить их в немецких рабов, германское военное командование приказало своим воинским частям беспощадно расправляться не только с военнопленными, но и с мирным населением сел и городов Советского Союза.

В районах Вязьмы и Гжатска, Ржева и Сычевки командующие 4-й германской армией генерал-полковник Хейнриц и 9-й германской армией генерал-полковник Модель, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, глумились, истязали и убивали мирных, ни в чем не повинных советских граждан. По их приказанию офицеры и солдаты германских воинских частей пытали, выкалывали глаза, отрезали ноги, руки, уши, убивали женщин, детей, стариков.

Части жандармского корпуса генерала Шимана, бургомистр Арнольд Штаммп и начальник гестапо барон Адлер замучили и убили в городе Вязьме тысячи мирных граждан.

10 декабря 1942 г. они вывезли на машинах за город 34 человека мужчин и женщин - советских граждан, заставили их вырыть себе могилы и расстреляли их.

25 февраля 1942 г. фашисты расстреляли хирурга Вяземской городской больницы Бирштей-

на М.Д., 65 лет, врача-окулиста Лопырева А.Я., 62 лет, и его 16-летнего сына.

Бессмысленному издевательству и зверствам подвергся В.И. Мурашевский, 74 лет. Он нес к себе домой ведро воды из уличного колодца. Немецкий солдат, проживающий с ним по соседству, позвал его к себе в дом и там зверски убил его. При осмотре трупа Мурашевского установлено, что правая щека у него разрезана и вывернута к правому уху, правое ухо оторвано, левый глаз выколот, веко вырезано треугольником, верхняя губа отрезана, на виске вырезан треугольник, кожа на затылке срезана бритвой.

Немецко-фашистские захватчики заставили женщин-врачей работать в госпиталях санитарками. Ефрейтор Рихтер - комендант инфекционного отделения госпиталя - за малейшую провинность избивал до потери сознания санитарок и медсестер. Русские врачи и медсестры не могли пользоваться уборными, на дверях которых висела надпись: «Русским вход запрещен, за нарушение - расстрел».

В Сычевке беспощадно расправлялся с женщинами, детьми и стариками комендант города обер-лейтенант Кислер.

7 января 1943 г. он согнал около 100 евреев - женщин, стариков и детей, сначала избил их, потом вывел на окраину города и расстрелял.

28 февраля 1943 г. немецко-фашистские изверги согнали в дом №57 по Набережной улице больных тифом жителей Сычевки якобы для оказания медицинской помощи, заперли их там и дом подожгли. Усилиями медсестры Поповой и других медработников часть больных во время пожара была все же спасена.

Около деревни Холмец Сычевского района понадобилось разминировать участок дороги. По распоряжению командира 102-й германской пехотной дивизии генерал-майора Физлера фашисты согнали жителей деревни Холмец и погнали их по минированной дороге. Все эти люди погибли на взорвавшихся минах.

Фашистские власти заподозрили жителей деревни Корбутовка в связи с партизанами и сожгли деревню дотла. Колхознице Барановой, протестовавшей против такого разорения, немцы разрезали живот, изрезали лицо ножом, а детям ее вывернули руки и проломили черепа.

8 деревне Зайчики гестаповцы согнали в один дом Заикова Михаила, 61 года, Белякова Никифора, 69 лет, Бегорову Екатерину, 70 лет, Голубеву Екатерину, 70 лет, Дадонова Егора, 5 лет, Зернову Миру, 7 лет, и других - всего 23 человека, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

В деревне Климы немцы бросили в костер ребенка колхозницы Богдановой, а потом сожгли и ее.

В деревне Васильевка немецкие палачи повесили железным крюком за челюсть председателя колхоза Тарбина и кладовщика Ермолинского. Виселица с их трупами долго стояла на улице.

При отступлении немцев от деревни Драчево Гжатского района в марте 1943 года помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Бос согнал в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Драчево, Злобино, Астахово, Мишино, закрыл двери и поджег дом, в котором сгорели все 200 человек. Среди них были старики, женщины и дети: Платонов М.П., 63 года; Платонова П.Л., 59 лет; Платонов Василий, 35 лет, и его дети: Вячеслав, 5 лет, Александр, 3 года; Васильева П.И., 42 года, ее дочери: Мария, 11 лет, Анна, 9 лет, и сын Аркадий, 5 лет; мать Васильева М.С., 72 года; Чистякова К.Г., 64 года, ее сын Иван, 13 лет, и внук Юрий, 4 года; Смирнов М.И., 63 года, и его жена Смирнова Е.М., 58 лет, их дочь Смирнова А.М., 27 лет, с детьми 3 года и 1,5 года, дочь Смирнова М.М., 15 лет, и другие.

В деревне Степаники Гжатского района немецкие захватчики посадили в баню Елену Федоровну Ильину, 35 лет, и 7 дней мучили ее, истязали плетью, палками, обливали холодной водой.

8 января 1943 г. они согнали всех жителей деревни Степаники присутствовать при казни и повесили Ильину на дереве.

В деревнях Куликово и Колесники Гжатского района фашисты сожгли в избе всех жителей от мала до велика.

В городе Ржеве на центральной площади, где раньше был памятник Ленину, по приказу командующего 27-м германским армейским корпусом генерал-майора Вейса комендант города майор Куртфельд установил виселицу, на которой повесил десятки мирных граждан: Александра Дроздова, Анну Пожарскую, Медоциева и других. Несколько тысяч человек были расстреляны.

20 марта 1943 г. в доме №47 по улице Воровского были обнаружены убитые фашистами три женщины и трое маленьких детей. Имущество разграблено.

В соседнем доме обнаружена замученная немецкими солдатами семья Садова: отец и мать расстреляны, дочь Рая, 12 лет, заколота штыком, сын Валентин, 15 лет, убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина, 18 лет, изнасилована и задушена, дочь Катя, 5 месяцев, застрелена в висок.

В одном из дворов квартала №116 на огороде обнаружено в яме 8 трупов советских граждан, обезображенных до неузнаваемости: Соловьевой И.В., 30 лет, у которой отрезали губы, Андреевой А.К., 28 лет, - исколота штыком и других.

Стремясь к массовому истреблению советских военнопленных, германские военные власти обрекают красноармейцев на вымирание от голода, тифа и дизентерии. Военнопленным не оказывают медицинской помощи.

В Вязьме имелся госпиталь для военнопленных в неотапливаемом каменном сарае. Лечения и ухода за больными никакого не было. Ежедневно умирало от 20 до 30 человек. Больным выдавали в день полкотелка супа без хлеба. Поданным врача Михеева Е.А., в один из дней в этом госпитале умерло от истощения и болезней 247 человек. Кроме того, немецкие солдаты избрали в виде мишени для стрельбы больных пленных красноармейцев, когда они проходили по двору госпиталя.

Хирургу Раздершину В.Н. вместе с группой врачей пришлось провести в помещении лагеря для военнопленных одну ночь. Врачи рассказывают, что всю ночь из разных помещений лагеря доносились крики истязуемых «спасите», «помогите», «за что бьете», «ох, умираю».

Днем во время раздачи еды военнопленные столпились у кухни. Для наведения порядка немецкий охранник снял с ремня гранату и бросил ее в толпу. Несколько человек было убито и много ранено.

В феврале 1943 года перед отступлением из Вязьмы фашисты привезли группу арестованных советских граждан и пленных красноармейцев на станцию Новоторжская, что около Вязьмы. Пока истощенных голодом людей переводили от Новоторжской до лагеря, многие из них падали от изнеможения. Немецкие конвоиры таких пристреливали. От Новоторжской до Вязьмы было пристрелено 43 человека.

Нечеловеческим истязаниям и казням подвергал советских военнопленных комендант лагеря №2 старший унтер-офицер Раутенберг.

После освобождения города Сычевки от немецких оккупантов там в лагере в огромном рву было обнаружено свыше 3000 трупов пленных красноармейцев и советских граждан. Осмотр

трупов свидетельствует о зверских истязаниях: у многих перебиты руки, ноги, проломлены черепа, отрезаны носы, уши, выколоты глаза, отрезаны половые органы.

В деревне Харино в январе 1943 г. фашисты согнали на скотный двор 79 военнопленных красноармейцев и сожгли их живыми.

В деревне Корытовка в ноябре 1941 г. немецкие солдаты тренировались в стрельбе по красноармейцам, убив таким образом 14 человек.

В июне 1942 г. по приказанию начальника жандармерии капитана Шульца из Вяземского лагеря военнопленных были выведены 5 красноармейцев, конвоиры велели им бежать и стали в них стрелять - трое были убиты сразу, а двоих раненых они добили прикладами.

В Вязьме на Комсомольской улице один из красноармейцев отошел от группы других пленных, чтобы напиться из ручья, текущего с края тротуара; немец-конвоир избил красноармейца прикладом, затем отвел в сторону и застрелил.

Около станции Вязьма пленный красноармеец зашел в столовую для рабочих и попросил тарелку супа. За ним вошел конвоир и потребовал, чтобы красноармеец немедленно вышел из столовой. Пленный попросил разрешения доесть суп. Конвоир вытащил красноармейца из столовой на улицу и тут же у дверей застрелил его.

В декабре 1942 г. немец-конвоир застрелил двух пленных красноармейцев на улице Софьи Перовской. Трупы их валялись на улице несколько дней...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 56-59.

4. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области

«По неполным данным, в 19 районах Орловской области они уничтожили и разрушили 583 здания государственных учреждений, 317зданий промышленных предприятий, 316 зданий дорожного хозяйства, 881 здание учебных заведений и культурных учреждений, 181 здание лечебно-санитарных учреждений, 284 коммунальных здания, 493 здания торговых предприятий, 56 866 сельскохозяйственных построек.

Врываясь в города и села Орловской области, немецкие офицеры и солдаты, по прямым указаниям военного командования и гражданских оккупационных властей, грабили имущество и продовольствие мирных граждан и при малейшем сопротивлении сжигали их дома и применяли кровавые расправы. Они отобрали у населения и колхозов: 11 986 лошадей, 17 161 голову крупного рогатого скота, 38 004 головы овец и коз, 10 994 головы свиней, 33 4415 голов птицы, 82 054 тонны зерна и продуктов. Они забирали все, что им попадалось на глаза: продукты питания, одежду, обувь, постельные принадлежности, мебель, посуду и даже детские игрушки.

В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий 2-й немецкой танковой армией генерал Шмидт и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаманн создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды громил и поджигателей уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства русского народа, жгли города, села и деревни.

В Орловской городской тюрьме немецко-фашистские оккупанты организовали лагерь для военнопленных и гражданского населения. Показаниями освобожденных военнопленных, в частности тт. Толубеева, Равкина, Кабалдина, Жильцова и других, установлено, что в Орлов-

ском лагере гитлеровцы истребляли советских граждан. Питание военнопленных не обеспечивало даже голодного существования. Пленным в день давали по 200 граммов хлеба с примесью древесных опилок и по литру супа из гнилой сои и прелой муки.

В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерщвленных 3000 человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания.

Гибли гражданские люди от расстрелов, которые производились в тюремном дворе с немецкой точностью, по расписанию - по вторникам и пятницам, группами по 5-6 человек. Немцы вывозили осужденных также в отдаленные места, где были траншеи, сделанные русскими войсками перед оставлением города, и там расстреливали. Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьме совершались так: мужчины ставились лицом к стене, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, повернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми.

По показаниям очевидцев и свидетелей, на кладбище около городской тюрьмы за время оккупации немцами города Орла было похоронено не менее 5000 военнопленных и мирных советских граждан. Таких могил жертв немецко-фашистских оккупантов в Орле и Орловской области десятки...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 62-63.

5. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае

«Преступные действия немецких оккупантов в Ставрополе, Георгиевске, Кисловодске, Ессентуках, Минеральных Водах, Железноводске и Теберде засвидетельствованы актами комиссий, заявлениями потерпевших, показаниями свидетелей, заключениями медицинских экспертов, документальными материалами, а также подтверждаются членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым, лично посетившим эти города и районы Ставропольского края и установившим факты чудовищных злодеяний и массового истребления мирных советских граждан...

Для расправы над советскими гражданами при гестапо существовала специальная команда численностью в 25 человек. Возглавлял эту команду немец - обер-лейтенант Кацендорф и его помощник обер-лейтенант Бенцель, а впоследствии эту команду возглавлял начальник СД-12 обер-лейтенант Клейбер и его заместитель офицер гестапо Кнор. Начальником тюрьмы гестапо был немецкий офицер обершарфюрер Вильгельм Шмидт и его заместитель и переводчик венгр Энгель Николай.

В Ставропольском крае в таких автомашинах немцы умертвили тысячи ни в чем не повинных советских людей.

Установлено, что в декабре 1942 года по приказу начальника гестапо города Микоян-Шахар обер-лейтенанта Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния - сотрудники детских санаториев меди-

цинская сестра Иванова С.Е. и санитарка Полупанова М.И. - сообщили:

«22 декабря 1942 г. к подъезду санатория первого отделения подъехала немецкая автомашина. Прибывшие с этой автомашиной семь немецких солдат вытащили из санатория 54 тяжелобольных ребенка в возрасте от трех лет, уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, затем захлопнули дверь, впустили газ (окись углерода) и выехали из санатория. Через час автомашина вернулась в поселок Теберда. Все дети погибли, они были умерщвлены немцами и сброшены в Тебердское ущелье близ Гуначгира».

Установлено, что с 5 по 10 августа 1942 г. немецкие солдаты из комендатуры СС во главе с обер-фельдфебелем Герингом и фельдфебелем Шмитцем вывезли из Ставропольской психиатрической больницы и умертвили окисью углерода в автомашинах 660 человек больных.

Для того чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений от населения города, фашистские изверги объявили главному врачу больницы доктору Гамбарову Д. С. и медицинскому персоналу, что они всех больных переводят из города Ставрополя в больницы сел Донское и Пролетарское, где подготовлено все необходимое для приема - специальное оборудование и квалифицированный немецкий медицинский персонал, а в действительности всех больных умертвили.

Установлено, что в городе Кисловодске в школе №16 в августе 1942 года гестаповцы организовали застенок, где зверски истязали советских граждан. В этот застенок они привезли из Бугурстана и Бекешевки 150 человек арестованных, эвакуированных из Крыма и со станции Кавказская. 6 сентября 1942 г. здание школы №16, где помещались арестованные, оцепили немецкие солдаты. Затем подъехали четыре машины, в которые немцы стали грузить арестованных. Сначала погрузили в них первую партию арестованных - одних только мужчин - и увезли. Через некоторое время эти же машины вернулись, и погрузили оставшихся женщин и детей. Свои жертвы гестаповцы свозили за реку Подкумок и там в овраге расстреливали из автоматов. Среди расстрелянных погибло 47 человек детей от грудного и до 15-летнего возраста.

Расстрел 150 советских граждан, содержавшихся в застенке гестапо в помещении школы №16, был произведен по приказу коменданта города майора Лидтке.

22 июня 1943 г. под городом Кисловодском после сильного дождя возле горы Кольцо, в районе колхоза им. Кирова, жителями были найдены 26 трупов расстрелянных советских граждан.

При осмотре и судебно-медицинском освидетельствовании трупов было установлено среди них: 2 мужских, 15 женских и 9 детских трупов в возрасте от 2 до 12 лет. На всех 26 трупах были обнаружены следы насилий, истязаний: переломы конечностей и размозженные черепа.

При осмотре другого оврага, расположенного недалеко от горы Кольцо, на расстоянии 250 метров от дороги, идущей из Кисловодска в Первомайский аул, была обнаружена размытая насыпь глубиной в 10 метров, из которой были видны отдельные части человеческих трупов.

В этом месте с 26 по 29 июля 1943 г. были произведены раскопки, в результате которых извлечено 130 трупов. Судебно-медицинским осмотром было установлено: труп 4-месячной девочки насильственных признаков смерти не имел, ребенок был брошен живым и погиб от удушения; труп мужчины в одежде красноармейца с перевязанной правой рукой и левой ногой, рядом с этим трупом обнаружены костыли. При осмотре трупов младенцев медицинская экспертиза установила, что все они были заживо брошены в овраг вместе с расстрелянными матерями. На всех остальных трупах обнаружены следы пыток и истязаний: оторванные нижние челюсти, переломанные конечности, вывихи и изувеченные лица.

В результате произведенных раскопок в районе горы Кольцо за время с 26 июня по 7 июля

1943 г. было извлечено 322 трупа советских граждан, расстрелянных и зверски замученных по приказам военного коменданта города Кисловодска Поля, второго коменданта майора Лидтке, начальника гестапо Вельбена, помощника начальника гестапо Вебера, при участии исполнителей их приказов первого следователя гестапо Геринга, второго следователя Циже, заместителя коменданта гестапо Келлера, начальника хозяйственной части гестапо Хаусмана и второго начальника хозяйственной части Хуше.

В городе Пятигорске немецкие власти производили массовое истребление советских граждан.

Вблизи памятника на месте дуэли Лермонтова на горе Машук были отрыты пять могил, в которых обнаружены 75 трупов.

На Комсомольской поляне, в шести километрах от города Пятигорска, у подножия горы Машук в восьми могилах обнаружены 125 трупов зверски замученных, расстрелянных советских граждан.

В районе Белой Ромашки, на Кузнечной улице, против конюшен, обнаружено шесть трупов красноармейцев, расстрелянных немцами 10 августа 1942 г. В этом же районе около первой городской больницы были отрыты трупы 16 курсантов танкового училища. Установлено, что немцы добили раненых курсантов.

Всего в засыпанных ямах в районе Пятигорска обнаружено 356 трупов замученных и расстрелянных советских граждан, в числе которых мужчин - 283, женщин и детей - 66. Это неполные данные. Много могил еще не обнаружено.

7 сентября 1942 г. последовало предписание от немецкой комендатуры №12, в котором евреям было предложено явиться 9 сентября на товарную станцию Кисловодска, взяв с собой багаж весом не больше 20 килограммов, наиболее ценные вещи и двухдневный запас продуктов для отправки якобы в малонаселенные пункты Украины. Ключи от квартиры было предложено сдать в комендатуру №12 с указанием на особой записке адресов квартир.

На основании показаний жителей города Минеральные Воды - очевидцев фашистских злодеяний: Лисипина Ф.М., Михеева Н.В., Белоусовой Е.Е., Розанова А.Н. и других, а также машинистов паровозного депо Минеральные Воды Павлова А.М. и Сапунова А.В., сопровождавших со станции Кисловодск эшелон с еврейским населением в составе 18 платформ и двух вагонов, установлено, что прибывшие 9 сентября 1942 г. в эшелоне со станции Кисловодск около 2000 советских граждан, по национальности евреев, были по приказу коменданта города Кисловодска Поля, начальника гестапо Кисловодска Вельбена, его помощника Вебера и коменданта города Минеральные Воды майора Барта расстреляны в противотанковом рву против стекольного завода, в двух с половиной километрах от города Минеральные Воды. Здесь же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из Ессентуков и Пятигорска.

10 июля 1943 г. членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Алексеем Толстым была произведена раскопка этого противотанкового рва на протяжении 551 метра. Комиссия установила, что в этом противотанковом рву находится не менее 6300 зверски расстрелянных советских граждан...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 63-66.

6. О массовом истреблении советских граждан в городах Артемовске, Краматорске и Сталино во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками Сталинской области

«...По приказу немецкого коменданта города Артемовска майора фон Цобеля было расстреляно и замучено более 3000 советских граждан - женщин, детей и стариков. Трупы советских граждан были замурованы в туннеле карьеров Алебастрового завода. Комиссия установила:

«В двух километрах к востоку от города Артемовска в туннеле карьеров Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой овальной пещерой. Вся пещера завалена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все трупы тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры. Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел».

...На северной окраине города Краматорска на старом глиняно-меловом карьере были произведены раскопки 3 ям.

«При снятии верхних слоев породы на глубине от 20 сантиметров до одного метра, - говорится в акте комиссии, - обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами лицом вниз. Из этих 3 ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских».

В километре от города Сталино немецко-фашистские мерзавцы замучили и расстреляли десятки тысяч мирных советских граждан и сбросили их в ствол Калиновской шахты 4-4 Бис. Чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений, гитлеровцы подорвали шахтный копер и завалили таким образом ствол шахты. Областная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов произвела раскопки и извлечение трупов.

В городе Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели.

...На территории лагеря при клубе им. Ленина и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских граждан. Истребление советских людей и издевательства над ними производились по указанию и при непосредственном участии начальника лагеря немецкого офицера Гафбеля.

...Комиссия установила, «что в 25 могилах на территории военного городка Артемовска похоронено до 3000 трупов советских граждан, содержавшихся в лагере, расположенном на территории военного городка».

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 67.

7. О злодеяниях немцев на территории Львовской области

«Ворвавшись в город Львов 30 июня 1941 г., немецкие захватчики объявили Львовскую область «дистриктом Галиции» и ввели в ней так называемый «новый порядок» безудержного грабежа, насилий, пыток, массовых расстрелов и убийств мирного населения.

Убийства советских граждан совершались не случайными бандитскими группами немецких офицеров и солдат, а преднамеренно - немецкими воинскими соединениями, полицией и СС, организованно, по заранее разработанным планам германского правительства. Для массового

истребления советских людей был создан особый аппарат и организована целая сеть лагерей для уничтожения людей.

Чтобы унизить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их... В июле 1941 года эсэсовцы привели 20 человек, среди них - 4 профессора, адвокаты, врачи. Среди приведенных было 5-6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в семи подъездах 4-этажного дома. После того как все лестницы были вымыты, этих же людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора...

Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

«Я лично видел, - сообщил комиссии бывший заключенный лагеря Аш, - как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин зимой замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания».

По показаниям многочисленных свидетелей - советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключенным животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени». Комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз ради спорта и для удовольствия жены и дочери систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключенных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей 9-летней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2-4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще!» - и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор. Свидетельница Киршнер Р.С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице 10-летнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожимали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждое 1-е и 15-е число проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более 2 недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрелы немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставили руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунта. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

В Яновском лагере фашисты расстреляли более 200 тысяч мирных советских людей. Бывший заключенный этого лагеря Мандель показал: «За два месяца моего пребывания в лагере немцы убили до 60 тысяч заключенных, и в том числе 8 тысяч детей».

В июле 1941 года немецкое военное командование создало в центре города Львова на территории крепости, именуемой «Цитадель», концентрационный лагерь для военнопленных. Под угрозой расстрела немцы заставляли заключенных работать с утра до поздней ночи. Помещения лагеря не отапливались. Заключенные десятками тысяч умирали от голода, побоев, болезней и расстреливались.

На основе свидетельских показаний установлено, что в лагере «Цитадель» за время его существования содержалось более 280 тысяч военнопленных, из которых от голода, болезней, истязаний и расстрелов погибло свыше 140 тысяч человек.

При осмотре лагеря «Цитадель» комиссия обнаружила в камерах надписи замученных военнопленных:

«Здесь умирали с голоду русские пленные тысячами. 22 января 1944 года».

«Доблестная русская армия, вас ждут с нетерпением не только народы, но и военнопленные, которые обречены на голодную смерть. Как тяжело умирать».

Массовые расстрелы мирного населения и военнопленных немцы производили также и в Лисеницком лесу, находящемся на окраине Львова по направлению к Тернополю. В этот лес немцы ежедневно пригоняли и привозили на автомашинах большие партии советских военнопленных из лагеря «Цитадель», заключенных из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных советских людей, задержанных на площадях и улицах города Львова во время многочисленных облав.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав место расстрелов советских военнопленных, обнаружила на поверхности земли и в разных ямах пепел и уцелевшие кости человеческих скелетов, искусственные зубы, предметы личного обихода, человеческие волосы. «Остатки мозгового вещества, волосы, предметы личного обихода и резкий трупный запах в ямах свидетельствуют о том, что в них первоначально продолжительное время были зарыты трупы, которые потом были вырыты и сожжены».

На основании расследования установлено, что немцы расстреляли в Лисеницком лесу свыше 200 тысяч человек...

За время существования гетто с 7 сентября 1941 г. по 6 июня 1943 г. немцы истребили свыше 130 тысяч человек, часть из них была расстреляна в самом гетто, часть - в Яновском лагере, остальных немцы отправили для уничтожения в лагерь смерти в Бельзец (Польша).

Немцы производили массовое уничтожение советских людей и в других городах Львовской области. В городе Рава-Русская немцы организовали лагерь военнопленных. С июня 1941 по апрель 1942 г. в этом лагере находилось свыше 18 тысяч советских военнопленных. Все они к концу этого периода были уничтожены...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 74-76.

8. О разрушениях, грабежах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в городе Ровно и Ровенской области

Осуществляя свой чудовищный план истребления мирного советского населения, гитлеровские палачи в Ровно беспощадно и систематически уничтожали мирных советских граждан. Ровенская тюрьма постоянно была переполнена обреченными на смерть. Это подтверждается показаниями многочисленных свидетелей и документальными данными...

Работавший в немецком хозяйстве, расположенном недалеко от улицы Белой, Я. Карпук рассказал: «Я не раз видел, как гитлеровцы уничтожали советских граждан - украинцев, русских, поляков, евреев. Происходило это обычно так: немецкие палачи привозили к месту расправы обреченных, заставляли их копать яму, приказывали раздеваться донага и ложиться в яму лицом вниз. По лежащим гитлеровцы стреляли из автоматов в затылок. Потом на трупы расстрелянных таким же образом клали второй слой людей и умерщвляли их, затем третий - до тех пор, пока яма не наполнялась. После этого трупы обливались раствором хлорной извести и засыпались землей».

Гражданка села Выдумка А. Морозовская показала: «Из своего дома я видела, как немцы расстреливали советских людей в карьерах у нашего села. В июне 1943 года к этим карьерам подъехали 4 машины, из которых гитлеровцы стали выводить мужчин и женщин, одетых в одно нижнее белье. Вскоре послышалась стрельба.

Когда машины уехали, я пошла в карьер, и перед моими глазами раскрылась ужасная картина: трупы людей, слегка засыпанные землей, и всюду лужи крови. В июле 1943 года в карьеры прибыли 10 машин, наполненных советскими гражданами. Раздалась автоматная стрельба, крики и стоны, а немного позже, к вечеру, в карьерах запылал костер и в воздухе запахло горелым мясом. Трупы горели два дня. Подобные зверства немцев я видела в сентябре и октябре 1943 года и в январе 1944 года».

Таких показаний имеется очень много. Зверства гитлеровцев подтверждаются и многочисленными показаниями попавших в руки Красной Армии германских военнослужащих. Так, например, военнопленный Франц Ярбот показал: «В середине ноября 1943 года я в числе 30 солдат из 68-го резервного саперного батальона прибыл в Ровно. На восточной окраине города мы занялись созданием обороны. Этим были заняты также около 300 мужчин и женщин - жителей Ровенской и Львовской областей, преимущественно украинцы и поляки. Для них был создан каторжный режим труда. Их морили голодом, за невыполнение норм били. 15 декабря утром мы явились на работу и не застали ни одного из этих людей. Мы стали спрашивать солдат из охранного батальона, куда девались рабочие, на что получили следующий ответ: «Уничтожены сегодня ночью при помощи газового автомобиля».

Солдат 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка 8-й кавалерийской дивизии СС Адольф Матцке сообщил: «Наш эскадрон принимал участие в расстрелах мирных жителей местечка Колки. Я сам участвовал в расстреле троих граждан. Затем мы сожгли часть местечка. При отступлении, когда мы переправлялись через реку Стырь, мы сожгли первую деревню за рекой. В этой деревне наш 2-й взвод, которым командует унтерштурмфюрер Корн, расстрелял 25 человек. Я лично расстрелял двух человек. Среди расстрелянных были также женщины... Расстрелы производились по приказам командира полка штандартенфюрера Цехендера».

Немецко-фашистские захватчики беспощадно уничтожали попавших в их руки офицеров и бойцов Красной Армии, содержавшихся в трех ровенских лагерях, где для военнопленных были созданы невыносимые условия существования.

Ксендз города Ровно Феликс Савицкий, лично наблюдавший то, что происходило в этих лагерях, рассказал: «В результате невероятных условий в лагерях и систематического голодания среди военнопленных была высокая смертность. Тысячи людей гибли от сыпного тифа и других эпидемических заболеваний. Но большинство погибало от штыка и приклада, от пули и пыток немецко-фашистских мерзавцев. Почти ежедневно из лагерей выезжали машины, до отказа нагруженные трупами пленных. Многих закапывали живыми»...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 78-79.

9. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске

«Выполняя приказ Гитлера, фашистские мерзавцы истязали, грабили и убивали всех тех, кто им попадался под руку. В Минске и его окрестностях они создали для истребления советских людей целую систему концентрационных лагерей.

От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях. Редко кому удавалось выбраться живым из минского лагеря, находившегося на Широкой улице. «За время моего пребывания в лагере на Широкой улице с 21 августа 1943 г. по 30 июня 1944 г., - сообщил комиссии Мойсиевич Л.А., - немецкие палачи уничтожили около 10 тысяч советских людей. Они убивали стариков, женщин, подростков, не щадили беременных и женщин-матерей с новорожденными. Я был очевидцем того, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении. Я видел, как в «душегубку» были посажены содержавшиеся в лагере жители города Минска профессора Клумов и Анисимов».

Показания Мойсиевича подтвердил также другой свидетель, содержавшийся в лагере на Широкой улице, Беляев Г. И. «Мне известно, - сообщил он, - что много людей было уничтожено в специальной автомашине - «душегубке». Я неоднократно присутствовал во время промывки такой машины и видел, что кузов ее обит оцинкованным железом, двери закрываются плотно, от выхлопной трубы мотора в кузов проведена труба, через которую поступают отработанные газы, на полу положена деревянная решетка. 3-4 раза в день в «душегубке» увозили заключенных из лагеря. С 17 по 26 февраля 1943 г. гитлеровцы вывезли в «душегубке» 3000 советских граждан, доставленных из города Полоцка. Мне известно также, что немецкие палачи - комендант лагеря Вакс и его помощники - вешали и расстреливали людей в самом лагере».

Для массового истребления людей гитлеровские изверги использовали также обычные бани, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 г. таким способом они уничтожили 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки. Служащие этой больницы Колоницкая Е.К. и Науменко В.И. сообщили комиссии: «Фашисты загоняли больных в баню, запирали их там, а затем через специальные отверстия в двери, по шлангам, соединенным с автомашинами, пускали газы. Через несколько минут они вытаскивали оттуда умерших и загоняли новую партию больных».

В специальном лагере-гетто, находившемся в западной части города Минска, немцы содержали до 100 тысяч евреев. Заключенных травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь.

В 10 километрах от Минска в деревне Малый Тростинец немецко-фашистские захватчики организовали концентрационный лагерь немецкой тайной полиции, в котором содержались

обреченные на смерть мирные граждане. В урочище Благовщина, расположенном в 1,5 километра от лагеря, они расстреливали заключенных в лагере и трупы закапывали в траншеях. Осенью 1943 г. с тем, чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали сжигать их. Житель деревни Тростинец Головач П.Н. видел, что «в лесу Благовщина немецкие палачи убивали мужчин, женщин, стариков и детей; видел, как трупы убитых они складывали в заранее приготовленные траншеи... утрамбовывали их гусеничным трактором, затем снова клали слой убитых и опять утрамбовывали».

При осмотре сарая в деревне Малый Тростинец, сожженного немцами, следственная комиссия обнаружила огромное количество пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабеле бревен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей. Вблизи пожарища найдены вещи личного пользования.

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысячи человек.

В 5 километрах от города, у железной дороги Минск - Молодечно, вблизи деревни Глинище, следственная комиссия обнаружила 197 могил расстрелянных немцами советских людей. Трупы в могилах свалены в беспорядке, без верхней одежды, голые или в нижнем белье. Здесь были похоронены советские военнопленные, содержавшиеся в лагере «Шталаг №352», истребленные охраной лагеря во главе с немецким комендантом капитаном Липпом.

Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие на некоторых трупах повреждений черепа и головного мозга, нанесенных тупым твердым предметом со значительной силой. В двух случаях обнаружено размятие грудной клетки с обширными прижизненными повреждениями позвонков и множественными переломами ребер. На кладбище вблизи деревни Глинище похоронено около 80 тысяч советских военнопленных.

В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине 3 метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов. Среди пепла найдены остатки обгоревших и обуглившихся костей, пучки волос, мелкие металлические вещи, обгоревшая женская и детская обувь. Следствием установлено, что на бывшем хуторе Петрашкевичи немцы сожгли до 25 тысяч расстрелянных мирных жителей города Минска.

На 9-м километре по автомагистрали Минск - Москва в урочище Уручье обнаружены 10 ям-могил. Из них: 8 могил размером 21 на 5 метров, одна - 35 на 6 метров и другая - 20 на 6 метров, все ямы глубиной от 3 до 5 метров. В могилах комиссией обнаружены три продольных ряда трупов в семь слоев каждый. Все трупы лежали вниз лицом, многие одеты в красноармейскую форму частей танковых войск. В карманах одежды некоторых трупов найдены документы, часы, советские деньги и различные предметы личного пользования. Преобладающий возраст погибших - от 20 до 30 лет. В могилах обнаружено также несколько трупов женщин в гражданской одежде. У могил и в могилах найдено большое количество стреляных не-

мецких гильз.

При судебно-медицинском исследовании 120 эксгумированных в выборочном порядке трупов установлено, что причиной смерти советских людей почти во всех случаях были сквозные огнестрельные пулевые ранения головы, сопровождавшиеся значительными разрушениями костей свода и основания черепа. Все это указывает на расстрелы военнопленных из винтовок или карабинов на близком расстоянии, в упор. Общее количество расстрелянных и похороненных на территории урочища Уручье, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 30 тысяч человек.

Северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории поселка Дрозды, обнаружена траншея-канава - 400 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2,5 метра в глубину. При раскопках в нескольких местах траншеи на глубине 0,5 метра найдены остатки трупов (черепа, кости) и истлевшая одежда. Следствием установлено, что в этой траншее-канаве похоронены около 10 000 расстрелянных немцами советских граждан. Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены также и на Минском еврейском кладбище, в Тучинке на Кальварийском кладбище, в парке культуры и отдыха и других местах.

Следствием установлено, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских граждан, не считая сожженных в кремационной печи...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 82-84.

10. О преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской ССР

За время оккупации Литовской ССР гитлеровские мерзавцы установили режим кровавого террора. Стремясь подавить всякое сопротивление со стороны населения фашистской колонизаторской политике, немцы планомерно и методически истребляли советских людей, подвергали их всевозможным издевательствам, пыткам и насилиям. По далеко не полным данным, они истребили в концентрационных лагерях на территории Литвы 165 тысяч военнопленных, расстреляли, сожгли и замучили свыше 300 тысяч человек мирного населения.

Сразу же после захвата столицы Литовской ССР - Вильнюса немецкие оккупанты начали массовое истребление его населения. В местечке Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса, был организован специальный лагерь. Массовые убийства в этом лагере начались с июля 1941 года и продолжались до июля 1944 года.

«Начиная с июля 1941 года, - сообщил свидетель Сенюц Станислав Степанович, проживающий на станции Панеряй, - в этот лагерь ежедневно пригонялись и расстреливались группы в несколько сот человек. Когда привозили людей на машинах, я уже издали слышал их громкие крики. Расстрелы совершались почти ежедневно, с утра и до вечера, и продолжались до самого освобождения города Вильнюса Красной Армией».

«В декабре 1943 года, - сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, - нас заставили выкапывать и сжигать трупы. Вначале клали дрова, затем трупы в ряд по сто человек, обливали их горючей жидкостью и опять накладывали трупы. Таким образом на каждый костер мы укладывали около 3000 трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21 179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

В последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком. По документам, обнаруженным в одежде убитых, и на основании свидетельских показаний установлено, что среди погибших были ученые и рабочие, инженеры и студенты, ксендзы и православные священники - жители не только Вильнюса, но и других городов, местечек и деревень Литовской ССР.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряе не менее 100 тысяч человек.

Форт №9 жители Каунаса назвали «Фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт №9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше пяти гектаров, у западной стены форта. В течение июля-августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт №9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сожжение.

Только за два дня в ноябре 1941 года в форте №9 было расстреляно 7 тысяч мирных советских граждан, а за два дня в декабре 1941 года - около 22 тысяч человек...

К октябрю 1943 года все рвы западнее форта №9 были заполнены трупами расстрелянных. В каждом из таких рвов находилось от 3 до 4 тысяч трупов. Всего здесь гитлеровцы уничтожили до октября 1943 года свыше 50 тысяч человек, из которых больше 40 тысяч - советских граждан и около 10 тысяч - иностранцев...

На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (бывший лагерь №133 для советских военнопленных) с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек.

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей...

В урочище Лысая Гора немцы расстреляли 10 тысяч человек.

В сентябре 1941 года в местечке Эйшишкис были расстреляны из пулемета 800 человек. В городе Пренай немецкие палачи во главе с комендантом города капитаном войск СС Рейнартом замучили и убили свыше 3000 граждан. В предместье города Каунаса - Вильямполе немцы сожгли около 8000 советских граждан. 3 июня 1944 года в деревню Перчюпе Тракайского уезда ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей - в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни - 119 человек, из них: 21 мужчина, 29 женщин и 69 детей.

Зверское массовое истребление мирных жителей немецкие оккупанты произвели в районе города Мариамполь, где было уничтожено 7700 человек. В местечке Сейрияй Алитусского уезда было расстреляно немцами 1900 человек, в Пильвишкяе было расстреляно свыше тыся-

чи жителей. В Шауляйском уезде, по неполным данным, было уничтожено 3830 человек. В городах Тракай, Паневежис, Укмерге, Кедайняй и Биржай немцы истребили 37 640 человек мирного населения.

В Каунасе в форте №6 находился лагерь №336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах», подписанным комендантом лагеря №336 полковником Эргардтом.

... Комиссия установила преднамеренное систематическое массовое истребление в лагере Науион советских военнопленных путем голодного режима, изнурительного непосильного труда, истязаний и расстрелов. Общее число жертв, истребленных гитлеровцами в этом лагере, составляет свыше 60 тысяч человек.

В пяти километрах от станции Безданы Неменчинской волости Вильнюсского уезда также был организован лагерь для советских военнопленных. Общее количество погибших здесь военнопленных, согласно документам и показаниям свидетелей, достигает 25 тысяч человек.

Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 86-88.

11. О преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской ССР

На основании данных расследования и многочисленных показаний свидетелей Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что немецкие захватчики преднамеренно истребили свыше 250 тысяч мирных жителей, 327 тысяч советских военнопленных.

Немецкие изверги не щадили никого. Они убивали мужчин и женщин, здоровых и больных, детей и стариков. В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2000 детей, отобранных от родителей, и в Саласпилсском лагере - более 3000 детей. В Первой и Второй рижских психиатрических больницах они убили всех душевнобольных.

Как показал врач Второй психиатрической больницы Херманис Салтупс, немцы вывезли из больницы 29 января 1942 г. свыше 350 душевнобольных и истребили их. Врач Первой психиатрической больницы Дрикитис В.И. показала: «14 апреля 1942 г. в больницу прибыли эсэсовцы и увезли более 200 больных. По указанию администрации, на историях болезни я сделала отметки: «Эвакуированы СС полицией». В октябре 1942 года немцы вывезли еще около 100 душевнобольных». Все душевнобольные были расстреляны немцами в Бикернекском лесу...

22 августа 1941 г. в местечке Аглонь были расстреляны душевнобольные из Даугавпилсской психиатрической больницы - около 700 взрослых и 60 детей, в том числе 20 здоровых детей, на время переведенных в помещения больницы из детского дома... В Саласпилсском лагере немцы замучили более 56 тысяч мирных граждан. Жителей города Риги и его окрестностей немцы истребляли также в Бикернекском лесу, Дрейлинском лесу и Румбульском лесу.

В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств: у многих на лицах кровоподтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5-7 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных.

В Даугавпилсе (Двинске) немцы ежедневно расстреливали сотни советских людей, заключенных в тюрьмы и лагеря. На территории «Золотая Горка», между деревней Погулянка и дачей Будревича, возле тюрьмы немцы расстреляли свыше 40 тысяч мужчин, женщин и детей.

С первых же дней оккупации немцы приступили к кровавой расправе с еврейским населением Латвийской республики. Евреев истязали, подвергали издевательствам и пыткам, расстреливали в тюрьмах, на улицах городов, в собственных квартирах... Немцы загоняли евреев в синагоги, наглухо запирали все выходы и затем сжигали здания вместе с людьми. Так были сожжены вместе с 2000 евреев синагоги на Столбовой и Гоголевской улицах, на Старом еврейском кладбище и в Югеке.

В октябре 1941 г. в Риге было организовано гетто, куда гитлеровцы загнали 35 тысяч евреев.

В ноябре 1941 г. немцы отобрали в гетто 4500 работоспособных мужчин и 300 женщин, а остальных 30 ноября и 8 декабря 1941 г. расстреляли.

В Даугавпилсском гетто немецкие палачи организовали пять массовых расстрелов евреев. Последний массовый расстрел был произведен 1 и 2 мая 1942 г. Из 30 тысяч в гетто осталось только 400 человек, которые были переведены в крепость.

Все, что творили немецко-фашистские изверги, не поддается описанию. Людей избивали и живыми бросали в яму. Детей разрывали пополам на глазах матерей. Трудно описать трагедию мая 1942 г. Гетто представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь убитых людей. 30 человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе гетто...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 89-91.

12. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской ССР

«...Согласно ежемесячным отчетам главного врача лагерей оберштурмфюрера СС фон Бодмана, на 1 февраля 1944 г. в Эстонии было более 20 лагерей. Только в четырех лагерях - Эреда-Асундус, Кивиэли, Варвара и Клога - в феврале 1944 г. содержалось более 6000 заключенных.

Заключенным советским гражданам в лагерях присваивали номера и лишали фамилий, их избивали нагайками, железными палками, использовали на непосильной работе. Руководила работами организация «Тодт». Рабочий день длился 16-18 часов. За невыполнение норм заключенных лишали пищи, жестоко избивали и расстреливали. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, немцы сжигали трупы убитых на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы поспешно ликвидировали концентрационные лагеря, причем большую часть заключенных расстреляли.

Немецкий доктор Бодман... систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И.М. показал: «В феврале 1944 г. в лагере Клога родилось двое детей, оба эти ребенка живыми были брошены в топку кочегарки и сожжены. Я сам видел, как сжигали детей. В мае 1944 г. в лагере родился третий ребенок, его сразу же удушил унтершарфюрер Бар».

19 сентября 1944 г. немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря

Шварце и начальник канцелярии гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров, а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы - из полицейских команд СД - силой оружия заставляли заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 г. было уничтожено около 2000 человек.

В августе 1944 г. в районе Таллинского лесного кладбища немцы расстреливали мирных граждан, которых привозили на автомашинах по 25-30 человек. Трупы расстрелянных они также сжигали на кострах. Местному населению категорически запрещалось приближаться к этому месту под предлогом того, что здесь производятся опыты «с новой военной техникой». С 8 августа по 19 сентября 1944 г. на Таллинском лесном кладбище было расстреляно и сожжено более тысячи человек.

Одним из мест массового уничтожения людей немцы избрали лощину между холмами в Калеви-Лийва, расположенную в пяти километрах от деревни Кабернеме, в волости Кусалу, уезд Харьюма. В 1942 г. немцы объявили местному населению, что в районе этих холмов производятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается.

В июле 1942 г. двумя железнодорожными эшелонами на станцию Расику гитлеровцы доставили 3000 человек, затем автобусами перевезли их к холмам Калеви-Лийва и там расстреляли. В дальнейшем на протяжении 1943 и 1944 гг. к этим холмам на автобусах гитлеровцы привозили новые группы мирных граждан и расстреливали их.

Следствием установлено, что в районе холмов Калеви-Лийва фашисты уничтожили около 5000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы в начале 1944 г. начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости размельчать и вместе с пеплом зарывать в землю или разбрасывать по полям.

На сланцевых разработках, в рабочем поселке Киви-эли уезда Вирума, немцы создали три концлагеря. В этих лагерях содержалось до 9000 заключенных мирных граждан. За невыполнение норм заключенных избивали резиновыми шлангами, лишали пищи на 5-6 дней, бросали в колодцы шахт, наполненные водой. За малейшую провинность заключенных расстреливали.

Специальная комиссия установила, что за три года в Нарве гитлеровцы уничтожили около 30 тысяч мирных граждан и советских военнопленных, 8000 советских людей они уничтожили в лагерях уезда Вирума: Куремяэ, Вивиконна, Аувере, Иыхви, Кохтла-Ярве, Кукрусе, Перм, Гольфильдс, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда...»

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. - М., 1983. - С. 91-92.

Приложение II

ИЗЖИВАЯ НЕНАВИСТЬ: СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЯХ РЕЙХА

Настал день - солдаты Красной Армии вступили на землю Рейха.

Они прошли по обугленной, практически мертвой земле.

Все эти годы они дрались и выживали с одной мыслью - отомстить за погибших друзей, за обесчещенных жен, за детей, лишенных детства, за мечты, которые не сбылись, за надежды, которые были втоптаны в грязь немецкими сапогами.

Убить фашистского зверя в его собственном логове.

За годы войны слова «враги» и «немцы» стали синонимами; они - проклятое семя: людоеды, поджигатели, палачи, человеконенавистники, бешеные волки; фрицы - их самцы - ободранные шакалы; гретхен - их самки - облезшие гиены, а Германия - «гитлерия», где организовано серийное производство убийц. Эта страна с извращенной моралью узнает всю меру горя.

Это племя дикарей, которое нужно ненавидеть.

Это позор истории человечества, который необходимо уничтожить.

Такова была твердая уверенность красноармейцев.

Уверенность, для которой они имели все основания.

* * *

Ненависть к фашистам не возникла в одночасье. В начале войны в бойцах Красной Армии жило уважение к немцам - частное проявление извечного русского преклонения перед европейской культурой. Воспитанные в традициях советского интернационализма, красноармейцы рассчитывали на классовую солидарность. «Нельзя только и делать, что палить по дороге... Нужно подпустить немцев поближе, попытаться объяснить им, что пора образумиться, восстать против Гитлера, и мы им в этом поможем», - говорили летом 1941 года[1].

Однако вскоре подобным иллюзиям был положен конец. Уже в первые месяцы войны стало понятно, что нацистские войска ведут войну на истребление советского народа - отбросив все божеские и человеческие законы, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни малолетних детей, ни стариков. И тогда на смену классовой солидарности пришла ненависть.

Вдохновенным певцом этой ненависти стал писатель Илья Эренбург; его военные статьи и сегодня нельзя читать без волнения. «Мы ничего не забудем, - писал Эренбург. - Мы идем по Померании, а перед нашими глазами разоренная, окровавленная Белоруссия. Мы и до Берлина донесем неотвязный запах гари, которым пропитались наши шинели в Смоленске и в Орле. Перед Кенигсбергом, перед Бреслау, перед Шнейдемюлле мы видим развалины Воронежа и Сталинграда. Мы много говорили о прорыве ленинградской блокады. Думали мы при этом о самой блокаде, о наших детях, о погибших детях, которые, умирая, молили мать: крошку хлеба! Солдаты, которые сейчас штурмуют немецкие города, не забудут, как матери на салазках тащили своих мертвых детей. За мужество Ленинграда Ленинград уже вознагражден. За муки

1 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 300.

Ленинграда Берлин еще ответит. ...Теперь он скоро ответит - за все. Он ответит за немца, который порол беременных женщин в Буденовке. Он ответит за немца, который подбрасывал детей и стрелял в них, хмыкая: «Новый вид спорта...» Он ответит за немца, который жег русских женщин в Ленинградской области и хвастал: «Эти русские горят, как будто они не из мяса, а из соломы». Он ответит за немца, который закапывал старых евреев живьем, так, чтобы головы торчали из-под земли, и писал: «Это очень красивые клумбы». Берлин ответит за все. И Берлин теперь не за горами»[1].

...Красноармейцы шли по улицам германских городов и деревень. Все было чужим, ненавистным: аккуратные каменные дома, цветные мостовые, богатые квартиры с пылесосами и стиральными машинами[2]. А за спиной у советских солдат была выжженная выходцами из этих вот чистых городков родная земля, где пепелища встречались чаще, чем жилые дома, а мертвых было больше, чем живых. Неудивительно, что окружающее благополучие вызывало ненависть, боль и обиду. «Войны-то у них еще не было! У них все сохранилось! - много десятилетий спустя кричал воевавший в Австрии офицер-десантник Василий Тюхтяев. - А у нас - война все взяла! Надо же представить положение нашей армии, нашего народа. Представляете: территории до Москвы, Украина, Белоруссия были заняты. До Волги дошли! Все это было разорено! Все это было нарушено! И как - прошли мы по этой территории, освободили: надо все было восстанавливать! А у них что же: они воевали, на их территории войны еще не было!»[3]

Не в силах сдержаться, солдаты крушили дома и мебель. Василий Тюхтяев вспоминал: «В один населенный пункт мы вошли на танке. Со мной был покойный Вася Напасников. Мы - десантники. У нас были кинжалы, ножи десантные. Он финку вытащил и в доме стал резать, рубить пианино! Я говорю: «Что ты?!» - «Вот у меня уничтожили, вот семья у меня погибла, а тут - пианино и шкаф хороший!» Вот такое вот было!»[4]

В городишке Растенбурге в Восточной Пруссии красноармеец яростно колол штыком манекен из папье-маше, стоявший в витрине разгромленного магазина. «Кукла кокетливо улыбалась, а он колол, колол. Я сказал: «Брось! Немцы смотрят...» Он ответил: «Гады! Жену замучили...» - он был белорусом»[5].

В целом настроения советских солдат можно понять по одной-единственной записи из дневника медсестры Веры Вяткиной: «Как теперь трудно воевать. Все чужое, враждебное, все подстерегает. Если бы ненависть убивала, то ее бы у каждого из нас хватило бы на тысячи этих зверей»[6].

Население Рейха не имело исчерпывающих сведений о том, что в течение долгих трех лет творили войска вермахта и СС на советской земле. Однако и то немногое, что было известно, не позволяло надеяться на пощаду. Этот момент четко осознавался очень многими. В дневнике одного немецкого парня есть характерная запись. «В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхтальского вокзала. С нами в поезде было много женщин - беженцев из занятых русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Ничего больше. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняли людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал,

---

1 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 711-712.
2 ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА. Л. 154, 215, 251, 308, 407.
3 Там же. Л. 517.
4 Там же.
5 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 453.
6 Я это видел. С. 167.

перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил четыре танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать, - кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. - Даже если вы не хотите слушать! Прекратите нытье! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие - русские, поляки, французы, чехи и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»[1].

Этот крик отчаяния - «мы не должны проиграть войну» - был прекрасно понятен каждому немцу. Министерство пропаганды Геббельса делало все, чтобы внушить населению Рейха: сдаваться нельзя. С театральных афиш в городах смотрели плакаты, на которых бородатый звероподобный русский мужик с автоматом за спиной рвал на куски немецкого младенца[2], страна была завалена книгами, повествующими о зверствах восточных недочеловеков[3].

В ход пошли и пропагандистские штампы прошлого века: ведомство Геббельса напоминало, что Германии, как и встарь, угрожают дикие и жестокие казаки. Псевдоисторические теории, согласно которым казаки - потомки готов и практически арийцы, были благополучно забыты. Теперь казаки изображались как худшие из недочеловеков, настоящие исчадия ада. «Казаки! Казаки! Казаки!» - геббельсовская пропаганда была, что у нас и рога тут и черт его знает!» - вспоминал много позже рядовой гвардейского кавалерийского полка Иван Мельников[4]. И вообще, напоминали пропагандисты, русских в Красной Армии уже почти нет: на Запад, как сотни лет назад, идут орды калмыков и китайцев, которые зальют кровью всю Европу, будут убивать и насиловать. «Если вы попадете к ним - живы не будете»[5].

«Большевистские планы ненависти и уничтожения в отношении Германии известны с давних пор, - писала газета «Дер Зиг». - Задолго до этой войны кремлевские евреи выработали свои планы нападения на национал-социалистическую Германию и на всех немцев. Большевистская агитационная машина вбила планомерно в мозги и сердца своей солдатчины то, что тогда уже было подготовлено с садистским предвкушением удовольствия еврейскими мозгами. Кровожадность, жажда мести, похотливость - вот движущие пружины, при помощи которых направляют против нас солдат советской армии и ускоряют их марш по немецкой земле.

Еврей Эренбург обострил все низменные инстинкты в такой мере, как это только возможно у этой расы. Отвратительные безобразия, совершенные советскими армейцами во многих городах и деревнях немецкого востока, так ужасны, что можно только с содроганием констатировать, насколько еврейский дух может убить все человеческие чувства»[6].

Нацистские пропагандисты приписывали советским солдатам и советскому командованию тот образ мысли, который был характерен для солдат и генералов нацистского вермахта; казалось логичным, что разгневанные русские сделают с немецким народом то же, что так упорно хотели сделать с ними, - уничтожат до последнего человека.

Наиболее четко эта позиция была сформулирована в последнем обращении фюрера герман-

---

1 Война Германии против Советского Союза. С. 255.

2 ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА. Л. 19.

3 Там же. Л. 463.

4 Там же. Л. 244.

5 Там же. Л. 48, 167, 166. Например, передовица Vülkscher Beobachter за 10.04.1945 гласила: «Die bolschewichtich Orden gehen nach Wien».

6 *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Крах III рейха. - М.: АСТ, 2000. - С. 68-69.

ской нации. «Солдаты на Восточном фронте! - призывал Гитлер. - В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на Восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована, прежде всего, немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь»[1].

Солдаты Восточного фронта действительно *знали:* все это они сами делали на оккупированных советских землях. Убивали детей и стариков, загоняли в армейские бордели женщин, вспарывали изнасилованным девушкам животы. Именно поэтому слова фюрера и пропаганда ведомства Геббельса звучали более чем убедительно.

От такого ужаса немцы пытались бежать куда подальше, бросая свои дома. Когда солдаты Красной Армии вступали в очередной германский городок, его улицы поначалу казались вымершими. Те, кто не успел убежать, затаились, ожидая неминуемой смерти.

Немцы ожидали нашествия варваров; советские солдаты шли в логово зверя.

Казалось, что земли Рейха вот-вот захлебнутся в крови.

* * *

Сегодня, размышляя над событиями шестидесятилетней давности, нельзя отделаться от впечатления, что весной 1945 года произошло чудо. Несмотря на пропагандистские вопли сегодняшних ревизионистов, несомненным остается один факт: немцы не испытали и сотой доли того ужаса, который их солдаты устроили на Востоке. Несмотря на отдельные эксцессы, жестко пресекавшиеся командованием, в целом Красная Армия относилась к населению Рейха на удивление лояльно. Советский солдат со спасенной немецкой девчушкой в Трептов-парке - не пропагандистское преувеличение; это запечатленная в камне правда.

«Мы бились за каждый коридор, за каждую комнату, - вспоминал участвовавший в штурме Берлина И.Д. Перфильев. - Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверху, на этажах, мне и еще нескольким солдатам из нашего батальона пришлось в кромешной тьме, почти вплавь, вытаскивать немецких детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей...»[2]

Для того чтобы понять, как подобное могло случиться, как люди, долгие годы жившие ненавистью, удержались от мести, следует возвратиться в начало сорок пятого, когда советские войска только-только вступили на вражескую землю.

В воспоминаниях старшего сержанта артиллерии Всеволода Олимпиева есть интересный эпизод. «Хмурым февральским утром полк пересекал границу Рейха. Стоявший на обочине шоссе генерал, командир кавалерийской дивизии, приветствовал проходящую колонну и призывал отомстить за наши разрушенные города и села, за страдания народа. Мы уже три года готовились мстить фашистам. Теперь возник вопрос: конкретно кому и как?»[3]

Вопрос этот и впрямь не мог не волновать советских солдат. Пока война шла на собствен-

---

1 Там же. С. 50.

2 *Сенявская Е.С.* «Дыхание Победы»: Настроение Красной Армии весной 1945 года // Великая Отечественная война, 1941-1945 гг.: Опыт изучения и преподавания. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. - С. 191

3 Электронный ресурс «Я помню» (www.iremember.ru, далее - **IR**). Интервью Олимпиева В.И.

ной территории, все было понятно: любой немец - неважно, одетый в фельдграу или гражданское, - был безусловным врагом. Но вот, наконец, под ногами ненавистная германская земля. Кому мстить? Всем подряд? Только некоторым?

«Ненависть была живой, не успевшей притихнуть. Бог ты мой, если бы перед нами оказались Гитлер или Гиммлер, министры, гестаповцы, палачи! - писал в послевоенных воспоминаниях Илья Эренбург. - Но на дорогах жалобно скрипели телеги, метались без толку старые немки, плакали дети, потерявшие матерей, и в сердце подымалась жалость. Я помнил, конечно, что немцы не жалели наших, все помнил - но одно дело фашизм, Рейх, Германия, другое - старик в нелепой тирольской шляпе с перышком, который бежит по развороченной улице и машет клочком простыни»[1].

Вместо привычно-ненавистного солдата вермахта или эсэсовца, вместо абстрактного «фрица» советские солдаты видели обычных людей. Чужих, порою непонятных, но - людей.

«Я помню, в Пруссии, в одном городке, со мной произошел такой случай. Я подъезжаю на своей летучке к какому-то дому, чтобы заправиться водой. У входа в подвал стоит часовой. Из подвала доносятся какие-то голоса. Я у часового спрашиваю: «Кто там такие?» - «Да фрицы. Не успели сбежать. Семьи там. Бабы, мужики, дети. Мы их всех сюда заперли». - «Для чего они тут содержатся?» - «А кто знает, кто они такие, разбредутся, потом ищи. Хочешь, пойди посмотри». Я спускаюсь в подвал. Сначала темно, ничего не вижу. Когда глаза немного привыкли, увидел, что в огромном помещении сидят эти немцы, гул идет, детишки плачут. Увидев меня, все затихли и с ужасом смотрят - пришел большевистский зверь, сейчас он будет насиловать, стрелять, убивать. Я чувствую, что обстановка напряженная, обращаясь к ним по-немецки, сказал пару фраз. Как они обрадовались! Потянулись ко мне, часы какие-то протягивают, подарки. Думаю: «Несчастные люди, до чего вы себя довели. Гордая немецкая нация, которая говорила о своем превосходстве, а тут вдруг такое раболепство». Появилось смешанное чувство жалости и неприязни»[2].

Это воспоминание младший лейтенант Петр Кириченко пронес через всю жизнь. Побежденные немцы вызывали уже не ненависть, а жалость.

«Вопрос о мести фашистам как-то отпал сам собой, - подводит итог Всеволод Олимпиев. - Не в традициях нашего народа отыгрываться на женщинах и детях, стариках и старухах. А невооруженных немцев-мужчин, пригодных для службы в армии, мне не приходилось встречать ни в городах Силезии, ни позже, в апреле, в Саксонии. Отношение советских солдат к немецкому населению там, где оно оставалось, можно назвать равнодушно-нейтральным. Никто, по крайней мере из нашего полка, их не преследовал и не трогал. Более того, когда мы встречали явно голодную многодетную немецкую семью, то без лишних слов делились с ней едой»[3].

Понять - значит простить, гласит народная мудрость. Солдаты Красной Армии еще не были готовы прощать, но и мстить беззащитным людям не могли.

Разумеется, не все. Слишком многие за войну лишились всего: дома, жены и детей, родителей, друзей. И они, жившие только одной местью, не могли отказаться от нее в одночасье.

«Те, кто пострадал от немцев, у кого родные были расстреляны, угнаны, а их дома разрушены, они в первое время считали себя вправе и к немцам относиться так же: «Как?! Мой дом

---

1 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 453.

2 *Драбкин А.* Я дрался на Т-34: Сквозь пекло войны / Сопр. ст. А. Исаева, Г. Пернавского. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 175-176.

3 IR. Интервью Олимпиева В.И.

разрушили, родных убили! Я этих сволочей буду крошить!» - вспоминал Петр Кириченко[1].

Однако подобные настроения были жестко пресечены военным командованием. Ответ на вопрос «кому мстить?» советское руководство сформулировало еще в далеком феврале 1942 года. Тогда в праздничной речи, посвященной очередной годовщине РККА, Сталин заявил: «Иногда болтают в иностранной печати, что Красная Армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня и неумная клевета на Красную Армию. У Красной Армии нет и не может быть таких идиотских целей... Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское - остаются»[2].

Эти слова остались актуальными и три года спустя; как только Красная Армия вступила на вражью землю, был отдан приказ о строгом наказании за преступления против мирного населения. В сорок четвертом представителей комсомольских организаций армий вызвали в Москву, и «всесоюзный староста» Калинин предупредил: «Вести себя так нужно, чтобы сохранить, уберечь честь Советского Союза - первого государства рабочих и крестьян. Ведите себя культурно, вежливо с населением. Действительно покажите, что мы не захватчики»[3].

Кавалерист Николай Коваленко рассказывал:

«- И вот в это время, еще когда переходили границу, говорили: «Ну, тут мы будем делать все, что нам хочется!» Когда мы вступили, мы ж, я ж говорю, что мы, когда эту австрийскую границу переехали: «Тут мы будем делать, что хочешь!» Да, все наше, наше начальство: «Да тут! (машет кулаком) Да, да, будем!»

- И так и было?

- Нет, пресекли сразу. Сразу пресекли: ни в коем случае нельзя»[4].

Командование действовало решительно. «Вскоре после вступления в Восточную Пруссию нас ознакомили с приказом, осуждавшим насилие в отношении гражданского населения, особенно женщин, и мародерство. В приказе говорилось о строгих наказаниях (кажется, вплоть до расстрела), которым будут подвергнуты нарушители», - вспоминал гвардии лейтенант Исаак Кобылянский[5], а Анатолий Мужиков рассказывал: «На подступах к Берлину были спущены директивы и приказы вышестоящего командования войскам. В них было требование лояльно относиться к мирному немецкому населению, строго пресекались грабежи и изнасилования. Эти требования в войсках выполнялись»[6].

Предпринятые меры были столь круты, что и спустя полвека солдаты вспоминали о них не без страха. «Попробуй их чего-нибудь там возьми без спросу, - рассказывал танкист Владимир Даудов, - то хана! Страх!»[7]

Нарушителей не только расстреливали или отправляли в штрафные части; зная сформированное войной отношение к жизни, смерти и солдатской чести: «двум смертям не бывать, а одной не миновать», - военно-полевые суды выбирали самое тяжелое для оступившегося бойца наказание. Наказание, которое он запомнит на всю оставшуюся жизнь. Наказание, которое перечеркнет его славное прошлое.

«Ничего не помню, доченька, ничего», - повторял мне дед... Он дошел до Берлина. Воен-

1 *Драбкин А.* Я дрался на Т-34. С. 175-176.
2 *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне... С. 43.
3 ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА. Л. 507.
4 Там же. Л. 237-239.
5 IR. Интервью Кобылянского И.Г.
6 Там же. Интервью Мужикова А.Н.
7 ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА. Л. 223-224.

ный трибунал долго рассматривал его дело: разрядил обойму в пленного немца. Вину солдат признал, но с решением суда не согласился: «Лучше расстреляйте, только не забирайте награды!» Медали и ордена отняли. С тех пор о войне дед и «не помнит». 9 Мая закрывается дома и один поминает друзей. Награды ему возвратили, но он их не надевает. О войне не говорит никогда», - пишет Индира Квятковская, внучка ветерана войны[1].

Разумеется, кроме репрессий было и воспитание: на политзанятиях солдатам вполне доступно объясняли, почему не нужно трогать мирных жителей. «Подполковник Нефедов нас предупреждал: «В этой войне пролито много крови. Но мы вступаем на территорию Германии не для того, чтобы мстить немецкому народу, а чтобы уничтожить фашизм и его армию», - вспоминал Владимир Вишневский[2].

Со страниц армейских газет Илья Эренбург призвал к благородному милосердию:

«Есть люди, и есть людоеды. Немцы брали детей и ударяли ими об дерево. Для воина Красной Армии ребенок - это ребенок. Я видел, как русские солдаты спасали немецких детей, и мы не стыдимся этого, мы этим гордимся.

Немцы жгли избы с людьми, привязывали к конским хвостам старух, бесчинствовали, терзали беззащитных, насиловали. Нет, мы не будем платить им той же монетой! Наша ненависть - высокое чувство, она требует суда, а не расправы, кары, а не насилия. Воин Красной Армии - рыцарь. Он освобождает украинских девушек и французских пленных. Он освобождает поляков и сербов. Он убивает солдат Гитлера, но не глумится над немецкими старухами. Он не палач и не насильник. На немецкой земле мы остались советскими людьми»[3].

Это не просто красивые слова; по большому счету, так все и было. Ненависть к нацистам не исчезала; однако менее всего она была направлена на гражданских лиц. «В Растенбурге комендантом города назначили майора Розенфельда. Гитлеровцы убили его семью. А он делал все, чтобы оградить население немецкого города... При мне к коменданту привели маленькую девочку - родители погибли. Майор ласково и печально глядел на нее, может быть, вспоминал свою дочку. Сколько раз он, наверное, повторял про себя слова о «священной мести», а в Растенбурге понял, что это была абстракция и что рана в его сердце не заживет»[4].

* * *

Немцам увидеть в советских солдатах людей было не менее трудно, чем тем - отрешиться от ненависти. Четыре года германский Рейх вел войну с омерзительными недочеловеками, ведомыми опьяненными кровью большевиками; образ врага был слишком привычен, чтобы сразу отказаться от него.

«Уже прошло полдня, как пришли русские, а я еще жива»[5]. Эта фраза, с нескрываемым изумлением произнесенная немецкой старухой, была квинтэссенцией немецких страхов. Пропагандисты доктора Геббельса добились серьезных успехов: прихода русских население боялось порою даже больше, чем смерти.

---

1 Я это видел. С. 233-234.

2 Там же. С. 45.

3 *Эренбург И.Г.* Война, 1941-1945. С. 721. Как видим, популярные рассказы о том, что советская пропаганда и в 1945-м голосом Эренбурга призывала к мести, - не более чем банальная антисоветская ложь, изобретенная пропагандистами доктора Геббельса и поддерживаемая современными ревизионистами.

4 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 453.

5 *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Крах III рейха. С. 370.

Офицеры вермахта и полиции, знавшие достаточно о преступлениях, совершенных нацистами на Востоке, стрелялись сами и убивали свои семьи. В воспоминаниях советских солдат есть масса свидетельств о подобных трагедиях.

«Мы забежали в дом. Это оказался почтамт. Там мужик пожилой лет 60 с лишним, в форме почтовика. «Что здесь такое?» Пока разговаривали, слышу выстрелы в доме, внутри в дальнем углу... Оказывается, поселился в почтамте со своей семьей немец, офицер-полицейский. Мы туда с автоматами. Дверь открыли, ворвались, смотрим, немец в кресле сидит, раскинул руки, кровь из виска. А на кровати женщина и два ребенка, он их застрелил, сам сел в кресло и застрелился, тут мы нагрянули. Пистолет рядом валяется»[1].

На войне быстро привыкали к смерти; однако к смерти невинных детишек привыкнуть нельзя. И советские солдаты делали все возможное, чтобы предотвратить подобные трагедии.

«Вдруг совсем рядом - выстрел из дома, у которого остановилась наша первая машина. ...Немецкий офицер застрелился из парабеллума, а в соседней комнате лежат женщина и двое малышей, изо рта идет пена. В дом бросился военфельдшер Королев. Велел нести из коровника молоко. Через 2 дня детишки стали поправляться. Женщина рассказала, что ее муж еще вчера вечером сказал: «Все кончено. Тебе и детям нельзя попасть в их руки». Когда услышал звук приближающихся машин, стал торопливо поить сына и дочку из стакана. Под дулом пистолета выпила отраву и жена, после чего потеряла сознание»[2].

Для немцев подобное становилось шоком и откровением: вместо того чтобы разрывать детей на куски, восточные недочеловеки спасали их от неминуемой гибели.

Страшные русские солдаты улыбались точь-в-точь как настоящие люди; они даже знали немецких композиторов - кто бы мог подумать, что такое возможно! История, словно сошедшая с пропагандистского плаката, но совершенно подлинная: в только-только освобожденной Вене остановившиеся на привал советские солдаты увидели в одном из домов пианино. «Неравнодушный к музыке, я предложил своему сержанту, Анатолию Шацу, пианисту по профессии, испытать на инструменте, не разучился ли он играть, - вспоминал Борис Гаврилов. - Перебрав нежно клавиши, он вдруг без разминки в сильном темпе начал играть. Солдаты примолкли. Это было давно забытое мирное время, которое лишь изредка напоминало о себе во снах. Из окрестных домов стали подходить местные жители. Вальс за вальсом - это был Штраус! - притягивали людей, открывая души для улыбок, для жизни. Улыбались солдаты, улыбались венцы...»[3]

Реальность быстро разрушала созданные нацистской пропагандой стереотипы - и как только жители Рейха начинали осознавать, что их жизни ничего не угрожает, они возвращались в свои дома. Когда красноармейцы утром 2 января заняли село Ильнау, то нашли в нем лишь двух стариков и старуху; на следующий день к вечеру в селе уже было больше 200 человек. В местечке Клестерфельд к приходу советских войск осталось 10 человек; к вечеру из леса вернулось 2638 человек. На следующий день в городе начала налаживаться мирная жизнь. Местные жители с удивлением говорили друг другу: «Русские не только не делают нам зла, но и заботятся о том, чтобы мы не голодали»[4].

Когда в сорок первом германские солдаты входили в советские города, в них вскоре начинался голод: продовольствие использовалось для нужд вермахта и увозилось в Рейх, а горожа-

---

1 IR. Интервью Ларина П.И.

2 Я это видел. С. 205.

3 Там же. С. 70.

4 *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Крах III рейха. С. 370.

не переходили на подножный корм. В сорок пятом все было с точностью до наоборот: как только в занятых советскими городах начинала функционировать оккупационная администрация, местные жители начинали получать продовольственные пайки - причем даже большие, чем выдавали прежде.

Изумление, которое испытали осознавшие этот факт немцы, ясно звучит в словах берлинки Элизабет Шмеер: «Нам говорили нацисты, что если придут сюда русские, то они не будут нас «обливать розовым маслом». Получилось совершенно иначе: побежденному народу, армия которого так много причинила несчастий России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало прежнее правительство. Нам это трудно понять. На такой гуманизм, видимо, способны только русские»[1].

Действия советских оккупационных властей, разумеется, были обусловлены не только гуманизмом, но и прагматическими соображениями. Однако то, что красноармейцы по собственной воле делились едой с местными жителями, никакой прагматикой объяснить нельзя; это было движение души.

«И вот сели мы под гусеницы нашей самоходки прямо на асфальт с пятнами крови. Первую стопку - за тех, кто не дожил. Вдруг появились, как грибы, маленькие детишки. Мы поманили их руками и улыбками, накормили и еще кое-чего с собой дали»[2].

Как только немцы начинали понимать, что пришедшие русские не так уж и страшны, они сами с удовольствием шли на контакт. И.Н. Мельников вспоминал: «Я еду по улицам. Выходит один, старичок: «Gutten Tag», - говорит. Ну, это я знал еще по школе, я говорю: «Gutten Tag». Я слез с лошади, зашел к нему: старуха и девушка.

Что-то они там сказали. И на стол сразу. На стол. Как-то они сказали: «Ну, пожалуйста, кушайте». И садятся они. Я с ними кушал, все нормально. И вообще они нас принимали очень хорошо»[3].

Советские солдаты тоже не оставались в долгу; их доброту и доброжелательность местные жители запомнили очень хорошо.

«Его звали Николай Семенович Силнев, - рассказывала десятилетия спустя Ирмгард Диц. - Мы познакомились в Берлине в мае 1945 года, мне было 20 лет, и я жила с мамой, сестрой и подругой. Наш поселок граничил с буковым лесом, где стояла часть Николая. Контактов с русскими у нас было мало, ведь только что кончилась война.

Однажды Николай с «гуляш-пушкой» - так мы называли полевую кухню - приехал в поселок, он искал кого-нибудь, кто бы почистил котел. А мы были в саду, и он заговорил с нами. Было страшно, но мы помогли ему и еще напоили лошадей. В знак благодарности получили суп. Он пытался по-приятельски поговорить с нами, но наш испуг не проходил.

Потом он приезжал каждый день - сидел с нами в саду и просто радовался. Я нравилась ему, но он никогда не приближался ко мне, только здоровались за руку. Он проводил со мной все свое свободное время, когда я болела воспалением легких. Он много смеялся, его смех освобождал нас от страха. Его открытость, человечность привели к тому, что, несмотря на языковой барьер, тяжелые условия жизни, разное происхождение, мы подружились. Он сильно повлиял на мое душевное выздоровление и, несомненно, как-то повлиял на мое будущее. Он оставил адрес, но из переписки почему-то ничего не получилось.

Я много думала о нем и хотела еще раз сказать ему, что навеки благодарна судьбе за нашу

---

1 Там же. С. 308.

2 Я это видел. С. 231.

3 ИАИ РГГУ. Коллекц. КАА. Л. 242.

короткую встречу»[1].

Уже недалек был тот долгожданный и выстраданный день, когда радостные люди обнимались на улицах, когда прошедшие пол-Европы солдаты, не скрываясь, плакали от радости, когда долгожданная Победа заставила позабыть о ненависти и страхе.

* * *

Шестьдесят лет прошло с момента взятия Берлина; нацистский Третий Рейх уничтожен, и современная Германия - один из партнеров нашей страны. Согласно социологическим исследованиям, немцы давно уже не воспринимаются как враги; ненависть и боль ушли в прошлое. И все же забывать о той войне нельзя.

Вторая мировая война принесла всем участвовавшим в ней народам слишком много страдания, чтобы память о них можно было просто предать забвению. Мы знаем, что мирные немцы сильно пострадали от развернувшихся на их земле боевых действий, и искренне сожалеем об этом. Но знаем мы и то, что стократ большие страдания пришлось перенести нашему народу, поставленному тогда на грань выживания.

И уж тем более нельзя нам забывать о том, как советские солдаты, победив врага, нашли в себе моральную силу отказаться от мести.

Когда одурманенные нацистской идеологией немцы пришли на нашу землю, их командование официально отменило наказания за преступления, совершенные на Восточном фронте: грабь, насилуй, убивай! Что они и делали.

Когда Красная Армия, налюбовавшись на свою выжженную после господства нацистов землю, вступила в Германию, советское командование строго запретило насилие и мародерство, а преступников расстреливали.

Когда нацисты оккупировали наши земли, они прямо заявляли, что им безразлично, сколько миллионов советских граждан умрет от голода. Умерли миллионы.

Когда мы вошли в Германию, сразу после окончания боев мирным жителям раздавали хлеб и молоко для детей.

Пожалуй, за все три мировых войны только наша страна и наши граждане смогли сохранить человеческий облик после победы.

А это чего-то да стоит.

Дарья Горчакова

---

1 Я это видел. С. 204.

Источники и литература

I. Опубликованные документы

Война Германии против Советского Союза, 1941-1945: Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа; пер. с нем. Т. Переверзевой. - 2-е изд. - Берлин: Blank & Reschke, 1994. - 287 с.

Гогун А.С. Черный PR Адольфа Гитлера: СССР в зеркале нацистской пропаганды: Документы и материалы. - М.: Эксмо; Яуза, 2004. - 415 с.

Дашичев В.И. Стратегия Гитлера - путь к катастрофе, 1933-1945: Исторические очерки, документы и материалы. - М.: Наука, 2005. - Т. 1-4.

Документы обвиняют: Холокост: свидетельства Красной Армии / Сост., предисл. Ф.Д. Свердлова; предисл. И.А. Альтмана. - М.: Фонд «Холокост», 1996. - XII, 130 с.

Запорожская область в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Сборник документов. - Запорожье: Запорожскиздат, 1959. - 363 с.

Ланг Й. фон. Протоколы Эйхмана: Магнитофонные записи допросов в Израиле / послесл. А. Лесса; пер. с нем. М. Черненко. - М.: Текст, 2002. - 284 с.

Латвия под игом нацистов: Сборник архивных документов. - М.: Европа, 2006. - 339 с.

Лубянка в дни битвы за Москву: По рассекреченным документам ФСБ РФ / Предисл. В.К. Виноградова, Ю.В. Сигачева. - М.: Звонница-МГ, 2002. - 479 с.

Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»: Документы. - М.: Материк, 2006. - 636 с.

Мы обвиняем: Документы и материалы. - Рига: Лиесма, 1967. - 304 с.

«Мы стали жертвой заблуждения» / Публ., пер. с нем. А. Якушевского // Источник. - 1995. - №3. - С. 87-96; Родина. - 2005. - №4. - С. 38-42.

Ни давности, ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса / Предисл. Л.Н. Смирнова; послесл. М.Ю. Рагинского. - М.: Юридическая литература, 1983. - 400 с.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. - М.: Госюрлитиздат, 1957-1961, - Т. 1-7.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. - М.: Юридическая литература, 1987-1999. - Т. 1-8.

Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 г. по март 1943 г. // *Тепцов Н.В.* «Зеленая папка» Геринга: Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России. - М.: Проект «Лубянка», 2005. - С. 16-94.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Предисл. Н. Абина, В. Христофорова. - М.: Московские учебники, 2003. - 477 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. - М.: Книга и бизнес; Русь, 1995-2003. - Т. 1-3.

Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания / Пер. с нем., предисл., коммент. Г.Я. Рудого. - Смоленск: Русич, 2000. - 638 с.

Павлов В.В. Дневники гестаповца // Лубянка: Историко-публицистический альманах. - М.,

2005. - Вып. 2. - С. 91-112.
Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера в ставке Германского верховного командования (1941-1942), записанные Генрихом Геймом и Генри Пикером и изданные последним / Пер. с нем. И.В. Розанова; общ. ред., предисл. И.М. Фрадкина. - Смоленск: Русич, 1998. - 486 с.
Преступные цели - преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941-1944 гг. / Предисл. Г.Ф. Заставенко. - 2-е изд., доп. - М.: Политиздат, 1968. - 383 с.
Русский архив: Великая Отечественная / Под общ. ред. В.А. Золотарева. - М.: Терра, 1994-1999. - Т. 14(3). - Кн. 1-2; - Т. 15(4). - Кн. 3; - Т. 20(9). 24(13). - Кн. 2.
Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / Предисл. П. Ульяшова. - М.: Крафт+, 2002. - 160 с.
Сталинградская эпопея: По рассекреченным документам ФСБ РФ / Предисл. Ю.В. Сигачева. - М.: Звонница-МГ, 2000. - 491 с.
Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера, 1941-1944 / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. - М.: Центрполиграф, 2004. - 655 с.
«Уничтожить как можно больше русских» / Публ. С. Кудряшовой // Источник. - 1998. - №2.
«Эти людоеды имеют здоровый вид» // Родина. - 2005. - №4. - С. 70-73
Ямпольский В.П. Без права на забвение и пощаду // Лубянка: Историко-публицистический альманах. - М., 2005. - Вып. 2. - С. 56-90.

II. Свидетельства очевидцев

а) Советские

Абдулин М. От Сталинграда до Днепра / Послесл. А. Исаева. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 317 с.
Адамович А., Брыль Я., Колесник В. Я из огненной деревни... - Минск: Мастацкая літаратура, 1977. - 463 с.
Алексиевич С. Последние свидетели: Сто недетских колыбельных. - М.: Пальмира, 2004. - 237 с.
Алексиевич С. У войны не женское лицо. - М.: Пальмира, 2004. - 315 с.
Анваер С. Кровоточит моя память: Из записок студентки-медички / Предисл. П. Поляна; послесл. Л. Кокина. - М.: РОССПЭН, 2005. - 207 с.
Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта / Предисл. С.С. Бельченко. - М.: Политиздат, 1983. - 302 с.
Ваупшасов С.А. Партизанская хроника. - М.: Воениздат, 1959. - 471 с.
Вергасов И.З. Крымские тетради. - М.: Терра, 2005. - 511 с.
Верт А. Россия в войне, 1941-1945 / Пер. с англ. - Смоленск: Русич, 2003. - 666 с.
Вершигора П.П. Люди с чистой совестью. - Кишинев: Картя молдовеняска, 1975. - 768 с.
Глидер М.М. С киноаппаратом в тылу врага. - М.: Госкиноиздат, 1946. - 240 с.
Демин Н.С. Война и люди: Фронтовые записки. - Ташкент: Узбекистан, 1966. - 264 с.
Джолли Т.С. Из партизанского края в Белоруссии // Под оккупацией в 1941-1944 гг.: Статьи и воспоминания. - М.: Посев, 2004. - С. 90-94.
Долинко А. Так погибли общины Пинска и Карлина... / Пер. с иврита М.А. Векслер; предисл. Г. Горбовицкого; З. Ливне; примеч. Г. Горбовицкого. - М.: Воскресение, 2005. - 143 с.
Драбкин А. Я дрался на Т-34: Сквозь пекло войны / Сопр. ст. А. Исаева; Г. Пернавского. - М.:

Эксмо; Яуза, 2005. - 348 с.
Ивенс С. Как небеса темны: 1400 дней в тисках нацистского террора / Пер. с англ. Е. Осеневой. - М.: Аграф, 2005. - 398 с.
Кузнецов А. Бабий Яр. - М.: Захаров, 2005. - 359 с.
Ломоносов Д.Б. Исповедь узника гитлеровских лагерей // Военно-исторический архив. - 2002. - №10. - С. 67-91; - №11. - С. 65-101.
Ляшенко Н.И. От звонка до звонка: Записки окопного офицера. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 509 с.
Обрыньба Н. Судьба ополченца. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 605 с.
Ортенберг Д.И. Год 1942: Рассказ-хроника / Предисл. Л. Лазарева. - М.: Политиздат, 1988. - 462 с.
Плоткин А.С. Подвигов не совершал...: Записки партизана. - М.: Фонд «Холокост», 2000. - 96 с.
Погожев А., Стенькин П. Побег из Освенцима: Остаться в живых. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 286 с.
Последние свидетели / Предисл. Б. Хаита; Е. Гологорского. - М.: Ковчег; Совершенно секретно, 2002. - 396 с.
Ржевская Е.М. На ближних подступах. - М.: Терра, 2004. - 399 с.
Симонов К.М. Разные дни войны: Дневник писателя, 1941-1945 / Предисл. Л. Лазарева. - М.: Грифон-М, 2005. - Т. 1-2.
Симонов К.М. Сто суток войны: Записки / Послесл. Л. Лазарева. Смоленск: Русич, 1999. - 570 с.
Сквозь огонь великой битвы: Устное народное творчество нижегородцев времен Великой Отечественной войны / Сост., предисл., примеч. В.Н. Морохина. - Нижний Новгород, 1995. - 186 с.
Толстой А.Н. Лицо гитлеровской армии // Собрание сочинений. - М.: Художественная литература, 1961. - Т. 10. - С. 486-490.
Утехин Г.М. Воспоминания партизана. - СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2001. - 109 с.
Черный И.Н. Данные достоверны / Предисл. Л. Бекренева. - М.: Воениздат, 1968. - 317 с.
Чухрай Г.И. Моя война. - М.: Алгоритм, 2001. - 300 с.
Шур Г. Евреи в Вильно: Хроника, 1941-1944 гг. / Предисл. В. Порудоминского; послесл. В. Кавторина; коммен. Т. Бурковой. - СПб.: Образование - Культура, 2000. - 223 с.
Эренбург И.Г. Война, 1941-1945: Статьи / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. - М.: АСТ; Астрель, Олимп, 2004. - 795 с.
Эренбург И.Г. Война: Апрель 1942-март 1943: Статьи. - М.: Воениздат, 2002. - 288 с.
Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь / Подг. текста, коммент.
Б.Я. Фрезинского. - М.: Текст, 2005. - Т. 1-3. Я это видел: Новые письма о войне / Сост. Э. Максимовой, А. Данилевича; предисл. Э. Максимовой; С. Алексиевич. - М.: Время, 2005. - 255 с.

б) Германские

Адам В. Катастрофа на Волге: Мемуары адьютанта Ф. Паулюса / Пер. с нем. Н.М. Гнединой, М.П. Соколова. - Смоленск: Русич, 2001. - 474 с.
Бидерман Г. В смертельном бою: Воспоминания командира противотанкового расчета, 1941-

1945 / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. - М.: Центрполиграф, 2005. - 366 с.

Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рунндштедт: Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад», 1939-1945 / Пер. с англ. И.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2005. - 287 с.

Варлимонт В. В ставке Гитлера: Воспоминания немецкого генерала, 1939-1945 / Пер. с англ. И.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2005. - 575 с.

Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. И. Глаголева. - М.: АСТ; - СПб.: Terra Fantastica, 2002-2003. - Т. 1-3.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем.; предисл. М. Рабиновича. - Смоленск: Русич, 1998. - 654 с.

Итоги Второй мировой войны: Сборник статей / Пер. с нем. Л.К. Камоловой; предисл. И.Н. Соболева. - М.: Издательство иностранной литературы, 1957. - 640 с.

Кариус О. «Тигры» в грязи: Воспоминания немецкого танкиста, 1941-1944 / Пер. с нем. С.В. Лисогорского. - М.: Центрполиграф, 2004. - 367 с.

Кейтель В. Мемуары фельдмаршала: Победы и поражения вермахта, 1938-1945 / Пер. с англ. П.Ю. Никишова. - М.: Центрполиграф, 2004. - 351 с.

Киллиан Х. В тени побед: Немецкий хирург на Восточном фронте, 1941-1943 / Пер. с англ. С. Бабак. - М.: Центрполиграф, 2005. - 335 с.

Корти Э. Немногие возвратившиеся: Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса, 1942-1943 / Пер. с итал. Л.А. Игоревского; предисл. К. д'Эстэ. - М.: Центрполиграф, 2002. - 314 с.

Лиддел-Гарт Б. Битвы Третьего Рейха: Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. - М.: Центрполиграф, 2004. - 367 с.

Лиддел-Гарт Б. Они умеют защищаться и стоять насмерть... // Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 370-382.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы / Пер. с нем.; коммент. Б. Переслегина; сопр. ст. В. Гончарова; Р. Исмаилова; С. Переслегина; С. Платова. - М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. - 893 с.

Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение / Пер. с нем. - М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. - 446 с.

Неизвестный Гитлер: Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948-1949 гг. / Предисл. М. Уля, Х. Эберле; В. Хаустова; Х. Мёллера; пер. с нем. примечаний А. Чикишева, Е. Кулькова. - М.: Олма-пресс, 2005. - 511 с.

От Буга до Кавказа: Г*ейер Г.* IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года; *Макензен Э. фон.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941-1942 годов / Пер. с нем. К. Степанчикова; Е. Первушиной; сопр. ст. А. Исаева; коммент. В. Гончарова, А. Исаева, К. Степанчикова. - М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. - 495 с.

Пабст Г. Дневник немецкого солдата: Военные будни на Восточном фронте, 1941-1943 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. - М.: Центрполиграф, 2004. - 255 с.

Польман Х. Волхов: 900 дней боев за Ленинград, 1941-1944 / Пер. с нем, М.И. Беккер. - М.: Захаров, 2000. - 127 с.

Сайер Г. Последний солдат Третьего Рейха: Дневник рядового вермахта, 1942-1945 / Пер. с англ. С.А. Данилина. - М.: Центрполиграф, 2003. - 495 с.

Типпельскирх К. фон. История Второй мировой войны 1939- 1945 / Пер. с нем. М.А. Захарченко, Л.К. Камоловой; предисл. Н.Л. Волковского. - М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001. - 795 с.

Хаупт В. Группа армий «Север»: Бои за Ленинград, 1941-1944 / Пер. с англ. Е.Н. Захарова. - М.: Центрполиграф, 2005. - 382 с.

Шнеер А. Из НКВД в СС и обратно: Из рассказов штурмбаннфюрера. - М.: Параллели, 2005. - 183 с.

Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское Освободительное движение. - М.: Посев, 1993. - 439 с.

III. Исследования

а) Отечественные

Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941-1945 гг. / Предисл. Б. Хаита. - М.: Ковчег; Совершенно секретно, 2002. - 541 с.

Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в России: История, современность, перспективы // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 252-263.

Андриянов В.И. Архипелаг OST: Судьба рабов Третьего рейха в их свидетельствах, письмах и документах / Послесл. А. Урбана. - М.: Молодая гвардия, 2005. - 222 с.

Антипартизанская война в 1941-1945 гг. /Сост. А.Е. Тарас. - М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. - 400 с.

Без права на реабилитацию: Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. Киев: Киевское историческое общество; Организация ветеранов Украины, 2005. - Кн. 1-2.

Безыменский Л.А. Германские генералы - с Гитлером и без него. - М.: Соцэкгиз, 1961. - 398 с.

Безыменский Л.А. Гитлер и германские генералы. - М.: Вече, 2004. - 350 с.

Борозняк А. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 58-65.

Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: Краткий очерк. - М.: Мысль, 1965. - 452 с.

Винокурова Ф. Литовская коллаборация в Украине в период нацистской оккупации (1941-1944 гг.): На основании анализа документальных источников Государственного архива Винницкой области // Голокост і сучасність (Киев). - 2003. - №1. - С. 11-13.

Гальчак С.Д. «Остарбайтери» з Поділля, 1942-1947 рр.: Автореферат дисертації... кандидата історичних наук. - Харків, 2003. - 23 с.

Гольденберг М. К вопросу о числе жертв среди мирного населения Крыма в период нацистской оккупации (1941-1944 гг.) // Голокост і сучасність (Киев). - 2003. - №3. - С. 3-4; №4. - С. 4-6.

Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 46-47.

Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 232-263.

Дробязко С.И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945. - М.: Эксмо, 2004. - 606 с.

Дюков А.Р. Истребительная политика нацистов на оккупированной советской территории: Направления исследования // Великая Отечественная война, 1941-1945 гг.: Опыт изучения и преподавания: Материалы межвузовской научной конференции. - М.: Российский государ-

ственный гуманитарный университет, 2005. - С. 316-325.

Елисаветский С. Бердичев: Уточненные данные о Холокосте // Голокост і сучасність (Киев). - 2002. - №1. - С. 4-5.

Ермаков А. Оруженосцы нации: Вермахт в нацистской Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2006. - 383 с.

Залесский К.А. Вермахт: Сухопутные войска и Верховное командование. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 654 с.

Залесский К.А. СС: Охранные отряды НСДАП. - М.: Эксмо; Яуза, 2004. - 650 с.

Земсков В.Н. Проблема советских перемещенных лиц (1944-1956) // Война 1941-1945 годов: Современные подходы. - М.: Наука, 2005. - С. 512-532.

Земсков В.Н. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 331-358.

Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба, 1944-1956 // Социологические исследования. - 1995. - №5-6.

Зоркая Н.Я. Визуальные образы войны // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 377-387.

Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. - СПб., 2005. - 20 с.

Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941-1944: Доклады / Под ред. Г. Горцика, К. Штанга. - М.: АИРО-XXI, 2005. - 89 с.

Князьков А.С. Оккупационный режим. Партизанское движение // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 264-292.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. - М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. - 487 с.

Круглое А. Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність (Киев). - 2003. - №5. - С. 12-14.

Крысин М.Ю. Латышский легион СС: Вчера и сегодня. - М.: Вече, 2006. - 284 с.

Кургинян С. Точка сборки: Победа как главный нервный узел всей российской духовной, культурной и политической проблематики // Россия XXI. - 2005. - №3. - С. 4-47.

Лужеренко В.К. Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. - М.: Наука, 1999. - Кн. 4: Народ и война. - С. 168-204.

Марковчин В.В. Фельдмаршал Паулюс: От Гитлера к Сталину / Предисл. А. Хинштейна. - М.: Детектив-пресс, 2000. - 315с.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Конвейер смерти: Тайны СС и гестапо. - М.: Вече, 2005. - 479 с.

Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. - М.: Минувшее, 2005. - 79 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки. - М.: РОССПЭН, 2001. - Т. 2: 1940-1959 гг. - 415 с.

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941-1944. - Минск: Беларусь, 1984. - 271 с.

Нестеренко В.А. Окупаційний режиму військовій зоні України в 1941-1943 рр.: Адміністративний, економічний та соціокультурний аспекти: Автореферат дисертації... кандидата історичних наук. - Київ, 2005. - 23 с.

Падерин А.А. Под пятой оккупантов // Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. - М.: Наука, 1999. - Кн. 4: Народ и война. - С. 115-130.

Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Военно-исто-

рический очерк / Азясский Н.Ф., Долгий М.С., Князьков А.С., Пережогин В.А., Чернов Ю.И.; под общ. ред. В.А. Золотарева; предисл. В. Говорова. - М.: Кучково поле, 2001. - 464 с.

Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 293-305.

Печатнов В. Пейзаж после битвы: Поверженная Германия глазами американцев // Россия XXI. - 2005. - №3. - С. 172-195.

Пленков О.Ю. III Рейх. Война: Вермахт, война и немецкое общество. - СПб.: Нева, 2005. - Кн. 1-2.

Полян П.М. Депортация советских граждан в Третий Рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского освободительного движения. - М.: Архив РОА, 1999. - Вып. 4. - С. 322-411.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / Предисл. Д. Гранина. - М.: РОССПЭН, 2002. - 895 с.

Раманичев Н.М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. - М.: Наука, 1999. - Кн. 4: Народ и война. - С. 153-167.

Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. - М.: АСТ-пресс книга, 2004. - 396 с.

Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. - М.: Олма-пресс, 2001. - 608 с.

Семиряга М.М. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. - М.: РОССПЭН, 2000. - 863 с.

Семиряга М.И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 313-339.

Сенявская Е.С. Образ Германии и немцев в годы Второй мировой войны глазами советских солдат и офицеров // Военно-исторический архив. - М., 2000. - Вып. 13. - С. 11-58.

Сенявская Е.С. Психология солдата // Война и общество, 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - Кн. 2. - С. 215-231.

Смилянская Ю. Бабий Яр: Документы и размышления // Голокост і сучасність (Киев). - 2002. - №3. - С. 8-9.

Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. - М.: Вече, 2004. - 506 с.

Соколов Б.В. Оккупация: Правда и мифы. - М.: АСТ-пресс книга, 2002. - 347 с.

Удовик В.М. Німецько-фашистський окупаційний режим (1941-1944 рр.) на території генеральної області «Київ» (Київська та Полтавська області): Автореферат дисертації... кандидата історичних наук. - Київ, 2005. - 10 с.

Филоненко Н.В. Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах, июль 1942 г.-февраль 1943 г.: Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Воронеж, 2003. - 26 с.

Чернов В.Е., Шляхтунов А.Г. Прибалтийские Waffen-SS: Герои или палачи?.. - М.: Лин-Интер, 2004. - 181 с.

Яцкевич Н.А. Фашистские лагеря для гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии // Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. - Минск, 2003. - С. 59-81.

б) Зарубежные

Аллен У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта, 1941-1945 / Пер. с англ. А.В. Верди, А.М. Хитрова; предисл. А.М. Хитрова. - М.: Айрис-пресс, 2005. - 559 с.

Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945 / Пер. с нем. - М.: АСТ; Астрель, 2006. - 399 с.

Бухгайт Г. Абвер - щит и меч III Рейха: Немецкая военная разведка, 1918-1944 / Пер. с нем. Ю.А. Неподаева; предисл. Т. Гладкова. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - 415 с.

Брухфельд С., Левин П. Передайте об этом детям вашим...: История Холокоста в Европе 1933-1945 / Пер. с шведск. Д. Веденяпина; предисл. Й. Перссона; В.И. Матвиенко; послесл. И.А. Альтмана; А. Асмолова. - М.: Текст, 2001. - 103 с.

Вельтцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 28-35.

Ветте В. Война на уничтожение: Вермахт и Холокост [http://militera.lib.ru/opinions/0020.html] - С. 1-9.

Ветте В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 270-274.

Ветте В. Образ врага: Расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 94- 124.

Герлиц В. Германский генеральный штаб: История и структура, 1657-1945 / Пер. с англ. С.В. Лисогорского. - М.: Центрполиграф, 2005. - 478 с.

Германия во Второй мировой войне, 1939-1945 / Блейкер В., Дрехслер К., Фёрстер Г., Хасс Г.; Пер. с нем. под ред. М.И. Семиряги. - М.: Воениздат, 1971. - 432 с.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Пер. с польск. Я.О. Немчинского; предисл. С.К. Тимошенко. - М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

Диксон И.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия / Пер. с англ. под ред. А.А. Прохорова; предисл. А.А. Прохорова; Р. Деннинга. - М.: Издательство иностранной литературы, 1957. - 291 с.

Картье Р. Тайны войны: После Нюрнберга / Пер. с франц. - М.: Вече, 2005. - 444 с.

Кёнинг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной республики Германия // Неприкосновенный запас. - 2005. - №2-3. - С. 96-103.

Кнопп Г. СС: Черная инквизиция / Пер. с нем, А. Чикишева. - М.: Олма-пресс, 2005. - 284 с.

Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера: Военная карьера оберст-штурмбаннфюрера СС Зеппа Дитриха / Пер. с англ. И. Шмелева. - М.: Эксмо; Изографус, 2004. - 347 с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация, 1941-1944: О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на Советской территории / Пер. с нем.; предисл. А.Ф. Юденкова. - М.: Воениздат, 1974. - 387 с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933-1945 гг. / Пер. с нем. А. Высоковского, И. Глаголева, В. Дубовика; предисл. С. Дробязко. - М.: Эксмо; Изографус, 2003. - 799 с.

Орловский С., Островин Р. Эрих Кох перед польским судом / Пер. с польск. Д.Г. Томашевского; предисл. А.И. Полторака. - М.: Издательство Института международных отношений, 1961. - 267 с.

Пэдфилд П. Рейхсфюрер СС / Пер. с англ. С. Минкина, С. Самуйлова. - Смоленск: Русич, 2002. - 540 с.

Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Другая война, 1939-1945. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. - С. 262-369.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: От британской к австро-баварской «расе господ»: Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. - СПб.: Академический проект, 2003. - 398 с.

Фойхт Г. К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед Второй мировой войной // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 60-93.

Шнеер А. Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. - М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. - 623 с.

Штрайт К. Советские военнопленные в Германии // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. - М.: Эксмо; Яуза, 2005. - С. 233-258.

Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Сокр. пер. с нем. - М.: Прогресс, 1979. - 113 с.

Heer H. Blutige Ouvertüre: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachttruppen beginnt der Judenmord // Der Zeit. 2001. - №26.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Дюков

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

«Русский НЕ должен умереть!»

Редактор *Д. Горчакова*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *М. Смирнова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.06.2007.
Формат 84х108 $^{1}/_{32}$ Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 5000 экз.
Заказ №1554

Отпечатано в типографии
ОАО "Издательство "Самарский Дом печати".
443080, г. Самара, пр. К. Маркса. 201.

ВОЙНА И МЫ

«Русский должен умереть!» – под этим лозунгом фотографировались вторгшиеся на советскую землю нацисты...

Они не собирались разбираться в подвидах населявших Советский Союз «недочеловеков»: русский и еврей, белорус и украинец равно были обречены на смерть.

Они пришли убить десятки миллионов, а немногих оставшихся превратить в рабов.

Они не щадили ни грудных детей, ни женщин, ни стариков и добились больших успехов. Освобождаемые Красной Армией города и села оказывались обезлюдевшими: дома сожжены вместе с жителями, колодцы набиты трупами, и повсюду – бесконечные рвы с телами убитых.

Перед вами книга-напоминание, основанная на документах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, материалах Нюрнбергского процесса, многочисленных свидетельствах очевидцев с обеих сторон.

Первая за долгие десятилетия!

Книга, которую должен прочитать каждый!

ISBN 978-5-699-22722-8
9 785699 227228 >

